

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

ВОЙНЫ НА РЕВЕРЕ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА В РОССИИ
ВОЙНА НА СЕВЕРЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА 2004
TERRA FANTASTICA САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ТРАНЗИТКНИГА

УДК 94(47+57)"1918/20"

ББК 63.3(2)612

Г75

Серия основана в 1998 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26 05 2004.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 30,24. Тираж 3000 экз. Заказ 2039.

Гражданская война в России: Война на Севере. — М.: ООО Г75 «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига»; СПб. Terra Fantastica, 2004. — 570, [6] с. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-024052-X (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9578-0870-9 (ООО «Транзиткнига»)

ISBN 5-7921-0673-8 (Terra Fantastica)

Сборник «Гражданская война в России» посвящен событиям, происходившим на Северном фронте России в 1918—1920 гг. Боевые действия начались с вторжения войск Финляндии и интервенции Антанты при поддержке Белого движения, создавшего здесь Северную область.

В вошедших в сборник исследованиях описываются жизнь «белого» Севера, особенности ведения войны и падение Северной области.

Предназначается для широкого круга читателей, интересующихся военной историей.

УДК 94(47+57)"1918/20"

ББК 63.3(2)612

© Составление. Б. Лозовский, 2003

© ООО «Издательство АСТ», 2004

® TERRA FANTASTICA

Продолжая тему Гражданской войны в России, редакция «Военно-исторической библиотеки» предлагает вниманию читателя сборник, посвященный событиям на Севере России. Принято считать, что в истории этой войны Северный фронт имел второстепенное значение. Действительно, по сравнению с военными действиями на Юге и в Сибири количество войск и техники, принимавшей участие в боях, было небольшим и этот фронт не вписал громких имен в историю Гражданской войны. На самом деле малозначительность Севера в Гражданской войне кажущаяся. Успехи белых на этом фронте при условии их развития могли иметь стратегическое значение, и советское командование это прекрасно понимало.

Боевые действия на Севере начались с вторжения на советскую территорию войск прогермански ориентированной Финляндии, в связи с чем возникла угроза созданным союзниками в Мурманске складам вооружения. В свою очередь Антанта направила в мае—июне 1918 года в Мурманск свои сухопутные войска, занявшие Мурманскую железную дорогу до города Кемь, и усилила находившуюся на Севере эскадру. В ответ на требование Москвы о выводе иностранных войск Мурманский совдеп 30 июня разорвал отношения с Москвой и обратился к Антанте за помощью. Таким образом, локальная операция по охране военного имущества переросла в полномасштабное вторжение.

В июне интервенты захватили Сороку, Кемь, Онегу, а 2 августа высадили десант в Архангельске, где произошел антисоветский мятеж и было сформировано Правительство Северной области. Владея районом Архангельска и Мурманским краем, можно было начать наступление на восток (к Котласу), навстречу Колчаку, на юг, в направлении Вологда — Москва, и на запад, на соединение с финнами. Достижение любой из этих целей могло кардинально изменить весь ход Гражданской войны.

Легкий успех также породил широкомасштабные фантастические планы дальнейшего наступления до Москвы и свержения Советской власти. Союзники направили на Север новые войска и начали формирование русских частей под своим контролем. Интервенты составляли основу антисоветских сил в регионе, а собственно белые войска были к ним своеобразным политическим «дополнением», позволявшим маскировать иностранное вмешательство в русские дела. Часть русских военнослужащих оказалась в составе славяно-британского легиона под командованием английских офицеров, а сформированная из русских частей Северная армия находилась в подчинении у командующего Северным фронтом английского генерала Айронсайда. Все финансирование, снабжение и подготовка войск находились в руках союзников, которые таким путем навязывали белым властям свою политику.

К сентябрю 1918 года линия фронта сдвинулась еще на 300 километров к Котласу, Вятке, Вологде и Петрозаводску, но на этом триумфальное шествие закончилось. Оценив угрозу со стороны Северной армии, советское командование усилило свои войска подкреплениями и техникой и сумело сдержать продвижение белых. За зиму и весну 1919 года советские войска остановили белых и отбросили их на всех направлениях.

К этому времени Антанта по внутренним политическим соображениям пересмотрела отношение к интервенции в Россию и начала ее свертывание. Уже июне

1919 г. американские части оставили Россию, эвакуировавшись в Европу, а 27 сентября 1919 г. последний солдат английского экспедиционного корпуса покинул Север. Союзники прихватили с собой около 2000 русских офицеров, поступивших на службу под командование англичан. После эвакуации интервентов белые войска оказались обречены на поражение, последовавшее в феврале — марте 1920 года.

Настоящий сборник открывается воспоминаниями командующего Северной армией генерала В.В. Марушевского «Белые в Архангельске». Кадровый военный, занимавший в 1917 году должность начальника Генерального штаба, он принимал активное участие в формировании белых частей на Севере и до августа 1919 года командовал Северной армией. Воспоминаниям Марушевского свойствен определенный субъективизм в подходе к оценке событий и привычка видеть причиной всех бед недостаток «строгости» в действиях властей. Поэтому полезным добавлением к запискам генерала Марушевского служат мемуары полевого прокурора Северной области С. С. Добровольского «Борьба за возрождение России в Северной области». Являясь сторонником Главного начальника Северного края генерала Миллера, Добровольский во многом критикует действия Марушевского и живо описывает жизнь «белого» Севера.

Одной из особенностей войны на Севере было то, что из-за условий местности она велась в «коридорах» вдоль транспортных путей. Важнейшим из таких «коридоров» была Северная Двина, в борьбе за которую большую роль играли речные флотилии. Поэтому в состав сборника вошли материалы из многотомного труда «Гражданская война», подготовленного штабом РККФ в 1926 году, и работа известного морского историка Н. А. Залесского «Флотилия Северного Ледовитого океана в гражданскую войну».

Для понимания истории великой российской междоусобицы происходившее на севере России представляет

значительный интерес. Благодаря стабильному фронту внутренняя жизнь здесь шла в условиях почти мирного времени, и по ней можно изучать развитие характерных для Белого движения явлений: противоречий с союзниками, конфликтов между политическими партиями, борьбу за власть между гражданскими организациями и военными. Особый интерес представляет экономическая и хозяйственная деятельность местных властей. В предлагаемый вниманию читателя сборник включены и записки министра Северного правительства Бориса Соколова «Падение Северной области».

История событий на Севере известна современному читателю относительно мало, хотя после окончания Гражданской войны вышел целый ряд работ различного плана, посвященных борьбе за Север, в том числе и принадлежащие перу руководителей белого движения. События 30-х годов изъяли из пользования «неправильные» работы и воспоминания, теперь же читателю предоставляется уникальная возможность самому познакомиться с этими материалами.

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРЕ

БЕЛЫЕ В АРХАНГЕЛЬСКЕ

1918 г.

I. СТОКГОЛЬМ

В яркий августовский день 1918 года я по длинным деревянным мосткам перешел шведскую границу у Гапаранды. Сзади остался финский часовой в серой кепке, впереди уже виднелся нарядный швед в живописной треуголке эпохи Карла XII.

За мною осталась эпоха большевистского переворота, заставшая меня на посту начальника Генерального штаба, остался ряд переживаний в Финляндии в 1918 г., в период кровавой борьбы белой армии Маннергейма.

Впереди были полная неизвестность, надежды на возможность борьбы, и горячая решимость, и жажда как можно скорее выйти из томительного пассивного ожидания, на которое я был обречен в Финляндии.

Вот чистенькая Гапаранда. Еще раз скучные подробности таможенного досмотра, проверка паспорта — и я свободен. Свободен в полном смысле этого слова.

Как хорошо было сознавать, что ждут и друзья, и горячее дело.

Сижу на скамейке у полотна железной дороги. Незнакомый благообразный господин долго ходит около меня и моей жены и наконец заговаривает. Рекомендуются французским консулом. Слава богу! Наконец-то можно поговорить с друзьями. В Гельсингфорсе мне приходилось ходить к английскому консулу лишь ночью. Немецкая диктатура висела над нами, того и гляди вышлют к большевикам без всяких разговоров и расследований.

Мы разговорились. До поезда еще долго. Я получил приглашение зайти в бюро консула. Все стены в портретах и иллюстрациях событий на театре войны.

Тут и Пэтэн, и Гуро, и маршал Фош... Испытываю чувство узника, выпущенного из заключения и добравшегося до родного угла.

С жадностью хватаю каждое слово и наконец-то получаю истинное освещение событий на фронте, начинаю прозревать обстановку.

В Финляндии в течение полугода мы питались явно ложными сведениями из немецких источников. Правду приходилось угадывать.

Но вот и поезд. Мчимся в Стокгольм. К этому скандинавскому Парижу мы подъезжали в серенькое, пасмурное утро.

Я люблю Стокгольм. Мне приходилось бывать здесь еще и в доброе старое время. Я не знаю города, равного Стокгольму по красоте, удобству жизни и гигиене.

Это — сплошь сад, цветущий до самой глубокой осени. Окрестности Стокгольма по красоте изумительны. Любовь к садоводству превратила все окружающие город леса в красивейшие в Европе сады и парки.

Громадное большинство жителей Центральной Европы не знают Швеции и не имеют понятия об этой высокой культуре всей без исключения страны, культуре, поражающей глаз даже в самых отдаленных захолустьях.

На этот раз я застал Стокгольм уже в золотом осеннем убранстве. Тот же голубой залив со стаями белоснежных чаек; те же строгие громады дворцов на набережной залива.

Подъезжая к вокзалу, я уже издали различил знакомые облики князя С. К. Белосельского-Белозерского и Б. В. Романова, вышедших мне навстречу.

С князем С. К. меня связывали отношения, созданные еще в Петрограде по моей службе в штабе войск гвардии, и наше отсиживание в Финляндии.

С Б. В. Романовым мы сошлись в моем же штабе 3-й Русской бригады во Франции¹, где он был одним из адъютантов.

Прямо с вокзала я попал в пансион «Cosmopolite», на Skepparegatan, т.е. на одной из улиц в непосредственной близости от залива.

Б. В. Романов устроил нам с женою две комнаты в этом пансионе. Мы платили в 1918 г. лишь по 10 крон с человека.

Это было тогда дешево, но и в достаточной мере голодно.

Подумать только, что самое среднее по качеству масло выписывалось из Дании и в Стокгольме считалось лакомством. Хлеб был по карточкам, жиров никаких в продаже не было. Короче говоря, Швеция в то время, поделившись последним куском с Германией, сама попала на голодное положение.

Наскоро устроившись, я уже в тот же день был готов бежать, узнавать, расспрашивать — одним словом, немедленно, сейчас же начинать работу, по которой стосковался за длинный период вынужденного сидения в Финляндии.

¹ Русские войска были посланы во Францию в 1916 г. Из посланных часть (две бригады, одной из которых — 3-й — командовал Марушевский) осталась непосредственно во Франции, частью же попала на Салоникский фронт (Балканы). (Примеч. ред.)

Здесь мне приходится подойти к труднейшей части каждых «мемуаров», а именно: коснуться личных переживаний. Описание собственных идей, мыслей и личных переживаний всегда понижает ценность «воспоминаний», но в данном случае я все же решаюсь отдать несколько строк своим размышлениям. Мне хотелось бы объяснить всю ту сложную гамму чувств, противоречий и компромиссов, которую должен был пережить в то время каждый рядовой офицер, каковым я всегда считал себя; рядовой офицер, т.е. именно то основание, тот фундамент, на котором и выросло «Белое движение» во всех его разновидностях по различным окраинам России.

Я всегда учил и на академической кафедре, и во многих специальных военных школах, что государство получает офицера не с помощью каких-либо прочитанных курсов или учебников, но лишь путем длительного воспитания, которое начинается с корпуса или — минимум — училища и заканчивается в полковой семье той части, где офицер делает свои первые служебные шаги.

Наша стройная система военно-учебных заведений, теперь уже отошедшая в область минувшего, делала всех нас более или менее из одного теста. Я поэтому думаю, что, вспоминая свои мучения с первых дней революции, я отражаю в своих заметках настроения главной массы офицерства эпохи 1917 — 1918 годов. Я указываю эту эпоху потому, что потом монолитная масса офицерского корпуса разбилась по политическим партиям, раскололась в своих верованиях и симпатиях и потеряла свою общую физиономию.

Не вдаваясь в подробности, скажу, что мартовская революция меня совершенно выбросила из колеи.

Вся моя жизнь была положена на изучение моего специального дела, я никогда не занимался социальными вопросами и был совершенно не подготовлен к роли митингового оратора, на какую печальную память Временное правительство обрекло всех начальников.

В мирное время — после отречения государя императора — я просто ушел бы в отставку. В военное вре-

мя я не мог сделать этого благодаря целой серии традиций, привычек, верований — короче, благодаря всему тому, что вкоренило в меня то специальное воспитание, о котором я упомянул выше.

Разлагающие приказы Временного правительства, направленные специально против офицерского корпуса — в течение всего нескольких дней — совершенно подорвали авторитет этого правительства в наших глазах. Долг слепо повиноваться этой власти, влекущей армию в пропасть, исчез. Оставалось одно — отдать все силы на выполнение последнего завета царя — «война до победного конца».

Отчаявшись сделать что-либо на французском фронте, где меня застала революция, я бросился в Россию.

Назначенный начальником Генерального штаба, я быстро понял полную невозможность сделать что-либо для войны и быстро докатился до ареста в Смольном и до ворот тюрьмы «Кресты».

После длинного сидения в Финляндии почти что в положении военнопленного я, наконец, в августе 1918 года вырвался в Стокгольм.

Раз на свободе — я снова был полон желанием быть верным своим обязательству и долгу и драться, драться до конца.

Именно с этого момента, т.е. с прибытия моего в Стокгольм, для меня началась новая сложная драма в смысле искания прямых путей, по которым я ходил всю мою жизнь и по которым, конечно, хотел прийти и до гробовой доски.

Русское общество в Стокгольме, не связанное никакими правительственными авторитетами и отошедшей верховной властью, распалось на группы, влекомые своими собственными политическими идеалами. Тут играл роль и просто честный взгляд на вещи, и политический оппортунизм, и политиканство, и даже просто шкурничество.

В Стокгольме я сразу окунулся в борьбу народившегося уже германофильства с выходящими уже из моды принципами верности союзникам.

У меня, слава богу, сомнений не было, и я твердою стопою пошел по той дороге, которую считал путем чести и верности данному слову.

Теперь снова перехожу к тому, что «глаза мои видели», и возвращаюсь к первым дням моего пребывания в Швеции. Первым моим визитом было, конечно, посещение российского посланника в Стокгольме К. Н. Гулькевича.

Первое впечатление было чарующее. Константин Николаевич не только принял меня как соотечественника довольно высокого ранга, но и вошел в мое положение, поддержав меня материально, как борца за правые идеи. Глубокообразованный, культурный в самом высоком смысле этого слова, Константин Николаевич завоевывал к себе симпатии сразу своей утонченной вежливостью, ласковостью и вниманием к каждому высказываемому ему мнению.

От него первого я получил и те сведения, которые ориентировали меня о положении в Сибири, на Юге России и на далеком Севере.

Неприятною для меня черточкой в К. Н. Гулькевиче было его несколько сдержанное отношение к союзным представительствам в Стокгольме. Он не был близок ни к французскому, ни к английскому представителям. Ближе других к нему были, пожалуй, японцы.

Столь же сдержанным было отношение и союзных представителей к К. Н. Гулькевичу. По всему тому, что я наблюдал в то время, и французы, и англичане просто относились с недоверием к своему русскому собрату.

Конечно, в германофильствующей Швеции положение русского посланника могло быть по меньшей мере сложным. Но все же я должен сказать, что осенью 1918 года, т.е. в ту эпоху, когда вся ставка северного и южного движения опиралась на помощь французов и англичан, изолированное положение русской миссии в Стокгольме было выше моего понимания.

Военного агента полковника Д. Л. Кандаурова я знал как офицера Генерального штаба очень давно. Д. Л. Канда-

уров был назначен в Швецию еще до войны. Он безупречно знал страну и прекрасно владел местным языком. При моем приезде в страну Дмитрий Леонтьевич отнесся ко мне как к своему начальнику Генерального штаба и предоставил мне все свои обширные сведения как по местной обстановке, так и по всему тому, что происходило в соседних сопредельных странах.

Полковник Кандауров тоже не был в тесной связи с французами. Объяснялось это тем, что вновь назначенный французский военный атташе не сделал Кандаурову визита, подчеркивая этим непризнание в лице Дмитрия Леонтьевича права на представительство русских интересов.

Повторяю, положение миссии было не из легких. Русский флаг на Strand-Wegen не вывешивался вплоть до дня образования Сибирского правительства.

Совершенно особое положение занимал в миссии военно-морской агент, капитан 2 ранга Сташевский.

Участвуя, говорили мне, в каких-то угольных немецких предприятиях на Шпицбергене, Сташевский занимал какое-то экстерриториальное положение в миссии и вел энергичную пропаганду в офицерской среде против отправок военнослужащих в формирующиеся армии. Я не занимался поведением Сташевского в то время, но у меня было впечатление, что Сташевский не чужд был красному большевистскому флоту, а во всяком случае был в связи с морскими кругами большевистского Петрограда. Трудно разбираться в этом и теперь, но я пишу все это, чтобы запечатлеть ту пеструю картину, которую представляли собою официальные русские сферы, и чтобы снова отметить те невероятно сложные обстоятельства, в которых находился каждый вновь приехавший в Стокгольм, выскочивший из большевистского или из финляндского плена.

Если русская миссия представляла из себя что-то уже несколько распавшееся, то русская колония являлась уже не только не целым организмом, но случайным сборищем людей всех состояний, верований и направлений.

Яркую картину этого русского разложения можно было наблюдать в Гранд-отеле.

Грандиозная гостиница сверхъевропейского масштаба без труда давала приют этим приезжающим или уезжающим толпам русских или бывших русских, т.е. финнов, эстонцев, украинцев и других народившихся национальностей.

Там я встретился и с рядом союзных представителей, пробравшихся из России на родину.

Интересную картину представлял собою зимний сад, столовая и кафе Гранд-отеля. Были там и большевики в безукоризненных фраках, и крупные русские баре, уцелевшие от резни, толпы несчастных изголодавшихся людей, служивших разведкам государств всего мира. И спекуляция. Знаменитый Д. Рубинштейн плавал как рыба в воде. Вся шайка «валютчиков», которую я в свое время наблюдал в Гельсингфорсе, непрерывно курсировала между Финляндией, Стокгольмом и Ревелем. Визы, даваемые с таким трудом порядочным людям, для этих, так сказать, «финансистов» не существовали.

Одновременно с этим в стокгольмском Лувре — «Nordiska» — распродавалась по партиям обстановка наших дворцов и крупных собственников. Антиквары заваливались драгоценным фарфором и бронзой, редкостные экземпляры старины стали дешевой.

На этом фоне Стокгольм вырисовывался громадным рынком спекулятивно-политического характера. Люди терялись, заблуждались и в конце концов покупались той или иной политиканствующей и спекулировавшей группой.

Попутно не могу не отметить еще одной спекуляции, совершенно специального характера. Это торговля нашими судами Морского ведомства. Суда эти прибывали в стокгольмский рейд под разными фантастическими флагами, чаще всего украинскими, и продавались всякому, кто рисковал иметь дело с этого рода дельцами. Имея в виду чисто уголовный характер этих пред-

приятый, я не хочу вспоминать имен тех лиц, которых я встретил на этом поприще.

Да! Картина была невеселая. Но вместе с тем я не могу и сравнивать этого времени с тем, которое придется переживать теперь. Тогда были надежды, энергия, вера в скорый конец мучений. Кипела Сибирь, крестный путь Добровольческой армии уже обратился в победное шествие, завязывалась борьба на далеком Севере, на Западном фронте Великой войны происходила борьба «за последнюю четверть часа», в которой берет верх наиболее стойкий, наиболее могучий. Теперь то время больших сомнений, больших переживаний кажется, конечно, более привлекательным, чем уже устоявшаяся серенькая действительность.

Ознакомившись с обстановкой через К. Н. Гулькевича и Д. Л. Кандаурова, я сделал визит французскому посланнику Тьебо.

Французское посольство помещалось в одном доме с австрийским консульством. В разгар войны и, принимая во внимание связь большевиков с нашими противниками, мне приходилось эти визиты обставлять осторожностью. Уже в первые дни моего пребывания в Стокгольме в петроградских газетах появились статьи, что я формирую в Швеции какие-то 12 батальонов. И, боже мой, как меня ругали в этих газетах. Большой мой друг г-жа В., бывшая в то время в России, даже затруднялась потом передать мне те выражения, которыми большевики выражали свое в отношении меня негодование.

Тьебо принял меня с свойственною своей нации любовью и с полным доверием. Я обязан ему своею осведомленностью в положении дел на окраинах и, думаю я, может быть, и моим вызовом в Архангельск.

Уже в то время, т.е. в начале сентября 1918 г., определилось два направления, куда можно было устремиться, — Север и Юг.

К. Н. Гулькевич придавал большее значение Югу и советовал мне выжидать, предсказывая более широкий масштаб действий южных армий.

Я охотно выжидал, надеясь, что обо мне вспомнят и «позовут».

Ждать в Стокгольме было нетрудно. В короткое время после приезда я познакомился с союзными дипломатическими миссиями, был в курсе всех грандиозных событий Западного фронта и мог заранее обдумать тот шаг, который надлежало так или иначе сделать в ближайшем будущем.

Я работал в это время меморандум по оценке всех русских борющихся политических партий, в котором настаивал на активной и немедленной помощи союзников в деле изгнания большевиков и восстановления порядка в России. Я доказывал, что малейшее запоздание укрепит большевистскую власть на несколько лет и что в этом случае Франция бесповоротно потеряет Россию как союзницу. По моей работе, как начальнику Генерального штаба, мне уже тогда была ясна и определена связь большевиков с немецкими военно-политическими организациями, и я не сомневался, что в течение ближайших лет Россия может обратиться в германскую колонию.

В этом же меморандуме я с грустью отмечал рост германофильского движения в русской зарубежной среде и предостерегал, какое губительное влияние окажет это движение на все последующие события в отношении России при заключении мира.

К великому сожалению, этот период был отмечен большой национальной работой лишь левых партий и, главным образом, эсеров, шедших по пути честного продолжения борьбы до конца. Едва зародившиеся, вернее, сплотившиеся, правые группы сразу стали склоняться в сторону совершенно определенных сношений с тогда еще не рухнувшей монархической Германией.

Эта тенденция надолго укрепила недоверие союзников к правым группам вообще и отразилась на всей последующей работе правых в более поздние времена.

Я знаю, что моя работа, переданная г. Тьебо, была переведена на французский и английский языки и ра-

зослана тем лицам, которые работали в связи с русскими политическими организациями.

В конце сентября я получил через русскую миссию телеграмму от Н. И. Звегинцева, работавшего против большевиков на Мурмане.

Телеграмма эта гласила примерно следующее:

«Случайно узнал, что вы находитесь в Стокгольме. Рад был бы совместно работать на Севере». Помнится еще два-три слова в патриотическом духе.

Я знал Николая Ивановича Звегинцева блестящим командиром эскадрона лейб-гвардии Гусарского его величества полка. Знал я понаслышке, что еще в первые месяцы после революции он уехал на дальний Север на рыбные промыслы.

В бытность мою в Финляндии мне было известно, что мурманский совет рабочих (Совдеп), возмущенный позором Брест-Литовского договора, отложился от Москвы. Роль Звегинцева мне не была ясна. Я послал ему телеграмму, прося его дать мне сведения о себе и о положении на Мурмане.

В сущности говоря, в Стокгольме о Севере никто ничего толком не знал. Имелись лишь весьма неопределенные сведения о занятии Архангельска союзниками, силы коих хранились в глубокой тайне.

Тайна эта является понятной, если учесть, что война в этот период была в полном разгаре и никто не предполагал, что перемирие и победа столь близки.

Примерно в половине октября я получил через нашу миссию новую телеграмму с Севера. На этот раз она была подписана Нулансом, французским послом в России. Нуланс в кратких словах приглашал меня приехать в Архангельск для военной работы.

Никаких подробностей, никаких пояснений мне не могли дать ни г. Тьебо, ни английская военная миссия. Последняя к тому же весьма сдержанно относилась к моему приглашению, сделанному французами, в то время как командующим союзными силами на Севере был генерал Королевской британской армии Пуль.

Тем не менее я принял решение и ответил, что выезжаю в кратчайший срок, после самых необходимых сборов.

Немного спустя в британской миссии также получили телеграмму, подписанную Пулем, с приглашением меня прибыть на Север, где нуждаются в моих силах для организации армии.

После этого «завеса» была несколько приоткрыта и я лишь кое-что узнал о том, что происходит в Архангельске.

Положение рисовалось так: в самом начале августа эскадра, состоящая главным образом из английских судов, вошла в Северную Двину и высадила в Архангельске десант. Еще до прибытия эскадры большевики бежали, и в Архангельске совершился давно уже подготавливаемый переворот. В результате переворота образовалось Северное правительство, возглавляемое Н. В. Чайковским.

Все остальное было в большом тумане. В русских кругах про Чайковского говорили разное, утверждали, что он участвовал в убийстве императора Александра II, что он и до сих пор является представителем крайних левых течений.

Далее шли упорные слухи о бесконтрольном хозяйничании англичан на Севере, о беспорядках во вновь формируемых русских войсках, о полном хаосе в администрации в Северной области.

Решившись на отъезд, я горячо принялся за работу по организации всего того, что могло сосредоточить на Севере необходимый офицерский состав, бедствовавший в Стокгольме в условиях беженства.

В отношении возможностей отправки офицеров и обеспечения их семей мне оказал полную поддержку К. Н. Гулькевич, который немедленно выделил из имеющихся в его распоряжении казенных денег 100 тысяч шведских крон на образование первоначального фонда.

Для заведывания этим делом мною была образована комиссия, под председательством вызванного мною из

Финляндии полковника М. Н. Архипова, высоко мною почитаемого за его доблестную, известную мне службу в финляндских стрелковых бригадах. Бесконечно нуждаясь в сотрудничестве М. Н. Архипова на Севере, я тем не менее решил временно оставить его в Стокгольме для налаживания отправки военнослужащих и борьбы с пропагандой большевиков, распространявших о Севере самые нелепые, но вместе с тем упорные слухи.

С этой минуты начинается новая для меня душевная драма. Уже потрясенный отношением офицерского состава к революции на французском фронте, здесь, в Стокгольме, я испытывал новое глубокое разочарование. Я все еще наивно верил, что каждый из нас обязан продолжать войну и должен ехать туда, где ему открывается возможность встать в ряды войск.

Осенью 1918 года офицерство было уже до такой степени издергано, разочаровано и разложено, что на мои призывы ехать отзывались весьма немногие. Из Финляндии были почти что ежедневно приезды, но в северные войска записывались весьма немногие и чаще всего неохотно. Надо еще прибавить, что в Стокгольме появились какие-то темные, сомнительные личности, установить и проверить документы коих не было никакой возможности. Комиссии моей приходилось чаще всего действовать по внутреннему убеждению, что, конечно, заранее предрешало возможность ошибок и недоразумений.

Устроив мои личные дела, я пригласил Б. В. Романа ехать со мною, обещав ему устройство в области если не по военной части, то, во всяком случае, в гражданской администрации.

Я был бесконечно обрадован его согласием. Тяжело было трогаться в далекий путь, в совершенно неизвестные условия — одному. Да и работа предвиделась не из легких, и нужно было иметь около себя человека, которому веришь и с которым можно совершенно откровенно поделиться сомнениями и посоветоваться.

Сборы не долгие. Несложный багаж уложен, не забыты шахматы на дорогу и два литра коньяку, добытые с превеликим трудом в трезвой Швеции.

31 октября, в серый тихий осенний день я был уже на вокзале.

Несколько рукопожатий немногим друзьям, моя жена, остающаяся без близких в незнакомой стране, — и поезд понес меня по Лапландии, не то на новые приключения, не то на подвиг, не то на авантюру.

Путешествие, даже и по прекрасной Швеции, в октябре не весело. От Бодена и до Нарвика природа хотя и величественная, но мрачная. День короткий, и чем дальше к северу, тем мрачнее. Я не хочу останавливаться на подробностях путешествия. Скажу лишь, что из Нарвика надо уже идти фьордами сначала на маленьком и скверном пароходе, потом где-то ночью ждать большого парохода на довольно скверной пристани, на холоде и на дожде. На этой же скверной пристани, где я сидел на тумбе, завернувшись в непромокашку, рядом со мною стоял гроб, ожидающий перевозки тоже куда-то к северу. И без того мрачно на душе, а тут еще и это соседство.

Наконец, пересадка на большой, чистый, удобный норвежский пароход и многодневный переход через Тромсе и Гаммерфест в Варде, мимо Нордкапа.

Поздней осенью даже дивные норвежские фьорды не весьма привлекательны. Серое море, скалы покрыты снегом, покачивает, пассажиры даже страдают немножко. Мы с Б. В. Романовым не терпели от качки, исправно питались вполне хорошим столом в кают-компании и без конца играли в шахматы.

Помню небольшую прогулку по Тромсе, чистенькому приморскому городишку, и посещение Гаммерфеста для отправки писем назад.

Чуть не в полдень — в Гаммерфесте была темнейшая ночь. Лишь красные полосы на небе в стороне заката. Отвратительное впечатление. Все эти городки после Тромсе пропитаны еще зловонием от массы рыбь-

их внутренностей, которые после приготовления трески к сушке выбрасываются и растаскиваются чайками.

В темноте подошли к Варде и, спотыкаясь во мраке, добрались до главной гостиницы. Номер в пятом этаже, ветер воет и стучит ставнями, освещение хотя и электрическое, но более чем скромное. Впечатление не из бодрящих.

Так сказать, архангельские встречи начались еще с Тромсе. Там на пароходе сел капитан 2 ранга Бескровный, наш военно-морской агент в Копенгагене. Как я узнал с его слов, он ездил по своим делам в Копенгаген, а теперь возвращался к месту своей службы, которая оказалась довольно мудреной для моего тогдашнего понимания. Бескровный служил в «гражданском управлении при британском командовании». Управление это было создано генералом Пулем и вскоре после моего приезда расформировалось... но об этом скажу позже.

Бескровный, со свойственной ему толковостью и наименьшей осведомленностью, рассказал о всех затруднениях в формировании русских войск в области и выразил предположение, что я вызван, чтобы взять войска в свои руки, а вернее всего, и принять должность генерал-губернатора.

Там же на пароходе я познакомился с графом Мериндолом, корреспондентом «Морнинг Пост». Мериндоль специализировался на русском белом движении, был по существу сам русским человеком по своей педагогической службе в лицее и Смольном институте, обожал Россию и ненавидел большевиков.

Кроме того, я встретился в пути с небольшой группой архангельских коммерсантов, которые мне рассказали несколько эпизодов из местной жизни уже во время английской оккупации. Я говорю — английской, так как о других нациях как-то и слышно не было, да и главное командование и управление было в английских руках.

В Варде я прежде всего познакомился с русским консулом, господином Янсоном, встречавшим прибывших и

любезно оказавшим свое содействие в отношении помещения нас в гостинице.

В этой гостинице постоянно жили и французский, и английский консулы, и Янсон. Квартир в крошечном Варде не было. Питались все за общим табльдотом. Если принять во внимание зимнюю темноту, отсутствие общества и развлечений, сложную политическую обстановку и массу предлогов для маленьких столкновений и ссор, то легко понять, что эти люди, загнанные на край света, ненавидели друг друга. В особенности отличался Янсон. Весьма толковый, очень осведомленный, он относился с болезненной критикой к английскому контролю, в лапы которого мы попали.

Я думаю, что многое станет понятным, если я упомяну, что, например, группа русских предпринимателей не могла отправить из Варде партию картофеля для Мурманска.

Английский консул не давал разрешения, сылаясь на какой-то фантастический «грибок» в этом продукте, а Янсон бесился и ничего не мог сделать. Разговоры за табльдотом в смысле остроты и напряженности положения не поддаются описанию.

Я с глубоким огорчением думал о том, что каждый военнослужащий, едущий в Северную армию, будет пропускаться через это горнило неблагоприятных слухов, дразг и ссор. Прожили мы в этой обстановке дня три-четыре, ожидая парохода в Мурманск. Задержки были с погрузкой. Надо было отправить какие-то деревянные части для строящихся барачков. Здесь опять после долгого промежутка времени пришлось встретиться с «завоеваниями революции». Весь груз, валявшийся на пристани, норвежские мальчишки, работающие на всех пристанях нашего пути, погрузили бы, работая втроем-вчетвером, часов в пять времени. Большая русская команда крупного морского парохода не могла управиться с этими пустяками чуть ли не неделю.

Пароход, имени которого я не помню, был в большом беспорядке. Пресной воды в умывальниках не

было. Грязь всюду невылазная. Команда находилась в состоянии непрерывной ругани с капитаном и его помощником. Питаться на пароходе надо было собственным попечением, горячую воду добывать с трудом и с крепкими словами, спать с клопами и тараканами. Наконец, после разных недоразумений, опозданий, порч разных частей машины, мы все-таки пошли и, слава богу, без всяких аварий добрались до знаменитого незамерзающего Мурманского порта.

II. МУРМАНСК

Я проспал на нашем пароходе довольно долго. Когда, одевшись, я вышел на палубу, то был поражен красотой развернувшейся передо мною картины. В это ноябрьское утро в Мурманске, как редкий случай, была солнечная погода. Величественный, может быть, чуть не первый в мире незамерзающий рейд, способный вместить флоты чуть ли не всей Европы, окружен покрытыми снегом горами. У подножия гор на восточной стороне лепится городок, кажущийся издали даже красивым. Убожество деревянных построек издали не замечается. Грязи и хлама, в изобилии валяющегося повсюду, не видно.

Этому уголку предстоит большая будущность. Во время моей работы по должности генерал-губернатора мне не раз приходилось держать в руках план разбивки Мурманска, составленный еще во время проектирования постройки железной дороги, соединяющей этот порт с Петроградом. Разбивка города была спроектирована какою-то большою знаменитостью по этой части в Европе, и первые постройки были поставлены в строгом соответствии с этой

разбивкой. Вдумываясь в этот план и зная лично местность и природу, я всегда видел перед собою грандиозный порт, обслуживающий всю Россию, и развернувшийся около него на обоих берегах бухты богатый, красивый город, залитый электричеством, изобилующий отелями, дворцами, кишачий сотнями тысяч жителей. Это будет. В торговом отношении Мурманск будет играть гораздо более важную роль, чем Владивосток, еще 50 лет тому назад представлявший собою ничтожную деревню.

Долго не удавалось причалить, но вот, наконец, затрещали сваи и доски пристани, застонала обшивка нашего парохода, и мы у цели.

На берег не пускают. Тут и английский контроль, и собственная портовая полиция, и еще какие-то власти.

С большим трудом мне удалось послать записку Звегинцеву. Николай Иванович сам пришел на пароход, вызволил меня из моего плена и увел к себе в вагон, в котором он жил вместе с капитаном 2 ранга Веселаго.

Я рад был попасть прежде всего к нему и от него лично узнать всю ту действительность, до которой нельзя было добраться ни в Стокгольме, ни в пути.

История Николая Ивановича Звегинцева глубоко поучительна.

Генерал Звегинцев, прибывший в Мурманск в качестве частного человека, искавшего просто средств к жизни, принял не только деятельное участие во всей эволюции края, но и был вдохновителем и руководителем всей реконструкции власти и призвания союзников.

Организация заговора, поднятие национального чувства в членах совета, наконец, решимость этого совета порвать с Москвою и войти в соглашение с союзной эскадрой на рейде — все это было внушено, разработано и сделано Звегинцевым и капитаном 2 ранга Веселаго, причем оба они не раз в переговорах с большевиками проходили по касательной — к «стенке».

Переворот совершился. Союзниками был спущен какой-то ничтожный десант, и Совдеп, красный по

существо, остался тем же красным Совдепом, но с ориентацией на порицание Брестского позора и объявленной верностью союзникам.

Вот почему красные финны, бежавшие из Финляндии при оккупации таковой немцами и финскими егерскими батальонами, сформированными в Германии, нашли себе приют в Мурманском крае и были использованы как активная сила против агрессивных замыслов Финляндии, подпертой немецкими оккупационными войсками.

Генерал Звегинцев, работая все время рука об руку с представителями местной власти, по-прежнему красной, добился возможности мобилизации и русских формирований. Ясно, что эти войсковые части не могли лепиться по образцу старой императорской армии, но ведь надо было делать что-то для организации обороны края. Как Звегинцев, так и Веселаго, все время сдвигая общественное мнение вправо, тем не менее должны были время от времени идти на уступки и компромиссы с левыми.

Я совершенно ясно отдаю себе отчет во всей трудности этих, скажу, подвигов. Не трудно в революции выжить и затем садиться на готовое. Куда труднее, опаснее и невыгоднее вот эта подготовительная работа, которая всегда приводит всех ее участников к трагическому концу.

С созданием в Архангельске Северного правительства, власть которого распространялась и на Мурманский край — в этом последнем был произведен фактически второй переворот, так как Совдеп в конце концов был упразднен и власть в крае вручена В. В. Ермолову, который, собственно, и являлся генерал-губернатором.

Ясно, что положение Звегинцева и Веселаго, бывших все время в рабочей связи с прежним Совдепом, стало очень трудным.

Вот именно этого-то и не могут понять многие представители реакционных течений. И Звегинцев, и Веселаго, я считаю, сделали в крае больше, чем все те, которые работали после и не удержали края в руках. А между тем, от несправедливых нападков справа не мог спасти их ни я, ни покушения левых, в одном из которых Веселаго

получил, кажется, 16 ран. Местная следственная комиссия, между прочим, утверждала, что это покушение было подстроено самим же Веселаго, для самореабилитации. Достаточно сказать, что взрывом бомбы был разнесен целый угол домика, в котором жил Веселаго.

Когда в десятых числах ноября 1918 года я входил в вагон Николая Ивановича, он числился еще командующим войсками района, и в этот момент я, конечно, не знал еще того, о чем написал в предыдущих строках.

Первое, что мне объявил генерал Звегинцев, — это было то, что он последний день находится у власти и сдает должность полковнику Нагорнову, бывшему командиру батальона и заведующему хозяйством в 7-м Финляндском стрелковом полку, которым я командовал до моего назначения во Францию.

В долгой беседе Николай Иванович выяснил мне всю картину организации власти и формирования войск в краю и беспристрастно рассказал о всех трудностях и неприятностях, с которыми ему пришлось считаться в последнее время.

Фактически полным хозяином края был британской службы генерал Мейнард, которым командовал всеми оккупационными силами союзников.

Здесь я должен оговориться, что пишу без достаточного количества документов в руках и потому затрудняюсь дать точное перечисление сил союзных войск, занимавших край. В свое время это считалось военной тайной, а потому все эти ведомости хранились в архивах, с возможными предосторожностями¹.

¹ В эту эпоху все силы союзников были примерно следующего состава: англичан — около бригады пехоты весьма сборного состава; итальянцев — 1 батальон; французов — 2–3 батареи; сербов — 1 батальон отличного состава людей и офицеров, отборная воинская часть; американцев — помнятся лишь части специального назначения (саперы и железнодорожники). Сюда же надо отнести эскадру, довольно сильного состава, которая всегда могла высадить десант в несколько сот человек.

Что касается до формируемых русских частей, то едва ли все наши силы превышали в общей сложности две роты пехоты. В сущности, к этому времени едва успели набрать кадры, которые представляли собою отдельные взводы. На фуражках эти войска носили Андреевский крест, сделанный из жести. Погон у офицерского состава не было.

Русские солдаты произвели на меня грустное впечатление. Мобилизация в безлюдном Мурманском крае давала ничтожные результаты. Попадавшие по призыву в войска пришлые люди из состава рабочих «Мурманстройки» (Мурманской железной дороги) были в состоянии постоянного брожения и сильно пониженной нравственности. Кстати сказать, в составе этих прежних рабочих партий была масса китайцев, которые остались в виде бродяг на всем протяжении железнодорожной линии. Эти элементы были просто страшны.

Отношения между вновь формируемыми русскими частями и английским командованием не ладились. Думаю я, что большинство русских людей искренно верили в то время, что англичане пришли помочь восстановить нашу родину, тогда как на самом деле это была просто оккупация края по чисто военным соображениям. Оккупация несла за собою известного рода насилие, необходимое, может быть, с чисто военной точки зрения и совершенно непонимаемое местными жителями, верившими, что перед ними только бескорыстные друзья.

Генерал Звегинцев отлично владел английским и французским языками. Ему многое удавалось смягчать, разъяснять и избегать острых углов и столкновений. Но все же, как я уже разъяснял выше, генерал Звегинцев мог оставаться в своей должности лишь временно, так как обстановка усложнялась с каждым днем.

Чтобы нарисовать более определенно линию, взятую английским командованием на Мурмане, я должен прежде всего начать с описания, пожалуй, самого крупного изобретения чисто английской складки. Я хочу говорить о «самоопределении», по почину англичан,

части русского населения области в «самостоятельную Карелию», с собственными карельскими войсками. Все горе наше на Севере, главным образом, состояло в том, что сыны гордого Альбиона не могли себе представить русских иначе чем в виде маленького дикого племени индусов или малайцев, что ли. Этим сознанием своего великолепия также страдали и все те приказчики из петроградских магазинов и мелкие служащие петроградского стеаринового завода или нитяной мануфактуры, из которых британское военное министерство понаделало капитанов, майоров и даже полковников и богато снабдило ими Северный экспедиционный корпус. Вся эта мелкота как будто отплачивала русской интеллигенции за годы своего прозябания до войны на скромных должностях своих фабрик.

Русское мнение, исходящее от людей даже высокостоящих в императорской России, встречалось англичанами с добродушным снисхождением, похлопыванием по плечу и с той типичной английской веселостью, которая заставляет людей совершенно не различать, имеют ли они дело с очень умным и хитрым человеком или с совершенным простаком.

Результат этого русско-английского обмена мнений всегда был один и тот же. Англичане всегда все делали по-своему и всегда неудачно.

Вновь изобретенные карельские части были сформированы, обучены и вооружены англичанами весьма хорошо. Форма у них была совершенно как и в британской армии, но в виде отличия они носили на фуражке медный «трилистник». Карельский флаг также состоял из трилистника на оранжевом поле.

Офицеры этих частей были почти целиком назначены из рядов английских войск.

Трудно себе даже и представить, сколько политической нетерпимости, ссор, борьбы и затруднений внесло в жизнь края это формирование. Окрепшие впоследствии части эти не хотели подчиняться русскому командованию. Ценный для мобилизации элемент был

употреблен на организацию фантастических частей, а русские части было нечем пополнять.

В гражданскую часть управления краем это «самоопределение» внесло путаницу неопишущую.

Немного забегаая вперед, я должен упомянуть, что всего лишь полгода спустя, я по просьбе того же генерала Мейнарда произносил речь этим самоопределившимся карелам, угрожая им всякими репрессиями за их недостойное поведение¹.

Вместе с генералом Звегинцевым я нанес визит В. В. Ермолу — главе Мурманской краевой администрации. Василий Васильевич произвел на меня чарующее впечатление. Образованный, молодой, полный энергии — это был настоящий генерал-губернатор. Местные условия он знал уже великолепно и пользовался авторитетом не только среди администрации, но и среди населения края, самого разношерстного, а на линии железной дороги и беспокойного. Как это ни странно, но даже англичане считались с мнением Ермолова и искренно его уважали.

¹ Этот карельский отряд начал формироваться в Кеми еще с конца апреля 1918 г. из бежавших от белофиннов крестьян (гл. об. бедняков и середняков) Ухтинского района. После захвата Кеми англичанами отряд был разоружен, но вскоре же вновь начал формироваться, на этот раз не под революционными лозунгами, а под националистическими: «Карелия для карел». Отрядам командовали английские офицеры. В августе 1918 г. он был двинут в Ухтинскую Карелию и к октябрю очистил ее от белофиннов! Весной 1919 г. англичане решили использовать карел для борьбы с Красной армией и перестроили отряд в «Отдельный Карельский батальон», предполагая направить на Петрозаводский фронт. В батальоне началось глухое брожение. Не помогли ни уговоры, ни угрозы, и в июне англичане вынуждены были при помощи сербского отряда расформировать карельские войска, разместив карел по отдельным полкам Северной армии. (Примеч. ред.)

От Ермолова я попал к генералу Мейнарду. Довольно еще моложавый, лет сорока может быть, он на меня произвел впечатление человека энергичного, здорового. Мы с генералом Мейнардом обменивались лишь общими впечатлениями и много говорили о войне и победе, ставшей уже совершившимся фактом.

Вечером я обедал у Мейнарда. Хорошо устраивались англичане даже и на Мурмане. Барак генерала был отлично отделан свежим деревом, циновками и сукном. Я обедал в кругу офицеров его штаба и адмирала, командующего эскадрой.

Обед был отличный, портвейн превосходный. Прислуга в белоснежных куртках, отлично обученная и выдрессированная. Никто не умеет жить с таким комфортом в самых необычных условиях, как это делают англичане.

На следующий день утром я получил приглашение прибыть к 7 часам вечера на английский крейсер, идущий в Архангельск.

Часам к шести за мною был послан моторный катер, который живо домчал меня до довольно далеко стоявшей громады крейсера, я вошел по трапу, команда отдала мне честь, и вот я — в капитанской каюте за отлично сервированным к обеду столом.

Моими спутниками до Архангельска оказались граф Мериндоль, о котором я уже упоминал выше, и г. Янг из состава дипломатической миссии в Архангельске.

Янг сразу заинтересовал меня своею осведомленностью и отличным знанием всех экономических вопросов в крае. Впоследствии Янг был начальником той эмиссионной кассы, которая выпускала в Северной области русские рубли, обеспеченные фунтами стерлингов.

Путешествие до Архангельска прошло совершенно незаметно. Я люблю море, чуть-чуть знаю его. Полтора дня на иностранном военном судне, возможность пробыть все это время на капитанской рубке, относительно хорошая погода — все это было удовольствием и отдыхом.

К устью Двины мы подошли к полудню 19 ноября и бросили якорь, не входя в реку, далеко на открытом море. Навстречу нам вышла целая флотилия буксиров; на крейсере ожидали приезда из отпуска генерала Пуля и, как говорили, еще и русского какого-то начальства, что, вероятно, относилось ко мне.

Операция перехода на буксиры оказалась не из легких. Крейсер стоял как скала, но буксиры бросало до того, что ломало трапы.

Наконец мы на буксире. Покачало часа полтора в море, и вот мы вошли в Маймаксу — судоходный рукав Северной Двины. По обоим берегам замелькали огни.

Часам к 6 вечера показалось уже море огней, замелькали силуэты больших судов, церквей, каких-то башен. Показался Архангельск. В 7 часов вечера мы причалили к Соборной пристани, и я по мосткам сошел на мостовую города, где мне предстояло пережить грустную эпопею, которая кончилась эвакуацией.

III. АРХАНГЕЛЬСК

На соборной пристани меня встретил комендант города полковник Трагер, красивый офицер, с маленькой георгиевской розеткой на груди, без погон, в шинели офицерского образца.

В сопровождении расторопного адъютанта я двинулся на извозчике мимо гостиного двора — в гарнизонное собрание.

Я люблю шутку даже и в серьезные минуты. Въезжая в архангельские улицы, я процитировал моему спутнику Б. В. Романову первые строки из «Мертвых душ» о том, как в ворота такого-то губернского города «въехала бричка».

Поставив свои чемоданы в отведенной мне комнате, я поднялся наверх в большую залу-столовую и здесь съел своего первого архангельского рябчика. Эти рябчики потом меня преследовали, так как в течение зимы их приходилось видеть за столом пять раз в неделю.

Столовая была наполнена, так сказать, бывшими офицерами, которых можно было угадывать лишь по орденским ленточкам на фантастических костюмах защитного цвета.

Тогда же произошла моя первая встреча с С. С. Писаревским. Старый мой сотрудник

еще по Владимирскому училищу — Сергей Сергеевич, в чине полковника, состоял для связи между британским командованием и русскими войсками.

Писаревского я нашел глубоко разочарованным в положении дел, и даже больше — я сказал бы, что он даже с недоверием относился к возможности формирования русских частей и приведения в порядок офицерского состава.

Довольно неопрятное собрание, понурый вид офицеров, кое-как одетых и не выправленных, рассказы и встречи этого вечера произвели на меня впечатление удручающее.

Раньше чем перейти к описанию моих первоначальных шагов на служебном поприще, я кратко охарактеризую, что, собственно, из себя представляла область в двадцатых числах ноября 1918 года.

Силы союзников, высадившихся в начале августа 1918 г. в Архангельске, были трагически малочисленны. Всех союзных войск было всего около 30 рот, усиленных небольшими добровольческими, почти целиком офицерскими отрядами.

Отдельные группы этих войск, постепенно продвигаясь от Архангельска по всем направлениям, заняли, вернее, закупили, все подходы к Архангельску по долинам рек, являющихся сосредоточием возможных на севере путей сообщения. Этим свойством и объясняется тот секрет, что небольшие части могли удержать область в своих руках в течение полутора лет. Кроме долин рек были заняты и Мурманская и Архангельская железнодорожные линии¹.

¹ Таким образом, начиная с Запада получились следующие направления операций: 1. Мурманская железная дорога. 2. Долина р. Онеги. 3. Архангельско-Вологодская жел. дорога. 4. Долина р. Емцы и Средь-Мехреньги. 5. Долина р. Ваги. 6. Долина р. Сев. Двины. 7. Долина р. Пинеги. 8. Долина р. Мезени. 9. Долина р. Печоры.

Все эти направления были заняты как бы охранением, под прикрытием которого должны были мобилизоваться русские национальные силы.

Мобилизация первых 3 месяцев собрала около 4 тысяч штыков, в архангелогородских казармах. Командование войсками, бывшее в руках последовательно у капитана 2 ранга Чаплина, а затем у полковника Дурова, по чисто политическим причинам не могло управиться с своей трудной задачей.

Именно здесь я снова, как и в истории генерала Звезгинцева, хочу подчеркнуть, что в революции и гражданской войне инициаторы и борцы, кладущие первые камни в основание дела, чаще всего попадают в невыгодное положение. Чаплин устроил переворот, арестовав временное правительство области, не управился с обстановкой, когда на месте правительства образовалось пустое место, и оказался в положении амнистированного полуизгнанника.

Николай Андреевич Дуров, вызванный правительством, попал в водоворот и правых, и левых течений и был именно тем козлом отпущения, на спине которого правительство убедилось в несовершенстве военных приемов Гучкова, Керенского и компании.

Следующему начальнику, каковым был я, было уже легче потому, что дело нуждалось в радикальной починке и левые демократические круги не спорили даже, какими мерами можно было поправить положение, а потому и руки у меня оказались свободными.

Таково было положение военное.

Что касается гражданского управления краем, то вся администрация была еще в зародыше. Наскоро набранная милиция, т.е. по-прежнему полиция, была неопытна и смешно малочисленна.

Земство, не существовавшее в крае в период довоенный, было составлено из совершенно неопытных лиц, набранных, видимо, по политическому облику, а не административным способностям.

Власти на местах, т.е. в уездах, почти не было, и должности уездных комиссаров замещались едва грамотными лицами.

Кое-как набрали старый персонал в учреждениях почт и телеграфов и в управлениях Архангельско-Вологодской и Мурманской дорог.

Импровизация всюду была полная. Более зажиточная часть населения относилась к власти с недоверием и пренебрежением, рабочие были настроены скорее оппозиционно, а крестьянство по необъятной шири края — безразлично.

На следующий день по приезде моем я принял визит временно командующего войсками и морскими силами адмирала Виккорста.

Адмирал приехал познакомиться со мною и предупредить, что меня ждут, что, вероятно, мне придется принять назначение командующего войсками, а может быть, и генерал-губернатора. Адмирал высказал мне свою глубокую радость по поводу того, что наконец с него снимается бремя по командованию войсками, которое его бесконечно тяготило.

После моей беседы с адмиралом я отправился делать свои первые визиты в порядке постепенности получения мною телеграмм с приглашением прибыть на Север. Первым моим визитом было посещение французского посланника г-на Нуланса, затем я побывал у английского командующего генерала Айронсайда и после них у Н. В. Чайковского. Я должен сказать здесь, что Николай Васильевич звал меня телеграммой, так же как и иностранные представители, но телеграмма эта пришла в Стокгольм уже после моего отъезда и была переслана мне в Архангельск много времени спустя.

Французский посланник г-н Нуланс принял меня с обворожительной любезностью, как своего старого знакомого.

Г-н Нуланс был назначен в Россию непосредственно после Палеолога и прибыл в Петроград в тот момент, когда на улицах шла стрельба. Императорской России г-н Нуланс не знал и не был близко знаком с крупными государственными деятелями эпохи величия России. Мне казалось всегда, что, тщательно изучая все новые

силы России и весь революционный процесс, происшедший у него на глазах, г-н Нуланс, может быть, слишком мало обращал внимания на историческое прошлое этой новой для него страны и не считался с представителями того класса, который все же правил Россией в течение многих столетий.

Я должен сказать здесь, что точка зрения иностранца, обращающегося в новой России к новым силам, для меня объяснима. Я отдаю себе отчет, что эти новые силы более подходят для активной работы, для «действия». Но я твердо стою на том, что для изучения вопроса и принятия решений нужны люди с большим стажем государственной работы. Таких людей я, к сожалению, не видел около г-на Нуланса ни в Петрограде, ни в Архангельске, ни впоследствии в Париже.

Я невольно вспоминаю обед во французском посольстве в конце сентября 1917 года, на котором присутствовал военный министр Верховский, командующий войсками округа Полковников и я. Я не знаю, что извлек из нашей беседы г-н Нуланс, но думаю, что освещение военных вопросов той эпохи было бы неизмеримо яснее и толковее, если бы за столом, сидели, скажем, генерал Алексеев, старый Палицын, Корнилов или Гурко. Истеричный мальчишка-революционер Верховский или Полковников, предавшие только что Корнилова, вряд ли могли быть толковыми советниками или осведомителями.

Большую поправку в работу посольства в Архангельске вносил, я думаю, секретарь посольства граф де Робиен. Знавший Россию так, как знаю ее я, и любивший и страну и русское общество, граф де Робиен, казалось мне, мог иметь благотворное влияние на всю дипломатическую работу, смягчая ту узость и утопичность точек зрения, которые так характеризуют новых деятелей той эпохи.

В Архангельске г-н Нуланс пользовался огромной популярностью. Его все знали лично и повсюду приветствовали бурными искренними овациями.

Ласковый и доступный, широко гостеприимный на русский лад, он был повсюду буквально первым человеком.

Выдающийся оратор и государственный деятель широкого размаха и многостороннего опыта, г-н Нуланс, я бы сказал, покрывал своим авторитетом и скромное импровизированное правительство и дипломатических, и даже военных представителей других стран.

Я не могу не припомнить, как ревниво относились к этой популярности г-на Нуланса англичане, но именно в их присутствии овации посланнику устраивались особенно широко и сердечно.

Принятый бесконечно внимательно и ласково г-ном Нулансом, я, собственно, в первый раз мог серьезно побеседовать о положении в области с человеком, которому я верил и советы которого бесконечно ценил.

Беседа эта не внесла в мои убеждения веры в конечный успех дела, на которое я шел, но до некоторой степени успокоила меня в смысле твердости иностранной помощи и ее полного бескорыстия в отношении русских интересов.

На страже этих интересов г-н Нуланс стоял незыблемо твердо. Именно его присутствие в области оградило эту русскую окраину от хищнических английских и американских концессий. Правительство области, может быть, в тяжкие периоды своих финансовых кризисов было бы менее твердо, если бы оно не было связано по рукам и ногам договорами, инициатором которых был г-н Нуланс.

Ни одна союзная страна не могла приступить к эксплуатации области без согласия на то представителей и других стран. Не будь этих условий — все лесные богатства края и обе железнодорожные линии были бы в нерусских руках на много лет вперед.

Генерала Айронсайда я не застал в штабе и, вновь перейдя площадь с удивительно уродливым памятником Ломоносову, направился в «присутственные места», что-

бы представиться главе правительства Н. В. Чайковскому.

Первое впечатление от встречи с Николаем Васильевичем было очень хорошее. Я увидел перед собою высокого, представительного, пожилого человека с большою, совершенно белую бородою. Из-под больших нависших бровей на меня глядели суровые серые глаза. Николай Васильевич умеет смотреть прямо в зрачки, что на меня лично производит всегда сразу самое хорошее впечатление. Весь облик его, манера говорить, манера держать себя обличали истинно русского человека строгого русского закала, сказал бы я.

Я очень хотел бы охарактеризовать его в сжатых словах, но этого нельзя сделать. Николай Васильевич — это целая эпоха.

По словам самого Николая Васильевича, он много раз шел во главе кружков и обществ передовых политических течений, проповедовал новую религию, будучи плотником в Канзасе, знал всю русскую политическую эмиграцию по всей Европе и особенно близко в Англии.

Как истинный патриот, он вернулся в Россию во время Великой войны и, как знаток в вопросах кооперации, много работал на организацию снабжения армии.

Я думаю, что Николай Васильевич больше всего отражает в своих убеждениях и идеях эпоху шестидесятых годов, столь богатую сильными и правдивыми людьми, создавшими себе свой собственный яркий и симпатичный облик.

Я для Николая Васильевича являлся представителем совершенно другого мира, мира, может быть, ему несимпатичного и безусловно чуждого, и тем не менее он сумел встать на государственную точку зрения и обратиться к моей работе в тот момент, когда она была необходима области, где он был хозяином, и хозяином, искренно говорю, пользовавшимся большим доверием массы населения.

Николай Васильевич встретил меня заявлением, что он уже пригласил в область генерала Миллера.

Откровенно говоря, я не совсем понял тогда, что, собственно, желал от меня в таком случае председатель правительства, и, конечно, с наименьшей прямотой, чем та, с которою сделал свое заявление Николай Васильевич, поставил свои вопросы.

Правительство желало, чтобы я встал во главе военного управления области, реорганизовал его и по приезде генерала Миллера фактически сделался бы его начальником штаба.

Предложение это застало меня несколько врасплох, так как, прежде всего по свойствам своего характера, я совершенно не подхожу к роли начальника штаба. Я полагал, что буду недурным организатором и командующим любыми войсковыми частями и из рук вон плохим исполнителем чужой воли, да еще в канцелярской работе, к которой у меня никогда не было склонности.

Я знал генерала Миллера хорошо, и сотрудничество с ним мне было бы только приятно, но я учитывал тот хаос, в котором я застал область. Срок приезда генерала Миллера был еще совершенно неясен, а нужно было сразу рубить узлы твердой рукой. Стать в положение будущего начальника штаба, ожидающего приезда настоящего хозяина, — это, по моим понятиям, значило бы бесповоротно потерять время и попасть в ложное положение впоследствии.

Я сказал Николаю Васильевичу, что я должен подумать, несколько осмотреться в Архангельске и переговорить с иностранными представителями, вызвавшими меня на Север.

Как сложился вызов на Север генерала Миллера и мой, я могу рассказать лишь по предположениям.

Я лично знал французского посланника по моей работе в Петрограде. Кроме того, в составе французской военной миссии находился мой личный друг, командант Лелонг, связанный со мною многими переживаниями и на французском фронте, и в Петрограде, и даже в Финляндии. Одновременно с этими обстоятельствами имело большое значение и то, что в Славяно-британ-

ском легионе и при штабе британского командования находился мой бывший начальник штаба, полковник князь Мурузи, бывший в близких отношениях с генералом Пулем, в период его работы на Севере.

Вот, я думаю, те люди, которые хотели моего приезда, и верили в мою работу.

Что касается приглашения Е. К. Миллера, то я полагаю, что оно последовало по рекомендации М. И. Терещенко, только что посетившего Север, но не пожелавшего принять участия в начавшейся работе государственного строительства. До приезда в Архангельск Е. К. Миллера Чайковский знал его лишь понаслышке.

Выйдя из здания присутственных мест, я уже был готов отказаться от моей совместной с правительством работы, предпочитая просто вступить в ряды формирующейся армии, хотя бы на должность командира части, а то и просто уехать на Юг России. Я не претендовал ни на какое первенствующее положение, но, повторяю, в том хаосе, который был в области, все надо было делать с самого начала, а следовательно, и с первых шагов являться создателем той армии, которой фактически еще не было.

С таким чувством я вошел в штаб английского командования, чтобы познакомиться с генералом Айронсайдом.

Передо мною выросла грандиозная фигура главнокомандующего союзными силами на Севере.

Айронсайду в это время еще не было и сорока лет. Гладко бритый, шатен с вьющимися волосами и ясными добрыми голубыми глазами, он производил впечатление совершенно молодого человека.

Он начал свою военную карьеру мальчишкой 14 лет, сбежав, если не ошибаюсь, из какого-то пансиона и вступив волонтером в один из полков, стоявших в Африке. Говорил он буквально на всех языках мира и в период нашего знакомства уже знал много слов по-русски.

Еще совсем недавно на Западном фронте Айронсайд командовал просто батареей. Его, говорят, исключительная

солдатская храбрость сделала из него быстро начальником пехотной дивизии в чине полковника, а затем он был временно сделан, по обычаям английской армии, генералом и назначен на Север.

Откровенно говоря, я не того ожидал от «главнокомандующего союзными силами». В сложной обстановке Северной области я рассчитывал увидеть одного из опытейших вождей английской армии. Уже самое назначение столь молодого полковника, с временным чином генерала, придавало британской работе на Севере характер экспедиции в малокультурную страну, с весьма нешироким политическим заданием.

С генералом Айронсайдом мы сразу нашли обычный тон старых солдат, сведенных судьбою на общей работе. Он в первую же встречу завоевал мои искренние симпатии своею прямою и полной искренностью в оценке существующего положения.

К правительству области Айронсайд относился весьма снисходительно, полагая всю суть русской работы в области — в создании армии.

На мое указание, что армию надо не только создать, но и выдержать более или менее долгий срок в дисциплине и обучении, дабы воспитать ее, Айронсайд ответил мне, казалось, с полною искренностью: «Мы останемся здесь ровно столько, сколько это вам будет нужно и необходимо для организации и создания армии».

Я нарочно ставлю эту фразу в кавычки. Я ручаюсь за ее точность и вместе с тем не сомневаюсь, что в то время Айронсайд говорил совершенно искренно, глубоко веря в незыблемую истину своих слов.

Указав главнокомандующему ту роль, которую мне предназначает правительство, я совершенно откровенно поделился с ним моими сомнениями, вплоть до проекта покинуть область, раз я вынужден брать работу, к которой не считаю себя способным.

Айронсайд горячо убеждал меня оставаться во что бы то ни стало. Здесь же я узнал, что генерал Мейнард после моего отъезда из Мурманска послал телеграмму

Айронсайду, прося его предложить мне остаться на Мурмане для работы по организации армии там.

С этими же сомнениями я снова обратился к французскому посланнику. Г-н Нуланс, со свойственным ему убедительным красноречием, настаивал на том, что область не может ни минуты оставаться без опытного в военном деле генерала, что в моем лице союзные представители видят человека, облеченного их полным доверием, что, наконец, неизвестно, когда приедет и приедет ли генерал Миллер.

Мое раздумье было недолгим. Я понимал, что надо решаться немедленно. Мне ясно было уже и тогда, что наличие британских войск в области создаст мне впоследствии много затруднений и что положение мое именно в отношении англичан вряд ли простят мне впоследствии многие из моих соотечественников. Но я ясно понимал, что интересы области зовут меня на борьбу. Во имя того, что я считал своим долгом, я принял решение, и через два дня в местной печати появился указ Временного правительства Северной области, которым «Бывший начальник Генерального штаба при Временном (всероссийском) правительстве назначался временно исполняющим должность генерал-губернатора и командующим войсками Северной области».

В такую форму вылились мои переговоры с правительством. Форма эта не предreshала моей работы по приезде генерала Миллера и вместе с тем давала мне полную свободу действий в моих первых шагах по организации войск и по укреплению власти в огромной Северной области.

IV. ОБСТАНОВКА

Раньше чем перейти к описанию событий, последовавших в зимний период 1918/19 гг., я хочу обрисовать, хотя бы в общих чертах, тот материал, с которым мне пришлось начать работу по формированию армии. Начну с характеристики генеральских чинов, которых было на Севере в этот момент очень мало.

Самую видную фигуру представлял генерал от инфантерии Саввич. Его я застал в качестве заведующего всеми военными школами и организациями для подготовки офицерского состава, наскоро импровизированными англичанами.

Встретившись с ним, я, конечно, задал ему вопрос, почему он со своим громадным служебным опытом не встал во главе армии. Будучи несравненно моложе генерала Саввича, я даже несколько стеснялся его безусловного авторитета и высказал ему свои затруднения, которые я предвидел для себя, как его начальника.

Я думаю, что генерал Саввич, как он, впрочем, и сам говорил, в этот период уже начал свою коммерческую карьеру и не хотел ею жертвовать для политической рабо-

ты. Как я быстро увидел, на его энергичное сотрудничество рассчитывать было нельзя.

Революционного производства генерал-майор Самарин в момент моего прибытия вступил во французский Иностраннный легион в качестве рядового солдата.

Сотрудник Н. А. Дурова по формированию армии, генерал Самарин этим поступком сразу прекратил все неприятные для него разговоры и, я считаю, поступил глубоко правильно.

Состоявший при русском командовании для поручений генерал-лейтенант Х. (фамилия мною забыта) специального артиллерийского образования, к строю был совершенно неподготовлен и в работе по созданию армии участвовать не мог.

Этим исчерпывается весь генералитет.

Генеральный штаб был представлен полковником князем Мурузи, состоявшим в Славяно-британском легионе, подполковниками Жилинским и Костанди.

С князем Мурузи меня связывало общее наше прошлое на французском фронте. Блестяще храбрый человек, с чрезвычайно самостоятельным характером, он, однако, лишен был тех качеств, которые я требовал от начальника штаба. Мурузи не был приспособлен к штабной работе и, я думаю, вряд ли в состоянии был хорошо организовать штаб. Но с этим я помирился бы, может быть, довольно легко. Главное препятствие к немедленному назначению на первенствующую должность состояло в его нетерпимости к линии, взятой архангельским правительством. Дать Мурузи ответственную работу значило начать с конфликта с правительством, пригласившим меня самого.

Впоследствии назначенный мною командующим войсками Двинского фронта, князь Мурузи выказал во всем блеске свои выдающиеся способности военачальника и одновременно и свойства своего строптивного характера. Сдерживаемый мною в своих отношениях к генерал-губернатору, Мурузи после моего отъезда вынужден был покинуть область.

В качестве ближайших сотрудников мне оставались лишь двое, а именно Жилинский и Костанди.

Вячеслав Александрович Жилинский был местным старожилом. Область он знал как свою ладонь и имел весьма широкие связи в среде местного населения, до крестьян включительно.

Замкнутый, подчеркнута сдержанный, несколько крутой в своих отношениях с подчиненными, работник без отказа и днем и ночью — Вячеслав Александрович, несмотря на свою молодость, оказался выдающимся начальником штаба во все время моей работы в Архангельске. Отдавая ему все должное, я с чувством глубокого удовлетворения говорю, что, если мне тогда и удалось сделать что-либо, я обязан этим Вячеславу Александровичу.

Полковник Костанди был сверстником Жилинского. Офицер он был очень талантливый, способный, но уже, казалось мне, несколько тронутый тлетворным влиянием революции. Костанди уже тогда во всем искал новых путей, что выражалось в его докладных записках по реорганизации армии. Он работал при штабе по оперативной части.

Вот и все силы Генерального штаба, которые я нашел в области. Чтобы увеличить число рабочих рук, в которых я так нуждался, я просил французского посланника разрешить мне обращаться за помощью к моему другу Лелонгу, выдающемуся офицеру Генерального штаба, носившему русский мундир во время его службы в 1-й Русской особой бригаде во Франции.

Масса строевого и нестроевого офицерства, захваченная переворотом в Архангельске, распадалась на две следующие группы.

1. В распоряжении русского командования.
2. В распоряжении английского командования.

В первой группе состояло то, что вошло в мобилизованный в Архангельске полк, в военное управление и в те добровольческие доблестные отряды, которые работали под Шенкурском и на реке Двине. Кроме того, по городу

бродило много людей в защитных костюмах, а иногда и в лохмотьях, и среди них можно было угадывать чутьем также бывших представителей Великой армии.

Во второй группе состояло то, что, отчаявшись в возможности служить в русских национальных войсках, бросилось на призыв и англичан, и французов и широко заполнило ряды Славяно-британского и французского легионов, а также и персонала обучаемых в английских военных школах — пехотной, артиллерийской, пулеметной, бомбометной и телеграфной. Сюда же относились и офицеры, работавшие в отряде некоего Берса, укрывшегося под английский флаг после многих недоразумений с его отрядом сейчас же после ухода большевиков из Архангельска.

Первая группа была в условиях несравненно худших, нежели вторая. Вопросы продовольствия и обмундирования, с таким трудом разрешаемые для офицеров формируемых русских войск, были обставлены несравненно шире и лучше для тех, кто состоял в непосредственном распоряжении союзников.

Школы, поставленные и организованные англичанами, были сделаны, собственно говоря, по образцу наших учебных команд в частях войск. У английского командования не было даже и признака доверия, что мы можем сделать что-нибудь сами, а потому вся материальная и учебная часть находилась в руках у английских инструкторов и под английским командованием.

Настойчивая моя работа по введению в школе специального русского контроля и русского командного персонала пошла чрезвычайно unsuccessfully. Быстро напеченные английские лейтенанты не усваивали себе ни тона, ни возможностей совместной работы с русскими штаб-офицерами. Взаимным недоразумениям и столкновениям не было конца.

Славяно-британский легион не представлял собою строевой части в строгом смысле этого слова. К легиону относились все те офицеры, которые поступили на английскую службу с фиктивными английскими чинами.

Все они носили английскую форму, за исключением лишь герба на фуражке, и имели отличительные знаки английских офицеров.

Вместе с тем они не имели никаких прав на продолжение службы в английской армии и связаны были особыми контрактами. К этому же легиону относились и некоторые части, как, например, прекрасный артиллерийский дивизион, сформированный капитаном Рождественским, и отряд Берса, который потом был расформирован.

Кроме этих организаций англичане создали еще и дисциплинарные части, куда зачислялись наиболее надежные элементы из взятых в плен чинов Красной армии. Из таких частей особенно удачной была рота капитана Дайера, умершего еще до моего приезда в Архангельск.

Эта рота дала идею генералу Айронсайду сформировать целый полк, названный именем Дайера, что увеличилось, как увидим, историю области еще одним грустным эпизодом.

Французский Иностраннный легион представлял собою лишь одну роту, отлично подобранную, прекрасно обученную и обмундированную.

Рота эта наполовину состояла из русских офицеров, добровольно зачислившихся в ряды легиона простыми солдатами.

Вторая рота к моему приезду еще только едва начала формироваться.

Немного спустя было приступлено к созданию еще и третьей (пулеметной) роты.

Легион формировался по совершенно определенным законам, установленным для Иностранного легиона во Франции. Дисциплина в нем поддерживалась железная, и часть эта представляла собою пример образцовой, я бы сказал — даже щегольской, организаций французского командования.

Прекрасное размещение людей и отлично поставленная кухня много содействовали успеху дела, но я полагаю, что своим блестящим видом часть эта была

обязана нашему офицерскому составу, давшему основной кадр солдат, капралов и унтер-офицеров.

Переходя к оценке состава массы мобилизованных, я должен сказать, что она главным образом складывалась из солдат, уже прошедших школу разложения в революционный период. Знакомые с комитетами и советами солдаты представляли собою весьма нетвердый элемент, настроенный против офицерского состава и против введения в войска старой воинской дисциплины. Лучшими элементами были новобранцы, т.е. люди, вовсе не служившие ранее в войсках, с еще неразложенной нравственностью.

В последующих главах я изложу, что представлял собою фронт в смысле количества и качества. Теперь же только упомяну, что в ноябре и декабре 1918 года среди крестьян началось сильное антибольшевистское движение, результатом которого явилось создание крестьянских партизанских отрядов.

В эту эпоху партизаны работали уже на реке Онеге, в районе долины реке Средь-Мехреньги, где движение было особенно сильное (с. Тарасово) и в долине Пинеги.

Партизанское движение носило узко-местный характер. Крестьяне до последней капли крови дрались, чтобы защитить свои дома и свои деревни, но с трудом шли в войска и лишь против воли покидали свои гнезда.

Таков был материал, с которым нужно было начинать работу.

Правительство, в которое я должен был вступить, состояло из С. Н. Городецкого (юстиция), доктора Мефодиева (торговля и промышленность), князя И. А. Куракина (финансы), П. Ю. Зубова (управление делами), под председательством Н. В. Чайковского, сохранившего за собою руководство иностранными делами.

Я с теплым чувством вспоминаю темноватый кабинет в присутственных местах, с мерцавшим в углу зеркалом, с длинным столом, покрытым зеленым сукном, за которым заседало правительство.

Сколько длинных вечеров я провел там, сколько стараний видел я там у кучки истинно русских людей, которые душу отдавали, чтобы послужить родине. Я, скромный участник этой работы, этих подчас шумных споров, сохраняю самые светлые воспоминания — не о работе, которую не удалось довести до желанного результата, но об облике правительства, состоявшего из людей разных толков, но умевших всегда находить единое решение потому, что все они были объединены одной лишь идеей подвига и служения России.

В узком конце стола и в голове его сидел Н. В. Чайковский. Налево от него П. Ю. Зубов, а за ним, несколько в затылок, секретарь Маймистов, левее Зубова — князь И. А. Куракин.

Вправо от Николая Васильевича сидел С. Н. Городецкий, затем доктор Мефодиев и еще правее сел я. Когда приехал генерал Е. К. Миллер, он поместился между Мефодиевым и мною.

Такое размещение соответствовало и политическим взглядам членов правительства. Городецкий, Мефодиев и я были по убеждениям монархисты. Чайковский — народный социалист, Зубов, говорили, левый кадет, князь Куракин — беспартийный, но, казалось мне, примыкавший чаще к мнениям Чайковского и Зубова. Все четверо жили на общей квартире и представляли из себя очень дружную и сплоченную группу.

Постараюсь кратко обрисовать облик каждого из членов правительства.

О Николае Васильевиче Чайковском я уже говорил. Ко времени моего прибытия в настроениях его замечалась некоторая нервность. Чаплинский переворот повлиял на него, и он утратил до некоторой степени доверие к офицерскому составу и к союзникам, главным образом к англичанам, в которых подозревал пособников в деле своего временного лишения свободы и ссылки в Соловки.

Главный его сотрудник и горячий поклонник Петр Юльевич Зубов представлялся мне всегда в высшей степени спокойным, выдержанным, глубоко уравнове-

пленным. Довольно пассивный в вопросах второстепенной важности, Петр Юльевич был ярко-красноречив, тверд и стоек во всех серьезных делах, проходивших через его руки. Особенно хорошою его чертою была его искренность и прямота, с которою он высказывал свои убеждения.

Не менее яркой личностью был и Сергей Николаевич Городецкий. Председатель местного окружного суда, талантливый юрист, известный в своих кругах, Сергей Николаевич пользовался симпатиями местного общества и всех правых кругов.

Стойкий в своих правых убеждениях и не покривший душою даже в эпоху большевизма на Севере, он, пожалуй, был слишком требователен в своих отношениях к рядовому человеку. Я несколько расходился с ним во взглядах на работу следственной комиссии, считая направление деятельности комиссии не жизненным, не отвечающим обстановке.

Мне понятно, что представитель высшей юридической власти в крае должен был всегда представлять собою закон, и закон беспощадный, но мне казалось, что в сложных перипетиях, пережитых областью, надо было вносить поправки, которых требовала жизнь.

Доктор Мефодиев высказывался редко. Вовлеченный в высшую политику края, он отдавал работе все свои силы и, скажу я, средства, так как благодаря работе в правительстве утратил свою богатую клиентуру, как доктор медицины. Я полагаю, что работа была ему не по силам, так как я не был свидетелем ни одного твердого решения или радикальной меры в порученном ему отделе. По словам лиц, знавших его в частной жизни, это был образованный, вдумчивый, способный и сердечный человек.

Князь Иван Анатольевич Куракин в отделе финансов, который он вел, был человеком новым и малоопытным. Бремя, которое он нес, было бы непосильно трудным в том состоянии Северной области и для финансиста первой величины.

Заслуга Ивана Анатольевича заключается в его героической борьбе с той системой, которая навязывалась англичанами почти насильно. Создание английской эмиссионной кассы, выпускавшей русские деньги, обеспеченные фунтами стерлингов, в значительной мере помогло области.

Вспоминая мою работу в правительстве, я не могу не подчеркнуть, что Северное правительство было чуждо какой бы то ни было претенциозности. Отлично учитывая, что конечный успех может быть достигнут единением всех окраин, где началось белое движение, правительство Северной области смотрело на свою работу лишь как на подготовительный акт в деле восстановления порядка в стране.

В непосредственной близости к правительству и тесной связи с ним находилась работа губернского комиссара, т.е., по дореволюционной номенклатуре, должность губернатора, которая была вручена Владимиру Ивановичу Игнатьеву.

Личность Игнатьева была несомненно яркой. Народный социалист по убеждениям, связанный по рукам и ногам партийной программой, Владимир Иванович проявлял массу энергии в деле обращения в свою веру и общественных, и рабочих, и даже военных кругов. Ораторствуя на митингах, близко стоя к «Возрождению Севера», наиболее левому органу печати, связанный со всею революционной кружковщиной в области — Игнатьев являлся чрезвычайно живою и действенною фигурой, несомненно сильной и, может быть, необходимой даже в то странное время. Никто лучше него не мог повернуть настроение какого-нибудь рабочего митинга в сторону законности и порядка. Ведь надо учитывать то, что в эту эпоху власть нужно было завоевывать и утверждать, опираясь на массы. Лишь по утверждению власти можно было говорить о закономерной работе. Имея рабочую Соломбалу с одной стороны и фабричную и портовую Бакарицу с другой, Архангельск был как бы в большевистско-демократических

тисках, которые могли раздавить и правительство и микроскопические силы союзников.

Нечего и говорить, что Игнатьев был «бельмом на глазу» у всех правых кругов и монархически настроенной части офицерства. Много, конечно, вредило ему его чрезмерное честолюбие и властолюбие, не имевшее границ.

Архангельская общественность относилась к своему правительству с полным безразличием, поражавшим каждого вновь прибывшего в город. Правительство не подвергалось нападкам или резкой критике со стороны общественности, но и не встречало ни малейшей поддержки. Представители лучших классов Архангельска охотно осаждали представителей власти с массой мелких жалоб и дрызг, но вместе с тем сторонились от участия в правительственной работе. Думаю я, что происходило это прежде всего от недоверия к твердости и продолжительности власти, а затем играла роль и осторожность, чтобы не провиниться перед большевиками, в конечном возвращении которых, по-видимому, не сомневались.

Пока же финансово-промышленные круги занимались обращением всех возможных: средств в иностранную валюту, которая систематически выкачивалась за границу, крестьянство держало деньги в сундуках, не веря возможности держать их даже в государственном банке, а так называемое «общество» беспрерывно танцевало в зале городской думы.

V. ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Я не хочу придавать моим воспоминаниям специально военного характера, да и исследование специального характера можно было бы сделать, лишь имея все архивы области под руками. Тем не менее я должен близко коснуться военных вопросов, так как на военной мощи края покоилась вся работа по восстановлению порядка и законности в области. Я снова возвращаюсь к описанию военных сил и расположения их к началу декабря 1918 года, так как это расположение было исходной точкой моей работы.

Фронт, т.е., вернее, направления, по которым возможно было вести военные операции на Архангельск, были заняты следующим образом:

1. Долина реки Онеги была занята небольшой английской пехотной частью, около 2 рот, выдвинутых к с. Чекуево. В самом городе Онега готовилась мобилизация одного русского батальона, но задерживалась из-за беспорядков в самом Архангельске.

2. Железная дорога на Вологду охранялась французским колониальным батальоном трехротного слабого состава. Там же находилась отличная польская рота, попавшая в Архангельск вместе с французским посольством, которое она охраняла в тяжелое время в Петрограде.

3. В долине реки Емцы и реки Средь-Мехреньги находилось около 4 рот американцев и столько же англичан. Кроме того, далеко выдвинутое селение Тарасово было занято крупным отрядом партизан в составе около 500 человек из местных крестьян, организовавшихся по собственному почину.

4. Город Шенкурск (долина реки Ваги) был занят отрядом и англичан и американцев, всего силою до 9—10 рот. Кроме того, там же находился отряд Берса из русских контингентов, силою до 200 человек, там же подготавливалась мобилизация русского батальона, но сделано еще ничего не было.

5. На Двине, в районе с. Троицкое, стоял сводный отряд из шотланцев, англичан и американцев, силою рот в 10. Там же был русский добровольческий офицерский отряд, в составе около 200 человек.

6. Долина Пинеги, в районе самого города, была занята отрядом американцев, в составе 2—3 рот, небольшого состава. В Пинеге понемногу начинала подбираться крупная партия партизан из местных жителей.

7. В долине р. Мезени действовал маленький русский отряд энергичного полковника Ш-ва, в составе всего 50 милиционеров, командированных из Архангельска. Это было уже вне влияния английского командования, которое абсолютно не интересовалось ни районом Мезени, ни районом Печоры, столь важным для связи с Сибирью.

В самом Архангельске находились многочисленные команды инструкторов в школах и отдельные взводы английских войск в разных частях города, которые в

общей сложности могли дать максимум один батальон. Роты две-три можно еще было бы набрать из состава судовых экипажей с сборной эскадры, стоявшей в порту.

Кроме этих сборных частей, в Архангельске имелись следующие русские формирования:

а) Закончивший мобилизацию батальон четырехротного состава. При нем кадры для развертывания второго батальона. Батальон этот находился в состоянии явного разложения и в полной связи с большевистствующими командами матросов в соседних флотских казармах, в Соломбале.

б) Только что прибывшая из Англии рота (100) человек, набранная из военнопленных, интернированных в Голландии. Рота представляла собою отличную с виду часть, щегольски одетую и вооруженную.

в) 2 взвода саперной роты, формируемой в предместье Маймакса.

г) Полуэскадрон конницы, еще не обученный.

д) Автомобильная рота, вернее, небольшая команда, для обслуживания нескольких набранных машин.

е) Артиллерийский дивизион (не вооруженный), в составе пеших команд, для сформирования 2 легких и 4 орудийных батарей и тяжелого взвода из 2 гаубиц. Материальная часть находилась на Двинском фронте и лишь там должна была быть передана дивизиону.

Подводя итог изложенному, получается, что силы союзников во всем огромном районе области измерялись количеством около 40 рот, что при слабом составе рот давало не более 5—6 тысяч человек сборных единиц, чрезвычайно пестрого по качеству состава.

Русские силы фактически еще были в зачатке, кроме отмобилизованного батальона, не боеспособного и не твердого по духу.

Полным хозяином всех этих сил был генерал Айронсайд и его штаб, который представлял собою довольно интересное зрелище.

Начальником штаба был неопытный лейтенант, из солдат, известный своей блестящей храбростью. Этот человек даже плохо разбирал карту.

Тут же при начальнике штаба было отделение, ведающее разведкой сил противника. В этом отделении работал и полковник князь Мурузи, в чине английского лейтенанта.

В том же здании помещалось и отделение «снабжения», целиком подчиненных генералу Ниддэму, который и был фактическим хозяином всего продовольствия, обмундирования и вооружения, получаемого войсками.

Высокий, элегантный и обходительный, первоначально он производил очень хорошее впечатление. Впоследствии мои отношения с ним несколько охладились, так как Ниддэм не понимал и не хотел понять ни наших русских интересов, ни исключительного положения области.

В особом здании помещалась организация, носившая название «Военный контроль». Военный контроль в области имел значение чисто политическое. Его представители, рассыпанные по всему фронту, вели работу по охране интересов союзных войск, наблюдению за населением и сыску. По существу это была чисто контрразведывательная организация с громадными правами по лишению свободы кого угодно и когда угодно.

Английские интересы были представлены в контроле полковником Торнхиллом, прекрасно и почти без акцента владеющим русским языком. Отлично знакомый с Россией дореволюционной, переживший немало и во время революции — Торнхилл являлся одной из центральных фигур по борьбе в области с большевистской пропагандой. Хорошо понимающий русскую действительность, он пользовался и соответствующим влиянием в штабе.

Другим членом контроля был граф Люберсак, представлявший интересы Французской республики. Осведомленность у графа Люберсака была поразительная. Обаятельно-любезный и широко гостеприимный, он собирал у себя в доме и англичан, и американцев, и русских.

Недалеко от «контроля» в особом доме помещалось огромное управление английского коменданта города,

полковника Кроссби, ирландца по происхождению. Этот представитель английской власти заслуживает совершенно особого внимания. Я думаю, никто из английских военных чинов не сумел завоевать такое расположение и такие горячие симпатии, какими пользовался Кроссби в самых широких кругах.

Я помню речь его, произнесенную в клубе, при огромном количестве английских офицеров, по случаю дня Нового года. Он указывал своим соотечественникам, что они «гости» в Архангельске, и требовал у них и соответствующей корректности в отношении населения и русских офицеров. Каждое его слово было проникнуто не только симпатией к России, но и глубоким уважением к ее величию, даже в несчастье.

На другой день после этой речи я счел своим долгом быть у Кроссби с благодарственным визитом.

Этот обворожительный человек старался делать добро даже в кругах, не имеющих никакого отношения к его служебной деятельности.

Представитель высшей французской военной власти был полковник Доноп, начальник военной миссии.

Полковник Доноп до Великой войны отбывал «стаж» в лейб-гвардии Драгунском полку и всегда носил полковой значок, поднесенный ему офицерами. Он знал русский язык и был хорошо знаком со старой армией и с революцией.

Я уже упоминал о Лелонге, связанном со мною личною дружбой. Здесь добавлю только, что раз в тяжелые минуты большевизма Лелонг, с большою опасностью для себя, спас мне жизнь. В этом эпизоде участвовал также капитан Барбье, которого я знал еще на французском фронте. Этот Барбье оказался тоже в Архангельске.

Французская военная миссия, помимо ее сотрудничества в моем трудном деле, для меня всегда была группой моих личных друзей, о которых я сохраняю самые светлые воспоминания.

Военные представители других стран прямого участия в формировании армии не принимали, и потому

говорить о них буду только попутно, в связи с описанием событий.

Конец ноября в Архангельске ознаменовался рядом торжеств по поводу наступившего перемирия на европейском фронте.

В первый же день я попал на торжественное заседание, с участием правительства, в клубе, организованном У.М.С.А.¹ для солдат союзнических частей, в одном из лучших помещений в городе.

Горячие патриотические речи, произнесенные Н. В. Чайковским и вожаками демократии в городе, произвели на меня двойственное впечатление. Я сочувствовал им всею душою, но разум подсказывал, что долгожданное перемирие на европейском фронте не послужит успеху дела Северной области. Измученные войной войска, заброшенные на далекую, чуждую им русскую окраину, не связанные военными обстоятельствами, будут тяготиться их ссылкой. А без этих войск никакая работа долго еще не будет возможна.

В этот же день г-н Нуланс произнес одну из своих блестящих речей. Он говорил, конечно, по-французски, но стоявший за ним лейтенант Манжо, великолепно владевший русским языком, немедленно и с теми же интонациями, в красивом переводе, фраза за фразой, передавал эту речь аудитории.

Горячим приветствиям французского посланника не было конца.

«Мы можем заключить мир, но никогда, я ручаюсь вам, этот мир не будет заключен с большевиками», — говорил г-н Нуланс. Глубокую веру в наше дело вселял он этими словами.

¹ «Христианский союз молодых людей» («Joung Men's Christian Assotiation») — буржуазная организация молодежи во время войны, занимавшаяся религиозно-нравственным воспитанием союзных солдат. (Примеч. ред.)

Мое вступление в должность генерал-губернатора и командующего войсками совершилось фактически крайне просто.

Я пришел в комнату, в которой работал адмирал Виккорст, сел за его стол, побеседовал с Виккорстом еще раз — и остался один перед моей громадной задачей.

В первый же день мне пришлось принять не менее ста лиц, а в первом же заседании правительства выступить с программой организации армии.

Правительству я прежде всего доложил, что являюсь представителем старой школы и в деле организации военных сил буду, естественно, придерживаться тех методов, которые изучал всю мою жизнь и с которыми работал в двух пережитых мною кампаниях.

В основу моей работы я прежде всего положил:

1. Восстановление военной дисциплины на точных принципах существовавшего до революции устава.

2. Восстановление достоинства и отличий как начальников из офицеров, так и таковых из солдат.

3. Восстановление формы одежды обязательно единообразной и с погонями старого образца. Правительству мною было указано, что для офицерского состава погоны являются не только формой одежды, но и символом офицерского достоинства и чести.

4. Кроме того, я немедленно потребовал восстановления полностью статута ордена Св. Георгия.

Требования мои легко были приняты правительством, за исключением... погон! Как это ни странно, но эта часть офицерского обмундирования оказалась в центре борьбы левых и правых течений. Правительство предсказывало необычайные трудности и конфликты с солдатами и даже с населением. Я был непреклонен и принятие моих требований поставил как условие немедленного моего отъезда или, в утвердительном случае, начала моей работы в области.

Положение в смысле настроений в мобилизованном полку было настолько острое, что правительство решило уступить, и это было для меня первой победой над слабостью духа, которая была так присуща деятелям эпохи керенщины.

На другой же день были объявлены соответствующие указы Временного правительства Северной области, сразу обратившие ко мне симпатии родных мне офицерских кругов, униженных в своем достоинстве и не находивших себе места, не зная, что с собой делать.

Надо было начинать дело, поставив прежде всего основу формирования, т.е. офицерский корпус, в привычные ему условия дисциплины и должного положения в рядах союзников.

В городе каждый день происходили офицерские драки. Комендантское управление было бессильно и лишь подробно доносило мне о всех скандалах, происшедших ночью, с указанием увечий и побоев.

Чтобы положить этому предел, я объявил приказ о немедленной регистрации всего офицерского состава, с проверкой всех документов, доказывающих право данного лица на офицерское звание.

Мною была учреждена особая комиссия с привлечением в нее представителей и военных, и гражданских, с участием сыска и контрразведки.

Громадная работа этой комиссии дала мне возможность уже в течение двух недель отдать себе отчет в тех силах, которыми я располагаю.

По памяти я могу восстановить, что регистрация дала мне цифру около 2000 человек, с чинами морского ведомства и военными чиновниками, учитывая в этом числе все школы, находящиеся в Архангельске.

Из этого числа собственно офицеров, пригодных для формирования войсковых частей, было около 1000 человек.

Для прекращения скандалов я учредил гауптвахту и коменданту, полковнику Трагеру, предложил усилить его управление комендантскими адъютантами в каком

угодно размере. В этом именно направлении нужно было действовать железною рукою и даже без «бархатной перчатки». Должность комендантских адъютантов была «одиозной». Это отвратительное слово, изобретенное революцией, как раз соответствовало положению. Офицерский состав настолько был «тронут», что должности военно-полицейского порядка были даже и небезопасны для лиц, их отправляющих.

Затем надо было немедленно ставить на ноги военную юстицию. Военных юристов в области не было, и потому легко представить себе те затруднения, которые я встретил на этом пути.

К счастью моему и благодаря компетентным советам С. Н. Городецкого я нашел себе опытного помощника в лице представителя местной прокуратуры, г-на Бидо, взявшего на себя громадный труд по организации военно-судебного ведомства в крае. Совершенно откровенно заявляя о своей неподготовленности к работе по военному ведомству, г-н Бидо героически согласился на этот подвиг, невзирая на отсутствие достойных и компетентных сотрудников¹.

Тогда я счел нужным приступить к пересмотру и переизданию уставов внутренней службы и дисциплинарного, разысканных с большим трудом, как библиографическая редкость². Уже проведение в жизнь только этих несложных мер потребовало исключительного труда.

¹ Даже С. Добровольский, не склонный видеть что-либо хорошее в моей деятельности, отметил в статье своей, что «в основу организации военно-судебного ведомства были положены правильные принципы, что составляло громадную заслугу всех тех гражданских юристов, на которых выпала трудная задача организации военно-судебных установлений на Севере». «Борьба за возрождение России в Северной Области». «Архив Русской Революции», Т. III. С. 103.

² Значение этой меры, слава богу, также нашло надлежащую оценку в той же статье С. Добровольского.

Часть офицерства с восторгом надела погоны и кое-как раздобыла кокарды, ордена и другие наружные отличия. Другие боялись этих погон до такой степени, что мне пришлось бороться уже с помощью гауптвахты и дисциплинарных взысканий.

Что касается солдат, то меры мои встретили крутое сопротивление. В трактирах и кабаках солдаты спарывали нашивки с заходящих туда унтер-офицеров. По городу продолжали шляться матросы без полосаток¹, что составляло особый революционный «шик», с драгоценными камнями на голой шее.

Прибавлю к этому, что в изнервничавшейся массе первые дисциплинарные взыскания встречались с революционной истерией, слезами и криками, что их ведут на расстрел.

Мои дисциплинарные меры в первые дни встречали мало поддержки и со стороны офицерского состава. Я помню, как пришлось возиться три-четыре дня, чтобы снять с судна двух матросов, арестованных в дисциплинарном порядке. Арест сопровождался митингами, истерикой виновных, с топтанием фуражек ногами, причем команда была доведена до такого напряжения, что бунт мог вспыхнуть каждую секунду.

Терпение и настойчивость нужно было проявить железные. Вместе с тем нужно было принять ряд неотложных мер к поднятию морали и успокоению этой бушующей орды.

Прежде всего нужно было привести в порядок казармы, где помещались мобилизованные. Казармы были грязны и запущены, кухня в полном беспорядке, пища неважная, лазарет (приемный покой) без белья и в грязи... Все это особенно бросалось в глаза по сравнению с щегольством и обилием в частях войск англичан и американцев.

Я добился широкого допуска солдат в «Солдатский клуб», организованный У.М.С.А. в одном из лучших

¹ Фуфаяк.

помещений города. Добиться особого помещения у города для русских солдат я не мог, так как буквально все было забито широко размещившимися союзными учреждениями.

Старания мои обособить моих солдат в их собственном помещении основывались на том, что русские солдаты были недостаточно хорошо одеты, не владели языком и не чувствовали себя дома в иностранном клубе. С другой стороны, русские солдаты уже тогда настолько были многочисленны по сравнению с союзниками, что все припасы и табак в клубе расхватывались главным образом ими, и англичане начинали уже жаловаться.

В конце концов я вычистил подвалы в архангелогородских казармах и устроил там с помощью У.М.С.А. вполне хорошее солдатское собрание и лавку¹.

Вспоминаю еще одну подробность. Я долго добивался улучшения солдатской пищи. По моей строевой практике я знаю этот вопрос. Во всем Архангельске не было лука (!). Для людей, незнакомых с таинствами солдатской кухни, эта драма не покажется большой, но зато меня поймут старые офицеры.

В отношении улучшения быта офицеров мне пришлось долго возиться с переорганизацией гарнизонного собрания, и лишь много времени спустя я добился полного переворота в хозяйстве и порядках этого учреждения.

Кроме того, я учредил особый клуб георгиевских кавалеров. В основание этого клуба я положил идею сближения между собою лучших офицерских сил, отмеченных высшим военным отличием. Я полагал, что образуя крепкое, надежное ядро офицерского состава, я постепенно сгруппирую около этого ядра лучшие, еще не разложившиеся элементы, что в зна-

¹ Эта часть неверно изложена у С. Добровольского, указавшего, что первый солдатский клуб был организован лишь генералом Миллером.

чительной степени облегчит мне выбор начальствующих лиц¹.

Конечно, задуманная мною программа не удалась полностью, но все же клуб объединил довольно широкие круги, а впоследствии, когда удалось достать для него помещение, — клуб сделался одним из лучших в Архангельске.

¹ В число основателей клуба вошли и те иностранные представители, которые носили знаки этого русского ордена. Это были: сербской службы майор Павлович — имевший орден Св. Георгия 4-й степени, польской службы, полковник граф Соллогуб — имевший тот же орден, французской службы майор Лелонг, награжденный георгиевским оружием в период своей службы в русских войсках во Франции.

В военных кругах к декабрю много говорили о праздновании георгиевского праздника. Еще до моего приезда была учреждена особая комиссия под председательством полковника Трагера для организации порядка празднования. Особенно интересовались праздником офицерские круги, которые на нем настаивали, так как в самом разрешении его правительством офицеры видели торжество своих идей и уклон правительства в сторону восстановления армии на старых началах.

По программе праздника предполагалось устроить молебен, парад и общий обед георгиевских кавалеров в казармах мобилизованного полка.

Наступил торжественный день, когда я вновь в строю увидел русские войска, в уставных порядках, с офицерами на местах.

Первое впечатление, когда я подходил к строю, было хорошее.

Полком командовал полковник Шевцов, израненный герой-доброволец, любимец и солдат, и офицеров.

Полк был чисто одет и хорошо стоял шпалерами кругом Соборной площади.

Я подошел к первой роте и, по обычаю, громко поздоровался с людьми. Мне ответили кое-как.

При ближайшем рассмотрении все оказалось много хуже, чем представлялось издали. Лица солдат были озлоблены, болезненны и неопрятны. Длинные волосы, небрежно надетые головные уборы, невычищенная обувь. Все это бросалось в глаза старому офицеру, и видна была громадная работа, которую надо было сделать, чтобы взять солдат в руки.

Все эти мелочи имеют громадное значение, и вовсе не надо было быть Шерлоком Холмсом, чтобы определить, что в этой части солдаты дурно едят, шляются по ночам, не имеют достаточного количества авторитетных начальников из унтер-офицеров, которые ведут их, что одиночное обучение отсутствует, что дисциплины в части нет.

Вторая половина батальона на мое приветствие не ответила. Ротные командиры доложили, что люди не обучены общим ответам.

Артиллерийский дивизион — в отличном виде. Видны здоровые лица людей, прекрасная пригонка обмундирования, люди имеют бодрый и веселый вид. Все в порядке.

Автомобильная рота в строевом отношении хуже, но вид у людей здоровый, отдохнувший и незлобный.

Отмечу еще, что в строю пехотного полка на месте знамени стоял какой-то оранжевый флаг, испещренный белыми надписями. На меня это произвело отвратительное впечатление, так как это напоминало мне плакаты и грязные тряпки, которыми загажены были все войсковые части в строю в эпоху печальной памяти Временного правительства.

Так или иначе, но этот памятный мне парад я довел до конца, обошел строй с духовенством и подал команду к церемониальному маршу.

Парад принял, по званию главнокомандующего, генерал Айронсайд, рядом с которым стоял Николай Васильевич Чайковский, как председатель правительства области.

По окончании парада состоялся обед в казармах полка для всех без исключения кавалеров. Офицеры, представители правительства и военные представители союзных войск обедали в отдельном помещении, но тут же в непосредственной близости солдат.

Во время этого торжества все обошлось благополучно, никаких инцидентов не было, и единственно, что меня заставляло задумываться, — это слишком уже добродушное отношение военнослужащих к моему положению командующего войсками в области. Всемерно преследуя всякую пышность и имея привычку есть из одного котла с солдатами и за одним столом с ними, я тем не менее требовал, чтобы начальник всегда оставался начальником, даже и в непосредственной близости к солдату, и в частной обстановке.

Немедленно после обеда я объявил лично по ротам, что обстановка требует усиления союзнических сил на фронте, что я считаю, что часть рот уже обучена в казармах достаточно и что пора перейти к работе в поле. Ввиду относительного затишья на фронте работу и обучение в поле лучше всего было организовать на фронте, а потому я указал 2-ю и 3-ю роту полка подготовить к выступлению, днем которого назначил 11 декабря. В этот день я приказал в 11 часов утра отслужить молебен перед казармами, после чего роты должны были следовать на железную дорогу, по железной дороге до ст. Обозерской и далее походным порядком.

Роты эти были хорошо обмундированы, вооружены и обильно снабжены офицерским составом. Отдавая себе ясно отчет в том, что работа этих рот на фронте послужит примером для дальнейших формирований, я приказал назначить не менее 10—12 офицеров в каждую роту, дабы не только взводы, но даже часть отделений была в офицерских руках. Попутно скажу, что было обращено должное внимание на образование пулеметных взводов при ротах, куда зачислены были

лишь отборные, верные люди, на которых в случае нужды можно было опереться.

Ни в этот день, ни на следующий в полку никаких инцидентов не произошло.

Так наступил памятный мне день 11 декабря.

В этот день я утром отправился в свой кабинет в присутственные места, откуда намеревался к 11 часам утра проехать на казарменный плац проститься и проводить выступавшие в поход роты.

В начале одиннадцатого часа я зачем-то должен был пройти в английский штаб. Выйдя на площадь, я повстречал кого-то из комендантского управления, бежавшего ко мне с докладом, что в казармах не все благополучно, а затем увидел и самого генерала Айронсайда, идущего ко мне, чтобы переговорить по тому же поводу. Я еще ничего не знал о случившемся, но английская военная полиция уже была в курсе происходившего в казармах.

Как оказалось, вот что случилось в архангелогородских казармах.

Уже с утра 11 декабря часть солдат расхватала свои винтовки и стала бегать из роты в роту, бурно обсуждая приказание о выступлении на фронт двух рот.

Прибывшему в казармы полковнику Шевцову солдаты сообщили, что на молебен они не выйдут и вообще на фронт не пойдут.

Полковник Шевцов попробовал использовать свое личное обаяние на солдат. В течение двух часов он убеждал озверелую толпу, что приказание должно быть исполнено и что поведение солдат будет иметь тяжелые последствия для них. Солдаты отвечали ему грязной бранью и угрозами.

Офицеры толпились в помещениях и не могли даже приблизиться к митингующим ордам.

Это снова был результат приказа №1, умело и ловко пущенного в свое время в войска, чтобы уничтожить их как опору власти. В чисто местном архангельском

смысле это было прямое следствие первых мероприятий северного правительства эпохи Лихача, опытного в деле разложения наших военных сил¹.

Так или иначе надо было приниматься за ликвидацию, и ликвидацию весьма категорическую и примерную.

Переговорив с Айронсайдом, я вернулся к себе в кабинет, вызвал по телефону полковника Шевцова и в резкой форме, несмотря на все мое уважение к нему, сделал ему выговор за то, что о непорядках в полку я узнал не от него, а лишь через английское командование. Далее я сказал ему, что я сейчас же еду в казармы, чтобы лично прекратить беспорядки. Полковник Шевцов ответил мне, что полк вверен ему, что беспорядки возникли, считает он, по его же вине и что, следовательно, он же должен своим авторитетом их прекратить, и просил меня дать ему срок и обождать с личным моим приездом.

Был уже двенадцатый час. Я сказал полковнику Шевцову, что даю ему время до двух часов дня, после чего приму все меры сам и заставлю назначенные роты выступить на фронт. Одновременно с этим я приказал пулеметной школе и бомбометной команде, составленным из отборных людей, оцепить казармы и подготовиться к возможному открытию огня из бомбометов и пулеметов.

Я предупредил телефонную станцию, чтобы моя связь с полком не прерывалась ни на одно мгновение.

Все старания офицерского состава и самого полковника Шевцова были тщетны. Казарма гудела как улей. Солдаты с чисто революционной элегантностью таскали ружья за собой за кончики штыков и наполняли грохотом прикладов все помещения и лестницы.

В исходе первого часа я прошел в кабинет к Николаю Васильевичу Чайковскому. Я застал его, как и все-

¹ Это поклеп: и Лихач и др. ему подобные «социалисты» не за страх, а за совесть работали, пытаясь создать боеспособные антисоветские части. Не их, конечно, вина, что это не удалось. (Примеч. ред.)

гда, в левом от дверей углу у окна, за своим столом, углубленным в работу. Я сообщил ему, что у меня неблагополучно в архангелогородских казармах, что я прошу его не беспокоиться ни о чем и что я к пяти часам пополудни так или иначе ликвидирую это дело.

Николай Васильевич совершенно спокойно отнесся к моему осведомлению и высказал полное доверие ко всему тому, что я сочту нужным предпринять. Разговор наш продолжался, я думаю, не более десяти минут. В половине второго я снова убедился в безуспешности переговоров командира полка с солдатами и приказал ему предупредить людей, что ровно в два часа я открою огонь.

Затем я отправился к казармам. Я прибыл на автомобиле к самому концу Троицкого проспекта и, остановившись шагах в двухстах от казарм, послал предупредить полковника Шевцова о моем прибытии. Из окон и с чердака уже стреляли. Шевцов прислал ко мне сейчас же полковника Михеева, выдающегося офицера и Георгиевского кавалера, за приказаниями.

Я приказал вывести из казарм желающих людей, со дворов свести всех полковых лошадей, а в бомбометную команду послал приказание ровно в 2 часа открыть огонь по центральной части казарм.

Я лично знаю бомбометчика первого бомбомета, который говорил мне, что вся команда, получив приказание зарядить бомбометы, боялась, что приказание будет отменено. Здесь играло роль глубокое утомление безобразиями, которое длилось уже почти два года. Все то, что хотело жить и работать, пламенно стремилось положить конец этим выступлениям сумасшедшего, истерического характера.

Из казарм вышла лишь рота, сформированная из военнопленных в Голландии, о которой я упоминал выше. Увы! Как я убедился впоследствии, не политические идеалы руководили этой ротой. Люди просто не хотели рисковать своей шкурой и думали только о том, чтобы встать на сторону тех, кто скорее их отправит по родным деревням. Когда я выслал эту роту на фронт,

мои «голландцы» начали медленно сгнивать, сдаваться в плен, перебегать к большевикам и отвратительно нести службу в боевой линии. Все это кончилось тем, что я приказал расформировать эту прекрасную только с виду роту.

Без нескольких минут два я зашел в стоявший на углу Троицкого проспекта американский госпиталь. Больные и раненые волновались, слыша шум и выстрелы. Я постарался успокоить всех и снова пошел к выходу. В это время вернулся посланный мной толковник Дилакторский, чтобы сказать, что стрельба из окон усилилась и что он не мог приблизиться к казармам.

Мимо госпиталя прошла беглым шагом рота английских моряков, наскоро спущенная с судов на всякий случай и пододвинутая к казармам.

Я вышел на улицу. Окна казарм были заняты солдатами, что-то кричавшими и махавшими руками. Как сейчас вижу перед собой бок этого огромного флигеля, окрашенного в белый цвет. С чердака раздавались редкие выстрелы.

В два часа ровно ударил первый бомбомет, за ним второй и третий... И только!.. Я даже точно не помню, был ли третий выстрел...

Из окон дождем посыпались стекла, и почти в то же мгновение люди, побросав ружья, побежали, как муравьи, на казарменный плац.

Я это вижу все как сейчас... Через несколько минут весь плац был покрыт черными толпами, которые начали группироваться и собираться в роты.

Ясно, что все было кончено!

Вновь появился полковник Михеев за приказаниями.

Я искренно говорю, что я не размышлял ни одной секунды. Я вполголоса и спокойно приказал Михееву немедленно потребовать зачинщиков, а ежели роты таковых выдавать не будут — взять каждого десятого человека по шеренгам и расстрелять на месте.

Я медленно подвигался к главному подъезду казарм в сопровождении полковника Дилакторского, моего адъютанта князя Гагарина и подъехавшего сюда же майора Лелонга.

Прибыл Айронсайд. Тут же на улице я сообщил ему мои приказания и успокоил его, что все обойдется и что в роте десанта надобности не будет¹.

К этому моменту мне сообщили, что зачинщики в числе тринадцати человек выданы и находятся под охраной караула.

Я отдал приказ зачинщиков расстрелять, взяв для этого первую полуроту 1-й роты, а ротам, назначенным в поход, выступить в таковой немедленно, как это было указано ранее данным мной распоряжением.

Уже темнело. Айронсайд уехал. Людей начали разводить по казармам.

Я решил оставаться на месте до тех пор, пока не увижу, что мои приказания будут исполнены в точности. Айронсайд оставил на всякий случай два взвода англичан из состава архангельского гарнизона в моем распоряжении. Я приказал им сопровождать полуроту, назначенную для расстрела зачинщиков бунта.

Я не буду описывать разыгравшихся тяжелых сцен. В этой полутемной комнате казарм, где я остался сидеть, освещенной одной свечкой, так как электричество было только что испорчено бомбами, я испытывал чувство не слабости, не сомнения... нет, но чувство глубокой тоски.

Других средств в борьбе, которую я взял на свои плечи, я не мог применить, а потому совесть моя была спокойна... Спокойна моя совесть и теперь, несколько лет спустя после этого памятного дня. Иначе поступить я не мог...

В эту минуту раздумья и большой нравственной усталости я услышал голос моего друга, который сказал мне: «Тебе тяжело, конечно, но я хочу помочь тебе и сказать, что сегодняшним днем ты выиграл успех всей мобилизации, а может быть, и успех восстановления порядка в России...»

¹ Несколькоими строками ниже Марушевский сам признает, что надобность в десанте была, англичане должны были «на всякий случай» отправиться к месту расстрела. Эти военно-полицейские обязанности интервенты исполняли очень часто. (Примеч. ред.)

Спасибо тебе, дорогой Лелонг, за эту минуту.

Наконец пришел полковник Шевцов доложить мне, что 2-я и 3-я роты двинулись на пароходе для переправы через Двину и следованию на Бакарицу для дальнейшей отправки, а что зачинщиков повели к месту расстрела.

Я вышел из казарм и снова отправился в свой кабинет в присутственные места, чтобы у своего стола у телефонной трубки ждать доклада о расстреле.

И эта минута наступила... В присутственных местах в этот час я был один. Только старый-старый швейцар где-то копошился... Я прислонился головой к спинке стула и застыл со своим кошмаром вплоть до восьми часов — до начала заседания правительства.

В восемь часов правительство было в сборе, я вошел в знакомую мне темноватую залу и попросил доклада вне порядка заседания.

Я изложил все, что было пережито мной в этот день.

Когда я сказал, что приговор мой приведен в исполнение два часа тому назад, Н. В. Чайковский вскрикнул:

— Как, без суда?

Я ответил: «По точному смыслу устава дисциплинарного, предоставляющего начальнику безграничные права, в смысле выбора средств по восстановлению дисциплины — и на мою личную перед Россией ответственность».

Правительство признало мои действия правильными и отвечающими обстановке.

Я немедленно выпустил короткое воззвание к населению, в котором объявил, что произошли небольшие беспорядки в архангелогородских казармах, которые были немедленно подавлены¹. В этом же воззвании я

¹ В объявлении было сказано несколько деликатнее: «11 сего декабря, — писал Марушевский, — в Архангелогородском полку произошли небольшие недоразумения, которые немедленно же были прекращены». (Вестник временного правительства Северной области № 54). (Примеч. ред.)

просил население ни о чем не беспокоиться и продолжать свои обычные занятия.

Так кончился этот день, и так тяжело и с такими жертвами пришлось мне положить предел разговорам и митингам в войсках и приступить к настоящей работе.

Необычайны изгибы русской природы. 2-я и 3-я роты, следовавшие на фронт, после всего того, что произошло 11 декабря, пели песни. Иностранцы, бывшие в курсе событий этого дня, — не могли разобраться в этом факте и оценили его весьма невыгодно для русских. Я бы сказал, что, судя по разговорам в иностранной колонии, многие ее представители испытали отталкивающее чувство. Мои объяснения на ту тему, что мы, русские, необычайно широки, бесшабашны, что, наконец, песни выражали скорее настроение печальное, — не могли рассеять крайне невыгодного впечатления у иностранцев. Себе самому я объясняю эти песни по-другому. Мне кажется, что этою напускной веселостью солдаты желали показать сочувствие власти, показавшей свою силу. Если подойти к этому факту с этой стороны, то, пожалуй, оценка русского характера тоже не выиграет, но мне кажется, что это несомненно было так, и последующие события убедили меня в том, что по крепкой власти соскучились все и все ждали ее.

12 декабря я вместе с генералом Айронсайдом отправился на станцию железной дороги, вблизи которой были размещены эти роты.

К нашему приезду обе роты были выведены на площадку и построены между ротой английской пехоты и ротой английского же дисциплинарного батальона, сформированной из красных пленных.

Мы намеренно долго обходили ряды и останавливались над каждой мелочью. Настроение моих солдат было подавленное, вероятно, они думали, что тут же я начну следствие и разбор всего того, что произошло накануне.

Обойдя роты, Айронсайд обратился с небольшой речью, которая была сейчас же переведена на русский

язык. После этого говорил я в очень резкой форме, упрекая роты во всем происшедшем. Затем роты были разведены по баракам, причем у русских барачников был поставлен английский караул, а роты были разоружены.

Выждав еще некоторое время, я пошел один в эти бараки. При моем входе раздалась отчетливая команда «смирно» и все люди, вскочив со своих мест, замерли.

Я сказал им, что, если они дают честное слово быть верными и хорошими солдатами, я сниму английский караул и верну им оружие.

Солдаты клялись, называли меня «отец родной», «батюшка», и настроение их проявилось бурной радостью и криками «ура».

В тот же день роты отправлены по назначению и выделялись потом своею отличною службою до самого конца всей северной эпопеи.

Зажиточное население Архангельска после этих дней стало относиться ко мне с симпатией, рабочие в Соломбале пытались на бурных митингах потребовать объяснений у правительства, но все эти оппозиционные попытки были прекращены В. И. Игнатьевым, выступившим на одном из митингов с речью, в которой он весьма твердо и определенно заявил, что правительство не остановится ни перед какими мерами, чтобы предотвратить малейшее сопротивление власти или нарушение дисциплины в войсках.

В половине декабря наступило некоторое успокоение и в правительственных и в общественных кругах.

Я приступил к выработке мер на случай тревоги в городе. Меры эти пока сводились лишь к вооружению офицерского состава и точному указанию каждому места и обязанностей на случай, если в городе не все будет благополучно. Естественно, что я хотел свой приказ о тревоге согласовать с теми предварительными мерами, которые, я не сомневался, выработаны в штабе генерала Айронсайда. Как это ни странно, мне удалось сделать эту работу лишь после многочисленных перегово-

ров с англичанами, так как свои секретные распоряжения они не доверяли даже мне.

При всем моем горячем желании не делать недоразумений из мелочей я не мог не учитывать оскорбительного недоверия, проявлявшегося чуть не каждый день. Вместе с тем мне было слишком ясно, что без материальной помощи англичан не обойтись, и я считал своим патриотическим долгом проявить максимум терпения, что мне и удалось сделать, по крайней мере в первые недели моей работы.

В эту же эпоху партизанское движение в крае пошло быстрыми шагами вперед и указало мне путь, по которому надо было вести дело формирования армии.

Я уже упоминал выше о геройской защите с. Тарасово местными мужиками, организовавшимися в дружину.

Эти герои прислали мне целую депутацию просить поддержки. Я в первую же минуту появления представителей партизан в Архангельске понял, как насущно необходимо поддержать это здоровое течение, идущее из толщи самой массы населения.

Почти одновременно с тарасовцами в Архангельск прибыли и представители партизан из Пинеги.

С. Тарасово было далеко выдвинуто вперед по отношению к англо-американскому отряду, занимавшему район с. Селецково.

Первое же, что мне казалось необходимым, — это добиться у Айронсайда приказаания Селецкому отряду о выдвижении его на юг для занятия более широкого фронта, в котором Тарасовский район будет составной частью.

Мои самые настойчивые требования, пояснения и просьбы не имели никаких результатов, и, как увидим ниже, тарасовцы, предоставленные самим себе, два месяца спустя, были выбиты из своих гнезд.

Пинежские партизаны, отлично дравшиеся к югу от Пинеги, в это время были покинуты американским отрядом, который без всяких объяснений отступил в

самый город, предоставив крестьянскую дружину самой себе.

Все, что я мог сделать в это время, — это дать партизанам денег и усилить их оружием и офицерами.

В Тарасовском отряде уже работало несколько офицеров, которых крестьяне в полном смысле этого слова носили на руках. Двое из этих офицеров уже отморозили ноги, но тем не менее не оставляли своей боевой работы¹.

В Тарасове был послан транспорт с хлебом, медикаментами, оружием и боевыми припасами. Кроме того, туда же поехали офицеры-охотники.

Что касается Пинеги, где всю партизанскую организацию надо было еще ставить на ноги, я использовал способности и доблесть приехавшего следом за мною капитана Акутина, выдающиеся качества которого мне были известны по Великой войне.

Я познакомил представителей партизан с Акутиным, которому предложил сформировать транспорт с оружием и продовольствием, набрав вместе с тем в Архангельске необходимое для начала работы количество офицеров. Сборы Акутина не продолжались и недели, а с его прибытием Пинега вздохнула свободно и положение стало устойчивым.

Несколько позже обнаружилось партизанское движение в долине р. Онеги и под Шенкурском, но оно развивалось значительно менее успешно, чем в Тарасовском районе и на р. Пинеге.

В тот же период был достигнут ряд блестящих успехов отрядом полковника Ш-ва, перебросившим свои силы с долины р. Мезени до долины р. Печоры, с занятием Усть-Цыльмы и прилегающих к этому фронту районов. Отряд Ш-ва начал расти с маленького ядра милиционеров, силою всего в 50 человек. В декабре в этом отряде мы считали уже 500.

¹ По вполне понятным причинам я умалчиваю об именах многих героев, судьба которых мне неизвестна.

Я решил, пользуясь Архангелогородским полком как запасным, высылать из него роту за ротой, а затем, по мере накопления рот в разных районах фронта и постепенной милитаризации партизан, — приступить к организации батальонов, а затем и полков.

В спешном порядке было приступлено к образованию кадров для формирования отдельных батальонов в Холмогорах, Шенкурске и Онеге.

Трудами В. А. Жилинского военное управление было несколько сокращено и преобразовано в «Штаб командующего войсками Северной области».

Штаб этот должен был содержать в себе ячейки для постепенного развертывания, по мере роста войсковых формирований. Имея огромную нужду в офицерах, способных нести службу в строю, я препятствовал всемерно заполнению штабных должностей здоровыми офицерами, годными к строевой службе. Несмотря на весьма ограниченное число штабных офицеров, я все-таки не избавился от упреков в том, что штаб был велик и неизвестно было, чем там люди занимались. Отношу это к совести и разуму того, кто¹ так поверхностно относится к фактам и событиям, которых он не знал и которых свидетелем не был.

Штаб расположился в здании Торгово-Промышленного клуба, весьма неудобного, перегороженного деревянными переборками, при наличии весьма немногих помещений, удобных и возможных для работы².

Правительство отнеслось ко всем моим мероприятиям с большим доверием и, я сказал бы, симпатией. Я никогда не видел ни малейшей задержки в просимых мною

¹ С. Добровольский. Т. III. Архив Русской Революции. С. 28.

² Какие причины заставили С. Добровольского назвать это здание, старое и запущенное, где всего в одном этаже группировалось 20—25 служащих, — грандиозным учреждением — я не знаю.

кредитах или возражений по поводу принимаемых в моей специальной области мер.

Насколько я чувствовал себя хозяином в отношении военного дела в крае, настолько же я положительно терялся в отношении дел гражданского управления краем.

Не имея никакого опыта в земских и городских делах, я чувствовал себя компетентным лишь в делах административного и полицейского порядка. Сомнения свои я совершенно искренно высказывал правительству и просил его ввести в состав наших заседаний губернско-го комиссара В. И. Игнатьева, для облегчения решения вопросов по моей компетенции генерал-губернатора. Тогда же в личной беседе с Н. В. Чайковским я просил его ввести в администрацию края Б. В. Романова, приехавшего вместе со мной в Архангельск. Я указывал Николаю Васильевичу на Романова как возможного заместителя В. И. Игнатьева, собиравшегося уехать из области по своим партийно-политическим делам.

Борис Вадимович Романов, имея высшее юридическое образование, не был кадровым офицером и весь промежуток между войной 1904 года и Великой европейской провел на должностях председателя земской управы и управляющего одним из заводов на Урале. Никогда не интересуясь военным делом специально, он носил чин всего лишь корнета, что не мешало ему, однако, быть одним из самых моих деятельных и, главное, безгранично доверенных помощников в деле командования русской бригадой во Франции.

Я рассчитывал на его силы, образование, большие дарования и житейский такт и был весьма обрадован, когда правительство назначило его помощником Игнатьева, т.е., по-старому, на должность вице-губернатора.

Одновременно правительство уже разрабатывало вопрос о создании особого отдела министерства внутренних дел, заведующий которым должен был войти в состав правительства как член такового, но с подчинением генерал-губернатору.

Обстоятельства складывались так, что казалось естественным что по отъезде Игнатьева непосредственным сотрудником правительства окажется Б. В. Романов.

В конце концов вышло так, что Игнатьев отложил свою поездку, а в половине января он же получил в заведование отдел внутренних дел.

Возвращаясь к личности В. И. Игнатьева, я с глубоким убеждением говорю, что если в течение всей моей деятельности на Севере я ни разу не имел против себя весьма распространенного «Возрождения Севера», то этим я обязан работе Игнатьева не в мою, конечно, пользу, но во исполнение принципа изолирования армии от политики, принципа, вкорененного Игнатьевым в руководящие круги журнала.

«Возрождение Севера» не только не мешало мне в моей специальной работе, но, наоборот, ревниво следя за работой правительства, газета не раз подчеркивала успехи войсковой работы, несмотря на мои подчас весьма крутые меры.

В половине декабря до Архангельска дошли первые вести о происшедшем в Сибири перевороте и о создании правительства адмирала Колчака¹.

Когда сведения стали более определенными, в правительстве в течение нескольких дней происходили упорные дебаты, по поводу точки зрения на совершившийся переворот.

Первым же высказался против Колчака председатель правительства.

Николай Васильевич видел в перевороте «попрание уже народившейся законности и преемственности власти». Горячую свою речь он закончил словами: «Тогда что же это, господа?» — и ответил сам себе тут же определением: «Гражданская война».

¹ Сибирский переворот произошел 18 ноября 1918 г. Адмирал Колчак, военный министр всероссийского правительства, разогнал эсеро-кадетскую Директорию и провозгласил себя «Верховным правителем России».

Против речи Николая Васильевича я выступал не только в первый же день возникновения этих дебатов, но и во все последующие дни, пока не удалось добиться примирительного решения.

Я доказывал, что первой нашей целью является свержение большевиков и что поэтому все меры и все средства, которые ведут к цели, приемлемы.

Я доказывал, что все программные и партийные споры сейчас неуместны и ослабят крепнущую силу антибольшевистских армий.

Я говорил, наконец, что о характере и программе власти нельзя и думать сейчас, когда вся Россия находится в состоянии хаоса.

Николай Васильевич горячился. Честный и прямой, он назвал меня один раз в споре «оппортунистом»... и я нисколько не обиделся, так как это было верно в отношении моих взглядов на существующие в то время правительства. Монархист в моих политических идеалах, я упорно верил, что создаваемые в ту эпоху власти и правого, и левого направления являются лишь переходными ступенями в деле воссоздания власти центральной, и считал, что раз идет борьба с большевиками, то эти власти надо поддерживать и идти с ними. Я полагал, что по свержении большевиков борьба между отдельными партиями неизбежна и даже нормальна. Борьба эта, по-моему, будет разыгрываться уже в меньшем масштабе, причем победит наиболее здоровое течение, т.е. то, которое более всего соответствует духу и потребностям страны.

В результате наших споров правительство «поделилось», по выражению самого Николая Васильевича Чайковского. Если мне тогда же не удалось добиться слияния наших действий с сибирским правительством, что, впрочем, и физически было невыполнимо, то, во всяком случае, мне удалось подготовить почву для этого слияния настолько, что фактически сибирское правительство нами было признано «де-юре», результатом чего была первая снаряженная мною экспедиция по сухому пути в

Сибирь в марте, а затем уже последовало и постановление Северного правительства 30 апреля 1919 г. с посылкою соответствующих заявлений по телеграфу¹.

За происходящими в правительстве дебатами с живейшим интересом следила местная иностранная колония и все население Архангельска. Позиция, принятая правительством, была встречена всеми с удовлетворением. Наступила эпоха самых радужных надежд и упований на скорое завершение борьбы победой принципов законности и права.

Мое положение в это время сильно упрочилось, как в симпатиях населения, так и в кругах британского командования. Мои отношения с генералом Айронсайдом приняли характер весьма дружественный и откровенный. Работа в значительной мере облегчилась, т. е., вернее, стала встречать меньше трений на своем пути.

В конце декабря в обширных помещениях городской думы состоялся «банкет», данный правительством и общественными кругами г. Архангельска представителям иностранных держав и союзнических войск, освободивших город от большевистской власти.

Банкет начался в 8 часов вечера, с обильной программой яств и с еще более обильной программой политических речей программного характера с нашей стороны.

Говорили все представители власти, городской голова, представители финансово-экономических кругов.

Как носитель военной власти, я решил говорить последним, чтобы, так сказать, резюмировать все сказанное до меня и подчеркнуть значение русской военной силы. Передо мною генерал Саввич должен был сказать слово в честь старой императорской армии, а я должен был говорить уже о новых послереволюционных формированиях.

¹ Признание Северным правительством правительства Колчака произошло и без давления союзников. См. цитир. работу т. Свечникова, с. 449—451. (Примеч. ред.)

Вспоминая об этом торжестве, снова скажу, что это было время самого необузданного оптимизма.

Речь мою мне пришлось начать в очередь лишь в 1 ч. 40 м. пополуночи. Несмотря на утомление всех присутствующих, я был принят весьма горячо и каждая моя фраза встречалась бурей рукоплесканий.

Успех речи, повторяю, покоился на радужном настроении обывателей Архангельска и их твердой вере в возможность создания твердой военной силы, хотя я и кончил поток своего красноречия указанием на ответ казаков Тарасу Бульбе: «Что пороха-то в пороховницах уже нет, но сила казацкая еще не гнется».

Да! Пороху действительно не было, и, несмотря на «силу казацкую», в конце концов северное действо погибло.

Приближались рождественские праздники. Архангельск несколько подчистился и готовился торжественно провести эти дни.

«Réveillion» был организован французской военной миссией в гарнизонном собрании. Обширная зала собрания, уставленная отдельными столами и столиками, вместила в себе все французское население города и всех тех, кто имел друзей в миссии, т.е. представителей союзного командования, массу местных дам и городских деятелей, большое количество русского офицерства.

Всякая официальность была исключена, и после обильного ужина тут же в зале начался дивертисмент, организованный своими собственными силами и средствами.

В массе весьма остроумных куплетов, эпиграмм и шарад была обрисована вся архангельская жизнь последних дней.

Все закончилось балом, затянувшимся до утра. В этой атмосфере искреннего веселья не произошло никакого инцидента, несмотря на обильно лившееся вино и большое разнообразие в подборе приглашенных. Вечер давал самое отрадное впечатление и большие надежды

на улучшение отношений между общественностью и военными элементами, как иностранными, так и русскими.

На следующий день я был приглашен на интимный завтрак у г-на Нуланса. Я его называю интимным потому, что на нем были лишь ближайшие сотрудники французского посла, т.е. исключительно французы.

С чувством глубокой благодарности я вспоминаю подобные приемы в семье г-на Нуланса. Завтрак прошел с веселостью, столь свойственной любимому мной французскому обществу.

Русское общество празднование Рождества отложило на 13 дней, так как мы в Архангельске жили по старому стилю и праздновали свое Рождество вместе с сербскими представителями.

Я застал еще в Архангельске г-на Спалайковича и бесконечно рад, что судьба дала мне возможность познакомиться с этим крупным политическим деятелем, беззаветно любившим Россию. «Наша сестра, наша сестра...» — и крупные слезы лились из его глаз, когда он произносил свои горячие патриотические речи.

Спалайковича любили в Архангельске. Вспоминаю адрес, поднесенный ему населением по случаю перемирия, покрытый бесконечным рядом подписей представителей власти, буржуазии, демократии... короче, всего населения области.

Русские праздники выразились в нескольких вечерах, устраиваемых главным образом теми, кто обладал еще средствами.

Насколько жить еще можно было широко, можно судить хотя бы по вечеру у барона Ш. в честь русского Нового года.

На этом вечере были почти все иностранные посольства, все военные миссии и масса представителей архангельского общества.

Была открытая сцена с «Обозрением», исполненным любителями, был великолепный открытый буфет, и дорогое вино, и... да одним словом все, что полагалось в давно прошедшие времена.

Правительство Северной области было бедно... и в этом наша гордость. Члены правительства не могли устраивать ни больших, ни малых приемов. Если за все время моего пребывания в области я могу насчитать два-три лишь раза, когда в доме у Н. В. Чайковского, а затем П. Ю. Зубова, был народ, то это доказывает, как ограничены были в своих окладах носители высшей власти в крае. Именно в этих вопросах князь Иван Анатольевич Куракин был беспощаден, и даже необходимые увеличения окладов из-за возраставшей дороговизны вызывали с его стороны неизменные протесты. Прибавлю здесь, что, потеряв все, князь Куракин сильно нуждался и болел душой за семью, которой надо было высылать средства.

В такой обстановке, которую можно назвать и спокойной, и благоприятной, мы подошли к 1919 году, исполненные самых оптимистических надежд и упований на победный конец той борьбы, которую мы вели.

1919 г.

VII. ЯНВАРЬ

За мою шестинедельную работу я несколько освоился с тем офицерским составом, с которым приходилось работать, и несколько пригляделся к солдатам.

В офицерской среде я должен отметить прежде всего монархические устремления, к которым примыкали лучшие представители строя.

Должен сказать, что я считал это явление совершенно естественным, так как видел в нем проявление чувства долга, чести и верности принятым на себя обязательствам в момент вступления в состав офицерского корпуса. Несомненно, что чувства долга и верности сумели сохранить в себе элементы, еще не тронутые тлетворным влиянием революции, — и вот отчего я позволяю говорить себе, что к монархическому течению примыкали лучшие представители кадрового офицерства, наиболее подготовленные для строевой работы.

Именно эти же представители, вернее всего, по цельности своей натуры, проявляли полную нетерпимость ко всем проявлениям «завоеваний революции» и, конечно, сгруппировались в свое время около капитана 2 ранга Чаплина, инициатора сентябрьского переворота и ареста областного правительства.

Капитан 2 ранга Чаплин по моем вступлении в должность явился ко мне и с полной откровенностью рассказал все то, что произошло в сентябре, не скрывая ни своих политических верований, ни тех затруднений, с которыми ему пришлось встретиться.

В искренней, сердечной беседе мне, кажется, удалось убедить его в несвоевременности переворотов в совершенно неустроенной области.

Молодой, крепкий, с кипучей энергией, Чаплин был отличным работником, и жалко было обрекать эту здоровую, избыточную силу на ссылку на станции Обозерской, где он убивал свою энергию охотой.

Я полагал, что, имея дело с прямым, храбрым, честным человеком, я всегда в состоянии буду привлечь его к созидательной работе в области.

Надо было выждать. Правительство в левой его половине чрезвычайно нервно относилось к имени Чаплина, и одно его появление в Архангельске всегда вызывало беспокойство.

Да и не одно правительство. В первые дни нового года ко мне явился генерал Ниддэм, который от имени всех иностранных послов предъявил мне требование о немедленной высылке Чаплина из Архангельска, Хотя я и понимал всю юмористическую сторону подобной меры, что мною и было высказано Ниддэму, тем не менее надо было подчиняться силе. Когда я сказал Ниддэму, что это будет сделано, он усомнился в моем авторитете.

Все кончилось моим разговором с Чаплиным, после которого он немедленно уехал на Обозерскую, имея мое разрешение недели через две-три снова вернуться в Архангельск.

В конце концов тот же Чаплин отлично командовал полком, а на завтраке у него в полку присутствовал заместитель председателя временного правительства.

Ссылка Чаплина на Обозерскую окружила его имя ореолом, и именно поэтому он пользовался особою популярностью в правых кругах городской общественности и в некоторых офицерских группах.

Именно эти круги и группы составляли оппозицию правительству. С другой стороны, оппозицию правительству составили тесно сплоченные элементы бывшего «Гражданского управления генерала Пуля», которые группировали около себя всех недовольных и потерпевших от власти.

В один из вечеров я был приглашен этой группой на «чашку чая». Когда я приехал в дом «Гражданского управления», я застал там представителей чуть не всего правого крыла архангельского населения и большое количество представителей армии и флота.

Присутствовали от флота: адмирал Иванов, капитаны 1 ранга Медведев и Шевелев, бывший флигель-адъютант Вилькицкий и Бескровный, разъезжавший с какими-то таинственными поручениями по Европе и периодически посещавший Архангельск. От армии были: генерал Саввич, полковник Шевцов и подполковник Михеев, какие-то офицеры с черепами на погонах, офицеры в английской форме и в русской форме, издатель правого органа печати «Отечество» Е. П. Семенов, архитектор Л. А. Витлин, неизвестные мне штатские люди и, наконец, члены правительства Городецкий и Мефодиев.

Когда я поместился за обширным столом, то кто-то, обратившись к адмиралу Иванову, попросил разрешения продолжить «заседание», причем сразу был поставлен какой-то бойкий политический вопрос.

Я немедленно высказал свой протест, заявив, что меня пригласили на товарищескую беседу, а между тем я попал в какой-то политический клуб, где, к моему глубокому возмущению, в заседаниях принимают участие представители армии.

Далее я указал на свои требования в отношении вкоренения в армию дисциплины и совершенно отказался от каких бы то ни было обсуждений правительственной тактики.

Все это, конечно, вызвало некоторое неудовлетворение собравшегося общества и даже попытки политического спора, но все же мне удалось ввести поднявшиеся разговоры в рамки частной беседы.

Эта картина лучше всего характеризует те трудности, с которыми боролось правительство в деле упрочения власти.

Сильный напор на власть шел и слева и, как мы видим, справа.

В отношении «правых» я должен сказать, что к ним примкнул еще и ряд личностей, компрометировавших самую идею и достигавших своими действиями глубокого недоверия населения к офицерам.

Некоторые офицерские круги устраивали по своим квартирам кутежи с местным оркестром профессионального союза.

Чаще всего эти «гуляния» кончались приказанием оркестру играть «Боже, царя храни». На отказ музыкантов начиналось их избивание, после чего они бежали жаловаться к Н. В. Чайковскому.

Только благодаря такту Николая Васильевича нам удавалось умиротворять эти скандалы, вызывавшие сейчас же волнения в рабочих слободах и на фабриках. И как это было трудно делать без войск, без достаточной полиции, в городе, набитом битком иностранными миссиями и иностранными войсками.

Как много было таких «идейных» работников в правых кругах. Принадлежа к тем же кругам с самого начала революции, я нарочно останавливаюсь на подробностях, чтобы указать, что все эти неуклюжие поступки приносили огромный вред и тормозили планомерную монархическую работу.

К началу года наши русские силы слагались примерно из следующих элементов.

1. На Мурмане дело не ладилось. С уходом Звегинцева во главе военных сил стал полковник Нагорнов. Не владея языками, Нагорнов не сумел создать отношений с английским командованием.

В малочисленных ротах порядка не было. Между офицерами рознь и временами большие ссоры и столкновения, кончавшиеся отдачей под суд и лишением свободы. Эти мурманские силы составляли всего лишь один батальон.

2. В долине р. Онеги у Чекуева стояла рота большого состава, и там же уже обозначилось партизанское движение, создавшее партию человек в сто.

3. В Селецком районе стояла рота и работали тарасовские партизаны, организованные уже в роты, с составом более 600 штыков.

4. На Двинском направлении по-прежнему работала офицерская добровольческая рота и 1-й артиллерийский дивизион в составе около 400 штыков и сабель.

5. Пинежские партизаны, уже отлично организованные Акутиным, образовали батальон силой до 400 штыков.

6. В Мезенско-Печорском районе отряды Ш. насчитывали около 600 штыков.

7. В самом Архангельске я имел уже полк в составе 2 батальонов трехротного состава, в значительной мере выправленный, подученный и дисциплинированный.

В дни Рождества я получил от солдат полка письмо с приглашением меня на елку. После всего происшедшего в полку в декабре я был крайне заинтересован этим приглашением и на елку поехал один, в сопровождении моего адъютанта князя Гагарина. В казармах меня встретили хлебом и солью. Я оставался в казармах до первого часа ночи и присутствовал на танцах с приглашенными солдатами, их знакомыми и родными.

Я пытался найти в себе те чувства, которые раньше роднили меня с солдатской средой и давали мне возможность вступать с моими стрелками в самые задушевные и откровенные разговоры. Увы! При всем моем старании я не мог говорить с людьми так, как говорил раньше.

Кроме этого полка, в Архангельске находилась автомобильная рота, полурота сапер, полуэскадрон драгун и запасные части 1-го артиллерийского дивизиона. Все наши силы можно подсчитать так:

В Архангельске	≈ 2000	штыков и сабель
На Мурмане	≈ 800	» »
В долине р. Онеги	≈ 400	» »
В Селецком районе	≈ 800	» »
На Двине	≈ 400	» »
На Пинеге	≈ 400	» »
В Мезенско-Печорском районе	≈ 600	» »
Всего	≈ 5400	штыков и сабель

Дальнейшее развертывание я предполагал организовать прежде всего с помощью мобилизации отдельных батальонов в г. Онеге, в г. Холмогорах и в г. Шенкурске.

В этих пунктах мною уже подготавливались офицерские и унтер-офицерские кадры. Уездным воинским начальникам даны были указания о призыве последовательно срок за сроком подлежащего повинности населения, но я медлил с объявлением призыва, дабы в деталях приготовить помещение, одежду и кухни. Отправляемым на место командирам были даны строжайшие инструкции по подготовке помещений и порядку принятия мобилизованных.

Январская мобилизация дала, как мне помнится, около 4000 штыков, создавших упомянутые три батальона и усиливших Архангелогородский полк.

Имея лишь один слабый дивизион артиллерии, я немедленно приступил к созданию другого.

Английское командование к моим проектам отнеслось вяло. Англичане ссылались на недостаток матери-

альной части и инструкторов, на неимение помещений, на наши недостаточные силы для этого формирования.

Судьба послала мне тогда помощника, о котором я сохраняю самые мои лучшие воспоминания в этой северной эпохее. Я говорю о Николае Павловиче Барбовиче, энергичном артиллеристе, который, к счастью, оказался в Архангельске. Он был назначен командиром дивизиона, и вместе с ним мы решили использовать французские легкие пушки, предназначенные в Румынию и застрявшие на Бакарице, по революционным обстоятельствам.

За получением этих пушек мы обратились к полковнику Донопу и нашли у него не только сочувствие нашей идее, но и самую горячую дружескую помощь. В несколько дней Доноп сорганизовал большую инструкторскую команду, быстро найдено было помещение на Бакарице под солдатские бараки и офицерские комнаты. Работа закипела. Желая отдать полную справедливость моим французским сотрудникам в этом деле, я должен сказать, что 2-й артиллерийский дивизион был самой удачной частью, сформированной в области. Блестящая боевая подготовка сделала то, что дивизион этот делал чудеса на фронте, а его французские инструктора до такой степени сжились и слились с офицерским составом батарей, что в короткое время в нем не было уже офицеров русских и французских, но лишь офицеры 2-го артиллерийского дивизиона.

В чем заключался секрет, отчего это «французское» формирование прошло с тем успехом, которого никогда не имели англичане, отчего французских инструкторов носили на руках и ненавидели инструкторов английских, я не знаю теперь. Я могу лишь указать, что английскому командованию это формирование было неприятно. Мое упорство в сохранении инструкторства во французских руках, может быть, было даже началом создавшегося впоследствии охлаждения моих отношений с англичанами.

Я полагаю, что секрет всех наших взаимоотношений целиком покоился на доверии населения к тем или иным

иностранным представителям. Англичанам просто не доверяли, не доверяли инстинктивно, и будущее показало, насколько верно было это «верхнее чутье» у всех русских. Кроме того, английские солдаты, унтер-офицеры и всевозможные тыловые офицеры до такой степени были грубы в отношении нашего крестьянина, что русскому человеку даже и смотреть это претило. За немногими исключениями, которые я с удовольствием выделяю, английская политика в крае была политикой колониальной, т.е. той, которую они применяют в отношении цветных народов.

Что касается до французов, не имевших никаких интересов на Севере, то у населения они пользовались доверием, да и подбор как французского посольства, так и военной миссии был исключительно благоприятен, так как заключал в себе целую серию лиц, знавших Россию.

В конце января нам пришлось пережить первые разочарования. Пал Шенкурск, атакованный красными со всех сторон. Раньше чем оценить эту потерю, я должен сказать, что положение союзных отрядов на направлениях, ведущих к Архангельску, объяснялось не невозможностью продвинуться глубже, а малочисленностью сил союзников, высадившихся в области.

Отряды продвигались осенью 1918 г., не встречая никакого сопротивления. Остановка сил на той линии, где я застал их, объяснялась соображениями не выдвигать слишком эти микроскопические силы и не отдалять их от базы в Архангельске. Русская мобилизация затянулась, красные понемногу окрепли и начинали насаждать.

Падение Шенкурска в значительной мере понизило настроение населения и пошатнуло веру в успех борьбы.

Скученное население Архангельска должно было принять и впитать в себя шенкурских беженцев, распространявших самые панические слухи.

По тем данным, которые сосредоточивались в эти дни в моих руках, Шенкурск был брошен без особых к

тому оснований¹. Русский батальон едва-едва успел собрать призывных и потребовалось особое искусство, чтобы удержать этот батальон от перехода на сторону красных. Это была большая офицерская работа.

Союзные силы (англо-американцы) не выражали особого желания драться и, когда обнаружили более или менее серьезный натиск, просто-напросто ушли (также ушли американцы под Пинегой). Маленькое ядро партизан было отрезано и брошено на произвол судьбы. Входящий в состав Славяно-британского легиона отряд Берса обнаружил нестойкость и частью разбежался.

Стратегически падение Шенкурска ничем не ухудшило положение нашей линии. Отряд, занимавший его, отошел несколько к северу и занял первую же подходящую позицию. Большевики не наседали.

Январь в политической жизни края ознаменовался тремя событиями: отъездом г-на Нуланса и Н. В. Чайковского и приездом генерала Е. К. Миллера.

Я называю событием отъезд французского посланника потом, что в лице г-на Нуланса область потеряла не только старейшего представителя дипломатического корпуса, руководившего всеми иностранными кругами в Архангельске, но и высокоавторитетного сотрудника Северного правительства, защитника самых насущных интересов области. С отъездом г-на Нуланса высшая политика в крае попала целиком в руки английского командования, а оставшийся в области представитель Франции г-н Гильяр не был ни достаточно авторитетен, чтобы повернуть события в другое русло, ни обладал для этого достаточной энергией. После отъезда г-на Нуланса его заместитель и остатки миссии просто стали

¹ Это не совсем верно: основные отряды белых были разбиты перед Шенкурском и вынуждены были бросить город, спасаясь от окружения. См. подробное описание операции в статье Н. Кузьмина «Борьба за Север» в сборнике «Гражданская война». Т. I. (Примеч. ред.)

выждать момента своей отправки на родину, что по некоторым признакам уже тогда казалось естественным концом иностранной политики на русском Севере.

Для путешествия г-на Нуланса до самых берегов Франции была обновлена, оборудована и снабжена отборным экипажем яхта «Ярославна», отличное судно посыльного типа, захваченное в числе других судов после отступления большевиков.

Мы хотели показать в европейских водах наш старый Андреевский флаг, столь чтимый и дорогой сердцу каждого русского.

После Нуланса уехал маркиз Торрета, еще немного времени спустя уехал и Линдлей, замещавший английского посланника. Американец Френсис уехал еще до моего прибытия.

Этот разезд уже указывал на то, что ожидает нас впереди и что приближается с каждым часом.

В этот же период в правительстве горячо обсуждался вопрос отъезда Н. В. Чайковского и его заместительства.

Николай Васильевич вызывался в Париж, чтобы войти в состав Российской дипломатической делегации (так, кажется, называлась эта попытка создать центральную власть). Отъезд его являлся тоже событием, и событием, к которому чрезвычайно легкомысленно отнеслась большая часть русской общественности в Архангельске.

Николай Васильевич олицетворял собою левую половину правительства, а еще вернее, его центр — и был чрезвычайно популярен в широких слоях населения.

Его знали все, его уважали и чтили его огромный жизненный опыт и его красивую, сказал бы я, седину. Я сам, монархист по своим убеждениям, не мог не отдавать справедливости его опыту, его честнейшей прямоте, крутому характеру и большой силе. Много раз мне приходилось расходиться с ним в точках зрения, иногда горячо спорить, но сейчас же сходиться в частной жизни, причем именно в эту частную жизнь он никогда не вносил элементы политической борьбы, оставаясь в ней добрым, глубоко искренним человеком.

Отъезд Николая Васильевича обезличивал правительство. Никто из его членов не пользовался достаточным весом, чтобы дать этому правительству авторитет. Против Н. В. Чайковского шли все правые элементы. После его отъезда образовалось пустое место, правительство обесцветилось, разумная политическая борьба ослабла и лишь левые заработали в подполье, не имея уже никакого доверия к существующей власти.

Правительство долго думало, кем заместить Николая Васильевича.

Ожидаемый приезд Евгения Карловича Миллера, по-видимому, не разрешал вопроса, так как в его генеральском чине боялись создать фигуру слишком неприемлемую для демократического Архангельска. Снова указываю, что в неустроенном крае надо было считаться с этими демократическими вкусами. Вопрос был настолько труден, что Н. В. Чайковский подумывал отказаться от предложенной ему роли в Париже.

После долгих размышлений все сошлись на мысли, что наиболее подходящим заместителем Николая Васильевича будет Петр Юльевич Зубов. Искренний и давний почитатель Чайковского, глубоко ему преданный, Петр Юльевич, казалось, был и лучший продолжатель работы Чайковского. Сам по себе прямой, твердый в своих убеждениях и располагающий к себе каждого, Петр Юльевич легко объединял около себя всех членов правительства.

Это решение удовлетворило всех, отъезд Николая Васильевича был назначен на 24 января. Управление делами правительства от П. Ю. Зубова переходило к Маймистову. 13 января в Архангельск прибыл генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер.

Известие о его приезде мною было встречено с сердечною радостью. Я еще не знал, как будут поделены все мои функции, но до такой степени жаждал отдать часть работы в опытные руки Евгения Карловича, что приезд его был для меня праздником. Ранее мне пришлось встречаться с генералом Миллером немного, но

все же я отлично знал его по моей службе в Генеральном штабе и с глубоким почитанием относился к его служебной деятельности, как на фронте, так еще и в мирное время, в бытность генерала Миллера начальником Николаевского кавалерийского училища.

С его прибытием я приобретал и старшего опытного товарища и доброжелательного начальника. До этого момента я был страшно одинок вне привычной мне среды, так как общая масса военных была или значительно моложе меня, или значительно ниже по положению в старой императорской армии.

Евгений Карлович появился на архангельских улицах в генеральском пальто старого образца, в погонах — короче, с привычным нам всем обликом настоящего генерала и начальника.

В правительстве вопрос о функциях Евгения Карловича разрешился очень быстро. Конечно, об этом думали и раньше, но в момент самого разрешения вопроса генерал Миллер со свойственным ему умением сам помог направить все идеи в определенное русло, и разделение моих функций произошло легко и к полному удовлетворению всех членов правительства.

Евгений Карлович принимал на себя функции генерал-губернатора и, кроме того, в отношении военном — полному власти главнокомандующего. По отъезде Чайковского на него было возложено и руководство отделом иностранных дел.

Я целиком уходил в войсковую работу и оставался командующим войсками области и по-прежнему — членом областного правительства.

VIII. ФЕВРАЛЬ

С переходом моим в штаб работа моя в значительной мере облегчилась. Можно было ближе подойти к своим сотрудникам, короче познакомиться с офицерским составом и, наконец, главное, выехать на фронт, для знакомства с военной обстановкой на месте.

Я перечислил уже в предыдущей главе наши скромные силы и настроения в военной среде. В феврале дело уже налаживалось повсюду, за исключением формирований в Холмогорах, так как для холмогорского батальона у меня не было подходящего начальника.

Все зарегистрированное офицерство уже было размещено по частям. В Архангельске оставались лишь те элементы, которые нельзя было использовать по болезни, по неспособности к строю, наконец, за нахождением под следствием или судом.

Все внимание и все заботы уделялись строю и, главным образом, фронту. Одной из первых же моих мер было установление значительной разницы в окладах на фронте и в тылу, с точным указанием фронтовых районов.

Были приложены все усилия к ликвидации и формированию всех учреждений и управлений, не имевших определенных войсковых функций. Чтобы пояснить это, укажу на г-жу Бочкареву¹, которая явилась ко мне в офицерских погонах и в форме кавказского образца. Ее сопровождал рослый бравый офицер, которого она представила мне как своего адъютанта.

Нечего и говорить, что результатом этого визита был мой приказ о немедленном снятии военной формы с этой женщины и о назначении ее адъютанта в одну из рот в Пинеге.

Сейчас даже и представить себе трудно, сколько комических черт наложила наша революция на много-страдальную армию. Моей специальной заботой было совершенно вычистить из наших рядов все эти юмористические образы квазипатриотических начинаний.

Больше всего приходилось мучиться формой одежды. Армия сильно пошатнулась в выправке еще до революции. Для невоенных — я спешу оговориться, что выправка, форма одежды и наружный вид военнослужащего есть лучший признак воспитания и обучения части. Опытный глаз видит в этом всю начальническую работу в части, и глубоко не правы те, кто в требованиях в этом отношении видят придирки и капризы.

Лишь с приездом генерала Е. К. Миллера я получил сведения о состоянии офицерского запаса за границей. Запас этот был громаден. Учет этого запаса осуществлялся главным образом в Париже.

Немедленно была послана телеграмма генералу Щербачеву о необходимости высылки на Север наибольшего числа офицеров. Я указывал точно, что мне некем замещать должности батальонных командиров, что я страшно нуждаюсь в специалистах, т.е. в офицерах генерального штаба, интендантах, юристах, я просил особенно усилить меня артиллеристами, в которых нужда была самая настоящая.

¹ Командира пресловутого женского батальона. (Примеч. ред.)

На мой призыв не откликнулся почти никто. Лишь в мае прибыло ничтожное число офицеров, «завербованное» моим же бюро в Стокгольме, и в конце июля пришел эшелон около 350 офицеров и чиновников, сорганизованных в Лондоне. Может быть, в мае этот эшелон мог оказать влияние на ход событий, в июле это уже было поздно.

По-видимому, масса уже не подчинялась единой воле и с недоверием относилась к каждому патриотическому выступлению. До Сибири было «слишком далеко», Деникин был не достаточно «монархистом», Чайковский-де «убийца Александра II», Юденич — пожалуй, уже чересчур близко, одним словом, причин не ехать было сколько угодно. Я никогда не позволю себе делать упрек тем доблестным офицерам (слава богу, их подавляющее большинство), которые хоть сколько-нибудь работали в одной из белых армий, но я горячо порицаю тех, которые с 1918 по 1920 год просидели за границей, «не найдя» для себя места ни на одной из окраин России.

Положение на Севере благодаря недостатку рабочих рук сразу создалось неблагоприятное. Так или иначе, но надо было продолжать работу с тем, что было под руками.

В этот же период, полагая необходимым всемерно поддерживать партизанское движение, я сделал широкую рекламу этому движению и организовал сбор добровольных пожертвований на партизан.

Архангельские купцы и рогачи отозвались на призыв более чем сдержанно, и результаты «дня партизан» были плачевны.

Полагаю я, что в минуты раздумья в горькую эпоху, наступившую после «ликвидации» области, не один местный житель раскаивался в своей беспечности и безучастности к тому трудному делу, которое мы ковали в 1919 году.

В те же дни партизанское движение получило тяжелое испытание и в обстоятельствах, сложившихся на фронте.

С конца января красные повели медленное наступление на с. Тарасово, постепенно охватывая его с востока, юга и запада.

Ни тревожные донесения, ни настоятельные просьбы о поддержке не могли вывести английское командование из состояния полного бездействия. Может быть, Айронсайд был прав в том отношении, что, выдвигаясь от Селецкого на юг, он растягивает фронт, не имея резервов. Это соображение могло бы быть оправдано тактическими расчетами, но чисто теоретического характера. Оставляя партизан на произвол судьбы, Айронсайд наносил глубокий вред самому здоровому и самому крепкому течению в области.

Играли тут роль, я думаю, и политические директивы, о существовании которых я стал узнавать несколько позже.

Так или иначе, но большевики успели подтянуть к с. Тарасово семь полевых пушек, да и то разных систем, не вполне исправных. Эти семь пушек безнаказанно обстреливали Тарасово в течение недели. Все это кончилось тем, что громадная деревня с женами и детьми совершила исход и набилась в подготовленную для обороны англичанами небольшую деревню Средь-Мехреньгу, на реке того же имени.

Положение Селецкого района сделалось угрожающим. Не имея в Архангельске достаточных сил, Айронсайд попросил генерала Мейнарда выслать ему с Мурмана один из полков английской пехоты.

К передвижению по зимнему тракту с Мурмана на Онегу — Чекуево — Обозерское был предназначен Йоркширский полк, в составе 9 рот.

Прибытия этих сил можно было ожидать в течение ближайших двух недель, а в этот период надо было ожидать значительного осложнения обстановки.

Я решил выехать в Средь-Мехреньгу сам, а пока что туда же была направлена готовая рота (1-я) французского Иностранного легиона.

Путь на Средь-Мехреньгу предстояло сделать таким порядком. 150 км по железной дороге до Обозер-

ской, далее на лошадях прямо на восток около 80 км до с. Селецкое, а оттуда на юг около 40 км до Средь-Мехреньги.

Меня сопровождал мой штаб-офицер для поручений, ныне покойный полковник Петр Александрович Дилакторский, и адъютант мой, князь Л. А. Гагарин, тоже уже погибший от тифа в Константинополе.

Кроме того, со мною поехал французской службы майор Лелонг, о котором я много уже упоминал ранее.

В Обозерской, куда мы прибыли через 6—7 часов пути, мы сразу направились в штаб командующего силами железнодорожного района.

Здесь командование было еще французское, в лице подполковника Х. и его начальника штаба майора У. В штаб входило несколько офицеров британской армии и небольшое число русских, главным образом переводчиков.

С чувством глубокой симпатии я вспоминаю свое знакомство с подполковником Х., закинутым в чуждые ему снега, командующим сборным отрядом из английских, американских, французских и, наконец, польских и русских сил. Как легко мы, принадлежа, в сущности, к одной и той же военной школе, поняли друг друга.

Поработав вместе с подполковником целый вечер, я составил себе совершенно ясное представление об обстановке на этом участке и счел своим долгом предложить ему сообщить Айронсайду и мое мнение относительно некоторых особенностей железнодорожного фронта.

Положение на самой линии меня несколько не беспокоило, так как сама железная дорога представляла собою узкое дефиле, крепко занятое и порядочно укрепленное. Что касается местности и районов по сторонам железной дороги, то тут приходилось призадуматься.

К востоку от станции Обозерской шла большая дорога на Селецкое. На этой дороге в 30 км от Обозерской был поселок Волшенец. На этот поселок выходила хорошая дорога из Авды, занятой большевиками. Волшенец нами занят не был, и, следовательно, на этой

линии, связывающей Обозерскую с Селецким районом, всегда могли быть неожиданности.

В районе к западу положение было еще менее прочно. Из Обозерской прямо на запад идет большой тракт на Чекуево и Онегу. В 30 км от станции этот тракт прорезывается у Больших Озерок проселочною дорогою от Шелексы, занятой противником. От Больших же Озерок идет несколько «оленьих» троп, вполне проезжих зимою, прямо к Архангельску.

Большие Озерки были заняты лишь взводом французского колониального батальона.

Положение было настолько непрочным, Б. Озерки и Волшенец, и в особенности первые, являлись настолько насущно важными пунктами, что надо было подумать о срочных мерах. Все это было сообщено командующим железнодорожным районом Айронсайду, с объяснением, что таково и мое мнение. Кроме того, я просил передать Айронсайду, что я могу ускорить высылку еще двух рот из Архангельска, так как эти две роты почти готовы.

Утром рано, переночевав в вагоне, я тронулся в Селецкое, где меня должен был встретить командующий этим районом английский полковник.

В зимнее время передвигаются на Севере примерно так. Человек должен надеть на себя все теплое, что только у него есть, а затем нужно влезть в меховой мешок и протянуться в растяжку на сене, густо наваленном в санях. Еще лучше вместо мешка пользоваться костюмом, который называется совик. Этот костюм изготовляется из оленьих шкур и состоит из мешка с рукавами и пришитого к этому мешку головного убора с отверстием для лица.

Дорога на Селецкое утомительно однообразна. От станции Обозерской и вплоть до Селецкого сани идут по сплошному лесу. Именно на этой дороге легче всего видеть грандиозные лесные богатства области. По обе стороны тракта высятся нескончаемые ряды громадных многосаженных сосен и елей, все бело, полная мертвящая тишина, даже вороны встречаются редко.

Час такой езды еще ничего, но целый день, а то и два — очень тяжело.

Под самым Селецким мы, уже в темноте, въехали на бивак 1-й роты французского легиона. Рота располагалась на ночлег в особых палатках, приспособленных к согреванию их жаровней. Действительно, в офицерской палатке, где я отогревался полчаса, было тепло, как в бане. Любезные легионеры угостили меня горячим глинтвейном и какими-то вкусными консервами. Обставлена и снабжена была эта рота великолепно.

Весь обоз ее почти целиком помещался на легких санках, которые тащились по очереди людьми роты.

Вся рота была снабжена лыжами канадского образца, теплым обмундированием и отличной обувью. Обувь была образца, изобретенного Шеклтоном, исследователем полярных стран.

В одиннадцатом часу вечера мы прибыли в Селецкое. Громадное село вытянуто, по образцу многих русских сел, вдоль большой дороги, уходящей на Авду. Дома деревянные, крытые тесом, в два этажа. Мужики были зажиточными, но потерпели от большевистского режима и несколько обеднели. Часть деревни победнее была все же настроена «за большевиков», как пояснял мне староста.

Я направился прямо к английскому штабу. Меня сразу поразило количество запряженных подвод, стоявших у крыльца большого дома, занимаемого штабом. Как я потом убедился, это был результат злоупотребления властью. На этих подводах гоняли кого попало. Ни один английский сержант не трудился ходить пешком, хотя бы через дорогу, а мы, русские, знаем, как тяжела эта подводная повинность мужику даже в пределах закона.

Когда я поднялся в штаб, меня встретили там чины штаба и любезно предложили выпить чаю и поужинать. Полковник, командующий районом, уже спал. Я подумал, конечно, что полковник мог бы и подождать укладываться в постель до моего приезда, но решил для пользы дела не портить отношений сразу, да, наконец,

в обстановке полубоевой все проще и воинский этикет нарушается очень часто.

Переночевали мы в чистой теплой избе, вернее, в доме старосты, и с раннего утра я снова прошел в английский штаб поговорить о делах и ознакомиться с положением, раньше чем ехать дальше.

Командующий районом полковник заставил меня порядочно прождать его. Считая это уже неучтивостью, я решил не ждать его, а сел за письменный стол в его же кабинете и предложил офицерам штаба начать мне докладывать расположение сил и сведения о противнике.

Когда вошел этот недоступный английский воевода Селецкого района, я увидел перед собою совершенно молодого человека. Вероятно, этот полковник был из приказчиков какой-нибудь фирмы или из мелких служащих на фабрике.

Я не вставая ответил на его приветствие и в коротком разговоре убедился, что мой полковник просто не знаком с теми военными сведениями, которые я полагал для него обязательными по его положению командующего.

Когда я выходил из штаба, меня догнал какой-то сержант, который мне предложил указать дом, где я могу выпить чаю. Все это, до доклада сержанта включительно, в нашей армии почиталось бы высшей степенью дерзости. Так я это принял и в данной обстановке.

Как можно было отвечать на эти дерзкие выходки младшему офицеру, когда высшее в армии лицо не было избавлено от описанных выше встреч и отношений.

По моем возвращении в Архангельск этот полковник был вызван Айронсайдом, с него был снят временно данный ему чин полковника (у англичан это делается как-то совсем просто) и он в качестве простого солдата был немедленно выслан в Англию.

Все это объясняю себе только тем, что у Айронсайда так же не было людей, как и у меня. Вот почему на более или менее ответственные посты и попадали совершенно неподходящие лица.

Зная уже в общих чертах положение у Средь-Мехреньги, я решил поставить в Селецком районе под ружье все население, способное носить оружие.

В этой работе и в беседах на сходах мне пришлось потерять более двух суток. Тем временем состоявшие при мне лица выяснили планы английского командования.

Вопросы мобилизации Селецкого района были уже подготовлены мною ранее и потому прошли без затруднений. В самом селении Селецком уже находился кадр будущего полка с командиром во главе. Меня беспокоило лишь положение крестьян, сосредоточенных в Средь-Мехреньге.

Отличный народ был у нас на Севере. Крепкий физически, рослый, красивый северянин импонирует своей сметливостью, толковостью и, главное, спокойствием и безусловною честностью. Я настолько доверялся этому народу, что, ночуя по деревням, иногда лишь в сопровождении одного адъютанта, я никогда не беспокоился за свое существование, даже в самых глухих местах.

С самыми лучшими впечатлениями я покинул Селецкое, торопясь устроить крестьян в Средь-Мехреньге до маленькой операции, задуманной английским командованием в направлении на Авду.

Путь до Средь-Мехреньги был легкий и очень живописный. Средь-Мехреньга представляет собою ряд хуторов и деревень, сгруппировавшихся в долине реки Мехреньги. Река судоходна летом, берега возвышенные и местами даже гористы.

Скращение путей от железной дороги, от р. Двины и с юга, придает этой точке очень большое значение в обороне всего района.

Как я и предполагал, вся деревня была до отказа набита тарасовцами и их семьями. Все это было изголодавшееся, не обутое, не отдохнувшее. Надо было принять меры к возвращению боеспособности этой группе еще недавно великолепных бойцов.

Я собрал их всех у церкви. Долго говорил с ними, долго объяснял им обстановку и советовался со стариками, как помочь делу.

Их страшно пугало слово «мобилизация». Они все готовы были драться до последнего человека за свою деревню и не могли по своему разумению встать на более широкую точку зрения, не говоря уже государственных, но хотя бы областных интересов. Тем не менее мы поладили. Я обещал им влить их в полк, организуемый для защиты их же района, и не выводить этот полк для операций в другие районы.

Тут же на месте я решил выселить всех этих бедняков в с. Тегра, верстах в пяти к северу от Селецкого, чтобы дать им отдых и, главное, убрать из боевого района Средь-Мехреньги, где каждую минуту могла начаться бойня, всех детей, женщин и больных. Переход этой толпы в с. Тегра по двадцатиградусному морозу совершился довольно благополучно, и мои партизаны образовали отличный батальон, который и послужил основанием для формируемого полка.

После моей работы с партизанами побывал я, конечно, и в английском штабе Средь-Мехреньгского района.

Начальником этого района был английский майор: очень жалею, что забыл его фамилию. Он был великолепен. Его любили и крестьяне, и та русская рота, которая попала сюда после бунта в Архангельске, и те русские офицеры, которые были при штабе.

Удивительные противоположности приходилось наблюдать мне в английских войсках. То натолкнешься на определенное ничтожество, занимающее тем не менее ответственное место, то совершенно неожиданно встречаешь истинный талант, истинный самородок в военном деле.

Майор был всюду. Он лично водил разъезды, лично дрался ручными гранатами на блокгаузах, лично объяснял ломаным языком и жестами с мужиками. И мужики шли к нему сами, зачастую с разным вздором. Он и выталкивал их из избы, и шутил с ними, и наряжал подводы, что для него они делали против всяких правил — очень охотно.

Обстановку знал он великолепно. Силы его, ничтожные по существу, были рассованы повсюду мелки-

ми пикетами. Распределение сил было далеко от идеалов тактики и скорее всего напоминало приемы войны с зулусами. Отчасти это отвечало обстановке и состоянию сил красных, но, думаю я, все же большое счастье, что большевики не бросились тогда на Средь-Мехреньгу с ее блокгаузами.

Обходя расположение войск, я, конечно, прежде всего посетил русскую роту. Роту эту я нашел в большом порядке. И солдаты, и офицеры сжились, отлично работали вместе, и следов декабрьской драмы не было и в помине.

Что меня поразило больше всего — это удивительно благожелательное настроение солдат лично ко мне. В обстановке передовых окопов подготовить это настроение было совершенно невозможно, и потому, кажется мне, оно было искреннее.

Я от всей души благодарил роту за отличную службу и роздал тут же некоторое количество наград.

В общем, все найденное мною в этом районе было гораздо благополучнее, чем то казалось из Архангельска. Весь вопрос заключался в том, чтобы выиграть время для очищения деревни от небоеспособных и деморализующих элементов, т.е. женщин, детей и больных.

Полюбившегося мне английского майора я обласкал, как мог, и о деятельности его горячо докладывал и правительству, и Айронсайду.

Переночевав в Селецком, я на следующий день выехал в поселок Межновское, чтобы познакомиться с обстановкой на Авдинском направлении.

От Селецкого на Авду и далее на большую железнодорожную станцию Плесецкая идет широкий почтовый тракт, все время следуя по левому берегу реки Емцы, притока Двины.

По прибытии в Межновскую я немедленно отправился на позицию, занимаемую англо-американцами.

И здесь я застал ту же блокгаузную систему, применяемую англичанами повсюду. Блокгаузы были устроены из крупного леса, вооружены пулеметами и обнесены проволокой.

Блокгаузы требовали большого наряда людей, резервов почти не было, а по замерзшему болоту и руслу реки позицию легко было обойти с любой стороны.

Американский капитан, командовавший участком, произвел на меня отличное впечатление. Он предложил мне показать расположение противника.

Мы вышли к мосту через Емцу. Уже смеркалось. Через замерзшую белую ленту реки перекинут деревянный крепкий мост с ободранными и разрушенными перилами. Сейчас же за мостом виднеются развалины бывшей деревни, за которыми засели красные. Немного далее, за развалинами, видно уже в тумане очертание небольших холмов. Нет-нет да и стукнет выстрел и пропоеет где-то знакомые звуки пуляка.

Мы довольно долго стояли у моста и наблюдали эту тоскливую картину, лежавшую перед нашими глазами.

Очень тщательно я обошел вместе с капитаном каждую землянку, каждый барак, сооруженный на самой позиции. Солдаты-американцы были в очень хорошем виде. Все сытые, веселые, отлично одетые. Тепла в лесу — сколько угодно, пища в изобилии.

Тут же я посмотрел и английскую роту, к моему сюрпризу, оказавшуюся укомплектованной русскими. Это были взводы дисциплинарных частей, сформированных англичанами из красных пленных.

Я переговорил с многими из этих людей. Они имели бодрый, вышколенный вид, но не внушали никакого доверия. Мне показалось даже, что они держатся намеренно весело и развязно, с оттенком некоторого хулиганства. Осмотрев части и обойдя позицию, я вернулся ночевать в Межновскую. Делясь своими впечатлениями с Лелонгом, я высказал свои сомнения в успехе атаки, которую предполагали провести англичане с целью ослабить давление красных на направлении Средь-Мехреньга — Селецкое, предназначив для того, кроме американцев, лишь 2 английских и французских роты.

Утро выдалось солнечное и тихое, да и мороз был, помнится, не более 10—12°.

Рота французского легиона свернула в лес на расвете, как было указано, и рано утром о ней сведений еще не было. На позиции царила полная тишина.

Лишь в одиннадцатом часу утра красные зашевелились и началась перестрелка. Орудийной стрельбы со стороны большевиков не было, из чего можно было с уверенностью заключить, что орудия, расположенные между Авдой и мостом, — взяты или во всяком случае приведены к бездействию.

На самом деле, как выяснилось впоследствии, рота легионеров вышла на дорогу весьма удачно, к самым орудиям. Большевики разбежались, и орудия были испорчены, так как по глубокому снегу их вывезти было невозможно.

В этом только и заключалась удача дня. Из всего остального, что было задумано, ничего не вышло.

Легионеры были атакованы сами со стороны Авды и, естественно, начали подаваться назад по той тропе, по которой пришли. Американская рота легко заняла мост и развалины за мостом, но не могла выбить большевиков с холма, сейчас же за развалинами.

Когда, убедившись, что холма не взять, американцы стали отходить, большевики сами перешли в наступление, и даже отдельные их группы появились на нашей стороне р. Емцы, в районе самой позиции.

Был момент, когда мне показалось даже, что все предприятие может окончиться не совсем благополучно. Да и действительно, нажим на нашу слабо занятую и обходимую со всех сторон позицию легко мог привести нас к необходимости ухода в Селецкое. В этом случае положение Средь-Мехреньги сделалось бы трагическим.

С наступлением темноты огонь стал стихать. Большевики начали перебираться на свои старые места. Было получено донесение, что легионеры отходят вполне спокойно на большую дорогу.

Дождавшись момента, когда можно было уже быть совершенно спокойным за исход дня, я поздно вечером вернулся в Селецкое и послал своего адъютанта в английский

штаб сообщить там все то, что мы видели в течение этого дня. Повидавши русских начальствующих лиц в Селецком, я снова выехал на Обозерскую.

По дороге я с удовольствием убедился, что поселок Волшенец уже был занят русской полуротой. Я провел там часа четыре, проверив их службу и побеседовав со всеми солдатами. Эта беседа вселила в меня уверенность, что я стою на правильном пути в отношении формирования войск. В частях снова были и порядок, и гигиена, и начальническая заботливость о солдате. Люди начинали напоминать старые войсковые части.

Вернувшись в Обозерскую, я снова долго работал с командующим железнодорожным фронтом.

К моему приезду он успел уже и написать подробное донесение Айронсайду, и получить на него ответ.

В этом ответе генерала Айронсайда заключалось несколько строк, которые легли в основание всех моих дальнейших отношений с английским командованием.

Давая свои заключения по всем возбужденным вопросам, Айронсайд на ссылку о моем мнении и пожеланиях моих в отношении фронта ответил, *что он очень ценит мою компетенцию, но что командует всеми войсками он и что, в сущности, мои заключения для него не обязательны.*

У меня нет этого документа в руках, но я ручаюсь за точный смысл приведенного мной ответа Айронсайда.

С этой минуты только я понял, в какой, собственно, плоскости должна была находиться моя работа. Во всякой другой обстановке я счел бы своим долгом сложить свои полномочия и уйти, в обстановке положения Северной области я не мог этого сделать, так как отдавал себе отчет, что заменить меня в этот момент никто не мог. Я вовсе не хочу говорить о качествах моей работы, но хочу лишь подчеркнуть, что фактически не было ни одного старшего начальника, мало-мальски подготовленного к той работе, которую приходилось делать командующему войсками.

Возвращаясь к редакции ответа Айронсайда, я должен еще пояснить, что ведь это была переписка между

представителем власти французской и представителем власти английской. Айронсайд относился к французам, по крайней мере к тем, которые были на севере, крайне недружелюбно. Я думаю, это недружелюбие в значительной мере содействовало сухости его служебных отношений с французским командованием в Обозерской.

Впоследствии я узнал, что в это же время как раз Айронсайд получил от своего правительства первое распоряжение по немедленной эвакуации Северной области.

На это веление правительства Айронсайд представил свои соображения непосредственно его величеству королю Георгу. Соображения эти были чисто личного характера.

Айронсайд всеподданнейше доносил, что он до такой степени связан личными обязательствами правительству и населению области, что он не может явиться исполнителем приказа, отдававшего весь край на погром большевикам.

Айронсайд просил короля оказать ему милость и, раз эвакуация решена бесповоротно, — сменить его и назначить кого-либо другого для ее исполнения.

Все эти переговоры велись в строгой тайне, и я узнал о них значительно позже.

В Архангельске встреча моя с Айронсайдом была самая дружественная. Генерал сердечно благодарил меня и с полною откровенностью объяснял мне, что ответить командующему войсками на Обозерской он был вынужден именно так, как этого требовали создавшиеся у него с этим начальником отношения.

Волей-неволей эти объяснения пришлось принять так, как они были даны.

Несколько дней спустя мне пришлось пережить новое испытание.

Я получил официальное письмо генерала Ниддэма, в коем он запрашивал меня, правда ли, что мною были повышены некоторые оклады чинам армии. Дело касалось очень небольшого увеличения содержания самым младшим чинам армии.

Далее, генерал Ниддэм объяснял мне в весьма категорической форме, что все расходы в области делаются на средства великобританской казны и что в дальнейшем я должен обращаться по подобного рода вопросам за разрешением в английский штаб или обсуждать эти вопросы с участием английских представителей.

Я немедленно ответил на это Ниддэму, что прежде всего я занимал государственные должности в прежней России, когда она была великой и сильной, а следовательно, не имею никакой нужды в указаниях и советах по моей компетенции. Далее по деловой части письма я указал, что все финансовые вопросы в широком масштабе должны обсуждаться между правительством и английской миссией, что на самом деле фактически и происходило. Что касается моих действий, то я определенно заявил, что никакого контроля, кроме моего правительства, я не допущу. В отношении же расчетов с великобританским правительством я с уверенностью высказал, что все наши долги будут оплачены из неисчерпаемых богатств России.

Копию с этого письма я представил председателю правительства и генералу Айронсайду.

В первую же мою встречу с Айронсайдом он сам заговорил о письме Ниддэма и характеризовал его поступок как «недостаток такта».

В описании этих столкновений наших интересов с английскими я стараюсь быть по возможности нейтральным. Я отдаю себе ясный отчет, что в недоразумениях были ответственны обе стороны, но все же я должен сказать, что англичане держали себя на Севере так, как будто они находились в завоеванной, а вовсе не в дружественной стране.

Что касается моих личных переживаний, то я должен признаться, что доверие к англичанам, т.е. нашим официальным друзьям в Великой войне, постепенно сменялось у меня осторожностью и сдержанностью, а затем и полным недоверием к искренности их политики на Севере.

Забегая вперед, я должен сказать, что лично мои отношения охладевали прямо пропорционально росту русских сил, росту весьма быстрому в эту еще спокойную эпоху.

Объясняю я это просто. Несмотря на все заверения в искреннем желании организовать борьбу против большевиков, англичане смотрели на свое собственное присутствие в области как на оккупацию, вынужденную военными обстоятельствами. Война была кончена. Великобританское правительство, поддерживая Колчака, Деникина, Юденича и Север, вело одновременно и переговоры с Москвой. Все эти сибирские, новороссийские, архангельские и ревельские шашки нужны были в игре с большевиками. Каждый раз, когда шашки проявляли самостоятельность, они становились если не опасными, то во всяком случае стеснительными для британской политики.

Все это уже ясно сознавалось теми, кто принимал участие в государственной работе, и как-то интуитивно проникало в обывательскую среду, где истинные патриоты проявляли свои чувства к англичанам совершенно недвусмысленным путем.

Я вспоминаю эти дни февраля как эпоху «перелома», после которого работа моя пошла по пути еще более тернистому, чем это было в первые недели моего пребывания в области.

IX. МАРТ

С самого начала марта в общественных и демократических кругах начались разговоры о предстоящей годовщине революции и праздновании этой годовщины. Положение правительства в этом вопросе было исключительно трудно.

Искренно не желали никаких празднеств почти все члены правительства, за исключением, может быть, В. И. Игнатъева. Вместе с тем правительству трудно было категорически воспретить празднества, так как тогда, конечно, последовали бы демонстрации, процессии и митинги, которые пришлось бы разгонять силой. Надо было проявить известную терпимость и уступчивость. Да простят мне правые круги эмиграции эти строки. Я слышал столько уже строгих осуждений политике уступчивости и рассуждений о твердой власти, что заранее угадываю строгую критику. Особенно строги те, кто не рисковал принимать активное участие в политической работе в эту эпоху.

Тем не менее к этому «торжественному» дню надо было подготовиться и не быть застигнутым врасплох всякими неожиданностями.

Меры на случай тревоги в городе были подготовлены и разработаны во всех подробностях. Все военные учреждения вооружены, причем каждый офицер был обязан держать заряженную винтовку с запасом патронов у себя на квартире.

Население было почти поголовно разоружено, хотя и были сведения о тайных складах оружия на Соломбале и на Бакарице.

В общем пока в настроении рабочих масс не замечалось угрожающих признаков, хотя и появлялись всякие прокламации с угрозами правительству.

Расклеивались объявления и о моем грядущем убийстве.

В день празднования «великой и бескровной», назначенного на 12 марта, городской думой и советом профессиональных союзов были организованы торжественные заседания в здании думы и на судоремонтном заводе.

На этих заседаниях был произнесен ряд речей, направленных против правительства, причем самые заседания быстро обратились в бурные митинги, уже знакомого нам хаотического порядка¹.

Главные организаторы этих «торжеств» были, конечно, арестованы, и правительство в короткий сравнительно срок начало овладевать всеми нитями большевистской организации, проникнувшей в глубокую толщу архангельской рабочей массы.

Главные причины легкости и доступности разлагающей пропаганды крылись в широкой возможности зимних сообщений. Как только появляется на Севере весеннее февральское солнце — глубокая толща снега, непроходимая еще в январе, начинает подтаивать днем и понемногу образует на поверхности корку, которая называется настом.

¹ Подготовка этих митингов и выясненное участие в этой подготовке большевиков очень правильно описаны в статье С. Добровольского, т. III, Архива Русской Революции, «Борьба за возрождение России в Северной области».

Легкие сани, запряженные оленями, идут по этому насту по всем направлениям, как по самой лучшей накатанной дороге.

Большевистские агенты приезжали в Архангельск под видом крестьян, извозчиков, перевозчиков тяжелых и установили прочную связь с рабочими центрами и демократическими кругами крайнего направления.

Я начал бороться с этою пропагандой, прежде всего, тяжелыми репрессивными мерами и введением полевых судов, со всеми последствиями производства дел в этих судах¹.

С помощью представителей местной печати мною был организован отдел пропаганды в войсках и сообщение населению области положения дел на фронтах Деникина, Колчака и в Северной области. Именно тогда впервые на Троицком проспекте появилась карта, на которой цветными нитями ежедневно показывалось положение наших фронтов и постепенное отступление большевиков.

Мер этих, однако, далеко было недостаточно, и с каждым днем беспокойное настроение населения росло, порождая панические слухи и ложные известия.

Большевики всемерно поддерживали эти настроения, пользуясь для этого заграничной прессой. В один из мартовских дней в стокгольмской прессе появилось сообщение о взятии Архангельска большевиками. По счастью, эта ложь была легко опровергнута моей женой, находившейся в это время в Швеции и получившей от меня телеграммы с датами более поздними, чем это обозначалось в газетах.

Неспокойные настроения этой эпохи подсказали мне тогда же еще одну меру, оказавшуюся, пожалуй, наиболее действительной в смысле успокоения города.

Я говорю о создании «Национального Ополчения Северной области».

¹ Т.е. массовыми расстрелами. Особенно неистовствовали военно-полевые суды перед революционными праздниками. Например, в ночь на первое мая 1919 г. по приговору «суда» было расстреляно 11 человек, среди них видные работники архангельской подпольной большевистской организации. (Примеч. ред.)

Самая идея ополчения принадлежала В. А. Жилинскому и некоему В., одному из популярнейших архангельских старожилов.

В ополчение зачислялись все способные носить оружие жители города, но... при обязательном и безусловном поручительстве за них домовых комитетов. Организация местных домовладельцев в комитеты была проведена еще задолго до этой эпохи С. Н. Городецким, членом областного правительства. Комитеты эти представляли собою самые надежные политически элементы городского населения. Вручив этим комитетам контроль и право зачисления в ополчение, можно было ручаться за поголовную благонадежность каждого отдельного члена этой новой организации.

Ополчение мы собирали порайонно, разделив город на соответствующие части. Исключение составляла лишь самая молодая рота, набранная из воспитанников учебных заведений 17—18-летнего возраста, поступивших, конечно, охотниками.

Обучение и подготовка рот были поручены офицерам из офицерского резерва, состоявшего из больных, калек или отдыхающих, и офицерам всех штабов, находящихся в городе.

Занятия велись в часы, когда население наиболее свободно от служебной и повседневной работы.

Форма одежды состояла из жестяного креста на шапке и трехцветной повязки на рукаве.

Организация оказалась живой. Не прошло и трех недель обучения, как на улицах Архангельска уже появились сбитые, обученные роты, сформированные из коренных «буржуев». Никто не отказывался от чести быть в ополчении. Тут были и судьи, и прокуроры, именитые купцы, и все чиновники, и просто зажиточные люди. Это была настоящая «белая гвардия». Уже на следующий месяц национальное ополчение, легко давшее солидную цифру в 3—4 тысячи человек, взяло все городские наряды, до караула в тюрьме включительно, в свои руки.

Войска были совершенно освобождены от караульной службы и могли заняться свободно собственным

обучением. Получила облегчение и милиция, сдавшая часть своих нарядов ополченцам.

Службу ополченцы несли выше всякой похвалы. Именно эта безукоризненная отчетливость дала мне идею создать ночную караульную патрульную службу в каждом районе. При большой численности рот ополчения служба эта не была обременительна.

Суть ее заключалась в проверке документов решительно у каждого появлявшегося на улице позднее известного часа. Никто без особого разрешения не мог показываться на улице после 11 часов вечера. Люди в нетрезвом виде задерживались и отправлялись в караул.

Я могу сказать и сейчас с полным удовлетворением, что с того дня, когда на улицах появились трехцветные повязки ополченцев, архангельские жители начали спать спокойно.

Первое же участие ополченцев в каком-то параде произвело чрезвычайно внушительное впечатление. И Солломбала, и Бакарица успокоились и притихли.

Одновременно с этой мерой моя автомобильная рота была обращена в боевую команду с броневиком и с пулеметными станками, летавшими по городу на мотоциклетах. Ежедневные выезды этой роты во всем ее вооружении также производили соответствующее впечатление на беспокойные элементы города.

Прошли эти беспокойные дни, и снова можно было целиком отдаться работе по формированию армии.

Успехи мобилизации в это время дали мне возможность приняться за организацию полков из тех рот, которые накапливались на фронте¹.

¹ Запасный полк в Архангельске, не теряя своего назначения служить пополнением фронта готовыми ротами, был переименован в 1-й Северный стрелковый полк, 2-й полк составили роты Мурманского района, 3-й полк образовался из рот, начавших свое формирование в Шенкурске и оставшихся в Двинском районе, 4-й полк дали роты, собранные в Холмогорах. 5-й полк составлен был из рот, стоявших в Чекуеве на Онеге, с присоединением

Численность моей маленькой армии в марте уже превышала пятнадцать тысяч штыков и сабель. Я надеялся, что мобилизационная способность области даст мне возможность поставить под ружье до двадцати пяти тысяч штыков.

Уже испытывалось затруднение в назначении начальников. В половине марта я понес невозвратимую утрату в лице полковника Шевцова, командовавшего 1-м полком. Шевцов умер от последствий своей контузии, полученной еще в Великой войне.

Я не мог даже быть на его похоронах, прикованный к постели тяжелой ангиной, а благодаря моему отсутствию на этом печальном торжестве произошел следующий эпизод. В соборе, где происходило отпевание Шевцова, на амвоне появился в церковном облачении адъютант Шевцова, поручик Зосима П. Его военная форма кое-где проглядывала из-под надетого наспех стихаря. Этот Зосима П. произнес такую проповедь, что присутствующая толпа рыдала.

Появление офицера в стихаре, в соборе, с произнесением слова, на что имеют права лишь духовные лица, все это было бы недопустимо в обстановке довоенного времени. Поступок моего «златоуста» в Архангельске в 1919 г. был ненаказуем, несмотря на явное нарушение устава, так как наложение на него взыскания возмутило бы лучшие элементы архангельской общественности.

Со 2-м полком на Мурманске положение в отношении командования было исключительно тяжелое. После

к ним батальона, сформированного в г. Онеге. 6-й полк был еще в зачатке и состоял из рот, высланных в железнодорожный район. 7-й полк образовали тарасовские партизаны с ротами, высланными в Селецкое, и, наконец, 8-й полк составил из рот, организованных капитаном Акутиным в г. Пинеге. Первоначально полки были 2-батальонного состава, батальоны 2 и 3-ротного состава. Постепенно я надеялся перевести все батальоны в 3-ротный состав, а затем, уже с прибавкою пулеметных рот, переходить к 3-батальонному составу в полках.

генерала Звегинцева всеми войсками, правда весьма незначительными по числу, командовал полковник Нагорнов, который не мог ужиться с англичанами. С большими трудностями я выписал его в Архангельск, а на место его послал полковника из полицейских приставов, который скончался от разрыва сердца через 10 дней после своего прибытия на Мурманск. Мне пришлось тогда решиться на большую для меня утрату в штабе и выслать на Мурманск полковника Костанди, единственного моего офицера генерального штаба, кроме полковника Жилинского.

С прибытием Костанди на Мурман дела формировавшихся сразу пошли успешнее. Несмотря на свою молодость, Костанди показал себя отличным и талантливым начальником, хотя и не мог поладить с англичанами, что, впрочем, было для меня уже явлением вполне нормальным.

Теперь перехожу к оценке старших начальников по-районно, начиная с запада. Делаю это потому, что уже в марте я проектировал создать оборонительные районы по долинам рек и на железной дороге, организовав штабы и подобрал соответственных русских начальников.

Начинаю с долины Онеги. Для командования 5-м полком мною был избран выдающийся во всех отношениях полковник И. И. Михеев. Георгиевский кавалер, коренной строевик, полный сил, энергии и здоровья, он давал полную надежду на успех не только организации полка, но и будущего фронта.

На ответственное направление вдоль железной дороги Архангельск — Вологда я предполагал перевести из Пинеги капитана Акутина, выдающиеся способности коего мне также были известны.

В Селецкий район мною был назначен прибывший с Мурманска полковник Нагорнов. Я не думал, что Нагорнов уживется с англичанами на этом новом месте, но назначать уже было некого, надо было идти на временные назначения в расчете, что судьба закинет в область какого-нибудь подходящего приезжего.

В Двинском районе формируемым 3-м полком временно командовал штаб-офицер, которого я не знал хорошо лично, но это и не имело значения, так как я в ближайшем будущем предполагал назначение туда полковника князя Мурузи, о чем речь впереди.

4-м полком в Холмогорах командовать было некому. После долгих размышлений я решил предложить эту должность капитану 2 ранга Чаплину.

Нечего и говорить, что это назначение можно было сделать лишь после предварительных переговоров в правительстве. Мне удалось убедить правительство в том, что Чаплин, вновь призванный к делу, потеряет свой ореол как мученик и изгнанник, во-первых, а во-вторых, отлично будет служить, как боевой, храбрый и опытный офицер.

Когда назначение состоялось, за Чаплиным в полк потянулась вереница офицеров, известных мне своей отличной строевой подготовкой. Надо правду сказать, что в полк потянулась также и орда элементов авантюристической складки, но Чаплин справлялся с ними.

Переходя далее на восток, должен несколько подробнее остановиться на районе г. Пинеги.

В Пинеге командовал капитан Акутин. Работа, которую он там сделал, была поразительна по своим результатам. Я послал Акутина в Пинегу в тот момент, когда в город прибежала в панике толпа вооруженных крестьян-партизан, голодная, неорганизованная, к бою неспособная.

Акутин сумел и защитить Пинегу от напора красных и создать там отличные боевые роты, из которых сложился в конце концов 8-й полк.

В конце марта английским командованием проектировалась широкая операция на Пинеге, с привлечением к этой операции и русских сил. Я изложу эти проекты несколько дальше, здесь же скажу только, что я по просьбе Айронсайда должен был возложить командование русскими силами на полковника Дилакторского.

П. А. Дилакторский в первый период занятия области союзниками командовал на Двине отрядом охотников. Командование это было настолько удачно, что Дилакторский снискал себе полное доверие англичан. Это тоже чисто английская черта. Англичанин сходитя с трудом, но если он поверит кому-либо, то уже без всяких пределов и навсегда.

В трудные минуты в Архангельске (еще до моего прибытия) английское командование выписывало Дилакторского с Двины на аэроплане, рассчитывая на его энергию и силу в случае необходимости умиротворения разбушевавшихся политических страстей.

При моем приезде я застал Дилакторского в роли почти что военного губернатора или коменданта города с особыми полномочиями. Обязанности его были сложны и определены совершенно неясно. При реорганизации всего военного отдела я сделал Дилакторского своим штаб-офицером для поручений¹.

Айронсайд поставил меня в немалое затруднение просьбой о назначении Дилакторского в Пинегу. Я не мог подчинить ему Акутина, который был неизмеримо выше Дилакторского по своему боевому опыту и специально-военному образованию. С другой стороны, уклониться от назначения Дилакторского значило заранее обречь всю операцию на неуспех и на нескончаемые жалобы англичан на действия русских войск.

Вот почему я в конце концов отозвал Акутина, просил правительство о награждении Акутина чином подполковника за оказанные им услуги области и назначил

¹ С. Добровольский в своей статье назвал Дилакторского («Д-ий») моим «фаворитом» и привел факты, которые тенью ложатся на имя Петра Александровича. Со своей стороны я должен сказать, что Дилакторский был решительный, прямой, храбрый и дисциплинированный офицер. Он погиб при исполнении своего долга, искупив своей мученической кончиной все ошибки, если таковые были.

его командиром 6-го полка в Обозерской, на Вологодской железной дороге.

Дилакторский принял командование Пинежским районом.

В Мезенско-Печорском районе по-прежнему командовал полковник Ш., с неизменным успехом руководивший действиями местных партизан, постепенно образуя из них строевые части.

В конце марта было закончено формирование роты военного состава из сухопутной команды флотских экипажей, стоявших в Соломбале в морских казармах.

Страшные, можно сказать, это были казармы, битком набитые развращенными матросами, выдавшими уже и времена Керенского, и большевистскую анархию. Лишь в середине марта бесконечными усилиями офицеров флота удалось создать первую морскую роту из этой орды.

Так как весь флот был подчинен уже генералу Миллеру, то смотр этой роты производил он сам, поручив мне произвести морякам учение по моему усмотрению в его присутствии.

Рота с Андреевским флагом вместо линейного значка произвела на меня отличное впечатление и своей выучкой, и выправкой, и, казалось мне, хорошим настроением.

Генерал Миллер передал этот «первый опыт» в мое распоряжение, а я немедленно выслал эту роту в Холмогоры, на пополнение Чаплина.

В этот же период я обратился с горячим воззванием к офицерам флота, призывая их помочь мне в деле формирования войск в далеком Мезенско-Печорском районе, где ощущался огромный недостаток офицеров, остановивший весь ход мобилизации.

В истинно-патриотическом порыве моряки откликнулись на мой призыв, и около 40 офицеров флота немедленно отправились в распоряжение полковника Ш. — в село Лешуконское, на Мезени.

В конце марта шли обширные приготовления к Пинежской операции. К этому времени положение на всем фронте снова стало спокойным, и угрожаемый Селецкий район был усилен вновь прибывшим с Мурмана Йоркширским полком английской пехоты.

При передвижении этих войск с Мурмана на Онегу, Чекуево—Обозерская по зимнему тракту не все обошлось благополучно. Йоркширцы путешествовали в саних и с большими удобствами, но тем не менее в районе Чекуево они устроили митинг и, кажется, выразили определенное желание перестать воевать. Англичане все это тщательно скрыли, но я знал об этом эпизоде по донесению полковника Михеева, который по просьбе местного английского начальства выставлял русские пулеметы на тракте на случай открытого бунта у англичан.

Ввиду всех этих событий генерал Айронсайд решил дать красным хороший удар, чтобы дать им почувствовать нашу силу, а с другой стороны — добиться успеха, чтобы загладить впечатление потери Шенкурска и Тарасова.

Было решено сосредоточить английскую колонну в районе Усть-Пинеги и двинуть ее далеко в тыл красным на с. Карпогорское. Одновременно с этим русские силы, расположенные восточнее города Пинеги у Труфоногорской, должны были перейти в наступление на эту деревню, к югу.

Расстояние между точкой удара русскими частями и точкой удара английской колонны было около 70 верст. Обход, проектируемый англичанами, уже выходил из области тактической и делался операцией стратегической.

Силы, предназначенные для ведения этого плана, измерялись всего лишь двумя с половиной батальонами русских войск и сборною колонной англичан, численностью в несколько сот человек.

По опыту моему в Селецком районе я уже знал заранее, что мое вмешательство в дела оперативного характера не будет иметь результата; тем не менее, не щадя своего самолюбия, я высказал несколько своих

соображений, указал на трудности передвижений по замерзшей тундре, на дальность расстояний точек атак русскими и английскими силами. Я настаивал и на том, что стоверстный путь английской колонны будет своевременно открыт красными.

Все это, конечно, осталось «гласом вопиющего в пустыне».

Всей операцией было назначено командовать вновь приезшему английскому полковнику Б., отмеченному высшей военной английской наградой — Крестом Виктории.

Кажется, во всей английской армии было всего лишь 40 офицеров, удостоенных этого исключительно отличия.

Для совместной атаки с ротами 8-го (Пинежского) полка был предназначен 4-й полк Чаплина. В английскую колонну назначались команды бомбометчиков и пулеметчиков, организованные в Архангельске английскими инструкторами из русских офицеров и мобилизованных солдат.

Искренно беспокоясь за успех всего этого предприятия, я выехал в Холмогоры повидаться с Чаплиным и переговорить с ним о предстоящей операции.

Приехал я в этот исторический городок рано утром, по трескучему морозу, едва не отморозив себе лицо, в течение бесконечной ветреной и холодной ночи.

Все то, что я нашел в полку у Чаплина, произвело на меня самое отрадное впечатление. Энергия Чаплина сказывалась во всем. Каждое дело считалось «неотложным» и «спешным».

Весь день был посвящен подробному осмотру мобилизованных рот. Особенно хорошее впечатление произвели на меня те роты, которые целиком были укомплектованы новобранцами, т.е. молодыми людьми, не служившими еще по призыву и не испытывавшими на практике «свобод», разложивших армию. Несмотря на короткий срок обучения, роты эти были уже совершенно готовы к походу и боевой страде.

Вместе с Чаплиным я посетил находившегося уже в Холмогорах английского полковника Б., командующего войсками всего Пинежского района в предстоящей операции.

Полковник Б. как раз перед операцией повредил себе ногу, и я застал его в полулежачем состоянии. Он произвел на меня впечатление отличного солдата, но вместе с тем из разговора с ним я убедился, что он совершенно еще не освоился ни с условиями работы, ни с предстоящими трудностями.

Условившись с Чаплиным по всем данным предстоящих действий, я вернулся в Архангельск.

Операция разыгралась совсем просто.

В назначенный день русские силы, усиленные с правого фланга ротами Чаплина, перешли в наступление и нанесли сильный удар красным у Труфоногорской, взяв несколько сот пленных и очистив несколько деревень. Действия английской колонны не оказали никакого влияния на работу русских сил по крайней удаленности выбранного англичанами пути следования. Кроме того, самые действия англичан носили чрезвычайно своеобразный характер.

Колонна начала движение по тундре очень быстро благодаря громадному количеству взятых подвод. Пододвинувшись к самому району боевых действий, колонна заночевала, не принявши почти никаких мер охраны.

Перед рассветом начальник колонны отдал приказ двигаться назад. Движение назад было произведено настолько быстро, что англичане не хотели стеснять себя взятыми боевыми и продовольственными запасами. Огромное количество этих запасов было затоплено в прорубях одного из глубоких притоков р. Пинеги.

Особенно жалко было, говорили мне бомбометчики из русских, топить снаряды для бомбометов, тем более что запасы их были весьма невелики.

Никаких объяснений всему происшедшему я получить не мог. Полковник Б., с Крестом Виктории, со-

вершенно спокойно уехал в Англию. В Пинеге все осталось по-прежнему, а части Чаплина вернулись в Холмогоры.

В конце марта архангельскому фронту удалось осуществить посылку 1-й сибирской экспедиции для фактической связи с армиями адмирала Колчака.

Самая идея экспедиции принадлежала есаулу А., стремившемуся добраться до Сибири по его личным и семейным делам.

Идею экспедиции горячо поддержал Б. В. Романов, который, в качестве помощника губернского комиссара, сам желал отправиться с экспедицией для осмотра дальнего Печорского района. Романов фактически и взял все формирование экспедиции в свои руки.

Охотники, в количестве около 20 человек, были собраны есаулом А., а кроме того, по нашим ходатайствам, в состав экспедиции от союзного командования было назначено 3 английских сержанта и 2 французских унтер-офицера.

Идея обязательного назначения в экспедицию хотя бы малого числа представителей союзных войск заключалась в том, чтобы показать этих людей населению на всем дальнем пути экспедиции и утвердить в населении идею дружественного вмешательства Англии и Франции в дело восстановления порядка в России.

Экспедиция была подготовлена весьма тщательно, как в смысле запасов продовольствия, так и в смысле выбора перевозочных средств, материальной части и состава оленей, на которых был совершен весь путь¹.

Все то, что происходило в эту эпоху в районах верховьев Печоры, далеко превосходит самые фантастические романы.

В этих глухих местах, между Усть-Цыльмой и примерно Чардынью, — революция потеряла уже давно

¹ У Б. В. Романова остался богатый материал для подробного изложения этой интереснейшей страницы из жизни области, и я не теряю надежды видеть историю этого подвига в печати.

свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов местного населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Участники экспедиции видели проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды.

Романов посещал эти районы, опустошенные ужасами гражданской войны. Голод и нищета при жестоком морозе давали картины, не поддающиеся никакому описанию.

Вооружение и средства этой войны были, конечно, самые примитивные. Пускались в ход и охотничьи ружья, и вилы, и просто дубины. Одна из деревень для устрашения врага изобрела пушечные выстрелы. Мешочки с порохом подвешивались к многосажженным сонам и взрывались. Шум и страшный треск ломающегося дерева наводили панику на противника.

Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый, — было почти невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались «каждая против каждой», являя картины полной анархии в бою и спокойном когда-то крае.

Роль экспедиции в истории области была огромная. Двигаясь в направлении на Чардынь, маленький отряд в конце концов вошел в связь с правофланговым корпусом Сибирских армий и выслал мне донесение оттуда. Дорога была пробита. Первые сведения, полученные мною, были неутешительны в смысле наших расчетов на сибирские силы.

В этих сведениях, между прочим, заключалась просьба о присылке медицинских запасов, с подробным перечнем, что было нужно. Вот этот-то перечень ярче всего давал картину состояния сибирского корпуса. В этих войсках в смысле снабжения, по-видимому, не было ничего. Ясно было, что войска, так обеспеченные запасами, может быть, могут еще держаться, но

рассчитывать на них как на активную силу уже не приходилось.

Тем же сухим путем, по которому прошла наша 1-я экспедиция, в Архангельск прибыл штабс-капитан Б., высланный штабом Колчака для связи Архангельского фронта с Сибирским.

Имея за собою какие-то заслуги в борьбе за образование сибирской власти, штабс-капитан Б. держал себя как «представитель», что имело очень много юмористических и, к сожалению, вредных последствий.

Этот посланец сибирского штаба, дававший сведения о Сибирской армии в фантастических цифрах, не сумел даже познакомить нас с теми затруднениями, которые привели эту армию к катастрофе.

Экспедиция есаула А. имела еще и большое значение для меня лично, в работе моей в Мезенско-Печорском районе.

По дальности расстояний я никогда не мог бы найти 3—4 недели, чтобы съездить туда и бросить на такой срок Архангельск, а между тем, трудно было понимать все, что там происходит, только по донесениям.

Б. В. Романов пользовался всегда моим большим доверием, еще при работе моей с ним на французском фронте. Во время пребывания в этом районе он познакомился с полковником Ш., в деталях изучил обстановку на месте и привез мне самые обстоятельные данные по всем нуждам этого героического отряда.

Прибавлю, что один только этот почти целиком партизанский отряд мог играть решительную роль в области, если бы Мезенско-Печорский район мог дать людские средства для укомплектования. К сожалению, весь этот край, кроме долины Печоры, был пустыней.

Х. АПРЕЛЬ

Начало апреля для меня было беспокойным. Еще в конце марта мною был отдан приказ, в котором я давал разрешение всем несочувствующим установившемуся режиму — выехать в любезную им советскую Россию. Я предупреждал население, что все недоразумения и попытки противодействия власти, имевшие место в марте, мешают закономерной работе, а потому и предоставлял желающим выход. Срок для записи и регистрации я давал, если не ошибаюсь, до 10 апреля. Всем желающим был обещан трехдневный запас продовольствия.

Мера эта была, конечно, довольно рискованной; вызвана она была непрекращавшейся пропагандой, проникавшей не только в среду населения, но и в войска, и даже в мой собственный штаб. Надо было не только бороться всеми мерами против этой заразы, но и проявлять известного рода изобретательность в средствах борьбы.

Приказ мой был принят начальствующими лицами весьма неохотно. Командиры полков просто-напросто боялись, что

желающих будет так много, что части начнут разваливаться.

Вот почему первые дни апреля были для меня неспокойными. Я начинал сомневаться и опасался, как бы моя решимость не отозвалась на состоянии войск.

Однако назначенный срок прошел, и все обошлось наилучшим образом.

Всего из области выселилось, насколько я припоминаю, 5—6 тысяч человек, из коих половина приходилась на Мурманский край.

Отъезжающих можно было разделить на три категории:

- а) Определенно сочувствующие большевикам. Таковых было огромное большинство из них.
- б) Люди, стремившиеся к своим семьям.
- в) Лица, имевшие материальные интересы в Советской России.

Именно ввиду того что первая группа оказалась весьма значительной, мне кажется, что принятая мною мера в значительной степени разрядила воздух и освободила область от зловредных элементов короче и чище, чем какие бы то ни было репрессии, которыми население тяготилось.

Нечего и говорить, что в области, конечно, остались те большевики, которые находились там, так сказать, по службе. Во всяком случае после этого приказа я мог рассматривать большевистствующие элементы как государственных преступников, что давало власти большую свободу действий.

В том же апреле дело формирования частей подвинулось вперед настолько, что можно уже было приступить к формированиям высших, после полков, соединений.

Ввиду предполагавшегося выдвижения 4-го полка из Холмогор в Двинский район явилась возможность объединить командование всеми русскими частями в районе в одних руках.

На двинских позициях должны были сосредоточиться 3-й и 4-й стрелковые полки и весь 1-й артиллерийский дивизион.

Туда же направлялся саперный взвод и полуэскадрон конницы.

Всем этим отрядом я предложил командовать полковнику князю А. А. Мурузи, моему другу и сотруднику в деле командования русскими войсками во Франции.

Полковник Мурузи принимал должность командующего войсками Двинского района с правами корпусного командира в дисциплинарном и хозяйственном отношении.

Зная князя Мурузи за человека выдающейся доблести, я не сомневался, что 3-й и 4-й полки, равно как и остальные части отряда, в короткое время будут самыми блестящими частями Архангельского фронта. Александр Александрович не только действительно это сделал, но сумел еще создать на Двине и отличные отношения между своим штабом и представителями английского командования.

Одновременно с образованием штаба Двинского фронта по моему ходатайству правительство наградило чином генерала полковника Ш., работавшего в Мезенско-Печорском районе, а самый район получил наименование фронта. В ближайшем будущем я предполагал образовать в этом районе бригаду, с полком в Лешуконском и полком в Усть-Цыльме на Печоре.

В дальнейшем я предполагал объединить командование в Селецком районе, на Обозерской и в Чекуеве, поручив все эти части полковнику Д., старому моему сослуживцу по 22-му корпусу, георгиевскому кавалеру, отличному опытному боевому офицеру.

Его производство в генералы было решено, но назначение затягивалось, так как создание русского штаба и авторитетного начальства на Обозерской могло вызвать новые осложнения в отношениях с англичанами.

Чтобы пояснить это, я должен привести пример совершенно уже ненормальных отношений между рус-

скою властью и британским командованием в районе Онеги.

К апрелю 5-й стрелковый полк в Чекуеве имел уже 2 батальона в своих рядах, а в г. Онеге формировался и 3-й батальон этого полка. Силы эти далеко превосходили микроскопические взводы англичан, находившиеся в этом районе. Однако, несмотря на мои требования, командование в районе было в британских руках. Именно там представитель английской власти был крайне неудачным и всегда панически настроенным.

Постоянные недоразумения между ним и полковником Михеевым имели следствием ряд ходатайств английского командования о том, чтобы Михеева сменить. Я не был слеп в отношении Михеева. Все мои сотрудники по Северной области оценивали этого штаб-офицера как выдающегося во всех отношениях, поэтому, не смотря ни на что, он и остался на своем месте.

По этому поводу мне не раз приходилось объяснять в английском штабе, что я нуждаюсь уже в некоторых районах в английских силах как в таковых. Мне нужны были эти иностранные части лишь для службы военно-полицейского характера и как точка опоры для старших начальников.

С самого начала моей работы я много раз объяснял Айронсайду, что мало еще сформировать войска, надо еще и дать им окрепнуть и воспитать их.

Я указывал даже, что частичные возмущения в этих новых войсках надо считать явлением нормальным и не надо смущаться, если таковые будут. С первых же слов, сказанных мною Айронсайду, я доказывал, что пребывание союзных войск в области должно быть продолжительным. Только время могло дать возможность воссоздать корпус офицеров и кадр солдат дисциплинированных и надежных.

Я предполагаю, что уже в этот период англичане просто-напросто с опаскою смотрели на рост русских сил и боялись выпустить руководство операциями из своих рук, дабы из роли начальствующих не перейти

на роль подчиненных в очень сложной политической обстановке.

Я должен сказать, что в это время личные мои отношения с генералом Айронсайдом носили еще весьма дружественный и откровенный характер, но тем не менее я не мог, конечно, добиться того, чтобы он смотрел на события «русскими» глазами.

Тогда же и много раз я советовался с Айронсайдом по вопросам о подготовке нашего тыла и снабжений.

У британского командования на этой службе числилось более 4000 офицеров и сержантов, т.е. то количество офицерских и полуофицерских чинов, которого я не мог набрать во всей области.

Те малочисленные интендантские и тыловые артиллерийские чины, которые обслуживали русские склады, не могли не только принять, но даже и изучить весьма сложное английское тыловое устройство.

Тем не менее часть русских офицеров была выделена и дана в распоряжение английского тылового начальства для образования кадров русского тыла.

Дело не пошло совершенно. Англичане не имели ни малейшего доверия к этим офицерам и всюду склонны были ставить их под начало даже своих сержантов.

Старший из тыловых чинов, полковник Газенко, не владея английским языком, также не мог преуспеть в своих стараниях взять дело в свои руки. Кроме того, английское командование и не стремилось особенно помочь полковнику Газенко, не посвящая его в свои планы и соображения.

Нелегкое время пришлось переживать в этой работе, в полной зависимости от иностранных интересов и в атмосфере, во всяком случае, неоткровенной, неискренней политики.

В том же месяце случилось событие, давно ожидаемое мною и, в сущности, неизбежное. В одну из темных ночей красные незаметно подошли к с. Большие Озерки и, быстро опрокинув части, перебили тот взвод французского колониального батальона, который охранял это направление.

Случилось то, что предсказывалось французским командующим железнодорожным районом и мною после моей первой поездки в этот район. Чтобы понять важность совершившегося, надо оценить огромное значение этого пункта на тракте Онега — Чекуево — Обозерская.

От Б. Озерок к Архангельску ведет целая сеть оленьих троп, отлично проходимых зимою.

Фактически с занятием Б. Озерок большевиками фронт являлся прорванным, а наши пути сообщения с Онежским районом оказались под ударами красных.

Положение сильно осложнялось еще тем, что командующий железнодорожным районом в момент занятия Б. Озерок был в 5-м полку в Чекуево и чуть не попал в плен при обратном возвращении на железную дорогу. Едва выбравшись из этого положения, он отморозил руки и должен был направиться в госпиталь в Онегу.

Для генерала Айронсайда это был удобный момент, чтобы отделаться от французского командования на железнодорожном фронте и заменить его английским.

По получении известий о занятии Б. Озерок я счел своим долгом снова предложить свои услуги для ликвидации создавшегося положения и организации контр-удара. Генерал Айронсайд решил ехать туда сам. В этот момент ожидался приезд еще одного генерала английской армии¹, который, видимо, заранее предназначался на этот фронт. Айронсайд выждал его прибытия на Обозерской, передал ему командование и инструкции, а сам вернулся в Архангельск. В течение около недели против случившегося ничего предпринято не было.

Далее английский штаб разработал план атаки Б. Озерок двумя русскими и двумя американскими ротами со стороны Обозерской.

Всей операцией был назначен командовать начальник штаба Айронсайда Гард, блестящей храбрости солдат, весьма вместе с тем несведущий в азбуке военного дела.

¹ Фамилия его мною забыта.

Операция разыгралась вновь совершенно просто. Гард поставил четыре роты в колонну, в затылок одна другой, и повел их прямо по дороге на Б. Озерки. Дорога идет все время по лесному дефиле.

Когда голова наткнулась на заставу красных на той же дороге, она сразу попала под пулеметный огонь. Люди побежали.

Гард вернулся в Архангельск, генерал Айронсайд совершенно спокойно заявил мне: «Вот мы и не взяли Б. Озерок».

Создавшееся положение становилось затяжным. Был момент, когда большевики угрожали нашему положению на Обозерской. В одну из таких минут Айронсайд собрал со всего Архангельска сборную команду человек в 250 англичан и лично повез ее в виде поддержки на Обозерскую. Я отдаю полную справедливость личной храбрости и решимости глубоко симпатичного мне генерала. Мне искренно жаль, что он смотрел на события чересчур через «английские очки». Несмотря на искреннее желание его понять русских и Россию, я позволю себе думать, что он совершенно не понимал нас до конца.

После долгих моих убеждений, наконец, решили использовать для овладения Б. Озерками сформированный французскими инструкторами 2-й артиллерийский дивизион.

Дивизион этот был выдвинут на Обозерскую и вошел целиком в отряд, занимавший эту станцию. Подготовка его была блестящая, как я и писал об этом выше, а потому я не сомневался и в отличных результатах его деятельности.

Выдвинувшись под прикрытием пехоты на наиболее допустимое расстояние, полковник Барбович организовал артиллерийское наблюдение и, пристрелявшись по колокольне Б. Озерок, начал поражать деревню непрерывным огнем.

Здесь же произошел эпизод с одним из взводов этого дивизиона, который я не могу не назвать историчес-

ким. Взвод этот был атакован колонною большевиков, вышедшей по глухому лесу на лыжах в глубокий тыл.

Оторванный случайно от своей пехоты, взвод повернул орудия на 180° и огнем в упор отбил эту атаку. Дай бог, чтобы старые испытанные войска могли воспитать в себе такую героическую стойкость.

С вступлением в дело артиллерии вопрос с Б. Озерками был ликвидирован в течение суток. Большевики побежали, и наша пехота легко восстановила положение, снова заняв и укрепив этот важный пункт.

Приближались дни Св. Пасхи. Правительство асигновало особые суммы на организацию разговения в частях войск. Я решил выехать на заутреню в ближайший войсковой район.

В Обозерскую я прибыл поездом в Великую субботу и здесь в первый раз увиделся с новым английским командующим районом. Как этот генерал, так и его штаб произвели на меня скорее хорошее впечатление. Начать с того, что в штабе было несколько англичан-офицеров, вполне владеющих русским языком.

Познакомившись со штабом, я попросил проводить меня в близ расположенную роту французского Иностранного легиона, которой в этот день был назначен парад с раздачей французских наград.

Это была уже 2-я рота легиона, весьма недавно высланная на фронт и отлично проявившая себя в небольших стычках. Этою ротою командовал бывший русский генерал, капитан французской службы Самарин.

Я обратился к роте с краткою речью и от души благодарил ее за отличную службу. Полковник Доноп вручил французские Военные Кресты наиболее отличившимся чинам роты.

В тот же вечер я верхом поехал в Малые Озерки, где в сельской церкви мог встретить наибольшее число солдат отряда, стоявшего в Обозерской.

Разговение для всех бывших в церкви было организовано архангельским благотворительным обществом в местной школе. Было громадное количество столов,

уставленных пасхами, куличами, жареным мясом и око-роками. Кроме того, были в изобилии красное вино, чай и кофе. Перехристосовался я с несколькимистами чело-век и засиделся среди солдат до шестого часа утра. И как весело было! Какие чудесные старые песни пели по-том мои развеселившиеся северяне. Я выехал из М. Озе-рок в самом радостном настроении, столько хорошего можно было ожидать от этих отличных солдат.

В первый день праздника ранним утром я выехал на паровозе в район блокгаузов, занятых русскими ротами и частями 2-го артиллерийского дивизиона.

Несладко жилось им тут на лесной полянке, заваленной деревьями, разбитыми снарядами.

Тут же стоял бронепоезд «Адмирал Колчак», соору-женный стараниями флота и вооруженный пушками, сня-тыми с судов. И офицерский состав поезда и команда были в отличном настроении. Поезд этот оказывал огром-ные услуги защите станции в самые тяжелые минуты.

На блокгаузах жить приходилось уже в совершенно боевой обстановке. Набеги и налеты происходили весь-ма часто, причем, пользуясь проходимостью леса зи-мой, большевики совершенно неожиданно появлялись в тылу и нападали на наши железнодорожные составы. Ходить в одиночку даже на небольшие расстояния было опасно.

Рано утром на второй день праздника я выехал в от-битые нами Большие Озерки. Мы сделали около 30 верст по отвратительной вследствие оттепели дороге.

Подъезжая к деревне, мы въехали в район бывших застав большевиков, еще покрытый неубранными тру-пами убитых.

Осмотревшись в д. Б. Озерки, я заметил, что вся первая половина деревни была уставлена как бы «буке-тами» из огромных бревен. Впечатление это получи-лось от вида изб, в которых попадали тяжелые снаряды нашей артиллерии. От взрыва крепкий тяжелый лес северных построек не крошился и не ломался, но в бук-вальном смысле слова «становился на дыбы». Починка

этих домов была почти невозможна. Каждое исковерканное здание надо было начисто разбирать и строить заново.

Почти все стекла в деревне полопались от разрывов, и в домах стоял невыносимый холод. Измученное, изголодавшееся, иззябшее население бродило по деревне в каком-то оцепении.

На южной окраине деревни были расположены две роты 6-го полка, принимавшие участие в бою и составлявшие теперь гарнизон селения. В северной половине расположился взвод 2-го артиллерийского дивизиона, тот самый, который так доблестно отбил своими собственными силами пехотную атаку.

Прежде всего надо было обойти все пехотное охранение, выставленное по дорогам к югу, в направлении на Шелексу.

На постах служба неслась отлично. Все унтер-офицеры щеголяли своей подготовкой и отличным знанием своих обязанностей. Солдаты в этих ротах, напротив, мне не понравились. Видно было, что они тяготятся службой. Ротные командиры лично мне были известны, и поэтому я не мог думать о каких-либо упущениях. Вернее всего, что эти роты были слишком рано выпущены на фронт.

Обойдя посты, мы направились к артиллеристам 2-го дивизиона. Великолепный вид имели эти люди, выстроенные к моему приезду около командирской избы. Видно было, насколько отличный офицерский состав дивизиона поработал над подготовкой этих героев. Удачные действия еще более подбодрили их, и настроение у солдат, несмотря на холод, полуразрушенную деревню и голод у жителей, было радостно-приподнятое.

Я горячо благодарил их всех, и не надо было искать слов для благодарности, достаточно было видеть эту молоденькую часть, чтобы сразу загореться ее могучим духом.

Я провел весь вечер с артиллеристами и заночевал у них в избе.

На третий день праздника я распростился с моими гостеприимными хозяевами и двинулся в обратный путь.

В Архангельске в конце апреля в правительственных кругах царило самое оптимистическое настроение.

Сведения из Сибири были обнадеживающие и радостные. Правительство, признавшее уже адмирала Колчака Верховным правителем «де-факто», в своем постановлении 30 апреля решило оповестить сибирское правительство официально о своем подчинении верховной власти.

Английское командование составляло проекты широкой операции вверх по Двине в район Котласа на соединение с армиями адмирала Колчака. Из Англии шли уже транспорты с военными запасами для сибирских армий. Кроме того, генерал Айронсайд с нетерпением ждал прибытия двух бригад, сформированных в Англии из добровольцев-англичан, специально для операций на Северном фронте.

Русская мобилизация шла мерным порядком, и хотя мы уже приближались к пределу мобилизационной способности области (25 тысяч с трудом), тем не менее были надежды на продвижение в более населенные районы и, следовательно, на новые источники комплектования войск.

Казалось бы, область переживала период расцвета, дающего самые твердые надежды на будущее.

Однако уже тогда были кое-какие признаки, дававшие повод к весьма мрачным предположениям.

Прежде всего, из Архангельска исчезли все мало-мальски значительные представители союзных дипломатических миссий.

Уже уехали маркиз Торрета, представитель Италии, уехал серб Сполайкович. Остающиеся «заместители» представляли собою персонажи весьма невысокого ранга в дипломатических сферах.

Военные представители всех стран, наоборот, оставались в полном комплекте, что невольно заставляло

предполагать, что все «Северное действо» сводится к определенной части военной операции временного характера, до ратификации мирного договора.

Уход войск Северо-Американских Соединенных Штатов был уже решен бесповоротно, и эти части постепенно оттягивались с фронта. Для руководства эвакуацией в Архангельск прибыл американский генерал Ролджерсон. Сначала предполагалось вывезти войска, а затем и тыловые учреждения, передав все имущество русским.

Имея многочисленных друзей в рядах иностранного представительства, я весьма часто, в чисто товарищеских беседах и случайно, узнавал многие подробности политического положения всей Европы, что было невозможно для многих представителей даже правительственных кругов. Отрезанные почти от всего мира трудностями сообщений и стеснениями, скажем просто, английской «диктатуры», мы были положительно политически слепы. Малейшее желание проникнуть за эту завесу вызывало определенное противодействие со стороны английского командования. Связь с Н. В. Чайковским в Париже была слаба и заключалась в письмах, доходивших с редкими курьерами, другие сведения были случайными и проходили через английскую цензуру.

В это же время начали распространяться слухи об армии Юденича, о ее огромной силе, о близости занятия Петрограда. Я имел очень точные данные о предприятии Юденича и не возлагал на него много надежд, а между тем приходится сказать, что судьба этого предприятия могла иметь самые решительные последствия на судьбу Северной области. Какие усилия мы ни прилагали, мы не могли добиться ясных сведений об Юдениче, который находился в это время целиком в зоне английской политики.

Положение в Сибири тоже было далеко неясно. Как раз в конце апреля из состава правительства в Сибирь сухим путем отбыл князь И. А. Куракин, сдав управление отделом финансов П. Ю. Зубову. Представляя Северное правительство в Омске, князь Куракин должен

был координировать наши действия с Сибирью. На его работу мы возлагали много надежд, в особенности в смысле нашего осведомления.

В этой весьма неясной обстановке мы подошли к теплomu времени на Севере, когда вместе с таянием снега и горячими лучами солнца начинает просыпаться и человеческая энергия. Мы подошли к началу брожения на фронте.

акты брожения на фронте вследствие интенсивной пропаганды большевиков уже давно отмечались нашей агентурой, установленной в каждом боевом районе. Имея дело с войсками, сформированными по мобилизации, войсковые начальники постоянно должны были считаться с возможностью вспышек того или иного характера и, собственно говоря, ждали их, что особенно утомляло командный состав и в короткое время истрепывало нервы.

Первою недоброю вестью было восстание одного из батальонов 3-го полка, расположенного на Двине, в Тулгасе.

Причиною восстания было недостаточно осторожное влитие в ряды этого батальона укомплектований из взятых в плен большевиков. Перебив часть своих офицеров, мятежники пытались захватить нашу батарею 1-го артиллерийского дивизиона. Артиллеристы, оставшись верными своему долгу, открыли огонь по мятежникам и отступили, вытащив орудия на руках и присоединив к

себе часть пехоты, не примкнувшую к восставшим. Этот эпизод, давший большие потери в офицерском составе, не произвел, однако, особого впечатления ни на английское командование, ни на общественное мнение. Отдаю здесь полную справедливость умелым действиям князя Мурузи, сумевшего не придать особой трагической окраски возмущению.

Гораздо серьезнее было восстание в Пинеге, разыгравшееся несколькими днями позже в 8-м полку.

Поводом к восстанию, как выяснило следствие, была организованная отделом финансов «перфорация денег».

Перфорация была вызвана необходимостью учесть количество денег, обращающихся в области, и оградить северную казну от громадного притока не имеющих цены денег из советской России.

На деньгах, годных для обращения в области, пробивался особый знак, установленный правительством. Не будучи финансистом, я не берусь судить о целесообразности этой меры, но хочу лишь указать, что правительство заранее предвидело все затруднения, которые она вызовет, и все-таки решилось на нее под давлением насущной необходимости.

Отбирание денег для перфорации, конечно, было использовано большевистской пропагандой. Кроме того, в это же время отдел финансов печатал и уплачивал деньги слишком крупными купюрами. Возникла острая нужда в мелких разменных деньгах. Выпуск слишком крупных купюр объяснялся чисто архангельскими обстоятельствами. Наша чуть не единственная типография не успевала печатать достаточные суммы бумажных денег в мелких купюрах. Чтобы поспеть к срокам, печатали главным образом тысячные и пятисотенные билеты. Солдаты не могли нигде разменять эти крупные деньги и, конечно, увидели в этом действия власти, направленные против их насущных интересов.

Восстание в Пинеге началось, конечно, с убийства офицеров в некоторых вновь мобилизованных ротах.

К счастью, роты Дилакторского, составленные из коренных партизан, дали ему возможность подавить восстание в течение нескольких часов.

Генерал Айронсайд, посетивший Пинегу сейчас же после восстания, сказал мне по возвращении: «Если бы там не было Дилакторского, все было бы гораздо серьезнее. Бунт усмирён исключительно благодаря его энергии».

Восстания в Тулгасе и в Пинеге, легко подавленные, однако, только подтвердили необходимость наличия в отрядах хотя бы небольшого числа иностранных войск. Здесь важна была не сила, а наличие иностранного мундира, в котором простолудин видел не только штык или револьвер, но государственную силу, стоящую за ним. Кроме того, хотя бы небольшая иностранная сила обеспечивала свободу действий каждого войскового начальника, охраняя его жизнь от покушений. С этим надо было считаться и не успокаивать себя теоретическими соображениями о политических вкусах и идеалах нашего мужика. Твердую силу давали лишь партизаны, да и то лишь до тех пор, пока они стояли в районах своих деревень.

Все эти соображения уже тогда заставили меня прийти к заключению, что, если союзные войска будут отозваны, наша молодая армия, лишенная к тому же и материальной поддержки в виде иностранного пайка, муки и т.д., не устоит. Я убежден был, что надо искать выхода и торопиться, кроме того, с усилением офицерского состава, без которого мы не в состоянии были окончательно поставить на ноги полки и устроить тыл.

По всем этим соображениям я не раз беседовал с генералом Миллером, указывая, что надо искать новых путей и новых решений заблаговременно, иначе грядущей осенью уход англичан поставит нас в положение катастрофическое. Уже в самом начале мая мы не раз обсуждали с генералом Миллером вопрос о возможности моей командировки в Финляндию для связи с армией Юденича и для выяснения вопроса о возможном выступлении Финляндии совместно с нами.

А между тем все американские части были собраны в тылу, и наступил день отъезда этой весьма значительной военной поддержки области — на родину.

Отъезду войск предшествовала военная церемония на могилах убитых и умерших на Севере представителей Соединенных Штатов, похороненных на местном архангельском кладбище. Я должен сказать, что могилы, украшенные звездным американским флажком, занимали весьма обширный район на этом месте последнего упокоения.

После военного парада и речей, произнесенных представителями правительства с особо устроенной трибуны, американские войска выстроились фронтом к могилам своих товарищей. От рядов отделился горнист, который направился к могилам и тихо сыграл какой-то несложный грустный сигнал. Все поняли, что это «последнее прости». Раздалась команда, и войска молча начали удаляться с кладбища. Эта последняя нотка в грустном торжестве произвела глубокое впечатление на всех присутствующих. Слезы невольно навертывались на глаза...

Несколько дней спустя генерал Айронсайд, генерал Миллер и я ездили на «Экономию»¹ для проводов уходящих войск, перед посадкою их на суда.

Батальоны американцев уже были выстроены перед небольшой трибуной, с которой были произнесены прощальные приветствия.

Последовал церемониальный марш. В общем прошло около 4 хороших батальонов. Для Северной армии в наших небольших операциях это была весьма крупная сила, которую мы теряли как раз в горячую летнюю пору. Тяжелое впечатление, произведенное на население отбытием союзной силы, несколько изгладилось чаянием скорого прибытия 2 бригад английских доброволь-

¹ «Экономией» назывался городок складов и барачков на Двине, ближе к устью рукава Маймаксы, верстах в 20 от Архангельска.

цев, набранных специально для Северной области. Во второй половине мая уже имелись определенные сведения о дне их прибытия. Эти войска следовали из Англии на двух больших пароходах «Царь» и «Царица» нашего Добровольного флота. Какими путями они попали в распоряжение английского Адмиралтейства, я не мог выяснить.

Прибытие этих добровольцев было отпраздновано торжественной встречей, в которой участвовали войска, правительство и все население города.

Вид великолепных войск, в связи с солнечным летним днем, создавал особенно радостное настроение у всех присутствующих.

Обе бригады предполагалось в кратчайший срок перевезти на Двинский фронт для участия в подготовляемом наступлении в направлении на Котлас на присоединение к армиям Колчака.

Планы эти не только не держались в глубочайшем секрете, но, наоборот, весьма широко распространялись английским командованием. Айронсайд был слишком хорошим солдатом, чтобы не понимать, что разглашение столь важных сведений может не только повредить, но даже погубить наше наступательное движение.

Из этого можно сделать вывод, что английский штаб имел свои особые инструкции на этот предмет. Каковы они были?

Приподнять эту завесу было невозможно, но всё же необходимо было уметь догадываться.

Какова была наша тяжкая действительность в это время, лучше всего показывает нижеследующий разговор мой с одним из выдающихся представителей дипломатической колонии.

Находясь со мною в самых дружеских отношениях, этот иностранец, несомненно лучше меня осведомленный о политическом курсе, взятом в отношении Северной области, говоря со мною с глазу на глаз, без обиняков спросил меня: «Неужели вы не чувствуете, что за вашу спину устраивается предательство?» Я тогда

же искренно ответил, что не сомневаюсь в этом вот уже два месяца. Я не могу назвать моего собеседника, но скажу только, что он знал Россию, имел многочисленные родственные связи с русскими и, следовательно, имел причины чисто морального характера быть открытым со мною.

Я никогда не позволю себе подумать, что прямой, честный Айронсайд мог быть автором каких-либо планов, клонящихся ко вреду или ущербу нашего северного действия. Напротив того, наш успех мог лишь помочь его уже создавшейся блестящей карьере, и, следовательно, он был лишь орудием в руках других и в некоторых случаях «не ведал, что творил», а потому события шли своим, совершенно определенным ходом и каждый прожитый день приближал нас к катастрофе.

Здесь я подхожу к «делу рук» генерала Айронсайда, весьма ускорившему решение всех вопросов, связанных с эвакуацией области.

В конце мая, в день рождения английского короля, в Архангельске был устроен торжественный праздник и парад так называемому Дайеровскому полку и только что прибывшим бригадам добровольцев.

История Дайеровского полка изложена мною выше.

Руководящей идеей генерала Айронсайда было мнение, что «русский солдат великолепен, а офицеры — плохи». «Я дам, — говорил он, — им английских офицеров, и вы увидите, какие отличные результаты мы получим».

Капитан Дайер умер, кажется, от тифа, но его великолепная рота осталась и послужила кадром полка, названного его именем.

До начала летних операций приток военнопленных был ничтожен, и потому формирование дайеровцев шло вяло. Чтобы поторопить это дело, английское командование обратилось с просьбою разрешить ему помочь разгрузить наши тюрьмы, где оно рассчитывало набрать из арестантов недостающие в полку комплекты.

Проезжая однажды мимо сквера у соборной площади, я увидел там цепь солдат, толпу зевак и какую-то

группу начальствующих лиц. Я спросил, в чем дело, и, узнав, что это сам генерал Айронсайд лично выбирает из арестантов дайеровские укомплектования, вышел из автомобиля и пошел посмотреть, что происходит.

Генерал разговаривал с арестантами через переводчика. Когда я подошел, беседа шла с огромного роста детиной с физиономией определенно преступного характера.

Генерал спросил, желает ли он быть зачисленным в полк Дайера. После утвердительного ответа последовал вопрос, что этот субъект желает делать впоследствии. «Желаю усовершенствовать мое образование за границей», — ответил арестант без запинки.

Я тихонько отошел и направился к своему автомобилю. Я невольно думал тогда, почему Айронсайд не попросил сделать этот отбор хотя бы меня?

Честный, прямодушный, доверчивый англичанин даже не отдавал себе отчета, с какой сметкой, с каким лукавством и хитростью отнесутся эти «русские простаки» к его лояльному предложению вырвать их из стен тюрьмы, где они томились.

То же недоверие к русскому мнению и замечаниям оказывалось и в вопросе выбора военнопленных. По поводу одного из них, взятого на Двинском фронте, князь Мурузи прислал мне экстренную записку, предупреждая, что он очень опасен и что его отнюдь не нужно зачислять в Дайеровский полк. Записка эта немедленно была мною сообщена в английский штаб. Я, к сожалению, не помню фамилии этого пленного, но именно он, зачисленный в ряды полка, оказался одним из главных организаторов восстания в июле.

Незадолго до парада Дайеровскому полку мы с генералом Миллером посетили один из его батальонов, стоявший на Бакарице.

Мы обходили все роты во время занятий, которые велись интенсивно. Люди были одеты щегольски, кормили их совершенно исключительным образом. В солдатской

кухне мы нашли какое-то блюдо, приготовленное из куропаток с овощами. Оговариваюсь, что при изумительном обилии дичи на Севере рябчики и куропатки вовсе не представляют собою гастрономии, но кормление дичью войск все же и в Архангельске было явление незаурядным.

Парад был блестящий. Подчеркивая свое уважение русской власти, генерал Айронсайд просил принять парад генерала Миллера, причем командовал войсками сам.

По заранее выработанному плану церемонии, генерал Миллер вручил полку трехцветный русский флаг, с изображенным на нем мечом в лавровом венке.

Флаг этот торжественно был пронесен по фронту «тихим маршем», как было сказано в английском приказе. Этот «тихий» марш был воспроизведен под звуки «Старого егерского», который вместо его быстрого темпа играли аккорд за аккордом медленнее наших похоронных маршей.

Выступающие учебным шагом дайеровцы были доведены в смысле выучки до предела, но, несмотря на это, церемония не давала должного впечатления.

После дайеровцев под звуки английского оркестра легким, быстрым и широким шагом прошла морская рота, сводная из экипажей судов, стоящих на рейде, а затем тем же шагом проследовали обе бригады добровольцев. Это были великолепные войска. Все охотники, все боевые солдаты, украшенные орденами за работу на французском фронте.

Парад заключала батарея Славяно-британского легиона под команду капитана Рождественского. Блестящий офицер сам, он подготовил и отличную часть. Батарея эта предназначалась для действий в Селецком районе и вооружена была английскими орудиями. Вся батарея была укомплектована русскими солдатами.

Генерал Айронсайд видимо очень гордился этим парадом и своими дайеровцами.

Я стал тайне готовиться к моей поездке в Финляндию, о которой я уже сговорился с генералом Милле-

ром, но предполагал молчать до времени, и, как видно будет дальше, — не без причин.

Ввиду моего отъезда я предполагал несколько разгрузить моего будущего заместителя, для чего прежде всего подал проект о передаче «Национального ополчения» в ведение генерал-губернатора.

Ввиду определенных функций ополчения по охране порядка в городе казалось вполне нормальным подчинить вновь созданную силу высшей административной власти в городе.

Всего передано было генерал-губернатору 6 рот, уже обученных и вполне организованных — в самом Архангельске, и отдельные дружины в Онеге и Холмогорах, еще в зачаточном, помнится, состоянии.

В мае появились первые небольшие группы приезжих офицеров. Встречались они с радостью и немедленно же назначались на должности строевые или административные.

Должен сказать, что цифра всех приезжих за целый месяц глубоко меня разочаровала. За весь май, я помню, прибыло не более пятнадцати человек.

Положение на фронте при недостатке офицерского состава делалось крайне сложным по причинам не только военного, но и политического характера.

Необходимо иметь в виду, что если рота в нормальной армии нуждается в 3—5 офицерах, то в гражданской войне число офицеров должно быть увеличено в два-три раза. Так я и поступал в первые месяцы работы, но к весне положение осложнилось тем, что на фронте было уже около десяти полков, а в офицерах был некомплект даже по старому штатному составу.

Тем не менее работу надо было вести не останавливаясь, принимая во внимание еще и весь трагизм тыла в случае эвакуации края союзниками.

Наконец явилась возможность приступить к организации Военного экономического общества на выгодных условиях закупки товара по льготным ценам в Англии.

Я с благодарностью вспоминаю то доверие, с которым финансово-экономический совет отнесся к моему личному докладу, ассигновав для этой цели 6 миллионов рублей. Для Севера, где на тысячу рублей можно было жить с семьей месяц, — это были очень большие деньги.

В самом конце мая я ездил на двое суток на Мурман. Наконец-то можно было организовать на твердых устоях в этом краю и формирование и командование. Я уже имел сведения, что в пути на север находятся генерал Скобельцын и полковник Архипов. Я считал и того и другого выдающимися офицерами генерального штаба и заранее намечал назначение сразу обоих в этот край, где так долго нельзя было начать настоящую военную работу.

Самая поездка состоялась на одном из небольших ледоколов, находившихся в распоряжении английского командования.

В конце мая штаб генерала Мейнарда, равно как и гражданское управление краем, было перенесено из Мурманска в Кемь. Ввиду крайне ограниченного числа помещений в городе штаб Мейнарда помещался в особых бараках, выстроенных у самой станции. Там же помещался и русский штаб. В. В. Ермолов жил на станции, в своем вагоне.

Сообщение между Архангельском и Кемью в летнюю пору очень удобное, хотя в самом конце мая в Белом море еще много ледяных полей, через которые надо пробираться.

Команда и пассажиры парохода во время пути развлекались специальным «северным» удовольствием — стрельбой по тюленям, то здесь, то там показывающимся на льдинах.

Поездка моя имела, увы, лишь платоническое значение, так как я лишь успел повидаться с Ермоловым и Костанди. Для поездки на фронт времени не было. Костанди очень хорошо работал в смысле организации мурманских сил в составе 2-го и 9-го стрелковых пол-

ков. Им же приступлено было к формированию дивизиона артиллерии.

Военное положение на Мурмане было в эту пору чрезвычайно благоприятное. Мы только что заняли Повенец и медленно спускались к Петрозаводску. Приближались районы с более густым населением и партизанщиной. Возросла возможность увеличения укомплектований, а следовательно, и развертывания новых частей.

Обратный путь в Архангельск был долог. Еще в самой Кемской бухте мы сели на мель, а потом, снявшись, должны были выждать несколько часов, чтобы удостовериться, что нет пробоин и течи.

Назад идти было легче, так как ледяные поля в течение 2—3 дней тепла почти исчезли.

Во время этой поездки я около трех-четырёх дней провел неразлучно с генералом Айронсайдом. Он ездил на Мурман, чтобы повидаться с Мейнардом и обменяться с ним мыслями.

Их разговоры и предположения так и остались для меня тайной, а казалось так естественно было сделать и меня участником их совместной работы.

Я затрудняюсь сказать, было ли тут налицо недоверие только к русскому генералу или же ко мне лично. Думаю, что тут было много первого и немножко второго. Мы были еще друзьями, но, несомненно, наши отношения уже несколько пошатнулись.

Наступила эпоха, когда надо было спешно искать каких-то новых решений, новых путей, новых связей.

ХІІ. ІЮНЬ

Начало іюня совпало с рядом восстаний против большевиков в Олонецкой губернии в полосе, примыкающей к финляндской границе¹. В пределах Финляндии немедленно появились формирования добровольческих отрядов, которые хорошо снабжались и вооружались, переходили старую финскую границу и с оружием в руках содействовали восставшим в свержении большевистской власти.

К началу іюня месяца эти финские отряды вошли в соприкосновение с нашими частями Мурманского фронта.

Координация действий этих отрядов с нами, с одной стороны, и принятие самых экстренных мер для предупреждения столкновений между финнами и нашими войсками, с другой стороны, были неотложно необходимы.

Именно это положение дало окончательный толчок моей командировке в Финляндию, и вопрос был окончательно

¹ Эти восстания были спровоцированы финнами. (Примеч. ред.)

решен и оформлен в виде особой инструкции.

Вот полностью полученное мною предписание правительства:

Временное Правительство Северной области

7 июня 1919 г.

№890

*Генерального штаба генерал-лейтенанту
В. В. Марушевскому*

Вследствие предписания Временного правительства на вас возлагается:

Ввиду предстоящего соприкосновения наших войск, наступающих на Петрозаводск, с финскими отрядами, действующими в этом же районе, необходимо выяснить отношения последних к русским войскам.

Согласно заявлениям, сделанным официальным представителем Финляндии в Париже французскому правительству, перешедшие русскую границу финские добровольческие отряды не имеют другой цели, как только избавлять население от ига большевиков. Имея общую цель — изгнание большевиков из данной части Олонецкой губернии, русские войска и финские отряды не только могут, но и должны действовать в полной согласованности друг с другом; последнее возможно только при общем командовании.

Поэтому на вас возлагается задача добиться не только совместных согласованных действий, но и подчинения в оперативном отношении финских отрядов русскому командующему войсками на Мурманском фронте, в свою очередь подчиненному в оперативном отношении английскому главнокомандующему генералу Мейнарду.

Хотя финляндский представитель в Париже и утверждал, что финские отряды действуют самостоятельно, вне всякого влияния Финляндского

правительства, но несомненно, что без поддержки и моральной и материальной из Финляндии эти небольшие отряды не могли бы существовать и воевать второй месяц. Допустить или не разрешить эту поддержку может только финляндское правительство. Поэтому первая задача ваша по этому вопросу — договориться с генералом Маннергеймом и, если возможно, облечь соглашение в письменную форму; основным условием является беспрепятственное со стороны финских отрядов установление русской администрации и прочих русских властей во всех местностях, освобождаемых от большевиков.

В политическом отношении вы не уполномочены входить ни в какие переговоры о признании независимости Финляндии, ибо это дело будущего Всероссийского правительства. Вы можете лишь уверить генерала Маннергейма от имени правительства, что оно никаких агрессивных замыслов против Финляндии не имеет, желает установления нормальных отношений между жителями Финляндии и России, для чего необходимо установить прямую телеграфную связь с Финляндией по проводу 509 через Печеньгу, установить правила получения разрешений для перехода через сухопутную русско-финскую границу и установить через доверенное лицо в Гельсингфорсе возможность сношений шифрованными телеграммами из Архангельска в Гельсингфорс от Северного правительства к генералу Маннергейму и обратно.

В отношении генерала Юденича на вас возлагается задача выяснить все данные и условия происходящего ныне наступления на Петроград, отношение к этому наступлению самого генерала Юденича и планы и намерения его самого, а если он является агентом адмирала Колчака, то какие указания им получены. Сведения эти надлежит

немедленно телеграфировать мне, дабы я мог до вашего отъезда из Гельсингфорса дать вам указания от Временного правительства, в связи с полученными от вас сведениями.

Подписал управляющий отделом
иностранных дел Генерального штаба
генерал-лейтенант *Миллер*.

Печать Сев. области.

Скрепил управляющий канцелярией
В. Дмитриев.

Кроме того, мне было вручено следующее удостоверение:

Временное Правительство Северной Области
6 июня 1919 г.
№1903.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано настоящее удостоверение командующему русскими войсками Северной области Генерального штаба генерал-лейтенанту В. В. Марушевскому в том, что он является членом Временного правительства Северной области, командированным, согласно постановлению Правительства от 2 июня 1919 года, в Финляндию для согласования военных операций на Петроград с операциями войск области на Мурманском фронте и информирования политической обстановки, что удостоверяется надлежащими подписями и приложением правительственной печати.

Заместитель председателя Временного
правительства Северной области *Зубов*

Управляющий делами Временного
правительства *К. Маймистов*.

Печать Сев. области.

Как видно из предписания, подписанного генералом Миллером, правительство желало «добиться» не только согласованности в действиях финских отрядов с нами, но и «подчинения» их русскому командованию. Это с одной стороны. С другой, мне в категорической форме указывалось, что я «не уполномочен входить ни в какие переговоры о признании независимости Финляндии».

Я опишу дальше, что вышло из всего этого. Теперь же упомяну лишь, что судьба закинула меня в Финляндию как раз в момент маннергеймовского действия. Политическая обстановка и финские шовинистически-национальные настроения мне были отлично известны. Связанный по рукам и ногам полученными инструкциями, я понял, что «добьюсь» немногого, но тем не менее я охотно брал на себя эту командировку; я рассчитывал и на свои связи в Финляндии, и на знание страны, где я часто и подолгу жил.

Являясь ярким противником «Бобриковской»¹ политики в бытность мою в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа, не раз принимая участие в совещаниях по делам войск на территории Финляндии, я всегда старался устранить в принимаемых мерах ту остроту отношений и даже враждебность, которая вызывалась чаще всего недоразумениями и ошибками со стороны нашей администрации.

Мне казалось всегда, что все опасения открытого восстания в Финляндии, все подозрения в отношении

¹ «Бобриковская» политика, или «бобриковщина», — обрусительный режим, установленный в Финляндии генерал-губернатором Н. И. Бобриковым (1898—1904), стремившимся полностью уничтожить все остатки финляндской автономии. При нем финляндский сейм из законодательного органа был превращен в законсовещательный, уничтожены особые финские войска, введена усиленная охрана и т.д. В 1904 г. Бобриков был убит финским террористом Евгением Шауманом (сыном сенатора). (Примеч. ред.)

представителей финской части администрации искусственно подогрелись в высших сферах Петербурга носителями русской власти.

Нет слов, конечно, в Финляндии были и крайние течения, но в общем отношении к России было всегда лояльное.

В трудные дни начала мобилизации в 1914 г. мы выставили громадное охранение на магистральных линиях финляндских железных дорог. Если не ошибаясь, в планах мобилизации перечислены были все предстоящие с объявлением войны для русского населения «ужасы».

В самое короткое время мы убедились, что население настолько спокойно и надежно, что большая часть охраны была снята.

Уходившие на фронт великолепные стрелковые части были сменены в Финляндии второочередными частями, а затем более распушенными дружинами ополчения. Даже это не вывело финское население из пределов законности в отношениях к России.

Лишь революция и последовавшая за ней вакханалия в войсках положили предел терпению финского населения и подготовили ту злобу и нетерпимость, которые проявились во время маннергеймовских операций.

В дальнейшем на почве разыгравшихся национально-шовинистических страстей уже все вообще русские подверглись тем или иным стеснениям в отношении пребывания их и передвижения по финской территории.

Полученные мною инструкции, давая мне весьма сложную задачу, были проникнуты все тем же духом недоверия к финскому правительству, столь характерным в довоенную эпоху, и потому я не рассчитывал на большие результаты от моей поездки.

Представляет большой интерес отношение английского командования к этой командировке.

Айронсайд обнаружил, узнав от меня в общих чертах цели моей поездки, полное неудовольствие. Он говорил мне, что я не должен вмешиваться в политику (?), что

все, что нам интересно знать о Финляндии и о Юдениче, — нам может быть сообщено через него из Лондона (?) и что я не должен ехать. Вместе с тем он указывал, казалось, не без основания, на начало крупной операции на Двине.

Спорить с Айронсайдом на темы, насколько нам нужны информации из Лондона, было, конечно, бесполезно. Я просто заявил, что такова воля моего правительства, и указал день своего отъезда. Что касается Двинских военных операций, то мое участие в них было более чем сомнительно. После опытов моих в Селецком районе, в Пинеге, в эпизоде с Большими Озерками, я окончательно понял, что англичане своими частями командовать мне не дадут. Русские силы на Двине находились в руках у полковника князя Мурузи, которому я верил безгранично. Спрашивается, что мог мне предложить в этой операции Айронсайд? Сменять Мурузи не было никаких оснований, стянуть на Двину большее количество русских сил было нельзя, в развитие операции до соединения с Колчаком я определенно не верил, уже осведомленный о далеко неблестящем положении дел в Сибири.

Я выехал из Архангельска первоначально на Мурман на пароходе «Северная Земля», довольно прилично отремонтированном после владения им большевиками.

В горле Белого моря мы очень долго мучились в подтаявшем ледяном поле. Несмотря на 8-е июня и сильную жару, эти полосы льда все еще встречались повсюду. Этот лед неприятен тем, что, соприкасаясь с ним, вы входите в густую завесу тумана, пароход едва-едва двигается, боясь напороться на толстую льдину и столкнуться с кем-нибудь в этой мгле.

Нахождение наше в полосе льда продолжалось часов двенадцать. Рано утром через сутки нашего путешествия мы как-то сразу вынырнули из тумана и очутились на чистой воде. Яркое солнце обдало нас своими лучами и обогрело. Океан был совершенно тих, спокоен и красочен, как Средиземное море. Я даже не пред-

полагал, что на Севере вода может давать такие синелиловые блики и эффекты южных морей. Только лишь моржи и тюлени, высывавшие свои глянцевито-черные головы из воды, постоянно напоминали нам, что мы находимся в Ледовитом океане.

Черно-желтая полоса тумана осталась стеной за кормой парохода. Было тепло настолько, что я сидел на палубе в одном кителе.

На четвертый день нашего путешествия утром я прибыл в Мурманск. Не сходя с парохода, я попросил портовые власти указать мне как можно добраться до Варде, где была моя жена, и назад в Мурманск в кратчайший срок.

Мне был предложен небольшой буксирный пароход с очень хорошим ходом.

Откровенно говоря, пускаться в океан на такой посудине, с низкими, как и все буксиры, бортами, — было довольно рискованно. Однако ждать я не мог, да и с женой хотелось увидеться как можно скорее, а потому, пересев на буксир, я немедленно вышел в Варде.

Путешествие туда и обратно на предоставленном мне буксире обошлось вполне благополучно, и через несколько дней ранним утром мы опять подошли к Мурманску.

По прибытии пришлось принять тут же на буксире целый ряд местных властей, приветствовавших меня с приездом. Здесь я в последний раз видел русский полицейский мундир на мурманском исправнике. До сих пор удивляюсь, как он сумел сохранить эту форму при большевиках, что могло стоить ему головы.

Прямо с буксира я перешел в вагон для скорейшего следования в Кемь, где меня ожидал лейтенант флота М. В. Гамильтон, назначенный сопровождать меня в Финляндию.

Мурманск в этот период был пуст. И гражданское, и военное краевое начальство было в Кеми.

В ожидании отхода поезда я повидался и переговорил с генералом Н. И. Звегинцевым, находившимся в

Мурманске в это время. Странное было его положение. После моей первой встречи с Звегинцевым я виделся с ним в конце декабря в Архангельске, куда он приехал с Мурмана по пути Сороки — Онега. Тогда же он сделал отличную рекогносцировку этого пути, важного и в военном, и гражданском отношении, как наша сухопутная связь с Мурманом. Я предложил тогда же Звегинцеву сотрудничество со мною. Николай Иванович уклонился от этого, причем я предполагал, что, вероятно, он хочет выждать прибытия Е. К. Миллера, его старшего товарища по лейб-гвардии Гусарскому его величества полку.

Звегинцев вернулся на Мурман, где на станции Сороки жил частным человеком. Далее начинается крайне сложная трагедия его отношений к следственной комиссии.

Я до сегодняшнего дня считаю Звегинцева инициатором всего того политического переворота, который положил начало белому движению в Северной области, поддержанному союзниками. Следственная же власть видела в Звегинцеве лишь человека, бывшего в сношениях с большевиками. В бытность мою вр. и. д. генерал-губернатора я постоянно протестовал против бесконечных дразг, поднятых следственными властями в Архангельске. Тюрьмы были набиты арестованными, с ведением следственных дел не справлялись, население находилось в постоянно возбужденном настроении. Следственная комиссия хотела привлечь к ответственности даже всеми уважаемого адмирала Виккорста, с громадным риском для себя содействовавшего архангельскому перевороту.

Ближайший сотрудник Звегинцева, капитан 2 ранга Веселаго при привлечении его к ответственности ушел под покровительство американского флага, любезно ему предложенное, и выехал из области, если не ошибаюсь, еще в марте. Еще до его отъезда я подробно ознакомился с его делом и поразился, насколько слепа была юстиция. Недаром Фемида изображается с завязанными глазами.

Звегинцев, руководимый патриотическими чувствами, а может быть, и соображениями личного характера, которых я не знаю, остался в области.

Я долго беседовал с Николаем Ивановичем и обещал ему по моем возвращении из Финляндии добиться того, чтобы его оставили в покое. Мне не удалось этого сделать, так как я сам в скором времени по моем возвращении оставил свою должность.

Поезд тронулся. Замелькали бесконечные леса и озера богатого Мурманского края. Линия была пустынная. Лишь повсюду встречались шайки китайцев — строителей всей Мурманской линии. И вновь наблюдая эти страшные физиономии из окна вагона, у меня заняло сердце за судьбу тыла маленькой Мурманской армии, тыла, брошенного на произвол судьбы за недостатком сил для его охраны.

В Кемь мы прибыли утром. Я застал уже там генерала Скобельцына и полковника Архипова. Наконец-то работа по формированию Мурманских сил закипела.

Отличный офицер Генерального штаба, В. С. Скобельцын подавал все надежды на то, что огромный пропуск нескольких зимних месяцев, когда на Мурмане не было настоящего начальника, будет наверстан интенсивною работою в кратчайший срок.

Что касается до его начальника штаба М. Н. Архипова, я не знал на фронте в Великую войну офицера, ему равного по работоспособности и личной доблести в боях.

Генерал Скобельцын уже имел готовую программу развертывания пяти стрелковых полков с соответствующей артиллерией. С английским командованием дело тоже как-то сразу пошло. Генерал Мейнард сразу увидел, что он приобрел настоящих помощников во всех русских вопросах.

Крайне выгодно складывалось и то обстоятельство, что и Скобельцын и Архипов раньше служили в Финляндии, что облегчало решение вопросов на случай совместных действий с финскими добровольцами.

В Кемь я соединился с лейтенантом Гамильтоном и состоявшим при мне милейшим английским полковником Монк-Мессэном. Гамильтон привез мне из Архангельска на миноносце мой автомобиль на случай, если дороги к финляндской границе окажутся проходимыми.

Здесь же в штабе Мурманского фронта я выработал свой маршрут в Финляндию, что оказалось совсем не легким делом, принимая во внимание определенную негодность нашей 10-верстной карты для данного района.

Я предполагал спуститься по железной дороге до станции Медвежья Гора, крайней из занятых нами по направлению к Петрозаводску. В Медвежьей Горе меня должны были ожидать проводники со всеми сведениями о путях, которые можно использовать. Не исключалась возможность движения на автомобиле до самой границы.

Нечего и говорить, что по прибытии в Кемь я побывал у главнокомандующего — генерала Мейнарда, который высказался против моей поездки. По-видимому, он был предупрежден Айронсайдом о моем проезде через Кемь и пытался еще раз остановить меня и удержать от проникновения в Финляндию. Наконец, он сообщил мне, что в Гельсингфорсе сейчас находится его начальник штаба, который привезет те же информации, которые удастся собрать и мне.

Разговор наш носил такой определенный характер, что присутствовавший при нем полковник Монк-Мессэн понял его как совершившуюся отмену моей командировки и, вернувшись раньше меня в мой вагон, сообщил моей жене, что я никуда не поеду, так как Мейнард этого не хочет. Бедный и милый мой Монк-Мессэн был глубоко разочарован, когда узнал от меня, что решение мое неизменно, так как прежде всего я являюсь исполнителем воли моего правительства. Положение моего англичанина было не из легких. С одной стороны, состоя при мне, он получил разрешение ехать со мною, с другой стороны — он видел, что все английское начальство настроено против.

В конце концов у меня создалось впечатление, что английское командование было готово чуть не силой удержать меня, если бы обстоятельства позволяли. К счастью, русская армия в то время была уже настолько сильна, что «мнения» Айронсайда и Мейнарда можно было не считать обязательными.

Оставалось лишь опасаться каких-либо «случайностей» или «несчастий» в дороге.

Вечером в день моего прибытия мы уже выехали на Медвежью Гору. Меня сопровождал генерал Скобельцын со своим начальником штаба, лейтенант Гамильтон и мой шофер Палкин со своею машиною.

Из Кеми я выехал 12 июня. Путь до Медвежьей Горы благодаря неналаженности движения взял около двух суток.

При остановках мы каждый раз подробно осматривали расположенные на дороге формирующиеся части.

Нужно отдать справедливость энергии генерала Скобельцына и полковника Архипова: в течение каких-нибудь 3 недель работы они дали огромный толчок делу формирований, тянувшихся бесконечно до их прибытия в край.

14 июня мы прибыли на Медвежью Гору. Я думаю, редко кто из европейцев знает, какие живописные места существуют на этом глухом Севере, который кажется всегда покрытой снегом пустыней.

Медвежья Гора представляет собою возвышенный песчаный берег Онежского озера, покрытый вековым сосновым бором. По просекам и через поляны видны ясно-синие воды Онежского озера.

Местность настолько здорова, что сюда высылались тяжело больные и переутомленные воинские чины на поправку.

На Медвежьей Горе меня уже ждали офицеры-проводники с докладом об интересующих меня направлениях.

Кратчайший путь к финляндской границе прямо на запад или юго-запад оказался неприемлемым по качествам дороги и был не безопасен. Приходилось делать

несколько десятков верст по местности, где свободно ходили красные.

Пришлось выбрать более кружный путь в направлении на Репполовскую волость на самой границе, а затем на железнодорожную станцию Йоэнсу на линии Выборг — Нурмис.

Всего приходилось сделать до железной дороги около 600 километров.

Разведка пути на автомобиле накоротке показала, что, может быть, двигаться и можно, но надо было разгрузить машину елико возможно, так как песчаный грунт сильно влиял на ход и колеса уходили в песок.

Выбросив весь лишний багаж, я приготовился к отъезду в тот же вечер. Полковник Монк-Мессэн, увидев, что поездка принимает характер экспедиции, вместе с тем учитывая английскую точку зрения на мою командировку, попросил у меня разрешения остаться, что было удовлетворено мною немедленно.

Мы двинулись в путь, помнится, около 9 часов вечера. В автомобиле помещались я, лейтенант Гамильтон, проводник и шофер.

Пройдя километров двадцать пять по песку, мы выбрались на более сносный грунт и пошли ходом верст по двадцать в час обратно на север, на с. Карельская Масельга на берегу озера Сегозеро.

Дорога шла все время лесом, по холмистой местности. На нашей десятиверстной карте весь этот район замазан ровным зеленым цветом, и при взгляде на карту совершенно нельзя было себе дать отчет в том, что есть на самом деле.

Утомленный всеми передвижениями, я заснул. Проснувшись мне пришлось от сильного толчка. Когда я очнулся от сна, то увидел перед собою довольно высокую гору с очень крутым подъемом по каменистому проселку. С гребня горы бежали ко мне все мои спутники с сильно взволнованными лицами.

У меня мелькнула мысль о нападении красных. Все оказалось гораздо проще.

Когда машина на медленном ходу взобралась почти на перевал, она сама пошла назад. Спутники мои соскочили, а я в глубоком сне проделал спуск назад, ударившись кузовом автомобиля в плетень. Я не получил ни царапины. Окончательно проснувшись, пришлось ладить вторичный подъем, почти все время подпирая машину руками.

К вечеру, верстах в 5 от с. Кузнаволока, мы безнадежно застряли на крутом глинистом подъеме. Оставив шофера на месте, мы пошли до деревни собирать мужиков. Почти все мужское население оказалось в ночном. Надо было ждать утра и найти какой-нибудь угол, так как пошел дождь.

В какой-то очень грязной избе просидели ночь до возвращения мужиков. Поговорив со старостой, набрали человек двенадцать, отправили за машиной. Часов в одиннадцать утра машину приволокли. Почти сейчас же мы убедились, что с автомобилем надо расстаться. Спуск из Кузнаволока к парому на Ондозере представлял трудности, почти непреодолимые, по крутизне, ухабам и извилинам.

Крестьяне поголовно старались помочь нам. Ночь в избе, перетаскивание автомобиля под дождем, разговоры в толпе — все это еще раз убедило меня в дружественном отношении к власти массы населения.

Я был в генеральской форме, в погонах, столь «одинозных», по мнению социалистов... и тем не менее я видел в этих глухих деревнях лишь почет и даже «ваше превосходительство» от стариков, побывавших на военной службе.

Возня с автомобилем взяла порядочно времени, и я лишь к вечеру попал в д. Ондозеро на озере того же имени.

Мы подъехали к небольшой, но очень чистенькой и богатой деревне. Все дома крыты тесом, видно много скота и домашней птицы. Мы должны были остановиться в доме местного лавочника, имевшего склады бакалеи в деревне.

Я вошел в чистенькие ворота, поднялся с десятков ступеней по наружной лестнице, вошел в темные сенцы и отворил дверь в горницу. Посреди горницы стоял русский красавец с ясными голубыми глазами и небольшою бородкою. Чистый, подчеркнута чистый русский тип, с тонкими чертами, напоминающими рисунки Соломки. Он был в синей парадной шелковой рубахе, перетянутой цветным поясом. Рядом с ним — благообразная женщина, в розовом шитом жемчугом сарафане, в старорусском кокошнике, с хлебом-солью на полотенце в руках.

Надо пережить всю революцию, перестрадать «белое действо», чтобы понять, какое чувство охватывает человека, когда он видит перед собою образы старого патриархального уклада жизни наших дедов, с милою и наивно трогательною обрядностью, сохранившеюся лишь в крепких, здоровых семьях, не тронутых хулиганством последних лет.

Эту встречу я принял и хотел принять всей моей душою. Я крепко расцеловал моего дорогого хозяина и был тронут до слез.

Полубольной, в этот вечер я остался ночевать в чудесной белоснежной постели, приготовленной самим хозяином, и долго беседовал с ним перед отходом ко сну. Много, много интересного рассказал мне мой славный собеседник. Ведь это совсем иной мир — эта глушь!

Ознакомившись со всеми подробностями дальнейшего пути на Репполовскую волость, я решил с утра 17 июня двигаться днем и ночью, дабы не затягивать слишком долго мое отсутствие из края.

Далее приходилось сделать еще около 200 километров через Ругозерское — Муезеро — Емельяновское до ст. Ребольской, после чего уже начиналась территория, занятая финскими властями.

Весь этот путь мы с Гамильтоном проделали в течение двух суток, останавливаясь лишь там, где нельзя было сразу получить лошадей.

Дорога шла все время глухим лесом, перерезанным временами живописнейшими озерами. Спали на ходу, и я благодаря моему милому спутнику очень легко сделал этот утомительный переход, слушая рассказы Гамильтона о боевой жизни Балтийского флота в Великую войну.

От Емельяновской и до Ребольской станции мы двигались по озеру на веслах и на станцию (почтовую) прибыли самым ранним утром 19 июня.

Здесь уже чувствуется граница с Финляндией и финская культура. Прежде всего мы могли уже говорить по телефону с финским постом в с. Ребольском (оно же Репполовское), что пришлось очень кстати, так как надо было предупредить финские власти о моем прибытии. Разрешение финского правительства на мой въезд в Финляндию было получено еще в Архангельске, с уведомлением, что о моем проезде будут предупреждены все пограничные посты.

По телефону мы быстро сговорились с лейтенантом Х. финских егерских батальонов, который действительно был предупрежден и ждал меня уже несколько дней.

Оставалось переехать через узкий рукав Ребольского озера на лодке — и... мы в Финляндии. Пожалуй, что еще не совсем в Финляндии, так как 30-километровая в ширину полоса Репполовской волости, прилегающая к финской границе, была занята финнами самочинно, во время Красно-белой войны 1918 года.

Эта оккупация продолжалась и в эпоху моего проезда по волости.

Остановливаясь в населенных пунктах, ближайших к занятой финнами полосе, я старался ознакомиться с точкой зрения местного населения на эту оккупацию. Я думал, что найду там открытую вражду к чуждой власти, национально-патриотические чувства и твердое желание остаться под русской властью. Я не встретил ожидаемых настроений. Крестьяне были очень мирно настроены в отношении к финской власти и даже, может быть, были рады, что в волости установился твердый порядок.

К этому примешивались и чисто экономические соображения. Вся волость широко торгует лесом, который сплавляется частью по естественным, частью по искусственным водным путям в Финляндию. Сплавных путей в русскую сторону нет. Население привыкло к расчетам на финскую марку, владело финским языком и имело обширные связи с пограничной финской администрацией.

Трудно было на этой почве проповедовать национально-патриотические идеи. Я должен сказать, что мне приходилось беседовать со стариками, которые служили в русской гвардии и со слезами умиления вспоминали государя императора и службу вблизи императорской фамилии. Говоря их словами, «царя уже не было, беспорядки были большие, а жить как-нибудь надо». Были, конечно, и пламенные патриоты, желавшие во что бы то ни стало оставаться под русской властью, но кулаки, державшие торговлю в своих руках, забирали верх.

Тем же ранним утром я переехал узкое пространство, отделявшее Россию — ныне — от Финляндии и, вступив на территорию соседей, был встречен начальником пограничного поста и местным ленсманом, говорившим по-русски.

От Гельсингфорса меня отделяло не более двух суток.

Наскоро напившись чаю, мы сейчас же двинулись в путь на Лиэксу, ближайшую станцию железной дороги. Финский лейтенант доложил мне, что он считает своим долгом проводить меня. Я был бесконечно рад этому предложению, так как надо было сделать на лошадях около ста верст, и я предвидел немало затруднений. Они и начались немедленно. Утром в Репполово можно было достать лишь одну двуколку до ближайшей почтовой станции. После хлопот достали еще кое-как оседланную верховую лошадь. Полпути я и мой финский лейтенант поочередно ехали верхом. На второй половине дороги лошадей уже было довольно, и до Лиэкссы мы докатились ранним вечером 19 июня.

Приятно было снова попасть в Финляндию, с которой у меня связано столько воспоминаний. Да и путешествие уже было отдыхом после мурманской глуши. Прекрасное шоссе, удобные остановки, красивая местность...

Станция Лиэкса представляет собою небольшой городок, культурный, чистенький, как и все населенные места Финляндии. Нам была заранее отведена отличная комната недалеко от станции. Я пригласил моего спутника отужинать вместе с нами, и мы заговорились довольно поздно. Поезд на Выборг шел лишь в 7 часов утра на другой день.

Маленькая подробность! Еще в Архангельске я поставил вопрос о моем праве въехать в Финляндию в военной форме. Запрашивая об этом, я имел в виду не только удобство упрощенного багажа, но вместе с тем и известное впечатление, которое должно было получиться от появления русского мундира в стране. Меня крайне интересовало также, насколько враждебно отнесутся финны к форме своих недавних властителей.

И до Лиэксы, и в Лиэксе население отнеслось к моей форме совершенно спокойно, вернее, безразлично. Я думаю, что и раньше они очень редко видели военный мундир в своей глуши. Не то было на железной дороге при приближении к Выборгу.

Выехали мы из Лиэксы в седьмом часу утра 20-го числа. Телеграммой я заказал завтрак и обед на станциях с большими остановками. Вот тут-то я и хочу сказать несколько слов о впечатлении от русского мундира. Меня всюду встречали как родного, говорю без всяких преувеличений. Я был предметом совершенно исключительного внимания и не как гость-иностранец, нет... но как живой образ отжившей эпохи, и, вероятно, не плохой эпохи, судя по приветливости, с которой меня встречали.

Около девяти часов вечера мы прибыли в Выборг. Поезд на Гельсингфорс отходил в 11 час. 20 мин. вечера. Я оставил Гамильтона хлопотать о билетах на спальное место, а сам вышел знакомой дорогой в город.

Вот казармы моего полка, окно моей квартиры, разнесенной в щепки когда-то финскими егерями, виден купол еще существующей полковой церкви. Выборг по-прежнему чист, скверы в цветах, только публика менее нарядная, чем в летнее время до войны. Я прошел прямо в «Эспланаду», излюбленный, да, пожалуй, и лучший ресторан в Выборге. Когда то в эти июньские вечера там трудно было достать место за столиком. Теперь это была пустыня.

Я присел, а скоро туда же подошел и Гамильтон. Не прошло и получаса, как ко мне начали сбегаться русские. Подсела группа в несколько человек. Я сразу окунулся в атмосферу армии Юденича.

Какая-то партия в эту ночь выезжала на парусной лодке на Красную горку. Кто-то пробирался на границу, другой ехал с особыми поручениями в Гельсингфорс...

Вся эта молодежь была бодрa, уверена и производила отличное впечатление. Я с жадностью расспрашивал подробности и уже начинал жалеть, что до поезда остается мало времени...

Наша беседа была прервана появлением офицера финской армии, просившего меня от имени коменданта генерала Тесслева пожаловать в комендантское управление.

Я спокойно заявил, что являюсь представителем и членом русского Северного правительства, что еду с официальным поручением в Гельсингфорс и что вынужден ждать поезда в Выборге. Идти куда бы то ни было я отказался, объяснив, впрочем, что имею все документы при себе.

Финский офицер доложил мне, что комендант очень беспокоится, что население, увидя русскую форму, может сделать мне какую-нибудь неприятность. Я просил передать, что именно моя форма не только оберегает меня от неприятностей, но, наоборот, вызывает немедленные знаки внимания и симпатии. Посланец коменданта удалился...

Через некоторое время тот же посланец пришел в сопровождении другого финского офицера и представил его мне как назначенного сопровождать меня до Гельсингфорса. Я с удовольствием вспоминаю этого моего «телохранителя». Бывший офицер нашей старой армии, он сразу почувствовал себя как бы моим адъютантом и бесконечно любезно помогал мне всюду, оставшись при мне на все время моего пребывания в Финляндии.

Немедленно были отведены в поезде спальные места, и я с наслаждением улегся на удобных постелях международного вагона, после стольких дней тряски, жары, комаров и других неприятных подробностей моего пробега от Медвежьей Горы до Выборга. Мурманские леса все же оставили мне память в виде сильного укуса какого-то насекомого около правого глаза, вероятно во время сна. Укус был настолько болезненный, что я вынужден был носить повязку.

В Гельсингфорс мы прибыли около 7 часов утра 21 июня. Еще не имея пристанища, я направился в Сосьетэтс-отель, который хорошо знал раньше.

Лейтенант N., сопровождавший меня, немедленно поделал в военное министерство сообщить о моем приезде, позаботиться о моем устройстве и, главное, узнать, когда меня может принять глава правительства, генерал Маннергейм.

Знакомая мне администрация отеля временно устроила меня в одной из комнат, где я мог привести себя в порядок.

Быстро вернулся из министерства лейтенант N. Мне были отведены две отличные комнаты Сосьетэтс-отеля, кроме того, военное министерство прислало автомобиль в мое полное распоряжение на все время моего пребывания в Гельсингфорсе.

Я еще не успел подготовиться к выезду, как мне сообщили, что меня желает видеть английский полковник.

Я немедленно попросил прибывшего войти и увидел перед собой английского полковника Льюиса, начальника

штаба генерала Мейнарда, командированного в Финляндию специально для урегулирования вопроса с батальоном «красных» финнов, приглашенных на службу на Мурман в ту эпоху, когда в Финляндии были немецкие войска. Сейчас англичане не знали, что делать с этой толпой вооруженных до зубов большевиков. Репатриация их в Финляндию была невозможна, высылка в Россию затруднительна, оставление даже в разоруженном виде на Мурмане на линии железной дороги опасна.

Полковник Льюис уже три недели работал с этим вопросом в Гельсингфорсе и был далек от его разрешения.

Явившись ко мне, Льюис предложил мне сейчас же ехать к высшему английскому военному представителю генералу Гофу.

Я выразил полную готовность ехать к Гофу, но... конечно, после моего представления Маннергейму. Я не мог делать официальные визиты, не побывав прежде всего у хозяина того дома, куда я прибыл.

Моя аудиенция у Маннергейма была назначена в тот же день, и потому визит к Гофу, несмотря на разочарование полковника Льюиса, пришлось отложить на завтра.

Маннергейм меня принял во дворце.

Войдя в кабинет главы финского правительства, я увидел перед собою высокого красавца с мужественными чертами лица, выражающими недюжинную силу воли и характера.

Я помнил его немного еще в русской форме; в бытность мою в Финляндии в 1918 году генерал избавил меня от многих несчастий, когда я прибег к телеграфному обращению к нему, прося о защите меня и некоторых моих соотечественников в Сердоболе. Естественно, что помимо моего уважения к этому человеку я испытывал еще и чувство признательности.

Я был принят с очаровательной приветливостью и любезностью и после взаимных приветствий приступил к изложению возложенной на меня задачи.

В отношении финских добровольцев, действовавших в Карелии, Маннергейм высказался очень осторожно, указал мне, как и через кого познакомиться с этим делом

в подробностях, и очень быстро в беседе со мною перешел к тому, как относится правительство Северной области к вопросу признания самостоятельности Финляндии.

Я не был застигнут этим врасплох. К вопросу этому я подготовился еще в Архангельске, получив письменное заявление моего правительства, что я «не уполномочен входить ни в какие переговоры о признании независимости Финляндии, ибо это дело будущего Всероссийского правительства».

Уже в Архангельске я «верхним чутьем» угадывал, что это Всероссийское правительство придет не из Омска, а что мне придется не «вести переговоры», а просто разговаривать на эти темы — было ясно еще до моего перехода финляндской границы.

Когда в кабинете главы правительства вопрос независимости встал передо мною, я понял, что вся судьба моей миссии целиком зависит от моего ответа.

Я представил соображения, что правительство Северной области является «временным», существующим как таковое лишь до соединения с правительством Колчака.

Я указал, что мое правительство затруднилось бы решать вопросы во всероссийском масштабе, не имея для этого достаточного веса и силы, и что, наконец, вряд ли для самостоятельной Финляндии может иметь большой интерес признание ее независимости, в сущности, одной Архангельской губернией.

Генерал Маннергейм указал мне, что народные чувства, подогретые гражданской войной, далеко еще не остыли, что население к вопросу независимости относится болезненно самолюбиво и что признание этой независимости хотя бы небольшой частью коренной России могло бы иметь довлеющее значение во всех тех вопросах, которые надо было решать сейчас.

В отношении Юденича я получил указание, что существует проект соглашения между финским правительством и представителями власти в крае, занятом Северо-западной армией, но что самый проект находится еще в периоде разработки и еще не принят ни той ни другой стороной.

Получив любезное указание, с кем мне нужно увидеться для успеха моего дела, я откланялся, попросив разрешения Маннергейма еще раз побеспокоить его, чтобы переговорить по поводу интересующих меня вопросов.

Со смешанным чувством я покидал дворец. Я увидел в Маннергейме человека, конечно, искренно-дружественно расположенного к России, но стоящего твердо прежде всего на точке зрения насущных интересов своей страны, в отношении которых я не мог рассчитывать ни на малейшую уступчивость. Естественно, мог быть лишь политический торг, в котором я не мог предложить абсолютно никакой уплаты в возмещение тех уступок, о которых я должен был ходатайствовать.

Положение складывалось если не безнадежно, то во всяком случае в достаточной мере неблагоприятно.

В этот же день я начал свои визиты, вернее, раздачу моих карточек, так как в послеобеденное время не мог застать почти что никого у себя дома.

Между тем в отеле уже начали появляться мои друзья и соотечественники, узнавшие о моем приезде.

Вечером я был приглашен моим товарищем детства Н. С. Сперанским зайти в один из номеров отеля, чтобы посидеть в дружеской компании офицеров и побеседовать на волнующие всех нас темы обстановки данной эпохи.

В этом номере я застал прежде всего князя С. К. Белосельского-Белозерского, близкого Маннергейму по прежней гвардейской службе, генерала Арсеньева, одного из видных деятелей армии Юденича, графа В. И. Адлерберга, моего товарища еще по Маньчжурской войне, Н. С. Сперанского, близкого его императорскому высочеству великому князю Кириллу Владимировичу, и еще несколько человек, которых я знал по моей прежней жизни в Петрограде.

Именно в этой беседе я получил и первые, хотя и неофициальные, но тем не менее истинные данные о положении в армии Юденича и в Финляндии. Мне были рассказаны многочисленные бытовые эпизоды из жизни начальствующих лиц и солдат на этом фронте,

вся история формирования нового областного правительства и сопряженные с этим интриги и были сообщены последние новости из Петрограда.

Вечер этот составляет одно из самых приятных воспоминаний моей поездки. Я так соскучился без товарищей в моей роли усмирителя и устрашителя в Архангельске, что в этой родной мне офицерской среде, где рядом с делом мы вспоминали и давно отошедшие времена, я как-то отдохнул душой и набрался свежих сил для новой работы.

На следующий день предстоял визит к генералу Гофу, носителю высшей союзнической власти не только в Финляндии, но во всем Сиверо-Западном крае.

К Гофу нужно было ехать почти что за город и частью на маленьком пароходе через бухту. Он жил в богатой вилле, окруженный полным комфортом.

Принял меня Гоф в присутствии своего начальника штаба, хорошо говорившего по-русски. Фамилия этого генерала у меня исчезла из памяти, о чем жалею, так как, по собранным мною сведениям, это был большой русофоб и вместе с тем очень влиятельный сотрудник Гофа, принесший неисчислимый вред русскому делу в Финляндии¹.

¹ Не в «русофобстве» здесь дело, а в определенной линии английской политики. Англия не стремилась к восстановлению «единой и неделимой России», т.к. боялась возрождения ее мощи и поэтому не всегда «достаточно», с точки зрения реакционеров, помогала белым. В качестве яркой иллюстрации английской политики можно привести следующую телеграмму британского военного министерства от 3 июля 1919 г.: «Союзники считают крайне нежелательным всякое движение финских частей к Петрограду и вообще в глубь русской территории» (цитируется по статье Минца «К десятилетию неудачи интервенции», журн. «Историк — Марксист». Т. II. С. 97). Наступление было нежелательным, потому что захват Петрограда значительно усилил бы белогвардейцев и мог бы, по мнению англичан, иметь своим последствием создание крепкой России. (Примеч. ред.)

С генералом Гофом мы беседовали очень долго. Я не имел причин скрывать от него официальную сторону моей миссии и потому в подробностях рассказал о создавшемся положении на Мурмане и моих надеждах координировать действия финнов с нашими войсками. Генерал Гоф коснулся этой стороны весьма поверхностно и быстро перевел разговор на тему о проектируемом соглашении финского правительства с Юденичем, на предмет совместных действий в направлении на Петроград.

Генерал Гоф начал быстро развивать идею о полной неспособности Финляндии в данный момент выставить сколько-нибудь значительную армию, снабженную всем необходимым. В особенности он указывал на невозможность мобилизовать достаточное число артиллерийских единиц.

Мои сведения имели совершенно другой характер. Я знал, что Финляндия располагает кадрами для мобилизации в 3-недельный срок сотысячной армии, отлично вооруженной и снабженной. Уверен, что сведения мои были точнее и правильнее данных генерала Гофа, но я, впрочем, и не думал, что английский представитель будет говорить со мною по существу дела. Я сразу увидел в нем опасного и влиятельного противника всех тех задач, с которыми я приехал в Гельсингфорс. Именно здесь я понял, что английская «игра» с Северной областью кончена и что со стороны Гофа будет сделано буквально все, чтобы самостоятельная работа власти не была поддержана Финляндией.

Впечатление от моей беседы с Гофом у меня получилось глубоко удручающее.

С невеселыми мыслями я покинул прелестную виллу, давшую приют людям, одинаково вредным и России, и Финляндии.

В то же утро я познакомился с генералом Юденичем. Он жил в том же отеле, и, казалось, было так странно, что мне не только не пришлось с ним встретиться в день приезда, а нужно было добиваться возможности с ним увидеться.

Сразу по приезде в отель я имел случай встретить где-то в коридоре адъютанта Юденича полковника Даниловского. Я остановил его и сказал ему, что хочу видеть Юденича немедленно. Несмотря на то что я был командующий войсками хотя и маленькой, но живой русской армии, с честью дравшейся за свое национальное дело, у Юденича не нашлось времени повидаться со мною немедленно, хотя, казалось бы, было о чем поговорить и посоветоваться.

В назначенный мне час я постучал в номер Юденича.

Войдя, я увидел за письменным столом полноватую, уже стареющую фигуру главнокомандующего. За его спиной, с бесстрастным, почтительным к Юденичу и безразличным ко мне лицом, стоял генерал К., его начальник штаба, которого я лично знал уже много лет по моей службе в Генеральном штабе¹.

¹ Генерал К. имел основание скрывать свою фамилию тогда, а потому я не хочу и сейчас называть его полным его именем. — (*Примечание ген. Марушевского.*)

По-видимому, речь идет о жандармском полковнике Новогребельском, у Юденича фигурировавшем под фамилией Владимирова. «Это была, — пишет о нем Кирдецов, — одна из крупнейших “политических” фигур Сев.-Зап. армии... Кандидатуры будущих военных и гражданских администраторов Петрограда намечались не иначе как с благословения его, Владимирова... По его инициативе во второй половине октября, когда казалось, что вот-вот Петроград будет взят, контрразведкой тайком были заготовлены особые летучие автомобильные колонны, которые за ночь до торжественного вступления Юденича вместе с представителями союзных миссий в северную столицу должны были ворваться в Петроград и там по списку, ведомому лишь контрразведке, учинить кровавую расправу. Это он же, Владимиров, несомненно, давал главнокомандующему советы, когда армия уже подошла к Петрограду, “разогнать” правительство и вообще не пускать его в столицу, потому что своим демократизмом оно помешает установить там “порядок и законность”». См.: Г. Кирдецов «У ворот Петрограда», Берлин, 1921 г. (*Примеч. ред.*)

Прием был почему-то сухо-официальный. Может быть, на эту сухость повлияла моя свобода обращения с «главнокомандующим», а может быть, Юденичу, по неизвестным мне причинам, был неприятен мой приезд в Финляндию¹.

Нечего и говорить, что, несмотря на эти маленькие шероховатости, я сообщил Юденичу с полной откровенностью все те сведения, которые его интересовали, и в свою очередь получил разрешение обратиться к генералу К. за подробностями организации Северо-Западной армии.

Разговор наш остановился главным образом на проекте соглашения с Финляндией.

Суть этого проекта, в котором насчитывалось 19 пунктов, сводилась к четырем требованиям первостепенной важности:

1. Признание независимости Финляндии.
2. Уступка ничтожной полосы русской территории, в районе Печеньги, для выхода Финляндии в Ледовитый океан.
3. Согласие русского правительства на плебисцит в некоторых уездах Олонецкой губернии, прилегающих к финляндской границе, дабы дать возможность населению свободно присоединиться к Финляндии, если оно того пожелает.
4. Вопрос свободного плавания в Финском заливе.

Остальные пункты касались урегулирования недоумений с русским казенным имуществом, оставшимся в Финляндии, и еще менее важных вопросов.

¹ Эта «официальность» приема отражала несомненно существовавшее соперничество между белогвардейскими генералами. Каждый из них стремился первым захватить столицу Советской Республики и оказаться, таким образом, «главным спасителем России». (Примеч. ред.)

Из этих главных четырех пунктов первые два необходимо было разрешить немедленно, последующие два пункта могли быть разрешены лишь в особых комиссиях, после длительной упорной работы.

Я отдаю полную справедливость генералу Юденичу и его сотрудникам в том, что уже одно лишь проектирование этого договора с вполне ясными и установленными требованиями Финляндии составило большую и весьма ценную работу.

Подойти к этому договору, обязывающему Финляндию выступить на стороне белых армий, было весьма нелегко посреди тех интриг и «влияний», которые висели над финским правительством в эту эпоху.

По моим убеждениям и сведениям, относящимся к июню 1919 г., я решительно склонен был принимать договор безоговорочно во всей его полноте.

Как я и предчувствовал еще на Севере, Сибирский фронт был накануне катастрофы. Сибирские армии уже начали в это время отходить на некоторых участках фронта. Сведения, полученные мною в Гельсингфорсе о численности и организации войск Колчака, были обескураживающими. При численности боевых единиц всего в 2—3 сотни тысяч, разбросанных на огромном фронте, армия эта нуждалась буквально во всем. Сведения мои, полученные еще в Архангельске через Усть-Цыльму от правофлангового Сибирского корпуса, подтвердились во всей своей трагической полноте. Оставался еще Юг России.

Об этом фронте наши сведения были так скудны, сообщение с ним через всю Европу так трудно, что о Юге мы не знали ничего, а следовательно, и не могли учитывать значение этого фронта в наших проектах и предложениях.

Нам оставалось соглашение с Финляндией. В русских кругах предполагали, что финская армия совместно с силами Юденича, заняв Петроград, выдвинется примерно на линию р. Волхова. Образовав заслон, эти военные силы должны были прикрыть мобилизацию

Петрограда и прилегающих к нему уездов. Эта мобилизация должна была дать серьезные военные силы, принимая во внимание населенность столицы и ближайших к ней районов.

При развитии изложенного плана, на Северную армию выпадала боевая задача по занятию линии железной дороги Петроград — Вологда — Вятка — Пермь, обеспечивающей связь с Сибирью.

Отлично зная местные условия и настроение населения, я глубоко верил в полную осуществимость этого плана, но вместе с тем отдавал себе отчет, что силы Юденича абсолютно недостаточны. Юденич без поддержки Финляндии Петроградом овладеть не мог, а его опора на полукрасный Ревель с новоизобретенным эстонским правительством ставила армию в полную зависимость от английской политики, уже находившейся в связи с Советами.

Все это легко было понять в течение тех немногих часов, которые я провел в Гельсингфорсе. Кроме того, положение еще осложнялось тем, что Финляндия была накануне выборов президента. Маннергейм пользовался и огромною популярностью, и заслуженными симпатиями, но за результаты выборов ручаться никто не мог.

Удаление Маннергейма от власти могло свести на нет все проектируемые соглашения и коренным образом повлиять на вопрос выступления Финляндии с нами.

Надо было торопиться с решением. Я имел секретный шифр с собою и почти ежедневно посылал донесения моему правительству через Норвегию. Часть моих телеграмм пропала, другая часть дошла до Архангельска уже после моего возвращения и в таком искаженном виде, что расшифровка была невозможна.

Кто и что было причиной этой невозможности иметь телеграфную связь с Севером? В течение всей зимы мы постоянно обменивались телеграммами с Швецией, Англией и Францией. Затруднений не было никаких. И вот теперь, когда от моих донесений зависела судьба всего

Северного края, мои телеграммы пропадали и искажались. Ясно, что в этом участвовали какие-то политические силы. Судя по отношению англичан к моей поездке на Север и по разговорам моим с Гофом, я невольно и здесь подозревал преднамеренное отношение к телеграммам, идущим из Гельсингфорса, да той части телеграфа, которая была под английским контролем.

В тот же день, после моей беседы с Юденичем, я был у министра иностранных дел, у военного министра, у начальника Генерального штаба и разных лиц, причастных к работе военного министерства.

Я встретил всюду самый дружественный прием и самое искреннее желание пойти навстречу интересам Северной области, но... я всюду наталкивался, как на «стену», на вопрос признания независимости Финляндии прежде всего. Когда становилось ясным, что я не уполномочен говорить об этом, интересный в начале разговор сейчас же разбегался по общим местам и весьма туманным пожеланиям дружбы с будущей Россией, по вопросам о крепости советского правительства и положения внутри России вообще.

Уже в первые два дня я понял, что указаний по телеграфу мне не получить, что надо как можно скорее возвращаться в Архангельск для работы в правительстве в смысле принятия Юденичского договора с Финляндией.

Думаю я и до сих пор, что ориентирован я был правильно, так как среди самых ответственных работников я встретил такую массу лиц, видевших будущность и процветание Финляндии в дружбе с Россией, что не сомневался ни минуты в искренности и правдивости всех тех сведений, которые мне давались.

По понятным причинам я не хотел бы называть всех этих лиц. Может быть, их симпатии не подходят к политическому курсу сегодняшнего дня, и я мог бы невольно повредить им в их личных интересах.

В ту эпоху, казалось мне, финская военная среда разделялась на два лагеря, сильно не любивших друг

друга. С одной стороны были финские патриоты, служившие ранее в русской армии, с другой стороны была клика знаменитых егерей, считавших себя истинными освободителями Финляндии и имевших громадное влияние на политический курс правительства.

Чтобы пояснить это явление, я должен прежде всего коснуться в двух словах истории этих егерей. Финский егерский батальон был сформирован во время войны немцами из финляндских дезертиров, бежавших в Германию. Если не ошибаюсь, силы этого батальона были развернуты, в конце концов, в несколько единиц, общей численностью до 6000. Вот эти-то егеря, высаженные немцами в Або в 1918 г., и дали точку опоры Маннергейму и позволили ему дойти до победного конца в начатом им рискованном деле.

Ясно, конечно, что у этих дезертиров не могло быть склонности к русофильской политике. Не менее ясно и то, что егеря-освободители держали себя с независимостью и развязностью героев, с которыми не могли справиться и высшие представители военной власти.

В военном отношении финская егерская организация была, конечно, импровизацией, в которой большинство офицерских должностей было замещено людьми без всякого военного образования.

Все это создавало в военной среде борьбу партий и в значительной мере ослабляло качества финской армии.

Таковы были впечатления моих первых двух дней пребывания в Гельсингфорсе.

Третий день в Финляндии ознаменовался тем, что уже утром мне стало известно об отъезде генерала Юденича в Нарву на миноносце в тот же день.

Я имел случай встретиться с генералом в коридоре отеля, где побеседовал с ним минут пять. Странная, в конце концов, встреча двух русских командующих армиями! Для деловой беседы, на которую я и рассчитывал, и двух-трех дней было мало. Во всяком случае, и по сей день я не могу себя упрекнуть ни в чем; я добивался подробной беседы и искал встреч. Поведение

Юденича в отношении меня как представителя армии было необъяснимым.

Сведения о Северо-Западной армии мне были все же даны с достаточною полнотою генералом К. Я имел список всех частей, их расположение и довольно точный состав. Впечатление эти списки производили довольно-таки удручающее. Состав частей был слабый, и понятия «полк», «дивизия», «корпус» совершенно не отвечали той численности, которая невольно по привычке укладывается под этими словами. Полки были по 300—400 человек, дивизии по 1000—1500.

Состав армии был до крайности пестрый и какой-то случайный. Видно было, что все это нуждается в настойчивой организационной работе, в огромных материальных средствах, в запасах обмундирования, обуви, теплой одежды.

Ничего этого не было.

Начиная с третьего дня моего пребывания я имел удовольствие познакомиться и встретиться с многочисленными представителями русской общественности и прессы в Гельсингфорсе.

Один из первых зашел ко мне И. В. Гессен.

Мы встретились впервые еще в 1918 году во время отсиживания в Сердоболе, куда судьба нас выкинула с любимой мною Иматры.

Таким образом, в Гельсингфорсе нам с И. В. Гессеном уже было что вспомнить и о чем поговорить.

После беседы со мною Гессен сделал подробное сообщение в местной печати о цели моего прибытия в Финляндию, с несколькими словами моей характеристики. В этой характеристике не забыты были и мои предсказания о конце Великой войны, сделанные в Сердоболе еще зимою 1918 года.

Через него же я получил приглашение отобедать в одном из ресторанов Брунс-парка с представителями русской общественности в Гельсингфорсе.

Сведения, появившиеся в печати, в значительной степени облегчили мне мои дальнейшие переговоры с

представителями правительства. Ко мне стали относиться еще с большим доверием и с большей откровенностью.

Наступало 24 июня, день «Иоханка», праздник Ивана Купалы, весьма чтимый в Финляндии. Большинство нужных мне лиц должно было разехаться за город, так как, помнится, к этому дню примыкал еще какой-то праздник и получались, таким образом, маленькие каникулы. Не желая тратить времени даром и не получая ответа на мои телеграммы, я думал уже пускаться в обратное путешествие, торопясь передать правительству все собранные мною сведения.

По моей просьбе я был принят Маннергеймом еще раз.

В подробной беседе со мною генерал коснулся снова проекта соглашения с Юденичем.

Говоря о возможности мобилизации армии, он указал мне, что ему надо иметь в руках хоть какую-нибудь компенсацию за те неизбежные жертвы, которые понесет армия, двинутая на Петроград.

Как тогда, так и теперь, вспоминая эту беседу, я совершенно ясно отдаю себе отчет, как логически правильно были построены доводы генерала Маннергейма. Я в душе разделял их, но, не снабженный достаточными полномочиями, должен был лишь ограничиться обещаниями подробного осведомления обо всем моего правительства.

Восстановление прямых телеграфных сношений мне было категорически обещано. Я просил еще о командировании в Архангельск лица, уполномоченного вести дальнейшие переговоры. Узнав от меня, что я собираюсь покинуть Гельсингфорс уже 25 числа, Маннергейм предложил мне отложить мой отъезд еще на два-три дня, указав, что некоторые члены правительства хотели бы еще раз повидаться со мною. Я, конечно, с готовностью согласился.

После этой аудиенции я воспользовался временем, чтобы еще шире ознакомиться с русскими кругами и, в

особенности, с правительственными сферами Северо-Западной окраины.

В эти сферы меня ввел мой старый товарищ и друг, генерал Михаил Николаевич Суворов, устроивший мне завтрак с генералом Кузьминым-Караваевым и познакомивший меня с Лианозовым и Карташовым.

Я затруднился бы дать характеристики этих лиц после моей кратковременной беседы, но все же, вспоминая эти встречи, в особенности с Карташовым, я должен отметить ту кропотливую работу, которая была сделана по будущей организации власти на случай занятия Петрограда.

В эти же дни я получил сведение, что из Борго прибывает великий князь Кирилл Владимирович, который выразил желание повидаться со мною.

Я, конечно, предоставил себя в полное распоряжение его императорского высочества.

Великий князь принял меня утром, в одном из номеров СосьетэТС-отеля. Я должен был доложить весь ход событий на Севере. Великий князь слушал меня со вниманием, помогая моему рассказу меткими замечаниями и вопросами.

Когда разговор наш коснулся восстановления престола, я с полною откровенностью изложил его высочеству мои точки зрения на возможности монархических выступлений на Севере. По-моему, в то время это было неосуществимо. Монархические партии едва еще начали кристаллизоваться. Не было ни одной сильной организованной группы, а выступления мелких образований и отдельных лиц разбивались сейчас же сплоченными, активными и жизнеспособными организациями всех социалистических толков. Я докладывал, что надо ждать и дать время наиболее смелым и активным сделать, так сказать, черную работу.

Великий князь распрощался со мною в самой любезной и милостивой форме.

Подошел и день обеда, на который я был приглашен И. В. Гессеном.

Помнится, это было 24 июня. Я приехал часов в 7 вечера в один из загородных ресторанов и поднялся в особую залу, где уже был накрыт длинный стол.

Председателем стола был старый и милый Кедрин, уже ушедший из этого мира.

Помнится, этот обед совпал с ратификацией мирного договора. Вся речь Кедрина была посвящена этой торжественной минуте, возвестившей миру долгожданное успокоение, возврат к нормальной жизни и работе.

В моей ответной речи я постарался мягко разочаровать Кедрина в его оптимизме и, помнится, говорил, что ратификация не дает окончания кровавой борьбы, которая потребует и новых сил и новых жертв.

Я не могу перечислить всех присутствующих. Многие имена у меня уже исчезли из памяти. Скажу лишь, что у меня совершенно определенно сложилось убеждение, что в Финляндии сосредоточились тогда лучшие представители наших политических и культурных сил. Думаю я, что эти горячие патриоты разделяли тогда мои убеждения о необходимости склонить Финляндию к выступлению, хотя бы это и стоило известных жертв. Такое, по крайней мере, сложилось у меня убеждение, когда и я покинул соотечественников с облегченным сердцем. Если этим лучшим людям положение представлялось так же, как и мне, значит, я был совершенно прав, и моя совесть могла быть спокойной.

Задержка моего отъезда объяснялась очень просто. Членам правительства было угодно чествовать меня обедом в Биржевом клубе, лучшем клубе в Гельсингфорсе. Обед этот состоялся вечером 26 июня.

Хозяином обеда был министр иностранных дел. В числе присутствующих были все лица, заинтересованные в вопросе восстановления России, и начальник финского Генерального штаба. Мои радушные хозяева сумели придать этому обеду исключительную интимность, располагающую к самым искренним разговорам.

Опуская обязательные тосты, я упомяну лишь, что весь смысл произнесенных речей покоился на идее, что

Финляндия будет жить в тесной дружбе с Россией и что она необходима ей в стратегическом отношении в смысле защиты Финского залива. Россия в свою очередь необходима Финляндии в экономическом отношении, и без русского хлеба Финляндии трудно урегулировать свой бюджет.

Мои хозяева в долгой беседе старались всемерно доказать мне свои симпатии к Северной области и тщательно избегали каких бы то ни было острых вопросов. Естественно, что этот почти что официальный обед я хотел покинуть в одиннадцатом часу вечера. Однако дружественные демонстрации моих хозяев задержали меня почти до 2 часов ночи.

Когда я был уже в автомобиле, я заметил, что карманы моего военного пальто набиты отличными сигарами.

Все эти подробности, кажется мне, свидетельствуют не только о радушии принимавших меня хозяев. Безусловно, эти официальные лица отнеслись с искренней симпатией к визиту представителя областного правительства Севера.

Почва для разговоров создалась самая благоприятная. Оставалось лишь работать еще в том же направлении, и можно было с уверенностью предсказать успех столь необходимого нам соглашения.

28 июня вечером я покинул Гельсингфорс и двинулся в обратный путь на Архангельск.

Утром 2 июля мы были уже в Ондозере, где на минуту остановились у хозяина, принимавшего нас при проезде в Финляндию.

Мы двигались днем и ночью. Я не хотел потерять ни одной минуты, так как считал сведения, которые я вез, данными первостепенной важности.

Именно поэтому я решил в Ондозере не ехать кружным путем через Медвежью Гору, а взять хотя и рискованное, но прямое направление на станцию Сегежу, через пороги на реке того же имени.

Около полудня мы в лодке покинули Ондозеро и пошли на веслах прямо на восток к устью р. Ондозерки.

Ветер и волны были настолько сильны, что я не раз с беспокойством поглядывал на глубоко сидящие борта нашей лодки.

Лишь под вечер мы остановились, чтобы дать гребцам отдых. Кругом гигантский девственный лес. Могучая, спокойная, как зеркало, река неслышно несет свои полные воды.

Вечер был теплый, и было так славно у костра слушать тихий говор наших гребцов, рассказывавших про местные промыслы, вспоминавших какие-то невероятные случаи охоты.

Часам к четырем утра мы вошли в р. Сегежу и приблизились к порогам. Порогом тут называется то место реки, где она водопадом срывается по каменным уступам в более низкую часть своего русла.

Всего надо было пройти семь порогов, из которых наиболее серьезными считались первые четыре.

Когда мы подошли к первому, гребцы мои, проделывавшие это путешествие уже не в первый раз, настойчиво попросили меня пройти берегом по болоту мимо порога и посмотреть, как берут это препятствие с берега. Второй порог был еще более трудным, обходной тропинки не было, и они просто хотели меня подготовить к этому опасному путешествию. Все они говорили: «Никто, как бог, посмотрите и сами увидите. Коли покажется что, вернемся назад, и поедете кружным путем».

Я послушался и по болотной тропе выбрался к самому порогу. Река гудела, шипела и белыми пенными клубами низвергалась с каменной гряды.

Переход через порог делается примерно так. Гребцы начинают грести во весь мах и с разлету влетают в струю, которая их подхватывает. Упаси бог перестать грести и потерять управление лодкой. Если она станет боком — все пропало... и костей не соберешь.

Пролетают опасное место — «духом» и все еще гребут во весь мах, чтобы скорее добраться до спокойной воды.

Я посмотрел на первый порог и решил проделать этот опыт. Как и следовало ожидать, все остальные

шесть порогов мы взяли благополучно, и лишь один раз наша лодка едва не потеряла направление. Неприятна была эта секунда.

Часам к 6 утра мы были уже на спокойной воде и плыли посреди феерической природы. Солнце было уже высоко, и мы потихоньку отогревались под его лучами, промокшие наскось в наших ночных приключениях.

В седьмом часу утра мы подошли к какой-то деревеньке, стоявшей на островке, посреди целой путаницы протоков, рукавов и каналов Сегежи.

Здесь надо было, оказывалось, собрать караван переносчиков нашего багажа через водораздел, значительно сокращавший дорогу.

В деревеньке мы нашли одних баб; все мужики были где-то на железной дороге.

Мы зашли в стоявшую у самого берега чистенькую избу старосты, чтобы разузнать, что делать дальше. Приветливая уже пожилая старостиха с удовольствием взялась за организацию нашей экспедиции.

Часа через два было собрано с десятков рослых крепких баб, которые взялись проводить нас и перетаскать наши небольшие тяжести.

Еще часа два путешествия по болотам, заросшим камышами, и мы у высокого берега, покрытого вековым лесом.

Лодки оставлены, и мы вытягиваемся вереницей по чуть заметной лесной тропинке. Первые пять километров в гору сравнительно легки. Далее на расстоянии двенадцати километров надо пересекать сплошное болото. Ноги уходят в воду и в липкую грязь по пояс. Сапоги слезают и хлябают. Все время надо продираться через колючий вереск. Утомление доводит до холодного пота.

Часам к пяти вечера мы, совершенно изнемогшие от усталости, добрались до того поворота Сегежи, где снова можно было идти в лодке, приведенной из ближайшей деревни. Двигаться далее пешком я уже не мог, так как моя правая ступня обратилась в сплошную рану.

Лечь в лодке после этого пути было счастьем.

Часам к семи вечера мы уже пересекали Линдозеро. Оставалось еще не более двух километров по полотну железной дороги до станции Сегежа. С трудом, ковыляя, я добрался до вагона, и утром мы прибыли исходную точку моего пути — г. Кемь, где меня должен был ожидать миноносец.

Встреченный в Кеми генералом Скобельцыным, я немедленно принял меры к подготовке последней части моего путешествия. Миноносец уже вышел из Архангельска, оставалось поселиться у себя же в вагоне и терпеливо ожидать его прибытия, пока что окунувшись в мурманские дела.

Мой миноносец прибыл, но сейчас же вынужден был начать починку и задержал меня в Кеми дня на три.

В этот период вынужденного бездействия я несколько раз виделся с генералом Мейнардом.

Мейнард, как и следовало ожидать, не проявил никакого особого интереса к результатам моей поездки, но отношения наши были все же скорее дружественные. Один раз даже Мейнард обратился ко мне с просьбою поговорить с солдатами Карельского полка, национальности, изобретенной английским командованием. Полк этот начал разлагаться, и нужно было принимать спешные меры, чтобы передать его целиком в ведение русского командования.

Полк был собран как раз в районе расположения отличнейшего сербского батальона, что в значительной мере подчеркивало действительность тех угроз, которые я вынужден был высказать карельским солдатам. Ненадежный вид имела эта часть, и снова я подумал об уходе из области всех иностранцев, которые, однако, представляли собою силу, дававшую нам

возможность твердо вести воспитание солдат и медленно, но неуклонно вкоренять в них дисциплину.

Наконец миноносец мой починился, 8 июля, ранним утром, в тихую погоду на мачте взвился вымпел командующего войсками, и мы тронулись в путь.

Радостно и грустно было смотреть на наш родной Андреевский флаг, гордо развевавшийся на корме. Этот миноносец был единственным судном в Архангельске. В эту же эпоху в Архангельск из Мурманска направилась «Чесма». Мы обогнали ее в пути. Должен сказать, что появление этого броненосца на рейде произвело угнетающее впечатление на архангельское население. «Чесму» просто-напросто боялись, и лишь официальные заявления, что на броненосце нет снарядов, успокоили панически настроенных мирных жителей.

На нашем миноносце поддерживались все обычаи и порядки прежнего флота. И форма одежды, и прежний устав, и порядок службы — все было, как в добрые старые времена.

В одиннадцатом часу утра показались Соловки. Я решил зайти в монастырь поклониться вековым русским святыням. Около полудня мы подошли к пристани у самой монастырской гостиницы. Я счастлив, что мне удалось тогда посетить этот исторический рассадник истинно национальной культуры на Севере. Что стало с ним теперь — не знаю.

Меня, жену мою, направлявшуюся со мною в Архангельск, и сопровождавших меня лиц сейчас же принял настоятель.

В обширных покоях квартиры игумена было как-то особенно тихо и спокойно. Стены, завешанные старыми портретами, прекрасная коллекция фотографий всех высочайших посетителей монастыря с их автографами, старинная обстановка — все это создавало совершенно особенное настроение. Революция еще не коснулась этой обители с ее устоявшимся веками укладом жизни.

Отец настоятель благословил меня с женой отлично написанной иконой святых Зосимы и Савватия, основа-

телей монастыря, считающихся в населении покровителями брака и старых бытовых устоев семьи. Кроме того, владыка подарил мне прекрасно изданную историю Соловецкого монастыря, представляющую собою сборник интереснейших исторических дат и документов.

Особенно интересны главы о бомбардировании монастыря англичанами в эпоху Восточной войны. В то время военную силу монастыря представляли пушки чуть не времен Грозного и инвалидная команда в числе 50 человек.

Мы опоздали к службе, и потому после чая, предложенного нам владыкою, пришлось ограничиться обходом главной части монастыря, посещением ризницы и оружейной палаты.

Общий вид монастыря необыкновенно красив, в особенности с моря.

Седую стариною веет от крепостной стены, сложенной из крупных камней, с ее сторожевыми башнями, типичного старорусского «городка». Архитектура монастырских церквей необычайно интересна. Вот сюда надо было ездить добывать настоящий русский стиль, не занесенный хламом чуждой культуры.

Однако надо было торопиться в Архангельск. В четвертом часу мы начали осторожно выходить из бухты.

Вода в это время спала. Фарватер, отлично оборудованный в давние времена, оказался далеко не в порядке в смысле опознавательных вех, буйков и прочих необходимых для плавания мелочей.

Я стоял на мостике. Скалистые грядки, спускавшиеся в воду с островков, внушали большие опасения. Лот, бросаемый каждые полминуты, давал очень малую глубину.

Монастырь был еще в виду, когда сначала послышался сильный удар, затем страшный гром всей подводной части, с ходу севшей на камни.

Задний ход полной силой! Результатов никаких... Миноносец стал как пришитый. Промучавшись часа два и убедившись, что нигде течи нет, мы решили

ждать прилива, который мог автоматически поднять нас. Ждать нужно было до утра, а потому я решил в шлюпке снова отправиться в монастырь, чтобы как-нибудь убить время.

Я долго гулял по монастырю эту светлую ночью. Особенно памятен мне обширный монастырский двор, сплошь покрытый чайками.

Чайки — особая достопримечательность Соловков. Здесь они совершенно не боятся людей и выют свои гнезда и выводят птенцов прямо на плитах двора. Весь монастырь усыпан тучами птиц, и их неприятный гортанный крик слышится день и ночь.

В четвертом часу утра миноносец снялся с камней и по полной воде подошел к пристани.

Маленькая течь была, но двигаться было можно. Часов в шесть утра мы покинули монастырь и довольно медленным ходом пошли к Архангельску. Погода была тихая и теплая, и под вечер 10-го числа мы уже входили в Маймаксу.

Правительство встретило меня, как и всегда, радужным приветом и искренней радостью.

Мне нужно было сделать и официальный доклад о моей миссии и поделиться впечатлениями и новостями моей экспедиции в Финляндию.

Я доложил с полной откровенностью все. Я особенно точно остановился на оценке дела Юденича, не внушавшего мне никаких надежд, и по возможности точно обрисовал довольно печальную картину положения колчаковских армий.

Меня в правительстве тоже ожидали новости.

К моменту моего приезда уже состоялось назначение генерала Миллера главнокомандующим Северным фронтом — по радио из Сибири.

До этого радио генерал Миллер пользовался правами главнокомандующего, но в командование войсками не вступал, как это и было решено в правительстве при прибытии генерала в область.

По опыту зная, что совмещение должности генерал-губернатора с командованием войсками невыполнимо на практике, я не совсем отдал себе отчет в том, что, собственно, хотел сделать адмирал Колчак.

Личных отношений у меня с адмиралом не было, следовательно, у него не было причин оценивать мою деятельность в ту или другую сторону. С другой стороны, все военные мероприятия в области исходили от моего имени, что не могло не быть ему известным.

Назначение главнокомандующего в армии, едва насчитывавшей двадцать пять тысяч в своих рядах, при наличии командующего войсками было неправильно.

Находясь в самых близких и искренних отношениях со всем составом правительства и в особенности с генералом Миллером, я с уверенностью мог сказать, что это распоряжение Колчака было сделано не по почину из Архангельска.

В первое же мое свидание с генералом Миллером мы подробно переговорили по этому вопросу и, не найдя решения, отложили пока исполнение этого приказа и проведение его в жизнь.

Что же касается результатов моих сношений с Финляндией, то они были предрешены телеграммой из Сибири, которую привожу полностью:

Министр иностранных дел

Париж. 21 июня 1919 г.

Срочная

№1381

Прошу передать Юденичу

Получена 25 июня. № 224

Эта телеграмма требует срочных распоряжений. Верховный правитель поручил сообщить вам взгляды на вопрос о действиях против Петрограда: вопрос об активной помощи Финляндии не следует ставить на плоскость каких-либо политических или территориальных уступок последней.

Не давая никаких гарантий, даже не ставя на очередь вопроса о компенсациях, надо воздержаться от проявления недоверия к Финляндии.

Спорные вопросы теперь разрешать нежелательно, чтобы не препятствовать освобождению Петрограда. Верховный правитель считает, что безусловно желательно движение Маннергейма при непременно участии русских войск и установлении в занятых местностях русской администрации, подчиненной вам. Разумеется, активная помощь Финляндии не мешает служить основанием для политических притязаний последней. Желательно положить конец неопределенному положению в Эстляндии и Лифляндии и заменить германские войска местными организованными силами, к образованию коих на добровольческих началах надлежит приступить. Верховный правитель поручает вам главнокомандование всеми русскими силами Северо-Западного района, не предрешая вопроса о руководстве операциями совместно с эстонцами и финнами; следует избегать обострения отношений с эстонцами ввиду значения их содействия.

Подписал *Сазонов*

Верно: За старшего секретаря
отдела иностранных дел,
полковник *Кетляревский*.

Эта телеграмма была разослана повсюду и в копии попала в руки северного правительства — «для руководства».

Несмотря на то что директива была дана Юденичу и пришла на Север лишь в копии, правительство Северной области ушло свое критическое положение и по телеграфу высказалось за принятие того договора с Финляндией, который был выработан Юденичем.

Ответ Колчака был по-прежнему неблагоприятным, а требования Финляндии он находил «чрезмерными».

Искренно говоря, после этого у меня уже не оставалось веры в исход борьбы за восстановление России на севере.

Кроме этой капитальной новости была еще одна крупная неприятность, повлиявшая на весь ход событий в области.

Я говорю о восстании полка Дайера, выведенного на Двинский фронт в мое отсутствие, для участия в наступательных действиях конца июня.

Эти активные действия сами по себе имели ничтожный результат, вследствие того что с началом отступления войск Колчака из районов Вятка — Котлас наступательная операция в избранном направлении теряла всякий смысл.

После нескольких удачных атак войска Двинского фронта остановились, укрепляя занятые районы, и подготавливались к дальнейшим операциям.

В первых числах июля, помнится, в ночь на 7-е, произошло восстание в Дайеровском полку. Восставшие солдаты прежде всего ворвались в избу, где спали офицеры, и успели убить семь человек, в том числе нескольких англичан.

Быстро распространившаяся тревога сразу поставила на ноги все войска и штабы, но часть дайеровцев все же успела перебежать к большевикам.

Восстание это для всех русских представителей власти было фактом, которого ожидали давно и которому нисколько не удивились; для англичан это было крупнейшее разочарование, впечатление от которого было угнетающим.

15 или 16 июля с Двины в Архангельск вернулся генерал Айронсайд со своим штабом, что указывало, что операцию на Двине надо считать законченной.

Я немедленно вместе с генералом Миллером пошел повидать его.

Разговор наш был сухо официальный, причем Айронсайд ни одним словом не обмолвился о моей поездке в Финляндию. От прежних отношений не осталось и

следа, и ясно было, что наступила уже какая-то новая эра в английской политике на севере.

Выходя вместе с генералом Миллером из дома Айронсайда, я сказал с грустью: «Его совсем и узнать нельзя». Генерал Миллер, видимо, испытывал то же самое.

Я застал в Архангельске ту же беззаботную жизнь, те же благотворительные вечера в думе, те же интересы, сплетни и разговоры. Общество совершенно не отдавало себе отчета в той опасной минуте, которую мы переживали.

По приезду мне сразу пришлось сильно налечь на работу и проверить все то, что было сделано без меня.

Уже в первые три-четыре дня я поражен был, до каких размеров возрасла пропаганда большевиков, главным образом на фронте.

Особенно внушало опасения то, что происходило на направлении Обозерская—Чекуево—Онега. На этом тракте, столь спокойном раньше, валялись пачками большевистские прокламации, воззвания, журналы, деньги, пропагандные афиши...

Как раз в середине июля на этой же дороге был убит наш мотоциклист, везший срочное приказание в 15-й полк в Чекуево. На трупе были найдены образцы пропагандной литературы.

Я забеспокоился очень серьезно, и одной из первых моих мер была командировка в Чекуево генерала Д., моего доверенного лица, испытанного в строевом и боевом опытах.

Генерал Д., произведя подробнейшую инспекцию 5-го полка, нашел его в столь блестящем состоянии, что я счел себя обязанным объявить в приказе благодарность полковнику Михееву, которого и всегда считал выдающимся офицером.

Тем не менее я не мог успокоиться на этом и, подозревая что-то неладное, производил самые тщательные и интенсивные розыски.

Мне помог случай. В одном из госпиталей проболтался унтер-офицер о существовавнии заговора на Обозерской и назвал несколько фамилий.

Дальнейшее расследование показало, что время предполагаемого восстания так близко, что нельзя было терять ни одной минуты. Я схватил первый же аэроплан, находившийся в готовности, и ночью вылетел на Обозерскую, предупредив английское командование о грозящей опасности.

Я спустился на Обозерской около четырех часов утра и был встречен адъютантом английского командующего железнодорожным районом.

Еще до моего свидания с этим генералом мне было доложено англичанами, что беспокоиться совершенно не о чем, что настроение в войсках отличное и что мои опасения не имеют оснований.

Убедить англичан в правильности моих выводов мне не удалось, но мне это и не было важно, так как моею главною целью было свидание с полковником Акутиным и полковником Барбовичем. Моя беседа с русскими старшими начальниками еще более подтвердила мои опасения. Сговорившись с ними о принятии срочных мер по группировке офицеров, по изъятию из частей подозрительных элементов, я приказал послать офицеров в Чекуево и Селецкое для предупреждения обо всем находящихся там старших начальников.

Времени тратить на поездку в далекое Чекуево и Селецкое я не мог, да и беспокоился я за железнодорожное направление, где подозревал центр заговора.

Предупредив еще раз английский штаб на Обозерской, я вернулся в Архангельск на том же аэроплане, на котором прибыл.

Не прошло и двух суток после моей поездки, как разразилась беда, и прежде всего в Чекуево.

Две роты 5-го полка возвращались на барже с передовых позиций на отдых в Чекуево в сопровождении всего двух прапорщиков.

Во время этой долгой поездки на палубу вышел один солдат, который крикнул: «Коммунисты, ко мне!» На его зов выскочило 11 человек. Эти 11 человек в течение двух часов убеждали и убедили баржу

арестовать своих прапорщиков и произвести переворот в полку.

Когда баржа пристала к Чекуевской пристани, на встречу ей, ничего не подозревая, вышел полковник Михеев, чтобы поздороваться с людьми.

Сначала был схвачен он, а затем и чины его штаба. За отсутствием в Чекуеве строевых частей сопротивления оказано не было, а мятежники, воспользовавшись телефоном, спровоцировали все остальные части полка, разбросанные по широкому району.

Восстание разлилось по всему полку. Часть офицеров, захватив пулеметы, засела в избы и защищалась до последнего патрона. С последним выстрелом они покончили с собой.

Михеева, пользовавшегося большой любовью солдат, пощадили и с частью штаба отправили в Вологду. 5-й полк перестал существовать.

Как удалось выяснить тогда же, в ближайшие дни после катастрофы, солдаты полка в большинстве просто разбежались... Была горячая пора сенокоса, в деревнях рабочих рук не было... и это послужило одной из веских причин восприятия солдатами соблазнительных идей.

Немалую роль в этом несчастье сыграли и крестьяне селения Пороги, известного своими большевистскими наклонностями. Большая часть их попала в 3-й, последний по порядку мобилизации, батальон, в котором был большой некомплект офицеров.

Здесь я подхожу к главной причине разложения полка. Если бы офицерский транспорт, прибывший 24 июля, был в Архангельске на месяц раньше, весьма вероятно, что беспорядки в полку не разыгрались бы в таком масштабе.

Катастрофа с 5-м полком в Архангельске произвела впечатление ошеломляющее. С полной искренностью скажу, что и для меня лично это был удар, поразивший остатки моих надежд на возможность сопротивления после ухода союзников.

Почти одновременно была обнаружена подготовка предательства и на Обозерской. Предупрежденный мною Акутин вместе с Барбовичем открыли, в конце концов, нити заговора и успели спасти артиллерию и большую часть блокгаузов. Часть блокгаузов сдалась большевикам, но была взята назад совместными контратаками отряда австралийцев, роты французского Иностранного легиона и польской роты, усилиями которой удалось водворить порядок и ликвидировать заговор во всем районе станции.

В Селецком районе мятежники, состоявшие в связи с заговорщиками железнодорожного района, попали в руки правосудия раньше, чем успели открыто выступить.

Результаты этих беспорядков, весьма продуманно подготовленных большевиками, были все же большие.

В военном отношении потеря Онеги и Чекуевского района сказалась прежде всего в разрыве сухопутной связи с Мурманом. Кроме того, Онежский тракт на Архангельск, через Красногорское, был совершенно открыт и ничем не защищался.

В политическом отношении все эти события прежде всего решающим образом повлияли на ускорение вопросов эвакуации английских и остатков союзных контингентов.

Уже совершенно официально было известно о прибытии в Архангельск в ближайшие дни генерала лорда Роулинсона, «специалиста по эвакуации». Вопрос участия английских войск в боевых операциях был безнадежным, так как срок пребывания союзников на территории Северной области надо было уже считать неделями.

Как раз в эти тяжелые дни прибыл наконец транспорт, привезший в область из Англии около 400 русских офицеров, набранных в Германии, в Англии и по-немногу повсюду.

Эшелон этот в массе производил впечатление недурное, но в отдельных личностях — глубоко удручающее.

Большинство приехало в Архангельск с чувством глубокого разочарования и полного неверия в то дело, на которое их звали.

Один из прибывших с эшелонном застрелился на бережной Двины, что крайне нервно отозвалось на всей группе. Лучшие элементы в качестве желающих быстро попали на фронт. То, что осталось в Архангельске, наполнило тыл новостями из заграничной жизни, вздорными слухами, интригами и обнаруживало так называемую «немецкую ориентацию», так как группа имела многих сторонников этого политического течения.

Военное положение необходимо было исправлять во что бы то ни стало.

Сухим путем через Красногорское удалось направить в Онегу небольшой отряд с двумя орудиями. Кроме того, морем, под прикрытием английского монитора, был направлен десант около 500 человек. Все силы были объединены под командой генерала Д.

Вместе с этим десантом отправился в Онегу В. И. Игнатьев, который решил кроме военного произвести еще и политическое воздействие на жителей Онеги и окрестностей, имея в этом районе тесные связи с политическими вожаками.

Вспоминая этот эпизод, я невольно вспоминаю те споры, которые много раз подымались между правой и левой половиною правительства. В свое время С. Н. Городецкий упорно настаивал на следствии над земскими и городскими деятелями г. Онеги, проявившими себя типичными большевиками в эпоху Чаплинского переворота¹. Левая половина правительства упорно защищала всегда этих онежских деятелей, видя в них лишь защитников арестованного Чаплиным правительства и со-

¹ «Большевизм» онежских деятелей выразился только в том, что они попробовали протестовать против ареста «Верховного управления Северной области» и выпустили соответствующее воззвание «К населению». На более активные действия они не решились. (Примеч. ред.)

вершенно упуская из виду определенную большевистскую тактику этих лиц. Часть из них была все же изъята из Онеги, но многие остались безнаказанными и хорошо отплатили нам за наше бездействие.

Экспедиция в Онегу потерпела неудачу, так как с англичанами приходилось торговаться из-за каждого выстрела с монитора. Десант все же высадился, но овладеть городом не смог и вернулся на суда, с небольшими потерями.

Я проектировал операцию в большом масштабе. Необходимо было произвести наступление вдоль железной дороги и захватить станцию Плясецкую, расположенную всего лишь в 20 километрах от долины р. Онеги. Перехватив р. Онегу в этом районе, мы отрезывали все красные части, расположенные в долине реки и в городе того же имени, от их тыла. Сообщение в этом районе иначе как по долине реки невозможно.

Мои проекты и сношения с англичанами по этому вопросу совпали как раз с поднявшимися уже официальными разговорами о возможности эвакуации области, а дебаты, возникшие в связи с решением «оставаться» и после ухода союзников, были основной причиной окончания моей деятельности в Архангельске.

Вместе с эшелоном офицеров, а может быть, лишь одновременно с ним, точно не помню, в Архангельск прибыло 7 генералов.

В числе их были генерал-лейтенанты Квенцинский и Клюев.

Оба они являлись старшими в отношении не только меня, но и генерала Миллера.

Весь этот генеральский эшелон был как раз кстати, так как с прибытием большого числа офицеров можно было наконец приступить к формированию тыла и создать должности, где опыт и знания всех этих старших чинов армии могли бы послужить области.

Мной немедленно была создана должность начальника снабжений, назначен начальник гарнизона, создана должность начальника национального ополчения, с соответствующими управлениями.

Генералы Клюев и Квенцинский явились ко мне с просьбой взять их в штаб на какие угодно должности, не стесняясь ни их чином, ни их прежним положением. Говоря откровенно, просьба эта была для меня стеснительна. Я не мог, считаясь с законами во-

енной иерархии, подчинить этих генералов моему молодому начальнику штаба. Конечно, мне и в голову не приходило лишаться сотрудничества В. А. Жилинского, заменив его кем-либо из прибывших.

И Квенцинский и Клюев в конце концов остались в распоряжении генерала Миллера.

Должен прибавить здесь, что прибытие именно этих двух генералов, которым суждено было играть роль в Архангельске, было встречено в местной офицерской среде ропотом. С генералом Квенцинским произошло что-то в Киеве во время ликвидации гетманства, что возбуждало знавших эту эпопею офицеров, а что касается Клюева, то никто не хотел ему простить катастрофы со сдачей в плен всего его корпуса в самом начале Великой войны.

Клюева я помнил блестящим командиром л.-гв. Волынского полка. В Архангельске же я увидел полубольного старика, на работу которого рассчитывать было трудно.

К самым первым дням августа относится весьма важное решение генерала Миллера осуществить приказ адмирала Колчака и вступить в главнокомандование войсками Северного фронта.

Говорили мы с генералом Миллером по этому поводу много раз и создавали всевозможные комбинации. Не исключалась и возможность принятию мною должности начальника штаба у генерала Миллера.

Искренно говоря, я не находил никакого выхода. На должности, подобные начальнику штаба, я никогда не был способен и при моем характере вряд ли ужился в обстановке гражданской войны с кем бы то ни было.

Если не ошибаюсь, 2 или 3 августа я получил приказание генерала Миллера выделить из моего штаба надлежащее количество чинов в распоряжение генерала Квенцинского, который предназначался начальником штаба главнокомандующего.

Это приказание положило предел всем моим колебаниям.

Силы мои были уже в достаточной степени надорваны пережитым, я чувствовал себя переутомленным, а в возможность борьбы после ухода союзников категорически не верил.

Я составил проект приказа, в котором мой штаб просто переименовывался в штаб главнокомандующего, а я назначался в распоряжение генерала Миллера.

С проектом этим я лично направился к генералу Миллеру и представил ему соображения, что штаб главнокомандующего и еще штаб командующего для маленькой армии в 25 тысяч являются перегрузкой.

Единственным выходом было мне встать в сторону, а штаб переименовать. Мой проект генерал Миллер принял. Чтобы не оставалось никаких сомнений в том, каковы были мои отношения с Евгением Карловичем, я признаюсь, что в решительный момент у нас обоих были на глазах слезы. Да простит мне Евгений Карлович эту деталь!

6 августа приказ был объявлен с несколькими словами благодарности мне.

ПРИКАЗ

*генерал-губернатора Северной области
и главнокомандующего всеми русскими
вооруженными силами на Северном фронте
№214*

6 августа, 1919 года

г. Архангельск.

§ 1

Приказываю штаб командующего войсками Северной области переименовать в Штаб главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте.

§ 2

Командующего войсками Северной области генерального штаба генерал-лейтенанта Марушевского назначаю в мое распоряжение.

§3

Неустанной работой и энергией генерал-лейтенанта Марушевского были созданы русские войска Северной области. Все трудности формирования регулярных частей на основе воинской дисциплины, после полного разложения, внесенного в ряды бывшей доблестной русской армии, и нравственной разрухи, коснувшейся в большей или меньшей степени всех почти чинов ее, были преодолены, и постепенно, начиная с декабря наши молодые воинские части стали отправляться на фронт: сначала роты, затем батальоны, полки, наконец, бригады становились на фронт, и не одна молодецкая атака или отбитое наступление говорили нам о доблести молодых войск; в тяжелых условиях при недостатке офицерского состава, при трудности обучения в суровом климате, при спешке воспитания солдат и сколачивания рот шла эта напряженная работа, вдохновляемая генерал-лейтенантом Марушевским. Лучше других оценили всю важность этой работы наши враги; они поняли, чем им угрожает дальнейшее развитие здоровых русских полков и что в честном бою им не справиться с северными стрелками, и с весны началась усиленная подпольная работа возбуждения солдат против офицеров и против верного исполнения долга, заманивание их в большевистские сети. Лишь благодаря верному взгляду и руководству командующего войсками в нескольких частях удалось предотвратить эти предательские действия, и теперь, после изъятия вредных ядовитых элементов, я верю, что наши войска стоят твердо на страже интересов родины.

Ныне в силу указа верховного правителя, принимая на себя непосредственно заботу о войсках и имея в виду в недалеком будущем принять на себя и руководство ими в поле, я считаю своим долгом выразить от лица службы мою душевную благодарность

генерал-лейтенанту Марушевскому за все, что им сделано для воссоздания русской армии Северной области, доблестные полки которой он с божьей помощью призван будет в скором времени вести к победе.

§4

Начальником штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами Северного фронта назначаю генерального штаба генерал-лейтенанта Квенцинского, которому принять штаб командующего войсками Северной области и, пересмотрев штат такового, представить мне проект изменений, буде таковые потребуются.

§5

Начальник снабжения войск Северной области Генерального штаба генерал-лейтенант Баранов подчиняется начальнику штаба, главнокомандующего.

Генерального штаба генерал-лейтенант

Миллер.

Фактически моя работа в области была кончена. Начав с нескольких взбунтовавшихся рот, я в течение восьми месяцев, при малочисленном населении области, создал 12 стрелковых полков и пять дивизионов артиллерии с небольшими вспомогательными частями.

Из толщи разношерстной толпы, населявшей Архангельск, мне удалось отсортировать офицерский корпус, дисциплинировать его и вдохнуть в него душу.

Кроме этого, мною было создано национальное ополчение, сыгравшее огромную роль в поддержании внутреннего порядка в городе.

Мне остается сказать лишь несколько слов о тех переговорах, которые велись по вопросу эвакуации области, и о причинах, заставивших меня взять на себя командировку, сопряженную с отъездом из Архангельска.

С приходом лорда Роулинсона стало ясно, что эвакуация английских войск решена бесповоротно и что в дальнейшем эти войска активного участия в операциях принимать не будут.

Ввиду подготовки нашего наступления на Плясецкую я все же поддерживал отношения с Айронсайдом и довольно часто виделся с ним.

К нашим наступательным планам Айронсайд относился критически и настаивал на том, чтобы правительство решилось на эвакуацию армии и тех элементов населения, которым приход большевиков угрожал прямою опасностью. По словам Айронсайда, Англия могла предоставить нам тоннаж на 14 000 человек.

Ввиду того что почти все коренное местное крестьянство, поставленное под ружье, никогда не решилось бы покинуть область, по моим расчетам выходило, что армия дала бы не больше 10 000 для эвакуации. Это были бы отличные кадры, которые на Юге России могли быть легко развернуты в крепкую духом и дисциплиной армию.

Кроме этого числа, значит, можно было вывезти до 4000 местных жителей, скомпрометированных перед большевиками. Полагаю, что Архангельск не набрал бы и этого числа желающих.

Айронсайд очень торопился с ответом, так как свободные транспорты приходилось собирать по всему свету и, может быть, даже выписывать из Австралии.

Беседуя с Айронсайдом в подробностях на эти темы, я склонялся к убеждению, что, может быть, эта эвакуация являлась для нас единственным выходом.

Генерал Миллер, естественно, затягивал ответ, ежедневно обсуждая этот вопрос с членами правительства и представителями архангельской общественности.

Время этих переговоров совпало еще и с созывом «предпарламента», т.е. совещания земско-городских деятелей. Участвуя ранее в обсуждении вопроса созыва этого совещания, я был его сторонником, но лишь при

том условии, что правительство поведет его. В середине августа, при существующих настроениях, я чувствовал, что в среде правительства не найдется той силы, которая сможет импонировать бурным настроениям собрания и удержать его в пределах корректности. Вместо трезвого отношения к вопросу возможности продолжения борьбы надо было ожидать взрыва ложно-патриотического пафоса и несбыточных надежд на моральный подъем массы, на сознательное отношение солдат «к переживаемому моменту», на спасительные демократические лозунги.

Зная по своей почти тридцатилетней службе значение «щей и каши», я не имел никаких надежд на возможность воевать без тех материальных средств, которые давали англичане и которых в области, предоставленной самой себе, не было.

Предстоящее совещание, угадывалось заранее, удержит правительство на точке зрения продолжения борьбы.

Около середины августа в Архангельск прибыли представители фронта, вызванные на совещание перед решительным ответом английскому командованию, нуждаемся ли мы в помощи англичан для вывода армии, или же армия останется в области для продолжения борьбы с большевиками до конца.

Все прибывшие представители строя были моими старыми сослуживцами по 2-й финляндской стрелковой бригаде и потому накануне совещания собрались за обеденным столом у меня, чтобы поговорить о деле в совершенно неофициальном порядке¹.

Наша старая финляндская спайка позволяла нам быть откровенными друг с другом.

Я весьма боялся влиять на них и действовать на их убеждения, но в беседе с этими испытанными друзьями

¹ Я называю поименно тех, кто вне пределов досягаемости советской власти. Это были полковники Архипов, начальник штаба на Мурмане и командиры 6, 7 и 8-го полков — полковники Акутин, Еленин и Бродянский.

хотел сам проверить свои расчеты и соображения о необходимости эвакуации. Все мы в этот вечер пришли к твердому убеждению, что после ухода иностранных войск область не в состоянии бороться, а войска нуждаются в длительной работе, чтобы стать надежной и твердой опорой правительственной власти.

Создание тыла тоже стояло под большим знаком вопроса при недостатке офицерского состава даже на фронте. Продолжение борьбы, с нашей точки зрения, было невозможно.

На следующий день совещание состоялось в кабинете генерала Миллера в присутствии генерала Квенцинского, Клюева, вновь прибывшего в область генерала П., генерального штаба полковников Жилинского и Костанди и перечисленных мною представителей фронта.

На совещании обсуждались вопросы о возможности оставления войск в области, о возможности эвакуации без помощи англичан и, наконец, о возможности наступательных действий без участия английских войск.

Представители фронта высказались с полной откровенностью за невозможность продолжения борьбы, но встретили самые горячие возражения со стороны генерала П. и, главное, со стороны генерала Квенцинского.

Я держался в стороне и не хотел влиять на настроение членов совещания.

В конце концов совещание не пришло к решению вопроса по существу, а лишь высказалось за необходимость энергичного наступления, в котором-де, может быть, и англичане будут участвовать, а может быть, успех наступления убедит англичан и «остаться».

Зная отлично точку зрения английского командования на вопрос эвакуации по моим ежедневным беседам с Айронсайдом, я заранее мог ручаться за их ответ, а потому вышел из совещания неудовлетворенным. Зная вместе с тем истинные мысли моих строевых друзей, я убедил их посетить генерала Миллера еще раз и побеседовать с ним с полной откровенностью.

Беседа эта состоялась в тот же день вечером, а на другой день все мы снова собрались у генерала Миллера в кабинете.

Решение вчерашнего дня, несмотря на вечернюю беседу с генералом Миллером, осталось в силе, и поднявшиеся разговоры снова попали в плоскость обсуждения коренного вопроса — оставаться или эвакуироваться.

Возмущенный нерешительностью присутствующих, я горячо заявил, что раз решено оставаться, так надо англичан «заставить» остаться и что я сам пойду говорить с Айронсайдом с револьвером в руке.

В ту минуту я готов был даже и на это средство. Кроме того, имея за спиною силы, вчетверо превышающие силы наличных английских контингентов и глубоко искренно англичан не терпевшие, можно было уже оставить в разговорах с ними тон почтительных просителей.

В двенадцать часов дня все совещание было уже в английском штабе.

Роулинсон принял нас, как какой-нибудь вице-король принял бы негритянскую депутацию. В его приеме была и снисходительная приветливость, и благоговейная твердость в отношении приказаний, полученных им от британского правительства. Об оставлении войск не могло быть и речи. Вопрос участия англичан в наступлении был решен условно, лишь в смысле занятия ими оборонительных позиций.

Генерал Айронсайд снова указал на всю несостоятельность решения оставаться в области после ухода англичан, сославшись на мнение присутствующих строевых начальников, не отвечавших за благонадежность своих частей.

Кроме того, ссылаясь на мою совместную с ним работу, Айронсайд снова указал на невозможность создать тыл, на обслуживании которого у англичан было несколько тысяч офицеров и сержантов.

После этих памятных дней решение оставить русские войска на фронте и продолжать борьбу оставалось все-таки в силе и было объявлено и войскам, и населению.

Мое положение сделалось в высокой мере трудным. Совещание, происходившее в секретном порядке, все же сделалось предметом общих обсуждений.

Офицерский состав глухо волновался и с резкой критикой относился к чинам нового штаба и в особенности к Квенцинскому.

Появились слухи о военном перевороте, причем выставлялись всевозможные кандидатуры на пост главнокомандующего.

Поразмыслив над этими явлениями, я решил, что мое присутствие в области может лишь стеснять действия главнокомандующего. В лояльности моей пока никто не сомневался, но с течением времени сами события, помимо моей воли, могли поставить меня против генерала Миллера, несмотря на глубокое мое почтение его как старшего и как начальника.

Я поехал к Евгению Карловичу и совершенно откровенно переговорил с ним по всем этим вопросам.

Результатом этого разговора явилась моя командировка в скандинавские страны, в силу чего я покинул Архангельск 23 августа. Вместе со мною уезжал Б. В. Романов и адъютант мой князь Л. А. Гагарин.

Я отбывал на пароходе «Новая Земля». С этим же пароходом уезжали мой друг Лелонг, откомандированный во Францию, военный представитель Италии князь Боргезе и несколько архангельских старожилов, направлявшихся искать счастья в другие страны.

На палубу взошел, чтобы проводить меня с женой, Е. К. Миллер.

При расставании, крепко обняв меня, он тихо сказал мне: «Я рад, что хоть вы останетесь живы».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я затруднился бы утомлять читателя выводами из описанных мною событий. Сознвая всю мою беспомощность в отношении документальной стороны моего небольшого труда, я не мог бы подкрепить мои заключения ссылками на официальные данные. Тем не менее я считаю своим долгом высказать несколько своих мыслей, как активный участник пережитой эпохи.

Исследование архангельских событий с точки зрения определения причин неуспеха дела привело бы меня к анализу моих собственных действий прежде всего, а следовательно, носило бы характер самооправдания перед моими соотечественниками и лишило бы это мое «послесловие» всякого интереса.

Я хочу в этих заключительных строках подчеркнуть лишь те факты, которые могут ускользнуть от внимания лиц, интересующихся этою страницей белого движения.

Прежде всего несколько слов об иностранной политике.

Ни в армиях Колчака, ни у Деникина, ни у Врангеля влияние представителей

иностранных держав не сказывалось в той мере, как это было на севере.

В Архангельске правительство, каким я его застал в ноябре 1918 г., было под опекой. Опека эта началась еще в период сидения всех союзных послов в Вологде, где, видимо, и спроектировано было то правительство, которое оказалось у власти после изгнания большевиков. Я позволю себе говорить «видимо» именно потому, что порядок формирования правительства Северной области так и остался для меня неясным до конца.

Несмотря на ряд заявлений всего дипломатического корпуса о невмешательстве во внутренние дела области, фактически вся политика области была в тисках иностранного представительства, при явном перевесе, даже в мелочах, английского влияния.

Несомненно, что правительство нуждалось в иностранной «помощи» при первых шагах своего существования. Несомненно и то, что правительству нужна была опора твердая и продолжительная.

Область получила эту опору, но вместе с тем и попала в сферу совершенно чуждого ей влияния, шедшего часто в ущерб русскому национальному делу.

Правительственная работа по мере роста вооруженных сил постепенно обращалась в скрытую борьбу с навязываемыми идеями, в которых иностранные представители преследовали свои интересы и свои цели, порой вредные русской государственности¹.

Вся группа иностранных представителей чрезвычайно дружно работала над насаждением «истинно-демократических принципов» и над направлением русской правительственной работы в духе «завоеваний революции».

Откуда эти люди могли знать, что нужно было пострадавшей России? Совершенно не входя в оценку вопроса по существу, я хочу только подчеркнуть предвзятость идей всего иностранного дипломатического корпуса.

¹ Достаточно указать на формирование карельских частей на Мурмане.

Рядом с этой обязательной для нас «демократической» линией, мощно взятой Нулансом, Френсисом и Линдлеем, существовала еще и линия, взятая английским военным командованием. Линия эта состояла в положительно пренебрежительном отношении к областному правительству. Я не хочу цитировать те фразы, которые произносились высшими лицами английского командования в отношении представителей русской власти. Необходимо прибавить, что английские штабы были богато снабжены русскими офицерами, числившимися на английской службе. Именно с этим элементом не было «ни справу, ни сладу», и эти же лица служили проводником в общественные круги всего того, что подрывало авторитет правительственной власти.

Чтобы охарактеризовать создавшееся положение, проще всего считать его «оккупацией». Исходя из этого термина, все отношения с иностранцами делаются понятными и объяснимыми.

Что касается настроений местного населения, я с глубоким убеждением подчеркиваю, что руководящей идеей массы было восстановление монархии.

Нечего и говорить, что монархические настроения не были велики во флотской казарме в Соломбале. Не сочувствовали правому образу мысли и вожаки демократии и представители профессиональных союзов. Но все эти элементы группировались только в городе. За городской чертой настроения круто изменялись вправо, и именно это-то и давало мне возможность делать сотни верст в генеральском мундире и чаще без всякого конвоя¹.

Не было ни одного селения, где я не встречал бы портретов государя императора в красных углах изб. Были, конечно, и большевистские настроения в деревнях.

¹ После всего написанного самим Марушевским о восстании в войсках и т.д. едва ли нужно опровергать это ничем необоснованное мнение. (Примеч. ред.)

Слабость северного правительства была в неясности его политической программы. Если и вывешивались периодически декларации правительства, они встречались с недоверием. Для рабочих и демократии правительство было, пожалуй, слишком «правым», для зажиточных классов и для главной массы офицерства мы были определенно «левыми» и «социалистами». Признание Сибирского правительства также не внесло ясности в этот острый вопрос.

Мне кажется, что именно в этом отсутствии определенной яркой идеи в правительственной работе лежали и большая слабость власти, и задаток разложения армии.

«Архангельский период» не пройдет незаметным не только в истории революции в России, но и в истории Великой войны.

БОРЬБА В СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

ГЛАВА I

*«Купава».— Незамерзающий русский порт
Мурманск.— Русский административный
персонал и союзное командование.— Прибытие в
Архангельск*

Двадцать шестого апреля (1919 г.) вечером (в норвежском порту Варде) мы вступили на борт русского парохода «Купава». Грязный пароход с неряшливо одетой и смотревшей исподлобья командой несомненно большевистской ориентации, видевшей в нас врагов народа, едущих «пить его кровушку», произвел на меня и на моих спутников тяжелое впечатление: мы ожидали другой встречи в Белой России. Только развевавшийся на корме наш русский национальный флаг радовал сердце и напоминал нам, что мы у себя дома. Ночь была бурная, штормовая и причинила нам много неприятностей: мы почти все переболели морской болезнью. Лишь под утро все стихло: мы стали приближаться заливом, составляющим как бы продолжение норвежских фьордов, к незамерзаю-

щему русскому порту Мурманску и около 12 часов дня причалили к одной из его грандиозных пристаней. Больно резнула по сердцу проверка наших паспортов союзным военным контролем и английской военной полицией: оказывается, мы еще пока у себя не хозяева...

Мы познакомились с встретившим нас чрезвычайно радушно начальником военного отдела полковником Л. И. Костанди, молодым и способным офицером ген. штаба, который в течение десятидневного пребывания нашего в Мурманске ознакомил нас с историей белого переворота на Мурмане и с положением, которое существовало там к нашему приезду, а также с тем, что ожидало нас в Архангельске.

Самый переворот произошел совершенно безболезненно в порядке соглашения союзников с мурманским совдепом после разрыва его с Москвой ввиду заключения последней Брест-Литовского договора. Председатель мурманского Совета, кочегар Юрьев, сообщил об этом соглашении по прямому проводу Ленину, обозвав его при этом изменником.

Таким образом разрыв произошел лишь на почве разногласия в международной политике, а советская организация была сохранена, что несколько не смущало союзников, преследовавших свои специальные цели — защиту Мурманска от возможного появления туда оперировавших в то время в Финляндии германцев, для борьбы с которыми были приняты на английскую военную службу бежавшие из Финляндии красные финны, образовавшие отдельный отряд во главе с одним из бывших своих народных комиссаров Токоем. Власть Советов в Мурманске была уничтожена лишь после образования в Архангельске сначала Верховного управления, а затем Временного правительства Северной области, в состав которой вошел и Мурманск. Советская власть пустила на Мурмане, особенно в Мурманске, глубокие корни, так как большинство населения составляло пришлый элемент рабочих вновь выстроенной железной дороги (Мурман — стройка); недаром Мурманск, лишенный

оседлых буржуазных элементов, считался центральной советской властью «удобным полем для социалистических опытов», как то и значилось в одном из попавших мне потом в руки большевистских документов. Через несколько дней после нашего приезда мы могли сами воочию убедиться в большевистских симпатиях населения. Согласно приказу командующего войсками Северной области, ген. Марушевского, был разрешен свободный выезд в Совдепию всем желавшим туда ехать, и вот на наших глазах отошел поезд, перегруженный красными, которых дружески, с явным сочувствием провожало почти все остальное население Мурманска. На меня это произвело тогда крайне неприятное впечатление, а из беседы с высшими чинами английского штаба я убедился, что их это сочувствие населения большевикам привело положительно в ярость и, может быть, послужило впоследствии одним из мотивов их нежелания оставаться там для нашей поддержки. Я помню, тогда мы поделились с полковником Б. опасениями, что станет с русской властью в случае ухода союзников, и наши опасения оказались небезосновательными, ибо Мурманск сыграл печальную роль при ликвидации Северной области, так как с него началось восстание на Мурмане, повлекшее за собою падение Мурманского фронта.

В описываемый момент русские вооруженные силы Мурманского фронта состояли из двух полков, причем один из них был добровольческий под английским командованием; борьбу вели партизанского характера. Из союзных войск большую часть составляли англичане, которым и принадлежало высшее командование в лице генерала Мейнарда.

Больших усилий стоило нам устроиться на один из ледоколов, отходящих в Архангельск 7 мая. Отправка судов, распределение на них мест и груза — все это находилось в руках англичан, и нам пришлось неоднократно ходить в штаб генерала Мейнарда, союзный военный контроль (контрразведка) и к старшему морскому транспортному офицеру, чтобы добиться разре-

шения проехать из одного русского города в другой. Наконец, наряду с английской визой, поставленной мне в Стокгольме на въезд в Архангельск, появилась «виза» союзного военного контроля, разрешающая следовать туда же на ледоколе «Бонавенчур».

7 мая полк. Б., я и еще двое офицеров сели на «Бонавенчур», оказавшийся русским ледоколом «Русановым», зачисленным вместе со всей своей командой на службу по английскому Адмиралтейству. Все лучшие места на пароходе были отведены английским офицерам, а нам были предоставлены места в трюме, где царило зловоние от погруженных туда продуктов и в котором нам предстояло путешествовать в обществе нескольких сумасшедших и моих будущих клиентов — арестантов, которых везли на суд в Архангельск. Нечего и говорить, что нашему возмущению не было предела; оно разделялось даже «красной» русской командой ледокола, задетой вместе с нами в патриотических чувствах. Возмутительное отношение к нам иностранцев, распорядившихся на нашем же судне, слило нас в единую русскую семью, причем матросы выражали нам свое сочувствие и старались быть с нами любезными и внимательными. Старый «ледяной» капитан «Бонавенчура-Русанова» Стессель вошел в наше положение и обещал нам, как только ледокол тронется, открыть лазарет, где и устроить всех нас, но попросил нас выждать отхода ледокола, чтобы и лазарет от нас не отняли английские офицеры...

Уже во время самого хода ледокола мы убедились в возможности такого «джентльменского» поступка со стороны последних. Дело в том, что кают-компания ледокола была ими занята под свою столовую, где им сервировали то первый завтрак, то второй завтрак, затем чай, обед и, наконец, ужин. В один из промежутков между их едой ехавший на ледоколе коммерческий капитан решил тоже отобедать в кают-компании вместе со своим помощником и директором отделения Московского банка в Архангельске. Только что они расположились, как появился один из английских офицеров и

потребовал, чтобы они удалились вон, так как кают-компания находится в полном и исключительном распоряжении англичан. Пришлось прибегнуть к авторитету капитана, и старик Стессель быстро осадил зарвавшегося иностранца, объяснив ему, что в море он единственный распорядитель на судне и что в случае повторения подобной выходки он закроет кают-компанию для всех английских офицеров. Выступление капитана имело самые благоприятные последствия: виновник происшествия ретировался, принеся предварительно извинение перед коммерческим капитаном, но после этого инцидента мы решили, что общество ехавших с нами английских офицеров — не «наше общество», и столовались отдельно от них в канцелярии, любезно отведенной нам старшим помощником капитана.

(10 мая автор прибыл в Архангельск.)

ГЛАВА II

*Прибытие союзников и переворот 2 августа 1918 года.— Верховное управление Северной области.— Государственный переворот 6 сентября.— Образование Временного правительства Северной области.—
Прибытие ген. Миллера*

Прежде чем перейти к описанию того, что мне пришлось самому пережить в Северной области, я считаю необходимым хотя бы вкратце остановиться на том, что имело место до моего приезда, так как иначе не получится полной картины той борьбы, которая разыгралась с большевиками на Севере.

Еще задолго до прибытия союзников стали стекаться в Архангельск представители белых организаций, проникавшие туда или при содействии английской контрразведки в Петрограде, или в порядке частной инициативы путем вступления на службу в советские войска и учреждения. Часть их группировалась около капитана 2 ранга Ч.¹, действовавшего под видом

¹ Чаплин. (Примеч. ред.)

офицера Томсона, а главное ядро находилось в Беломорском конном отряде, сформированном из конногорцев ротмистром Н., который еще в Петрограде на вербовал в него много офицеров для организации выступления в Архангельске. Ротмистр Н. находился в сношениях с французами в лице полк. Д., с которым они часто встречались для переговоров на набережной Северной Двины. Местные советские власти в лице комиссаров вели в то время осторожную политику в отношении иностранных представителей, находившихся в Архангельске, боясь открытого разрыва и прибытия морских вооруженных сил, которым они не могли ничего противопоставить, а командовавшие сухопутными силами полковник Потапов и красным флотом адмирал В., как то было установлено впоследствии произведенным о их деятельности предварительным следствием, находились в сношениях с союзниками и к моменту прибытия последних приложили все усилия к тому, чтобы парализовать все те меры, которые были приняты Советом обороны во главе с комиссаром Кедровым для отражения союзного десанта. Потапов к моменту прихода союзников так сгруппировал красные войска, что большая часть их очутилась вне Архангельска за Северной Двиной, чем и обеспечил свободу действий конно-горскому отряду ротмистра Н., а адмирал В. применил саботаж, проявив полное бездействие власти, в принятии мер к заграждению фарватера для воспрепятствования прохода союзного флота к Архангельску.

Когда слухи о приближении союзников распространились с молниеносной быстротой по городу, вызвав ликование всего населения, комиссаров охватила паника и они начали стремительную эвакуацию на юг по железной дороге и вверх по Северной Двине. Отправленные для затопления фарватера ледоколы «Святогор» и «Миккула Селянинович» были затоплены вне его, оставив союзникам свободный проход, а огонь Мудюгских батарей оказался недействительным, и стрелявшая там батарея была приведена к молчанию союзным флотом.

Самый переворот и захват власти был произведен до высадки союзников конно-горским отрядом ротмистра N., который быстро разоружил и арестовал растерявшихся и брошенных своим начальством и комиссарами красноармейцев, а огнем своего единственного орудия понудил к сдаче посыльное судно «Гориславу», пытавшуюся обстреливать берега Северной Двины. Большинство комиссаров, к сожалению, бежало, и в руки белых попались лишь несколько видных коммунистов. Высадившиеся войска были ничтожны, но большевики были в такой панике, что очищение Архангельской губернии произошло под давлением небольших отрядов смешанного характера, в которые наряду с союзными войсками входили русские партизаны-крестьяне, офицеры и польские добровольцы.

Слава, выпавшая на конно-горский отряд за его смелое выступление, которое могло стоить участникам его головы, если бы большевики не так растерялись, была омрачена эпизодом, отразившимся впоследствии в приговоре военно-окружного суда Северной области. Во время занятия в Архангельске штаба красных войск чинами отряда был захвачен казенный денежный ящик с четырьмя миллионами рублей, которые ротмистр N., по соглашению с некоторыми офицерами отряда, поделил между собой и горцами, причем каждому участнику дележа было выдано: офицеру 150—400 тысяч рублей, а простому всаднику 10—20 тысяч. Этот поступок вызвал резкое осуждение в широких кругах общества, справедливо указывавших, что авторы его ничем не отличаются от большевиков, против грабежей и насилий которых и было поднято восстание, а офицерская среда считала, что дележ поставил участников его на один уровень с той деморализованной солдатской массой, которая во время падения национального фронта делила между собой казенное имущество. Нельзя не признать, что подобный поступок сильно подрывал моральный авторитет белых, давая большевикам отличный повод для агитаций на тему о деморализации «белогвардейских

банд». Приговором военно-окружного суда был положен конец этой печальной истории: виновные были присуждены к тюрьме на разные сроки с законными праволишениями, часть из них своими подвигами на фронте заслужила полное прощение и восстановила свое доброе имя. Сразу же после захвата власти ротмистр Н. провозгласил себя главнокомандующим, но «операция» с денежным ящиком и резкое заявление его председателю только что образовавшегося Верховного управления Северной области Чайковскому, что он не желает признавать последнего, вызвали его отставку и назначение командующим войсками, несомненно не без английского влияния, капитана 2 ранга Ч[аплина].

Мне неизвестно, при каких условиях произошло образование Верховного управления Северной области и захват им в свои руки власти, вырванной от большевиков. Судя по той поддержке, которая потом, оказывалась Верховному управлению очутившимися в Архангельске послами великих держав — Нулансом (Франция), Френсисом (Америка) и Де-Ла-Торетта (Италия), тут тоже не обошлось без вмешательства иностранцев.

В состав Верховного управления вошли члены Учредительного собрания Архангельской и других северных губерний: Н. В. Чайковский (н. соц.), Лихач (с.-р.), Маслов (с.-р.), Иванов (с.-р.) и Гуковский (с.-р.), все, за исключением Чайковского, принадлежавшие к нашим крайним эсеровским течениям, а некоторые, как, например, Лихач, приложившие свою руку к делу развала нашей прежней армии.

Первыми же актами Верховного управления, немало страдавшими революционной фразеологией и начинавшимися каждый словами: «Во имя спасения родины и революции», было объявлено восстановление упраздненных большевиками судов, органов земского и городского самоуправления и администрации, что, конечно, нельзя было не приветствовать, но вся дальнейшая деятельность Верховного управления показала,

что члены его далеки от понимания жестокой реальной действительности, не изжили еще своих утопических теорий и склонны продолжать ту линию поведения, которая была взята в Учредительном собрании конкурирующим с большевиками в демагогии Черновым, заслужившим за это меткое название «большевика второго сорта». Дело управления областью совершенно не спорилось в их неопытных руках. «Своего» административного персонала они не имели, а к назначенным из прежних кадров относились с недобрием, заподозривая их в контрреволюционности.

Для вновь образовавшейся области возникла опасность — безболезненного слияния с Совдепией, если бы не последовало военного переворота, хотя и легкомысленного и достаточно нелепого по целям и характеру своего выступления, но имевшего положительные результаты в смысле повода для реконструкции власти на более разумных началах.

6 сентября (1918 г.) группа офицеров во главе с командующим войсками капитаном 2 ранга Ч[аплиным] арестовала членов Верховного управления и свезла их в Соловецкий монастырь, причем Северная область осталась без всякого правительства, так как легкомысленные «переворотчики», как их шутя называли впоследствии, даже не подготовили заместителей на место арестованных. Событие это привело в действие целый ряд самых разнообразных сил. Члены Верховного управления Лихач и А. Иванов успели выпустить обращение к населению с описанием учиненного над Верховным управлением насилия и с воззванием против офицеров, которые «желают восстановить царя и с этой целью скрывают в Архангельске великого князя Михаила Александровича». Воззвание это вызвало движение на Архангельск вооруженных крестьян во главе с местным агрономом эсером Капустиным, причем крестьянская депутация во главе с ним была принята и выслушана американским посланником Френсисом. С другой стороны, английское командование немедленно выставило рогатки на улицах,

выслало патрули, и город принял вид вооруженного лагеря. Начальник союзной контрразведки, английский полковник Т., арестовал целый ряд лиц, распуская слухи о Михаиле Александровиче, и, вызвав крестьян, прибывших с Капустиным, требовал в целях изобличения лжи, чтобы арестованные лица указали крестьянам адрес квартиры, в которой офицеры скрывают великого князя.

В это же время происходило совещание послов великих держав с английским главнокомандующим генералом Пулем, носившее чрезвычайно бурный характер, так как послы настаивали на возвращении к власти членов Верховного управления и арестовании офицеров, учинивших над ними насилие. В конце концов было принято компромиссное решение: арестовать совершивших переворот офицеров якобы для защиты их от пришедших в город крестьян, а членов Верховного управления возратить из Соловков, предложив Чайковскому сформировать новое правительство из более умеренных элементов. В результате такого решения было сформировано новое правительство с Чайковским в качестве председателя, в которое вошли: бывший управляющий делами Верховного управления П. Ю. Зубов, член Союза Возрождения России (земледелие), бывший попечитель учебного округа князь Куракин (финансы), бывший член Государственной Думы доктор Мефодиев, к.-д. (торговля и промышленность), председатель суда С. Н. Городецкий (юстиция) и М. М. Федоров, нар. соц. (нар. просвещение).

Для выяснения виновников переворота и степени их участия была организована следственная комиссия; формальному обследованию было также подвергнуто и вооруженное выступление крестьян, но распоряжением правительства от 1 октября все участники того и другого выступления были амнистированы.

Взамен скомпрометировавшего себя выступлением кап. 2 ранга Ч[аплина], командующим войсками и генерал-губернатором был назначен вызванный из Лондона

подковник ген. штаба Д., а начальником управления командующего войсками ген. штаба генерал С. Штаб командующего войсками капитана 2 ранга Ч[аплина], в котором благодаря его неопытности в сухопутных делах царил полный беспорядок, был упразднен, причем и на этот раз не обошлось без новой печальной истории: начальник его штаба полк. Н. был изобличен в присвоении и растрате на сумму около 50 000 р. и приговором военно-окружного суда Сев. области, уже состоявшимся при мне, был присужден к отдаче в исправительные арестантские отделения сроком на полтора года. Отправленный в порядке смягчения наказания на фронт рядовым, Н. заслужил там своей работой полное прощение и был восстановлен в своих правах.

С деятельностью полк. Д. и его ближайшего сотрудника по военной части ген. С. я имел возможность познакомиться не только по рассказам других лиц, но и по побывавшему в моих руках следственному производству по поводу беспорядков, имевших место в Архангелогородском пехотном полку, расположенном в Архангельске, произведенному комиссией под председательством ген. С—ча. Из этого следствия было видно, что, хотя войск к этому времени было очень мало, так как фронт защищался союзниками, а в Архангельске были расположены лишь пехотный полк, батарея артиллерии и автомобильный дивизион, — высшая военная власть в лице полк. Д. и ген. С. не обнаруживала никакой заботливости как о размещении и питании этих частей, так и о поддержании в них воинской дисциплины. До разыгравшихся в полку беспорядков они ни разу даже не побывали в нем, а между тем это была первая попытка создания мобилизованных частей, то есть пополнения их людьми, которые были участниками или свидетелями развала нашей старой армии, с неуравновешенной еще революционной психологией, и которым нужно было постепенно, но твердо и настойчиво, упорным трудом, внушить правильные понятия о военной службе и ее требованиях. Ничего этого сделано не

было, части были предоставлены самим себе, а все распоряжения, приказы и уставы полковника Д. носили на себе отпечаток того, что получило в армии меткое название «керенщины» и что характеризует собою отсутствие твердости, демагогическую болтовню и бессилие лишенного дисциплинарной власти командного состава. Нет никакого сомнения, что никакая армия в таких условиях существовать не может, какой бы политический режим в стране ни был — республиканский или монархический. И даже Советская республика, как только большевики захотели создать у себя прочную Красную армию, ввела в ней воинскую дисциплину, заставив солдатские массы навсегда бросить мечты о всяком самоуправлении и тех комитетах, при посредстве которых большевики сами разложили нашу старую армию. Увы, в глазах лиц категории полк. Д. и ген. С. всякое мероприятие, направленное к поднятию воинской дисциплины, вызывало опасение, как бы не прослыть контрреволюционером, и парализовало их волю, толкая их на компромиссное решение в духе уговаривания офицеров «помириться с оскорбившими их солдатами и простить их» и митингования с последними в целях их увещевания.

Такое поведение полковника Д. объясняли тем, что Февральская революция застала его за границей, и он, не пережив всего революционного процесса разложения армии, при возникновении беспорядков терялся и следовал советам «демократического» генерала С., бывшего в период Февральской революции одним из ближайших сотрудников А. Ф. Керенского.

Отсутствие твердой власти и организационной деятельности выводило из себя англичан, неоднократно предупреждавших, что они пришли не на вечные времена, а поэтому русским надо спешить самим организовать, и многие мероприятия, как, например, учреждение военных судов, прошло под непосредственным нажимом ген. Пуля, угрожавшего в противном случае судить виновных в английском военном суде.

Такое направление деятельности полк. Д. и ген. С. побудило многих строевых офицеров отказаться от службы в русских войсках и вступить в сформированные союзниками славяно-британские и французские легионы, несмотря на то что им там было тоже нелегко, так как они должны были начать службу в легионах простыми рядовыми.

К этому же времени англичанами была открыта в Архангельске артиллерийская школа для русских офицеров, где последние были тоже на положении солдат, причем отношение к ним английских офицеров оставляло желать много лучшего. Английские сержанты также обращались грубо, и был даже случай, когда один из них позволил себе ударить нашего офицера, не понеся за это никакого взыскания.

Общее недовольство полк. Д. и ген. С. и их неспособность создать русские вооруженные силы побудили Временное правительство, по соглашению с союзным командованием, вызвать на Север генерала Миллера и генерала М—ского¹. Первым прибыл ген. М[арушев]ский, известный союзникам по своей службе во Франции, где он в последнюю войну командовал на фронте особой бригадой. Приблизительно в это же время совершилась перемена и в высшем союзном командовании: ген. Пуль покинул свой пост и был замещен генералом Айронсайдом.

По своем прибытии генерал М[арушев]ский реорганизовал управление командующего войсками в штаб, назначив начальником штаба молодого полковника ген. штаба Ж., из местных старожилов. Первые шаги деятельности ген. М—ского отличались энергией и порядительностью и увенчались полным успехом по подавлению мятежного духа в мобилизованных войсках. Попытка мятежа в Архангелогородском пехотном полку была им энергично подавлена, что обеспечило ему доверие правительства, войск и населения и привело в

¹ Марушевский.

русские войска тех лучших наших офицеров, которые до сих пор уклонялись от этого при полковнике Д.

Одновременно с ген. М—ским был вызван и ген. Миллер. Насколько мне удалось выяснить, причиной вызова ген. Миллера послужило желание создать в лице его «буфер» между Временным правительством и высшим английским командованием, которое относилось с явным недоверием к внутренней политике Чайковского. Пока еще не скрылись с архангельского горизонта послы великих держав, Чайковский, как представитель демократии, находил в них поддержку, но после их отъезда английское военное командование, не считавшееся с заменившими послов поверенными в делах, усилило нажим на правительство, и позиция последнего оказалась совсем слабою. Для отражения этого натиска и противопоставления англичанам авторитета образованного русского генерала и был вызван ген. Миллер, которого Чайковский лично не знал, но он показался ему подходящим для намеченной роли по рекомендации бывшего министра иностранных дел кабинета Керенского — Терещенко, с которым ген. Миллер виделся, впрочем, всего лишь один раз.

По прибытии 13 января 1919 года в Архангельск ген. Миллер от Чайковского узнал, что он был вызван для принятия должности командующего войсками и генерал-губернатора, но оказалось, что во главе войск уже находился ген. М—ский, завоевавший благодаря первым удачным шагам своей деятельности доверие со стороны правительства, что же касается должности генерал-губернатора, которая могла быть предоставлена генералу Миллеру, то она сводилась к заведованию морскими силами и путями сообщения, так как всеми делами гражданско-административного управления ведал губернский комиссар (начальник губернии) В. И. Игнатьев (нар. социалист). Последний подчинялся исполнявшему должность генерал-губернатора ген. М—скому, но на второй день приезда ген. Миллера Игнатьев, личным указом председателя Врем. правительства Чайков-

ского, в силу его верховных прав, как он разъяснил это потом в правительстве, был назначен управляющим Отделом внутренних дел без подчинения его ген. Миллеру, как генерал-губернатору. Такое оригинальное понимание функции генерал-губернатора не встретило сочувствия среди других членов Временного правительства, и после длинных и горячих дебатов по этому поводу в присутствии самого же генерала Миллера, при явном недовольстве В. И. Игнатьева, было решено, что последний будет подчинен генералу Миллеру как начальник губернии, но не как управляющий Отделом внутренних дел.

Трудно понять смысл этого не удовлетворившего никого компромиссного решения, но для меня несомненно, что оно было принято в целях охранения демократических принципов путем оставления руководства по делам внутренней политики, в руках н. соц. Игнатьева, и с возложением делового, чисто технического руководства на обладавшего большим военно-административным опытом ген. Миллера, который, кроме того, своим участием в этих делах как бы страховал политику правительства в глазах английского военного командования.

Генерал Миллер застал правительство в том же составе, который был указан выше, включая еще В. И. Игнатьева и председателя финансово-экономического совета Л., пользовавшегося лишь правом совещательного голоса. 24 января (1919 г.) Н. В. Чайковский уехал в Париж, где вошел в состав всероссийской дипломатической делегации (Сазонов, Маклаков, кн. Львов, Чайковский и Савинков), оставив своим заместителем П. Ю. Зубова, а в апреле для установления связи с правительством адм. Колчака в Сибирь отбыл кн. Куракин, передав отдел финансов П. Ю. Зубову.

Важнейшими актами правительства за этот период были принадлежащие перу ген. Миллера: «Ответ союзникам на предложение ехать на Принцесы острова» (в конце января) и «Соображения о необходимости признать

адмирала Колчака Верховным правителем и подчиниться ему» (в конце марта), вскоре после чего было получено предложение упомянутого выше дипломатического совещания признать верховенство правительства адмирала Колчака.

30 апреля это решение было единогласно принято Временным правительством Северной области, о чем адмиралу Колчаку в Омск была дана телеграмма, объявленная населению области в официальном сообщении.

ГЛАВА III

*Первые архангельские впечатления.— Генералы Марушевский и Миллер.— Организация военной власти и военной юстиции.— Заместитель председателя Временного правительства
П. Ю. Зубов*

Возвращаюсь к своему прибытию в Архангельск. Сразу же с парохода полковник Б., ротмистр Ч. и я отправились в штаб командующего войсками для подачи рапортов о своем прибытии и для выяснения вопроса, где нам остановиться. Дежурный офицер, принявший от нас документы, видимо, доложил находившемуся в штабе ген. М[арушев]скому о нашем прибытии, потому что мы получили приглашение последнего зайти к нему в кабинет.

Ознакомившись с нашим служебным стажем и узнав, что мы недавно покинули Советскую Россию, где полк. Б. занимал видное место в Красной армии на Северном фронте, ген. М[арушев]ский, хотя разговор наш длился не менее часа, не обнаружил никакого интереса ориентироваться в тех сведениях, которыми мы располагали, и не

назначил нам другого дня для подробного доклада. Беседа носила совершенно частный характер, причем особенное внимание ген. М[арушев]ский уделил форме, жалуясь на то, что нигде не мог достать шпор.

На следующий день мы представились ген. Миллеру, который обстоятельно расспрашивал нас обо всем, произведя на нас сразу же чрезвычайно благоприятное впечатление своей вдумчивостью и серьезностью.

Согласно собранным данным, выяснилось, что все функции военного управления и снабжения были сосредоточены в руках высшего английского командования — в главном штабе союзного экспедиционного корпуса. Штаб ген. М[арушев]ского не имел даже оперативного отделения, а хозяйственно-административные функции его сводились к учету и регистрации того имущества и продовольствия, которым англичане сами снабжали русские войска. Между тем штаб командующего войсками, при наличии на фронте не более одной дивизии, широко расположился в здании торгово-промышленного клуба со своими отделениями: общим инспекторским, наградным и судным, а также всех видов снабжения (артиллерийского, инженерного, интендантского и ремонтного). Неизвестно чему посвящало большую часть своего времени это грандиозное учреждение, так как при уходе англичан выяснилось, что оно даже не подготовилось к принятию от них всего аппарата управления и снабжения.

Около 12 часов дня в штабе обыкновенно начинался доклад у ген. М[арушев]ского. Он появлялся, как метеор, всегда куда-то спеша, и часто в его кабинете одновременно толпились несколько докладчиков и посетителей, которых он принимал на ходу. Я сам был свидетелем такого скоропалительного приема и удивлялся тому, как он может так усвоить что-нибудь в такой обстановке, но, видимо, он привык так работать; так как всем офицерам Северной области памятен его приказ, в котором он просит посетителей и докладчиков «не тратить лишних слов, так как он понимает все с полуслова». Так протекала в

это время деятельность штаба ген. М[арушев]ского, сводившаяся в сущности к назначениям и наградам личного состава одной дивизии. В оправдание ее ссылались на засилье англичан, якобы умышленно забравших все в свои руки. Как мы увидим ниже, последние перед своим уходом категорически отвергли это и, наоборот, упрекали нас в полной бездеятельности и неумении организовать до их ухода под их прикрытием и при их помощи.

Такую бездеятельность ничем нельзя было оправдать, и ее как рукой сняло, когда военное командование перешло к ген. Миллеру, а штаб попал в руки человека исключительной работоспособности, ген. К—ского, что должны признать даже его враги.

В момент моего прибытия ген. Миллер имел косвенное отношение к военным делам, больше осведомляясь о них от ген. М[арушев]ского, чем непосредственно управляя ими, несмотря на то что Временное правительство Северной области наделило его в отношении русских войск правами военного министра и даже, в некоторых хозяйственно-административных вопросах, — верховного главнокомандующего. Что было причиной его пассивного отношения к военным делам в этот период, установить точно не удалось. Вернее всего, что это объясняется одним из основных свойств его характера — врожденной деликатностью, которая диктовала ему щепетильное отношение к правам ген. М[арушев]ского, раньше его приехавшего и фактически командовавшего войсками.

26 мая состоялось мое назначение полевым военным прокурором, в связи с чем мне пришлось сделать визиты различным административным лицам, и в числе их заместителю председателя Временного правительства П. Ю. Зубову, управляющему отделом юстиции С. Н. Городецкому и управляющему отделом внутренних дел и архангельскому губернскому комиссару В. И. Игнатьеву, то есть тем членам Временного правительства, с которыми мне надо было иметь постоянно дела по своей будущей деятельности.

П. Ю. Зубов сразу же произвел на меня самое лучшее впечатление. Спокойный, вдумчивый, серьезный, лишенный и тени желания «позировать и играть роль», он с первого взгляда казался немного вялым, апатичным и лишенным волевых импульсов. Апатичность, вялость, в связи с полнейшим отсутствием честолюбия, часто вредили ему, так как он способен был иногда во время политических кризисов слишком откровенно подчеркивать, что правительство не дорожит властью и охотно уступит ее своим политическим противникам. Это расценивалось как слабость, вызывало злорадство и усиление натиска у противников слева и резкие обвинения в неспособности проявить твердую власть справа.

ГЛАВА IV

Прибытие в Архангельск английских добровольцев.— Парад по случаю дня рождения английского короля.— Дайеровский батальон

Конец мая, сопровождавшийся дивной солнечной погодой, совпал с периодом чрезвычайного подъема настроения в населении Архангельска в связи с прибытием английских войск, состоявших из добровольцев. Весь город разукрасился союзными флагами, протянувшимися пестрой лентой от красивой набережной Северной Двины по широкому, уже пестревшему зеленью садов Троицкому проспекту (главная улица Архангельска), до самой Соломбалы, где англичане должны были временно расположиться перед отправлением на фронт.

Население встречало с энтузиазмом проходившие части, которые были составлены из отборных элементов и производили самое лучшее впечатление своим здоровым молодеватым видом, военной выправкой и новым обмундированием. У большинства на груди пестрели цветные ленточки орденов, полученных за бои на полях Франции.

Лишь одна воинская часть, принимавшая участие в параде, мрачным, озлобленным видом своих солдат производила тягостное впечатление, а между тем над ней единственной развевался русский трехцветный флаг, так как другие части русского гарнизона Архангельска не участвовали. Это был так называемый Дайеровский батальон, сформированный англичанами из большевиков, сидевших по различным тюремным учреждениям Архангельска, история формирования этого батальона довольно любопытна, и я считаю необходимым поделиться ею с читателями. Тюремные учреждения Архангельска были после переворота и захвата власти белыми переполнены большевистскими элементами, причем «население» это весьма медленно уменьшалось в своем составе, так как гражданское судебное ведомство, не располагая достаточным служебным персоналом, вело чрезвычайно медленно расследование, которое благодаря этому принимало характер бесконечной волокиты. В перегруженной тюрьме начался тиф, что вызвало поход на правительство социалистических элементов гор. думы и осмотр тюрьмы представителями Красного креста союзных стран, которые, однако, нашли все указания на «свирепствующий тиф» преувеличенными.

Между тем тюремные сидельцы засыпали высшее английское командование жалобами на якобы несправедливое их содержание под стражей, чем и вывели из себя плохо разбиравшихся в наших делах практичных англичан. В один прекрасный день ген. Айронсайд решил разрубить гордиев узел и, забрав с собой прокурора Архангельского окружного суда и других высших административных лиц, отправился лично в тюрьму набирать там... добровольцев. Без всякого разбора, не обращая внимания на протесты прокурорского надзора и тюремной администрации, указывавших ему на всю недопустимость и опасность такого опыта, он забрал из тюрьмы всех выразивших «желание» служить у него и тут же «раскаившихся в своих прежних заблуждениях»

и направил их на службу в Дайеровский батальон, носивший это имя в честь погибшего на Северном фронте в боях английского капитана Дайера, зачатки какого батальона состояли из забранных в плен красноармейцев.

Всех их прекрасно обмундировали и устроили на «английский паек», превосходивший по качествам получаемый нашими войсками, но подвергали строгой дисциплине под руководством лучших русских и английских офицеров, причем высшее командование принадлежало последним.

Можно себе представить чувства этих людей, когда они с русским национальным знаменем, врученным знаменщику — уездному комиссару из коммунистов, кричали в честь английского короля вместе с остальными войсками троекратное «ура».

В связи с приездом английских добровольцев, ген. Айронсайдом были приняты представители местной печати, которым он объявил, что в самом ближайшем будущем он переходит в энергичное наступление для соединения с адмиралом Колчаком в районе Котласа и Вятки и для передачи ему привезенных в громадном количестве вооружения и снаряжения, в которых Сибирская армия терпит острую нужду. В наших военных кругах это заявление находили неосторожным и открывающим планы врагу, но в обывательской среде оно вызвало большой подъем настроения.

К этому же моменту необходимо отнести отъезд ген. М—ского в Финляндию для выяснения вопроса о совместном выступлении с нами генерала Юденича, а также самой Финляндии. Чувствовалось, что мы накануне крупных и решительных событий на всех белых фронтах, и это создавало крайне приподнятое настроение, полное самых светлых надежд на благоприятный исход борьбы и близкую победу.

Процесс Бечина.— Отражение в нем настроения рабочих

В конце июня в военно-окружном суде Сев. области состоялся процесс председателя правления профессиональных союзов и члена гор. думы Бенина и членов того же правления Наволочного, Цейтлина и Ключева, а также секретаря городской думы Антушевича.

Поводом для возникновения дела послужило выступление Бечина, Наволочного и Цейтлина, а также скрывавшихся от следствия и суда секретаря союза пищевиков Симакова и члена городской управы Успенского в день празднования второй годовщины русской революции на торжественных заседаниях, устроенных 12 марта 1919 года Советом профессиональных союзов на судоремонтном заводе и городской думой в ее здании. Заседания эти быстро превратились в митинг, причем перечисленные ораторы открыто призывали к ниспровержению Временного правительства Северной области.

На следствии и суде картина этих событий развернулась в следующем виде. Особенно многолюдно было собрание на судостроительном заводе под председательством Бечина, где присутствовало до тысячи человек рабочих и где с призывом к борьбе против Временного правительства выступали Успенский, Цейтлин и Симаков, развивая классовую точку зрения захвата рабочими власти в свои руки. Особенно определенной в этом отношении была речь Цейтлина, указывавшего, что все образовавшиеся на окраинах правительства ведут реакционную политику, и видевшего выход в разгорающейся мировой революции, которая передаст всю власть в руки рабочих масс. Наиболее резкое выступление принадлежало здесь Бечину, который говорил о советской власти как о естественной и единственной защитнице интересов рабочего класса и защищал ее от обвинений в грабежах, бесчинствах и расстрелах.

Протестуя против участия союзников в борьбе с большевиками, Бечин указал на солидарность с ним в этом отношении солдатской массы, сославшись на полученное с фронта письмо, в котором будто бы было сказано, что «товарищи солдаты всегда пойдут с рабочими в защите их интересов» и «союзникам себя за банку консервов и табаку не продадут».

Тот же характер имели выступления этих лиц на торжественном заседании городской думы, где Бечин, выступавший от имени Совета профессиональных союзов, произнес еще более резкую речь, чем на судостроительном заводе. Указав, что правительство Северной области держится лишь при помощи штыков «заморских гостей» и что сознание пролетариата прояснилось и его первоначальное преклонение перед союзниками сменилось ненавистью к ним, он призывал к борьбе против правительства и союзников.

Интерес процесса сосредоточился вокруг личности Бечина, человека неглупого, честного, чрезвычайно популярного среди рабочих масс, который в период пребывания в области большевиков занимал весьма

умеренную позицию и боролся против их насилий и произвола, беря часто под свою защиту представителей го­ нимого буржуазного класса. Усилия судебных властей были направлены на то, чтобы выяснить причины, кото­ рые вызвали столь резкий политический сдвиг влево в среде, взгляды которой отражал Бечин, и побудили ее представителей вступить на путь классовой борьбы. Их удалось установить, и они составили кульминационный интерес всего процесса.

Оказалось, что никаких серьезных реальных осно­ ваний к недовольству рабочих масс не было, и все тре­ бования материального характера были удовлетворены полностью, но, предоставленные самим себе в области сознательно-политической жизни, они сделались жерт­ вой исключительного влияния находившихся вне обла­ сти партийных центров, ставших к этому времени на советскую платформу. Было установлено, что описан­ ным выше выступлениям Бечина и других предшество­ вал резкий поворот в направлении деятельности социа­ листических партий в Советской России.

Прежде социал-демократы-меньшевики, а затем и социалисты-революционеры стояли на определенно противобольшевистской позиции и вели с большевика­ ми упорную борьбу, объединяясь в ней со всеми госу­ дарственно настроенными элементами, в том числе и с буржуазными, а также и с союзниками. Но политика эта оказалась лишь одной из форм борьбы за власть. Видя, что значение в государственном управлении в освобожденных от большевиков областях России и главным образом в Сибири постепенно переходит к бо­ лее умеренным кругам политической мысли, и чувствуя неизбежное падение своего влияния, эти социалисти­ ческие партии стали становиться в оппозицию област­ ным правительствам и союзникам. Вскоре затем после­ довало и формальное перемирие с большевиками.

Первыми примирились с большевиками и объедини­ лись с ними для борьбы с враждебными большевизму правительствами социал-демократы-меньшевики. Вслед

за меньшевиками по этому пути пошли и социалисты-революционеры. Ряд видных и ответственных деятелей этой партии (Вольский, Святицкий и др.) выступили с соответствующими декларациями и воззваниями. Особенно важным для характеристики этого примирения **явилось** воззвание делегации членов Учредительного собрания и партии социал-революционеров, озаглавленное: «Ко всем гражданам Российской Республики» и подписанное Святицким. Резко враждебное к правительствам Колчака и Деникина, именуя их «героями контрреволюционных вожделений», «шакалами буржуазии», а их войска «добровольческими черносотенными бандами», оно сообщает о начатой Комитетом членов Учредительного собрания подготовке военного выступления против «колчаковской диктатуры» и призывает к объединению всех сил трудовой демократии, то есть исключительно «рабочих и крестьян», к борьбе с черносотенной реакцией областных правительств.

Воззвание это категорически возражало против какой-либо коалиции с буржуазными группами и протестовало против оказываемой союзниками помощи государственным элементам в борьбе с большевиками, называя эту помощь «преступным и для демократии российской неприемлемым вмешательством во внутренние русские дела», и предлагало подать руку революционерам Германии, Австрии и других стран, в которых гордо реет красное знамя мировой социальной революции.

Известия о перемене фронта социалистических партий стали проникать и в Северную область. Через военнопленных и путем установленной большевиками постоянной связи через линию фронта в Архангельске стали получаться призывы к соответствующему изменению образа действий и сообщения о том, что уже все архангельские меньшевики, покинувшие с приходом союзников Северную область, работают в советских учреждениях, что положение большевиков блестяще и что все слухи о творящихся внутри России ужасах являются наглой

ложью и клеветой, распространяемой в своих интересах противниками советской власти.

Воззвания эти нашли благодарную почву в отравленном классовой борьбой самосознании рабочих масс Архангельска, причем не обошлось без идейного руководства со стороны местных лидеров упомянутых выше партий, из числа лишенных власти членов Верховного управления Северной области. Честный, но ограниченный, как все малообразованные фанатики, вышедшие из рабочей среды, Бечин, для которого социальные доктрины носили характер непреложных истин, сыграл роль граммофонной пластинки в более искусных руках.

Еще за месяц до собрания 12 марта Бечину Цейтлину стало известно о состоявшемся в Советской России соглашении эсеров и меньшевиков с большевиками, и уже 23 февраля Бечин выступил в союзе металлистов при судоремонтном заводе с речью и, касаясь в ней общих политических вопросов, между прочим, определенно заявил, что в центре России партии социалистов объединились и создали один центральный комитет, что войскам Учредительного собрания дан приказ не вступать в бой с большевиками, причем убеждал не верить газетным сведениям о неблагоприятном положении внутри России и говорил о необходимости прекратить войну с большевиками, называя ее бойней.

Эта соглашательская политика «мира», применяемая всегда односторонне лишь в лагере белых, так как в Совдепии она стоила бы ее авторам головы в порядке применения к ним суровых правил железной пролетарской диктатуры, играла в руку большевикам, расширяя поле для их преступной деятельности.

На суде было с непреложностью установлено, что большевики принимали самое активное участие в организации выступлений 12 марта, так как в выработке программы этого выступления президиумом Совета профессиональных союзов участвовал расстрелянный по приговору военно-полевого суда коммунист Тесанов.

Описанные выше события составили фактический материал, легший в основание моей обвинительной речи, основной мыслью которой было противопоставление исповедуемой подсудимыми классовой точке зрения идеи национально-государственного строительства на правовых началах.

Приговором военно-окружного суда от второго июля 1919 года Антушевич был оправдан, а Бечин, Цейтлин, Наволочный и Ключев были признаны виновными и приговорены к каторге сроком на 15 лет каждый.

На меня процесс произвел тяжелое впечатление: я осознал ту пропасть, которая лежала между классовым мировоззрением рабочей среды и национально-патриотическими кругами общества. Засыпать эту пропасть у нас было некому, так как демократические интеллигентские элементы еще не «самоопределились» и переживали внутреннюю борьбу, в которой проблески государственной национальной мысли еще затемнялись отзвуками прежних тяготений в область социальных утопий с тенденцией вопреки жестокой реальной действительности воплотить последние в жизнь.

Процесс яено показал, где друзья и где враги, дав возможность произвести точный учет сил, вовлеченных в круговорот политической борьбы у нас на Севере, и выяснив исключительное влияние на направление их деятельности центральных партийных организаций, находящихся внутри России и за границей. Заранее можно было предвидеть, что внутренняя борьба при первом же удобном случае вспыхнет у нас ярким пламенем и «третьим радующимся» окажется грозный враг, скованный железной дисциплиной пролетарской диктатуры.

ГЛАВА VI

Первые вести из Сибири.— Доклад ген. Марушевского по финляндскому вопросу в правительстве.— Первые слухи об уходе союзников.— Национальное ополчение

В июне, совершив громадный путь на лошадях и оленях, в Архангельск прибыл представитель штаба верховного главнокомандующего адмирала Колчака, штабс-капитан Б., присланный состоять для связи при штабе наших войск. Цель приезда штабс-капитана Б. заключалась в постоянном и точном информировании гражданской и военной власти Северной области о действительном положении армии и о всех важнейших мероприятиях всероссийского правительства, возглавляемого адмиралом Колчаком.

Скоро я имел случай познакомиться с штабс-капитаном Б., оказавшимся в курсе всех происшедших в Сибири событий, так как после развала большевиками армии он уехал на Поволжье, где состоял активным работником крупной военной организации, поставившей своей целью свержение власти большевиков, и после Уфимского государ-

ственного совещания в сентябре 1918 года непрерывно состоял в штабе верховного главнокомандующего.

В кратких словах штабс-капитан Б. ознакомил меня с историей ликвидации директории, произведенной адмиралом Колчаком в полном согласии с сибирским правительством, включавшим в себя представителей социалистических партий, а также с дальнейшей работой омского правительства по объединению власти в своих руках, происходившей не без противодействия как со стороны сибирских сепаратистов, мечтающих отложиться от России и даже войти особым штатом в состав Северной Америки, так и со стороны небезызвестного забайкальского атамана Семенова, с именем которого связали свои вождедения монархические группы, мечтавшие о реставрации и диктатуре великого князя Михаила Александровича, о чем открыто говорил официоз атамана «Русский Восток».

Что касается сведений, сообщенных штабс-капитаном Б. о сибирской армии, то хотя он и подчеркнул ее недостатки в одежде, обуви и вооружении, вызывавшие необходимость в снабжении себя за счет неприятеля, путем захвата у последнего в качестве военной добычи оружия, снарядов, съестных припасов и другого интендантского имущества, но зато не поскупился в похвалах ее организации, дисциплине и бодрости духа, что будто вызвало даже замечание военных представителей союзных держав, что эти войска лучше той армии, которой располагала Россия в первый период войны. Состав армии, занимавшей, правда, колоссальный фронт, штабс-капитан Б. определил грандиозной цифрой 700 000, из которых большая часть находилась в боевой линии. Меня такой официальный оптимизм приводил в немалое смущение, так как из американской миссии мною были получены сведения совершенно противоположного характера, которые, увы, вскоре получили полное подтверждение, так как сибирская армия стала сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее откатываться на восток, пока ее поражение не приняло характера полной

катастрофы. В первых числах июля возвратился из Финляндии ген. М[арушев]ский и представил Временному правительству доклад о результатах своей поездки. Со свойственной ему способностью быстро ориентироваться в обстановке, ген. М[арушев]ский сразу же определил, что от предприятия ген. Юденича нельзя ожидать никаких благоприятных результатов и что необходимо принять все меры к тому, чтобы побудить к совместному выступлению с нами Финляндию, располагающую достаточными организованными силами, чтобы нанести большевикам удар в самом важном и кратчайшем направлении на Петроград.

Одновременно с этим ген. Юденичем, видимо также мало рассчитывавшим на собственные силы, были переданы адмиралу Колчаку те условия, на которых можно было ожидать выступления Финляндии, с содержанием которых я был ознакомлен штабс-капитаном Б., передававшим их по радио в Сибирь. Я обращаю внимание на подчеркнутые мною слова «можно было ожидать», так как ген. Юденич, перечислив, если мне память не изменяет, 19 пунктов финляндских требований, заканчивал свою телеграмму указанием, что лишь при принятии их ген. Маннергейм рассчитывает склонить к выступлению правительство и страну, общественное мнение которой вообще не склонно было к активности в этом вопросе.

Ген. Юденич настаивал на принятии этих требований, прося дать ему ответ в кратчайший срок, так как выборы президента республики предстояли через две недели, и кандидатура ген. Маннергейма на этот пост имела очень мало шансов, а с уходом его терялась всякая надежда на активную помощь со стороны Финляндии. К этому ген. Юденич добавлял, что если он не получит своевременно ответа, то возьмет решение на себя, так как обстановка диктует ему необходимость принятия такого шага. Временное правительство Северной области, выслушав доклад генерала М[арушев]ского, решило поддержать перед всероссийским прави-

тельством ходатайство ген. Юденича, и в этом смысле была отправлена депеша адмиралу Колчаку.

Вскоре на телеграмму ген. Юденича последовал краткий ответ: «Помощь Финляндии считаю сомнительной, а требования чрезмерными», а затем была получена и более подробная депеша министерства иностранных дел, за подписью Сукина, с сообщением, что верховный правитель, независимо от чрезмерно тяжелых требований, предъявленных Финляндией, обратил внимание на то, что даже принятие их еще не гарантирует выступления ее, так как послужит только почвой для подготовки общественного мнения страны к активному выступлению, причем адмирал Колчак выражал сомнение, чтобы это можно было успеть сделать в короткий двухнедельный срок. В заключение он категорически запрещал ген. Юденичу лично входить в какие-либо соглашения, указав ему, что в области международных отношений он не имеет права выходить из рамок, определенных главнокомандующему положением о полевом управлении войск в военное время.

Ген. М[арушев]ский резко порицал в то время адмирала Колчака за его недальновидность при разрешении вопроса о выступлении Финляндии, и действительно, после неудачного похода ген. Юденича, когда войска его принуждены были оставить уже захваченные ими предместья Петрограда, многие пришли к заключению, что вооруженные силы Финляндии могли бы сыграть решающую роль и, может быть, судьба всех белых фронтов была бы другой, но не будем строго судить за это адмирала Колчака и предоставим разрешение этого вопроса суду истории.

К этому времени следует отнести поступление с сибирского фронта все более и более тревожных сведений. Войска адмирала Колчака начинают свое стремительное отступление, очистив район Котлас—Вятка, где предполагалось наше соединение с ними и передача им снаряжения, привезенного англичанами.

Вскоре после получения неприятных известий с сибирского фронта, на празднике во французской миссии 14 июля по случаю годовщины взятия Бастилии веселье отравляется первыми слухами «из самых достоверных источников» об оставлении союзниками в недалеком будущем Северной области.

В связи со слухами об уходе союзников повсюду царило приподнято-нервное настроение, которое находило себе благоприятную почву для бешеной агитации большевиков, старавшихся использовать момент и развалить наш фронт. Агитация эта, отозвавшаяся вспышками восстаний на многих участках нашего громадного по своему протяжению фронта, еще более усиливала тревогу и напряжение мысли, проникнутой одним навязчивым вопросом: как отзовется на судьбе Северной области уход союзников?

ГЛАВА VII

*Восстания в войсках.— Причины восстаний.—
Заявление англичан об уходе.— Увольнение ген.
Марушевского и вступление ген. Миллера в
командование войсками*

Наша маленькая Северная армия занимала громадный фронт протяжением в несколько тысяч верст. Конечно, о непрерывной линии защиты не могло быть и речи, да в ней и не было надобности: ее создавала природа своими непроходимыми лесами характера сибирской тайги. Отдельным небольшим отрядам силою до одного полка, с придачею громадного количества пулеметов и сильной артиллерии, правда легкого полевого типа, приходилось защищать лишь дефиле, образуемые протекающими реками и идущими на Архангельск железной и грунтовыми дорогами. Соответственно с таким распределением вооруженных сил образовались укрепленные районы: Онежский, Железнодорожный, Селецкий, Двинский, Пинежский, Мезенский и Печорский, причем на

Железнодорожном фронте ввиду защиты кратчайшего и важнейшего направления на административный центр Северной области — Архангельск было сосредоточено наибольшее количество войск — до трех полков с придачей им не только легкой, но и тяжелой артиллерии и бронированных поездов.

К Онежскому району прилегал Мурманский, который занимал громадное протяжение, примыкая своим правым флангом к финляндской границе, и по количеству своих войск занимал первое место. Жизнь его в военном и административном отношении ввиду весьма неудовлетворительного сообщения с Архангельском носила обособленный от всех других районов Северного фронта характер, и мне в дальнейшем придется ее коснуться лишь с точки зрения создавшихся с этим районом ненормальных отношений и неумения центральной власти своевременно подготовить и использовать его как редиут для войск Архангельского фронта.

Защита была организована по системе вынесенных вперед и занятых пехотой блокгаузов (маленьких укреплений из срубленного леса, опутанных проволочными заграждениями) с осиными пулеметными гнездами, а главные силы и артиллерия располагались скрытно сзади. Взять эти укрепления в лоб было почти невозможно, так как пришлось бы принести в жертву колоссальные неоправдываемые целью силы, эшелонировав в затылок несколько дивизий, поэтому борьба носила характер глубоких обходных движений, которые можно было производить главным образом в осеннее время, так как зимой мешал глубокий, выше человеческого роста снег, а весной и летом наступала так называемая распута, при которой почва обращалась в непроходимое болото. Кроме того, в дебрях непроходимого векового леса было очень трудно ориентироваться и поддерживать связь обходных колонн с командными центрами. Все это побуждало большевиков к излюбленному методу своих действий, а именно: к разложению белых частей агитацией и пропагандой и захвату власти путем организации восстаний.

Пинежское и тулгасовское восстания имели место незадолго до моего приезда в Северную область. На Пинеге произошло восстание в 8-м Северном стрелковом полку, причем жертвами его оказались несколько офицеров, часть которых была убита мятежниками, а часть покончила с собою, взорвав себя ручными гранатами. Восстание было подавлено верхнепинежскими партизанами-крестьянами, сурово расправившимися с восставшими. Расследование установило, что причиной восстания послужило недовольство населения Нижней Пинегы и местных войск перфорацией (штемпелеванием керенок и царских) и неполучение семян для засева полей. С перфорацией мы подробнее познакомимся в отделе финансовой политики правительства, здесь же необходимо отметить, что для штемпелевания деньги отбирались у населения под расписки, и оно оставалось на продолжительный срок без денежных знаков, так как штемпелеванные кредитки и казначейские знаки возвращались с большим опозданием, что вызывало неудовольствие, ибо мешало обычной торговле.

Неудовольствие это использовали большевики, развиг агитацию на тему о том, что генералы и офицеры собираются бежать из области и на дорогу собирают себе деньги, отбирая их у населения под видом необходимости их штемпелевания. Поэтому восставшим рекомендовалось захватить пинежское уездное казначейство, где хранилось около полутора миллионов рублей, и бежать с ними к большевикам для спасения от «белогвардейских» офицеров народных денег, неудачная попытка к чему и была произведена бунтовщиками.

Расследованием, между прочим, было установлено, что между ниже- и верхнепинежцами существовала вражда, так как нижнепинежцы, деревни которых находились в районе белых, считали, что война у них ведется из-за верхнепинежских партизан, желавших отобрать свои родные деревни, находившиеся в руках красных.

Но были еще более грустные обстоятельства, которые, к сожалению, обнаружались гораздо позже. Оказалось, что в войсках были хищения и утайки пайка, что, конечно, волновало солдат. Произошло это сначала от беспечности и полнейшего непонимания хозяйства первого организатора пинежских отрядов, молодого, легкомысленного и самоуверенного капитана К., который, между прочим, занимался обменом подаренного ему англичанами рома на меха, вызывая таким неосторожным поведением толки среди солдат об утайке их рома для этой операции.

Его сменил «фаворит» ген. М[арушев]ского, полк. Н. Вечно пьяный, разнузданный, он окружил себя соответствующим штабом и часто, гарцуя на улицах Пинеги, требовал, чтобы жители при встрече с ним снимали шапки, побив однажды за неисполнение этого требования председателя местной земской управы. Местной почтенной учительнице он тоже в пьяном виде заявил, что так как она по своему возрасту не годится в проститутки, то он рекомендует ей, бросив педагогическую деятельность, открыть публичное заведение. Получив в свое бесконтрольное распоряжение 11 000 рублей для целей контрразведки, он обратил их в свою пользу и вернул их значительно позже, уже находясь на службе в Мурманске, после моего телеграфного требования об уплате или представлении отчета. Ему не избежать было бы скамьи подсудимых, чему помешала лишь наша эвакуация. Дальнейшая участь его была очень печальна: он был расстрелян восставшими в Мурманске красными.

Тулгасовское восстание произошло в Двинском районе, где взбунтовался один из батальонов 3-го Северного стрелкового полка, перебивший своих офицеров и сделавший попытку захватить артиллерию для передачи орудий неприятелю. Артиллерия мужественно огнем своих орудий и пулеметов отбила атаки мятежников и отступила, протаскив 70 верст на руках свои 4 орудия и прокладывая себе дорогу и мосты. Все это было проделано группой в сто человек, оставшихся верными своему долгу.

Расследование установило неосторожность и беспечность молодого храброго командира батальона, 28-летнего полк. Г., не процедившего как следует, вопреки указаниям свыше, прибывшие в полк пополнения из пленных красных, часть которых и оказалась организаторами восстания.

Тот же 3-й Северный стрелковый полк, реорганизованный своим доблестным командиром полк. В., подавил в конце июля восстание Дайеровского батальона, расположенного также в Двинском районе. Оно началось ночью, причем восставшие прежде всего бросились на штаб своего батальона и убили спящими 4 английских и 3 русских офицеров. Та же участь постигла бы и штаб Двинского района, если бы не осталась верной пулеметная команда батальона, отогнавшая от штаба наступавших бунтовщиков. Большинству из них удалось бежать к большевикам, пойманных же ликвидировали на месте англичане.

Не успели рассеяться впечатления от этого крупного восстания, как разыгралась кровавая трагедия на Онеге. Расположенный там 5-й Северный стрелковый полк был укомплектован жителями Онежского уезда, весьма неблагонадежными и тяготевшими к красным. Особенным большевистским духом отличались расположенные на реке Онеге два больших богатых села — Порог и Запорожье, жители которых владели богатыми рыбными промыслами (семга-порог), но среди которых издавна процветало также тунеядство и хулиганство благодаря громадным подачкам от известного отца Иоанна Кронштадтского — уроженца этой местности.

Непосредственным поводом к восстанию послужило недовольство отвлечением мобилизованных от сенокоса и других полевых работ, что и использовали большевики, захватившие в результате восстания весь Онежский район.

Восставшие арестовали почти всех офицеров во главе с командиром полка, полк. М., которому на шею накинули веревку и утащили к большевикам. Двенадцать

человек офицеров были окружены в одной избе и, не пожелав сдаться, покончили сами с собой. Сначала более сильные духом застрелили других, а потом застрелились сами. Тела их после очищения района Онеги от большевиков, происшедшего уже после ухода англичан, были вырыты из ямы, куда они были брошены большевиками раздетыми, и похоронены с воинскими почестями

Вслед за онежским восстанием последовала попытка к восстанию в 6-м Северном стрелковом полку на Железнодорожном фронте и одновременное раскрытие заговора в 7-м Северном стрелковом полку, расположенном в соседнем Селецком районе. Незадолго до этого на Двине была произведена соединенными русскими и английскими силами удачная крупная операция с захватом большого района у большевиков, который затем по приказанию английского командования был очищен, а мужское население взято по мобилизации в наши войска. Вот эти-то мобилизованные и явились душой заговора в Железнодорожном и Селецком районах, составив целый план восстания и открытия фронта большевикам и войдя с последними в соглашение по этому поводу. Согласно этому плану, предполагалось обходное движение довольно крупными силами большевиков, которые должны были, войдя в тыл линии блокгаузов, атаковать артиллерийскую батарею, прикрытую которой из 2-й роты 6-го Северного стрелкового полка было подготовлено пропагандой к открытию фронта.

Незадолго до начала этой операции дрогнула совесть у одного из бывших в курсе дела заговорщиков — бывшего унтер-офицера одного из наших старых гвардейских полков, и он предупредил командира 6-го полка о назревающей опасности. 2-я рота немедленно была снята с позиции, арестована и заменена надежными войсками, которые вместе с артиллерией приготовились встретить обходную колонну большевиков. К сожалению, уже не было времени предупредить роты, находившиеся впереди в блокгаузах. Большевики не заста-

вили себя долго ждать и скоро без особых мер предосторожности появились на опушке леса против того места, где должна была быть расположена 2-я рота. Их встретил здесь ураганный пулеметный и орудийный огонь, который еще более усилился, когда послышались крики: «Товарищи, не стреляйте, свои, свои!» Большевики потеряли здесь более батальона убитыми и ранеными.

В это время на блокгаузы тоже было произведено нападение, причем часть гарнизона их благодаря измене капитулировала и, захватив своих офицеров, передалась противнику.

В Селецком районе обошлось более благополучно. Там благодаря своевременному обнаружению одного из заговорщиков, подвергнутого строгому допросу, была раскрыта целая организация, действовавшая в связи с заговорщиками Железнодорожного района, которая ставила своей задачей перебить всех офицеров и открыть фронт противнику. Участники ее в количестве около 20 человек были расстреляны по приговору военно-полевого суда.

Везде среди участников заговора были отмечены фельдфебеля и унтер-офицеры, то есть лучшие по выправке и дисциплине, солдаты, причем расследованием удалось установить, что в инструкцию организации коммунистических ячеек в белых полках входило строжайшее соблюдение перед начальством чинопочитания и повиновения, дабы своим поведением усыпить бдительность начальства и, заняв командные солдатские посты, приобрести наибольшее влияние на солдат. Тем же расследованием было обнаружено, что разложение наших частей велось по строго разработанной системе скрыто образуемых в них коммунистических ячеек, находившихся в непрерывной связи с неприятелем. Когда часть была достаточно подготовлена к выступлению, от красного штаба получался детально разработанный план открытия фронта в связи с одновременным наступлением красных, причем офицеров приказывалось перебить, заменив их намеченными заранее лицами.

Дайеровское и онежское восстания совершенно вывели из душевного равновесия высшее английское командование и создали возбужденное настроение в английских войсках. Недоброжелатели ген. Айронсайда из английских же кругов сообщили в Англию, что убитые дайеровцами английские офицеры являются жертвами легкомысленного опыта, произведенного генералом, и в английской печати появились обвинения его в введении в заблуждение английского общества сообщениями о возрождении русской армии на Севере. Айронсайд, чувствуя вину в дайеровском деле, решил для реабилитации себя резко изменить свою позицию в отношении нас и стал самым энергичным образом настаивать на уходе английских войск, указывая на примере 5-го Северного стрелкового полка, считавшегося одним из лучших наших полков, что на наших солдат абсолютно положиться нельзя, и никакая совместная боевая деятельность с нами невозможна. На руку ему сыграло то обстоятельство, что ген. М[арушев]ский накануне самого восстания посетил 5-й Северный стрелковый полк и, вернувшись оттуда, объявил в приказе, что он нашел полк в блестящем состоянии. Таким образом англичанам была продемонстрирована несостоятельность самого командующего войсками в оценке степени благонадежности его войск, что они, конечно, и поспешили использовать в своих интересах. В мероприятиях их почувствовалась растерянность и полнейшее нежелание быть с нами в контакте. На Онегу был послан монитор для выручки арестованных большевиками англичан. Обстреляв город Онегу из тяжелых орудий и истребив таким образом лучшую часть города, англичане добились через парламентаров выдачи своих офицеров, но категорически отказались предъявить требование о наших офицерах и поддержать десантную операцию высланного нами маленького отряда.

Недоверие и паника проникли и в их солдатскую среду, очень враждебно настроенную к большевикам. Характерен следующий маленький эпизод. Конвою ан-

гличан, сопровождавших под начальством сержанта большую группу наших арестованных солдат на пароходе из Онеги в Архангельск, показалось подозрительным поведение последних. На пароходе создалось приподнято-нервное настроение, которое благодаря произведенному кем-то случайному выстрелу вылилось в беспорядочную стрельбу англичан по русским солдатам, из которых несколько человек было ранено, а двое убито. Характерно, что ехавший тут же русский офицер был немедленно изолирован англичанами от солдат, и их сержант, добродушно похлопывая его по плечу, стремился выразить ему свои симпатии и успокоить его, говоря ломаным языком: «Русский офицер не надо бояться, русский офицер карош, а русский солдат с...ь, большевик».

Таким образом, если до сих пор уход англичан мотивировался главным образом изменением курса высшей политики по русскому вопросу, то после дайеровского и онежского восстаний приходилось считаться с тем же решением высшего военного командования. По словам ген. Миллера, ген. Айронсайд стал неузнаваем, и насколько он прежде крайне радужно смотрел на наше будущее и шел навстречу нашим начинаниям, настолько он теперь впал в преувеличенный пессимизм и обнаруживал явное недоброжелательство, принимая все меры к тому, чтобы эвакуироваться самому и во что бы то ни стало склонить к этому и наше военное командование, что послужило бы оправданием и его ухода. В этом смысле им и было составлено предложение ген. Миллеру эвакуироваться, которое было отклонено ген. Миллером сначала 30 июля принципиально, а затем окончательно 12 августа после совещания со старшими чинами штаба и строевыми начальниками, о чем подробно в следующей главе.

Одновременно с этим последовало личное вступление ген. Миллера в командование войсками вместо ген. М[арушев]ского, вызванное, по словам ген. Миллера, тем, что ген. М[арушев]ский не верил в возможность

нашего оставления в Архангельске после ухода англичан и такое же настроение создавал среди старших начальников. Однако вряд ли это было единственной причиной увольнения ген. М[арушев]ского; таких «малочеров» среди высшего русского командования было очень много, и они, однако, сохранили свои места. Несомненно, что тут сыграло роль и падение работоспособности ген. М[арушев]ского, так как ген. Миллер сам как-то заметил мне, что последний «несомненно утратил в его глазах свою чрезмерную переобремененность делами».

Приказом верховного правителя ген. Миллер был утвержден в должности главнокомандующего русскими вооруженными силами Северного фронта. Штаб командующего войсками был реорганизован в штаб главнокомандующего, и начальником штаба был назначен ген.-лейт. К.

*Прибытие специалиста по эвакуации,
английского фельдмаршала Роллинсона.—
Советание ген. Миллера с офицерами ген. штаба
и командирами полков об эвакуации*

Сопровождаемый громадной свитой, прибыл в июле английский фельдмаршал Роллинсон, пользующийся среди англичан репутацией выдающегося полководца за ликвидацию, в качестве командующего одной из английских армий во Франции, последнего немецкого прорыва на Западном фронте и нанесение после этого немцам решительного поражения.

Но, увы, к нам фельдмаршал прибыл не для проявления своего стратегического таланта, а в качестве выдающегося специалиста по «эвакуации», каковая репутация установилась за ним при ликвидации дарданелльского предприятия союзников.

В связи с его приездом ген. Миллер получил от английского командования предложение эвакуироваться вместе с союзниками, которое он решил подвергнуть

всестороннему обсуждению совещания старших чинов штаба и командиров строевых частей. В совещании этом приняли участие начальник штаба ген. К., ген. М[арушев]ский и другие офицеры ген. штаба, а в качестве представителей строя — командующие Пинежско-Мезенским и Железнодорожным районами и командиры 6, 7 и 8-го Северных стрелковых полков. Мурманский район был представлен начальником штаба полк. А., командующий же войсками Двинского района ген. штаба полк. князь М[урузи] и командиры 3-го и 4-го Сев. стрелк. полков отсутствовали, так как к этому времени английским командованием в целях демонстративного прикрытия своего ухода была предпринята на Двине наступательная операция, в которой принимали участие русские войска. На разрешение совещания были поставлены вопросы: 1) следует ли оставаться в области после ухода англичан, 2) можно ли будет впоследствии благополучно эвакуироваться без них и 3) возможно ли провести наступательную операцию без поддержки союзников. Представители строя единодушно дали отрицательный ответ на все поставленные вопросы, за исключением ген. П., только что прибывшего в область, не побывавшего на фронте и в силу этого совершенно незнакомого с настроением войск и нашими материальными средствами и с упорством старого военного служаки твердившего, что надо поступить так, как прикажет начальство.

Сущность соображений представителей строя сводилась к тому, что настроение среди войск было более чем сомнительно, особенно еще потому, что английское командование предложило эвакуироваться всем желающим из числа добровольцев, находившихся в славяно-британских и французских легионах, а также понуждало наше командование, основываясь на принципе самоопределения, отпустить эстонцев, латышей и поляков. На самые грустные размышления наводили и прошедшие волной по всему фронту описанные выше восстания, а также поднятая большевиками по поводу

ухода союзников агитация с указанием, что под влиянием рабочих иностранные правительства решили увести свои войска и не поддерживать больше генеральскую контрреволюцию. Офицерский корпус, кроме того, был встревожен полной необеспеченностью тыла в случае неудачи, считая, что без англичан никакая эвакуация немыслима, ибо солдаты их не выпустят и выдадут, как виновников войны, большевикам.

На продолжении борьбы в Архангельске особенно упорно настаивал начальник штаба ген. К., только что вступивший в эту должность. Ген. К. в конце концов в качестве аргумента за продолжение обороны выдвинул распоряжение верховного главнокомандующего адмирала Колчака защищать область до конца. На это представители строя совершенно резонно заявили, что если существует такой приказ верховного главнокомандующего, то дальнейшее обсуждение вопроса об оставлении области не имеет смысла, так как они, как солдаты, обязаны подчиниться распоряжению верховного главнокомандующего, после чего перешли к вопросу о наступлении, причем единогласно было постановлено, что раз решено оставаться, то наступление необходимо, так как оно поднимает настроение войск, и кроме того, выражалась надежда, что успешное развитие его может вызвать изменение точки зрения английского командования и оставление англичан в области.

Для проверки этого предположения, а главное, для получения от англичан поддержки, без чего организация наступления считалась невозможной, было решено на следующий день всем еще раз собраться у генерала Миллера и оттуда отправиться к фельдмаршалу Роллинсону.

Утреннее совещание осталось при прежнем решении и носило спешный характер, так как к 12 часам нужно было быть у фельдмаршала Роллинсона, а англичане не выносили опозданий.

Фельдмаршал Роллинсон принял всех очень любезно, начав с приветствия, в лице полковых командиров,

доблестных боевых сотоварищей по минувшей кампании.

Выслушав затем решение русского командования остаться и перейти в наступление, он заявил, что об оставлении англичан не может быть и речи, ибо такова воля правительства, опирающегося на парламент, а поэтому каких бы успехов ни достигли русские войска в своем наступлении, захвати они не только Вологду и Вятку, но Москву и Петроград, он должен будет, как солдат, привести в исполнение распоряжение правительства и эвакуировать Северную область. Он обещал передать в Англию просьбу русского командования об оставлении английских войск, но заранее предупредил, что из этого ничего не выйдет; что же касается предполагаемой операции, он обещал оказать самую широкую поддержку техническими и материальными средствами, но отказался предоставить войска для наступления, а лишь для выполнения оборонительных заданий на занимаемых позициях.

Гораздо более резкую позицию занял присутствовавший при этом ген. Айронсайд, который наше оставление в области считал чистой авантюрой и, желая подорвать в глазах фельдмаршала Роллинсона авторитет нашего командного состава, попросил его задать командирам полков вопрос: «Ручаются ли они за спокойствие и благонадежность вверенных им частей». Выслушав отрицательный ответ, он настаивал на эвакуации, указав, что мы и в техническом отношении не подготовлены для самостоятельной деятельности, и, обратившись к стоявшему в стороне ген. Марушевскому, попросил его доложить совещанию, приготовил ли он персонал, необходимый для обслуживания тыла, на каковой работе у него, ген. Айронсайда, было несколько тысяч человек...

На совещании был, между прочим, поднят вопрос об отходе на Мурман, причем английское командование одобрило этот проект, обещав предоставить средства для эвакуации туда не только войск, но и до 10 000 человек населения.

Более всего страшила меня необеспеченность эвакуации нашей армии без англичан. В отступление сухопутным путем на Мурман я абсолютно не верил и считал это плодом досужей фантазии штаба, вернее, оторванной от всякой реальной действительности кабинетно-стратегической мысли ген. К., ибо было совершенно непонятно, почему мурманские войска должны были бы удержаться после падения Архангельского фронта и почему противник должен был начать с ликвидации нашего фронта, а не попытаться бы лишить нас сначала мурманского редюита. Беседы же с командующим морскими силами Ледовитого океана, адмиралом И., привели меня к убеждению, что в период ледяной кампании эвакуация морем составляла бы невозможную задачу даже для англичан.

В период ухода англичан ледоколов у нас еще и не было, они все были в Англии в полном ее распоряжении, и нам только было обещано их возвращение. Что касается вопроса об угле, то адмирал И. предупреждал, что по расчету он должен был кончиться у нас к 1 января, а получить его было почти невозможно, так как Англия сама испытывала в нем недостаток, да и английские рабочие бдительно наблюдали за тем, чтобы уголь не попал в руки «контрреволюционеров». Наши команды на ледоколах, как и следовало ожидать, тоже оказались более чем ненадежными, так что английскому Адмиралтейству во избежание скандалов со своими портовыми рабочими и нашими матросами пришлось, направляя впоследствии ледоколы к нам, выправлять бумаги на северную Францию. Ввиду всего этого адмирал И. высказывал убеждение, которое, к сожалению, претворилось в действительность, что никакой планомерной эвакуации области не будет, а на нескольких судах, которые окажутся в нужный момент под рукой, выберутся лишь те, кто случайно очутится в это время у берега.

Обмен мнениями с адмиралом И., некоторыми строевыми участниками описанных выше совещаний, а также

с прибывшими с фронта командиром 3-го стрелкового полка полк. В. и командиром артилл. дивизиона полк. Н. привел меня к убеждению, что нам надо уходить на Мурман. Все строевые начальники ручались, что от половины до трех четвертей их солдат последуют туда за ними, что, по самому скромному подсчету, обеспечивало 8000 стойких и надежных бойцов с громадным количеством материальной части и продовольствия, которых англичане обещали перевезти на Мурман. Подкрепив здесь прочные и бодро настроенные части Мурманского фронта и, главное, обеспечив порядок в тылу, который имел в глубину до 800 верст и за недостатком войск почти не охранялся, мы, обеспеченные с правого фланга белой Финляндией, с левого озерами, а с тыла незамерзающим морем, могли спокойно оперировать на Петрозаводск и Званку, облегчив генералу Юденичу его наступление на Петроград. Оставаясь на Архангельском фронте, мы горсть наших стойких борцов разжижали весьма ненадежными элементами и свои ничтожные силы растягивали на громадном протяжении, не имея возможности перебрасывать их из одного района в другой. Мы ничего не выгадывали и в отношении оттягивания сил противника с Сибирского фронта, так как сибирские войска к этому времени откатились далеко за Урал и наше операционное направление на Вятку для соединения с ними потеряло всякое значение. С нашим уходом продовольствие было бы увезено из Архангельского района, все морские и портовые средства были бы отэвакуированы на Мурман, куда была обеспечена эвакуация и желающим благонадежным элементам населения, число которых вряд ли бы превысило 10 000 человек, и мы оставили бы большевикам голую Северную Двину и пустой город, предоставив оставшемуся добровольно населению изжитие большевизма в порядке естественного процесса. Эти соображения были доступны всем, кроме тех, кому принадлежало окончательное решение этого вопроса.

Решение не покидать Северной области было объявлено ген. Миллером офицерам, собранным специально для этого случая, и принято было последними без всякого энтузиазма, холодно и мрачно. От штаба последовало объявление населению, в котором, между прочим, было указано, что войска остаются в области по приказанию верховного главнокомандующего адмирала Колчака. Между тем штабс-капитан Б. показывал мне подлинную радиотелеграмму адмирала Колчака, в которой он разрешение вопроса об уходе войск Северного фронта представлял всецело усмотрению главнокомандующего, разрешая в зависимости от обстановки эвакуировать их на Мурман, а также к ген. Юденичу или к генералу Деникину. Приезжавший в это время командующий войсками Мурманского района ген. С., разделявший мои взгляды о необходимости оставления Архангельского района, доложил об этом генералу Миллеру, заявив, что прибытие наших войск в порядке планомерной эвакуации будет радостно приветствоваться Мурманом, но бегство туда с внесением паники будет встречено огнем артиллерии и пулеметов. Заявление это также успеха не имело, и роковое решение осталось в силе.

Как я уже упомянул выше, одним из основных факторов, повлиявшим на наше оставление в области, было удачное наступление на всех фронтах, в том числе и на нашем. Действительно, проведенная в это время с англичанами Двинская операция, в которой главная роль принадлежала 3-му Северному стрелковому полку, дала самые блестящие результаты, так как нами был захвачен в плен большевистский полк в составе нескольких тысяч человек со штабом полка и штабом бригады.

Вывод, который был сделан из создавшегося положения руководящими политическими кругами Англии, известен — вооруженные силы Англии покинули нашу территорию, но нельзя не отметить, что техническая помощь продолжалась.

ГЛАВА IX

Земско-городское совещание.— Реконструкция власти.— Требование политической амнистии

Кризис, вызванный уходом союзников, совпал с земско-городским совещанием, идея созыва которого принадлежала управляющему отделом внутренних дел В. Игнатьеву, который к этому моменту уже покинул Северную область, уехав с морской экспедицией в Сибирь. Совещание это должно было собраться гораздо раньше, но оно откладывалось со дня на день, и созыв его пришелся на такой момент, когда больше всего нужно было избегать нарушения единства антибольшевистского фронта, между тем предстоявшая неизбежно в связи с совещанием политическая борьба не сулила в этом отношении ничего хорошего. Положение осложнилось еще тем, что правительство, не сочувствовавшее созыву совещания, не подготовилось к тому, чтобы предстать перед ним с подробно разработанной деловой программой, ознакомление с которой расхолодило бы политические страсти и придало бы работе деловой характер.

Совещание открылось речью избранного в председатели председателя губернской земской управы П. П. Скоморохова (с.-р.), подвергнувшего самой резкой критике деятельность правительства во всех областях управления. К сожалению, деятельность некоторых членов правительства действительно давала основательные поводы к неудовольствию, что и вызвало отставку управляющего отделом торг. и пром. Мефодиева и управл. отделом юстиции Городецкого, но несомненно также, что во многих отношениях, как, например, в вопросе о произвольных массовых арестах, правительство явилось козлом отпущения за действия высшего английского командования.

Заместитель председателя правительства Зубов не сумел в твердой и определенной форме дать исчерпывающие объяснения на предъявленные правительству обвинения, а своим заявлением, что правительство не держится за власть и согласно уступить ее каждому, кто считает себя более способным к руководству областью, создал представление о слабости власти и признании ею своей вины.

Хорошо еще, что выступивший вслед затем ген. Миллер создал на некоторое время трезвое настроение, обратившись с приветственной речью, в которой он обрисовал всю серьезность создавшегося положения, благодаря уходу союзников, и предложил совещанию не только на словах, но и на деле оказать поддержку военному командованию, так как иначе он должен будет принять предложение союзников об эвакуации всех, кто пожелает продолжать борьбу на других фронтах.

Заявление это произвело чрезвычайно сильное впечатление на совещание, членам которого, конечно, не могла улыбаться мысль быть переданными в руки большевиков накануне ожидаемого в то время падения советской власти, и оно вынесло единогласное решение оказать со своей стороны поддержку военному командованию.

Нажим со стороны совещания на правительство и сознание последним своей несостоятельности в некоторых

отраслях управления привели к реконструкции власти, произведенной правительством по соглашению с членами совещания, в результате чего в правительство, кроме оставшихся в его составе заместителя председателя П. Ю. Зубова, соединившего в своих руках управление отделами юстиции и земледелия, ген. Миллера (военно-морские и иностранные дела) и Федорова (нар. проsv.), вошли городской голова Багриновский (внутр. дела), инженер Цапенко (отдел труда) и, без портфелей, председатель губернской земской управы Скоморохов и член той же управы Едовин. Все перечисленные члены правительства обладали правом решающего голоса, причем принадлежность большинства из них к социалистическим партиям (Скоморохов с.-р., Едовин с.-р. и Федоров нар. соц.) или демократическим элементам нашей общественности (Зубов, Цапенко и Багриновский) вызывала значительный сдвиг правительства влево.

Вслед за образованием нового состава правительства земско-городское совещание обратилось с воззванием к населению и с грамотой к войскам, в которых оно оповещало, что после всестороннего обсуждения создавшегося положения оно пришло к твердому заключению, что область должна обороняться. Выразив убеждение, что противник еще никогда не был так слаб и что советская власть находится накануне полного поражения, совещание призывало всех сплотиться вокруг армии для борьбы за охрану края и за всероссийское Учредительное собрание. Оповещая о том же войска, земско-городское совещание просило их «держатъ крепко винтовку в своих руках, не поддаваться слухам и большевистской лжи, верить своим начальникам и исполнять их боевые приказы, так как армия без дисциплины не существует».

Нельзя не признать, что эти воззвания сыграли громадную роль, подняв дух и настроение в войсках, но ими и ограничилась вся положительная сторона деятельности земско-городского совещания, которое, вмес-

то того чтобы выполнить данное в грамоте войскам обещание «быть в решительные минуты в их рядах» или заняться деловой работой, в которую его хотело вовлечь новое правительство, вступило на путь самого энергичного вмешательства в правительственную деятельность с нескрываемой тенденцией захвата власти для проведения мероприятий, которые тяжко бы отозвались на безопасности тыла.

Провозгласив в своих воззваниях к населению и армии о дальнейшей борьбе с большевиками, земско-городское совещание выступило с требованием политической амнистии для лиц, осужденных за большевизм. Во всех газетах появился поразительный по своей безграмотности проект земско-городского совещания об амнистии, в котором указывалось, что большевизм есть столь неопределенное и неуловимое для юридической квалификации явление, что подведение его под те или другие статьи уголовного закона представляется совершенно невозможным. Исходя из этих соображений, совещание считало, что ответственность по действующим законам могут нести только члены коммунистической партии, а лица, не входившие в ее состав и осужденные за «большевизм», подлежат полной амнистии. Наряду с требованиями последней тем же проектом устанавливалось упразднение Особой следственной комиссии и вводился 24-часовой срок для предъявления обвинения каждому арестованному, при отсутствии чего он по истечении указанного срока освобождался из-под стражи. Необходимо прежде всего отметить, что последние два пункта никакого отношения к амнистии не имели, и если упразднение следственной комиссии, которая действительно страшно затягивала дела, вызывая этим общее неудовольствие, и имело известное основание, то претворение в жизнь упомянутого правила об арестах являлось совершенно неосуществимым как по техническим соображениям, так и в видах охранения государственной безопасности и порядка, ибо во время войны, национальной или гражданской, установление

такой гарантии парализовало всякую борьбу власти с подозрительными и преступными элементами и особенно с провокаторами и шпионами из неприятельского лагеря.

Обеспокоенный принятой совещанием линией поведения председатель правительства Зубов вызвал меня к себе и попросил отправиться в комиссию земско-городского совещания по амнистии, где своими разъяснениями постараться направить возбужденный об амнистии вопрос в законное русло. (Объяснения автора, однако, не удовлетворили комиссию.) На следующий день я был опять вызван Зубовым, у которого я застал бывшего управляющего отделом юстиции председателя Архангельского окружного суда Городецкого и прокурора того же суда. Д. Зубов объявил нам, что так как земско-городское совещание, выслушав после нашего посещения комиссию по амнистии, продолжает настаивать на ней, то правительство решило дать ему исчерпывающие объяснения о невозможности ее, причем попросил меня принять эту обязанность на себя, ибо он в этом вопросе не компетентен, а С. П. Городецкому нельзя было выступать, так как имя его, по словам Зубова, носило для левых кругов «одиозный» характер, и именно его деятельность больше всего подверглась нападкам земско-городского совещания.

На следующий день утром я узнал, что земско-городское совещание решило во что бы то ни стало настаивать на амнистии, постановив не расходиться до объявления ее правительством. Ввиду этого я решил, что мое выступление при таком положении не только не могло принести пользы, но, наоборот, могло создать такую обстановку, при которой неизбежна была открытая борьба между правительством и земско-городским совещанием, чего никак нельзя было допустить по условиям переживаемого момента. Поэтому я немедленно отправился к ген. Миллеру и, вызвав его с происходившего в это время заседания правительства, изложил ему свою точку зрения, настаивая на том, чтобы прави-

тельство само отклонило как политическую амнистию, так и массовое помилование, поставив земско-городское совещание перед свершившимся фактом.

Правительство согласилось с основными положениями моего доклада и постановило ходатайство земско-городского совещания об общей политической амнистии отклонить и признать лишь возможным персональное помилование некоторых осужденных, выбор которых произвести особо назначенной для этого комиссией, под моим председательством, из представителей военного и гражданского судебных ведомств, при участии членов земско-городского совещания.

Решение это на следующий день было объявлено земско-городскому совещанию вместе с актом о роспуске его, причем постановление последнего «не расходиться, пока не будет дана общая амнистия», представляло собой чистейший блеф, так как хотя и меньшая, но все-таки значительная часть совещания была против такого решения, и члены его мирно разъехались по домам, оставив лишь функционировать несколько образованных совещанием комиссий.

Но если земско-городское совещание, руководимое интеллигенцией и сдерживаемое оппозицией своего правого крыла, не претворило в действие своей угрозы «не расходиться» после отказа правительства в общей амнистии, то рабочие не склонны были к таким половинчатым решениям, и 1 сентября в Архангельске вспыхнула политическая забастовка. Руководителем ее оказался специально организованный стачечный комитет, в состав которого вошли председатель Совета профессиональных союзов Капустин и другие члены того же Совета.

Прокламации стачечного комитета начинались лозунгами: «Долой гражданскую войну», «Долой военно-полевые суды», «Долой смертную казнь» и содержали в себе требования политической амнистии. Так как в ночь с 30 августа на 1 сентября началось общее наступление наших войск, что было прекрасно известно членам

стачечного комитета, то несомненно, что эти действия носили чисто изменнический характер, вызвав сразу же забастовку портовых рабочих, вследствие чего на фронт не могли быть отправлены баржи с артиллерийскими снарядами, нагрузка которых была прекращена принудительным снятием рабочих забастовщиками. Главкомандующий в это время был на фронте, и я отправился к начальнику штаба ген. К. для того, чтобы настоять на предании стачечного комитета и главарей забастовки за измену военно-полевому суду, с чем ген. К. вполне согласился, а прибывший вскоре ген. Миллер тоже одобрил принятие этой меры. Однако последняя не была осуществлена, и виновные были только арестованы и высланы на Печору.

Вместе с тем за подписью ген. Миллера появилось сообщение, в котором, между прочим, объявлялось, что хотя правительству было заранее известно, что именно в рабочей среде ведется злонамеренная пропаганда о необходимости сближения и соглашения с большевиками, толкающая рабочих на такие действия и выступления, которые; разрушая нарождающиеся силы области и вновь предавая ее во власть советских комиссаров, не могут быть названы иначе как изменой делу освобождения страны, но что правительство не принимало каких-либо репрессивных мер в этом направлении, твердо веря, что здравый смысл и сознание долга подскажет каждому гражданину сознание недопустимости нарушений спокойного хода общественной жизни в настоящее время. Захватив экземпляр этого воззвания, я отправился к генералу Миллеру и доложил ему, что воззвание это напоминает мне заявление Керенского, неоднократно возвещавшего в своих выступлениях о том, что хотя Временное правительство и осведомлено относительно готовящихся посягательств на его власть, но «что оно столь авторитетно, что не нуждается в защите своего авторитета». Указав, что вряд ли правительство Северной области имеет основание позволить себе по условиям переживаемого момента и реального

соотношения сил такую роскошь, чтобы игнорировать заранее известное ему посягательство на самое его существование, я совершенно откровенно заявил, что **считаю, что в этом обращении к населению заключаются указания на попустительство высших властей к государственной измене или на бездействие власти, уже имевшее свои важные последствия в виде политической забастовки.**

К этому же моменту у меня в руках были интересные данные о вдохновителях и подстрекателях к политической амнистии с целью выпуска на свободу своих единомышленников, а также к натиску на правительство для захвата власти. Данные эти получены были мною от начальника военно-регистрационной службы, бывшего судебного следователя Архангельского окружного суда Р., ныне уже расстрелянного большевиками, в руках которого была сосредоточена розыскная служба в пределах Северной области.

Оказалось, что в указанный период члены правительства Скоморохов (с.-р.) и Едовин (с.-р.), председатель Совета профессиональных союзов Капустин (с.-р.) и защитник Бечина Гуковский (с.-р.) имели постоянные секретные совещания с прибывшим из-за границы видным эсером, членом Учредительного собрания и бывшим секретарем Керенского, доктором Борисом Соколовым, прибывшим в нашу область по поручению группы Керенского, Минора, Зензинова и др. для связи с местными эсерами и руководства их деятельностью. Прибытие его сразу же отразилось на местной печати, так как стоявшая до сих пор за поддержку правительства газета «Возрождение Севера» (орган социалистической мысли) взяла резко оппозиционный тон и в ней появился целый ряд статей доктора Соколова за подписью Бориса Чужого, в которых он резко порицал адмирала Колчака, указывая, что «теперь всякий проходимец пытается захватить власть путем обещания доставить голодному народу хлеб», и призывал демократию в лице рабочих и крестьян сплотиться, так

как власть должна принадлежать самому народу, а не офицерам, которые «позволили себе в пьяном виде свергнуть директорию». Из того же источника мне стало известно, что в описанный момент от группы Керенского были получены директивы приступить немедленно, ввиду того что дни советской власти сочтены, к захвату власти в царстве белых генералов, не останавливаясь перед мерами террора, так как иначе власть останется в руках буржуазии, кадетов и белогвардейского офицерства. Эти сведения давали возможность разобраться во всех наших разнообразных событиях и связывали последние единой целью, которую опять наметил, как и в мартовском выступлении Бечина, партийный центр, находившийся за границей. Становилась ясной и позиция социалистического блока земско-городского совещания в вопросе о политической амнистии и реконструкции власти с вдохновителем в лице «эксперта» г. Гуковского, поведение г. Скоморохова в правительстве при отклонении амнистии и забастовка рабочих, которые под влиянием использовавших нашу внутреннюю борьбу большевиков, как всегда, пошли дальше своих подстрекателей, провозгласив конец гражданской войне.

Между тем правительство, не ограничиваясь помилованием и смягчением участи только тех лиц, за которых высказалась комиссия, под влиянием сыпавшихся со всех сторон просьб осужденных и их родственников, поднятых на ноги слухами об общей амнистии, продолжало выпускать одного за другим на свободу видных советских деятелей, сводя этим на нет всю деятельность судебных властей и создавая в населении впечатление о чрезмерной строгости и явной неправосудности их приговоров.

Не решившись отклонить совсем поступившее к нему ходатайство членов земско-городского совещания о помиловании Бечина, Наволочного, Цейтлина и Клюева, правительство постановило освободить их «в случае представления ими достаточных гарантий, что, будучи освобождены, они явятся не противниками, а

пособниками в деле борьбы с большевиками», то есть стало в плоскость заключения недопустимых и не имевших никогда места договорных соглашений между преступниками, с одной стороны, и той верховной властью, которая их минует, — с другой. Сношения с названными осужденными для получения от них заявлений «с рассказом и обещанием не выступать более против правительства Северной области» было возложено на управляющего отделом внутренних дел Багриновского, который, по остроумному выражению прокурора Архангельского окружного суда г. Д., вошел в «оживленную переписку с клиентами последнего».

ГЛАВА X

*Объявление англичан населению об эвакуации.—
Разведение ими паники в войсках и населении —
Восстание на Мудюге.— Осадное положение*

Наступили тревожные дни, полные самой лихорадочной деятельности. Английское командование открыто объявило населению и войскам о своем предстоящем уходе из области. Всюду на видных местах города появились специально выстроенные деревянные подстановки для плакатов, ярко освещенные по ночам электричеством. На них каждый день стали появляться аншлаги английского командования самых разнообразных ярких цветов с призывами к населению спешить покинуть область вместе с союзниками. В этих объявлениях несколько раз повторялось предложение генерала Айронсайда «поторопиться с отъездом, так как последний пароход» отходит тогда-то, после чего английское командование снимает с себя всякую ответственность за безопасность оставшихся жителей, не пожелавших эвакуироваться вместе с союзниками.

Легко можно себе представить, какую панику вызывали эти объявления в обывательских кругах, в испуганном воображении которых под влиянием этих воззваний сразу же после ухода союзников рисовался бунт, захват области большевиками и резня ими «презренных наемников и прихвостней англо-французского капитала», о чем в своей агитационной литературе возвещали большевики, которые, конечно, использовали в своих интересах разведенную союзниками панику. Однако пароходы уходили с большим количеством пустых мест, так как воспользоваться советом эвакуироваться могли только или люди со средствами, могущие рассчитывать устроиться за границей, или те, кто имел интересы на Юге и в новообразовавшихся окраинных государствах; средний же обыватель, связанный с Архангельском своей служебной или частной деятельностью, хотя и трепетал за свою судьбу, мог только с завистью смотреть на отъезд ~~счастли~~ сливчиков. Мне пришлось присутствовать при отъезде иностранных миссий на одном пароходе, с которыми отъезжали сливки архангельского буржуазного общества, в том числе и довольно большая иностранная колония Архангельска. Провожать их явилось полгорода, причем если у провожавших настроение было невеселое, то отъезжающие чувствовали себя тоже неважно, являя в своих собственных глазах «крыс, бегущих с тонущего корабля». Среди них было довольно много спекулянтов, связанных своей коммерческой деятельностью с союзниками и прибегнувших к их могучему авторитету для получения разрешения покинуть область, так как к этому времени была объявлена широкая мобилизация в армию и национальное ополчение. Многие возмущались их бегством, но я радовался такому «очищению атмосферы», зная, что они все равно принесли бы нам один вред, если бы мы их задержали принудительно в области. Такую точку зрения разделял и ген. Миллер.

Любопытно прошел на моих глазах и отъезд французской военной миссии во главе с полк. Д. Незадолго до своего отъезда полк. Д. обратился к командующему

морскими силами адмиралу И. с требованием предоставить ему особый пароход для увоза во Францию пустых бочек от проданного нам красного вина, так как они очень дорого стоят, и область может этим отблагодарить французов за ту помощь, которую они ей оказали. Адмирал в самой категорической форме отказал в предоставлении парохода, заявив, что вряд ли Франция больше заинтересована в пустых бочках, чем в спасении человеческих жизней своей союзницы, для чего предполагается тот скромный русский тоннаж, который остается в распоряжении адмирала на случай эвакуации женщин и детей, если таковая потребуется после ухода союзников. Получив отказ, полковник Д. зафрахтовал небольшой пароход Соловецкого монастыря «Михаил Архангел», который должен был доставить миссию с пустыми бочками до Мурмана. Расчетливые монахи, кроме пустых французских бочек, погрузили обернутую в рогожу смолу, завалив этим грузом всю верхнюю палубу, по которой сновали с иголки одетые французские офицеры, старавшиеся не выпачкаться в смоле, и среди них полк Д., возмущенный тем, что монахи нарушили договор и нагрузили на пароход посторонний груз. Нас такой отъезд представителей «исконной союзницы России» более смешил, чем возмущал, хотя мы не могли не испытывать ослабления своих союзнических симпатий. Приятно было сознавать в эту минуту, что, несмотря на всю неясность и непрочность нашего положения и трагическое состояние нашей родины, в переживаемый момент моральный ущерб наносился не нашему национальному самолюбию.

За два дня до отъезда французской военной миссии на Мудюге произошел бунт каторжан, главная масса которых состояла из осужденных агентов советской власти. Поводом к бунту послужили слухи о том, что союзники покинули Архангельск и что там власть перешла в руки красных. Восставшие бросились на конвойных, перебили их, а затем направились к зданию, зани-

маемому стражей, для захвата оружия. К счастью, находившиеся там семь стражников не растерялись и открыли по нападавшим пулеметный и ружейный огонь, которым было убито и ранено несколько бунтовщиков. Такой исход столкновения со стражей, видимо, побудил большую часть арестантов уклониться от принятия участия в бунте, и из тюрьмы сбежало только 52 человека, которые на лодках, заранее приготовленных для них их единомышленниками из числа косивших на Мудюге сено крестьян, покинули Мудюг и высадились на материке, предварительно свалив телеграфные столбы и перерезав проволоку, чем и вызвали временное прекращение сношений с Мудюгом. Пришлось отправить небольшой карательный отряд с военно-полевым судом для поимки сбежавших, выяснения виновных и предания их суду для суждения по законам военного времени. Произведенным расследованием была установлена виновность 11 лиц, принимавших самое активное участие в бунте в качестве руководителей, которые были расстреляны по приговору военно-полевого суда, причем во время расстрела они кричали: «Да здравствует советская власть!» В числе их оказалось несколько человек, о полном помиловании которых ходатайствовали члены земско-городского совещания, уверяя, что они оказались советскими деятелями по недоразумению, и ручаясь за их лояльность. Восстание на Мудюге блестяще иллюстрировало справедливость противоположной точки зрения, и дальнейшее помилование осужденных деятелей советской власти было приостановлено специальным правительственным актом. Большинство из бежавших с Мудюга арестантов было переловлено крестьянами, доставившими их властям, и только некоторым удалось бежать к красным так называемой «каторжной тропой», проходившей в районе Пинежского фронта.

Для обеспечения порядка в городе в связи с уходом союзных войск, на основании исключительных прав, предоставленных по закону главнокомандующему, были

приняты энергичные меры к очищению города от всяких подозрительных и преступных большевистских элементов путем высылки их на Иохангу, изолированный полуостров, лежащий недалеко от Мурмана. В основу оценки степени неблагонадежности подлежащих высылке лиц был положен материал, собранный отделом военно-регистрационной службы в порядке внутреннего розыска и проверенный в особой комиссии с участием представителей администрации и военно-судебного ведомства. Несомненно, что среди высланных могло очутиться несколько человек, попавших туда по недоразумению ввиду проведения этой высылки в спешном порядке, но они были возвращены с Иоханги с первыми же пароходами; остальная же масса была вполне достойна своей участи, и относительно нее возникал только вопрос, выбросить ли ее к ее политическим друзьям за линию фронта или отправить на Иохангу. Решено было не усиливать неприятеля притоком свежих сил и отправить их на Иохангу, присоединив к ним «население» архангельской тюрьмы и только что бунтовавшего Мудюга. Все это составило довольно внушительную цифру в 1200 человек, из которых только 400 человек были высланы в административном порядке, а остальные принадлежали к преступному элементу, осужденному по приговорам военного и гражданского судов.

Мера эта произвела сильное и отрезвляющее впечатление на население Архангельска. Всем стало ясно, что власть оставила путь слабости и колебания и твердой рукой решила подавить всякое посягательство на ее авторитет. Для усиления боеспособности архангельского гарнизона все надежное и могущее владеть оружием население Архангельска было призвано в национальное ополчение, возросшее до 2000 человек, не считая отправленных на фронт для окарауливания штабов, дорог и конвоирования арестантов и пленных. Из находившихся на службе в штабах и учреждениях Архангельска офицеров и чиновников была сформи-

рована особая офицерская рота, снабженная в изобилии пулеметами, к которой по тревоге должны были примыкать приезжавшие с фронта офицеры, что в общей сложности обеспечивало 400 человек надежных бойцов, живших в одном специально особо освещаемом по ночам районе, где было приказано поселиться всем офицерам.

Расположенные в Архангельске части из изживших большевизм красных военнопленных благодаря своим блестящим руководителям и отлично подобранному офицерскому составу не внушали никаких опасений, и тревогу возбуждали только морские силы в лице экипажа броненосца «Чесма», где, по данным военно-регистрационной службы, красные имели прочное гнездо. Несмотря на то что на «Чесме» было около 30 офицеров и 80 человек национального ополчения, соотношение сил было не в пользу белых, так как из матросской команды в 400 человек едва можно было насчитать 100 человек благонадежных. После переговоров с адмиралом удалось разгрузить «Чесму» от неблагонадежных элементов: 200 человек было списано и отправлено для несения гарнизонной службы в Холмогорский уезд, причем их вооружили японскими ружьями, к которым не было патронов. Кроме того, с «Чесмы» были сняты все тяжелые снаряды. Таким образом все меры на случай восстания были приняты, и, имея ночью под рукою винтовку и патроны, можно было спокойно спать до того момента, когда троекратный гудок сирены дал бы нам знать о тревоге и необходимости спешить на сборный пункт.

Между тем английское командование не ограничилось разведанием паники в тылу, а перенесло свою деятельность и на фронт, где им было предложено эвакуироваться всем бойцам, принадлежавшим к самоопределившимся нациям, а также русским добровольцам, состоявшим на службе в славяно-британских легионах. К счастью, лучшие солдаты последних под влиянием своих офицеров остались на фронте.

Затем началось снятие с фронта английских частей, сопровождаемое порчей и уничтожением излишнего военного имущества. На глазах наших солдат на фронте и населения в тылу началась порча и сожжение аэропланов, утопление в реке имущества, снарядов, патронов, муки и консервов. В Селецком районе французский легион был снят с фронта английским командованием во время боя, и была прервана связь наших войск со штабом снятием технических средств связи. В Архангельске публика сделалась свидетельницей утопления в Северной Двине пускаемых для этого в ход пустых автомобилей и громадного количества патронов. В защиту такого поведения английского командования приводилось указание, что всем необходимым мы были снабжены и что уничтожалось лишнее имущество, чтобы оно не попало в руки большевиков, так как англичане не верили в то, что мы удержимся без них на Севере. Если самую причину ликвидации имущества можно было с известной натяжкой признать основательной, то как и чем можно было оправдать самый способ такой ликвидации? Почему она производилась не скрытно по ночам, а открыто на глазах населения и наших войск? Неужели авторы таких мер не учитывали того деморализующего влияния, которое они оказывали на наши войска? Неужели верно, что это прodelьвалось умышленно с целью сорвать наш фронт для доказательства правильности их соображений о необходимости нашей эвакуации, или это была «провокация» с добрыми побуждениями, с целью вызвать восстание и побудить нас эвакуироваться вместе?

Каких последствий можно было ожидать от всего этого хаоса, созданного уходом союзников, политиканством земско-городского совещания, и обывательской тревоги при бешеной агитации большевиков, старавшихся использовать благоприятный момент? Восстания? Развала фронта? Ближайшая действительность подарила нас победой, которая дала нам 8000 пленных при двадцатитысячном составе нашей армии. Войска

всех районов конкурировали друг с другом в своей доблести и наступательном порыве, а Онежский район, в котором англичане проявили перед своим уходом такое бессилие, располагая крупными морскими и сухопутными силами, был очищен «волчьей сотней» в 160 человек, в которую вошли 60 офицеров и 100 солдат добровольцев. Справедливость требует отметить, что наряду с нашими войсками на Железнодорожном фронте дрались 80 человек австралийцев, принявших добровольно по своему собственному почину участие в нашем наступлении. Воспитанные на охоте на диких зверей, смелые, стремительные, великолепно владеющие оружием, они бросались в атаку, имея обыкновенно ножи в зубах, чтобы в нужную минуту пустить в ход это излюбленное их оружие, наводя на большевиков панику своим видом ковбоев, на которых они были похожи своими круглыми широкополыми шляпами. Командующий ими майор был тяжело ранен в обе ноги, и ему грозила ампутация. За свою доблесть он был награжден георгиевским оружием.

Наши неожиданные успехи еще раз подтвердили правильность того положения, что мы являемся страной «неограниченных возможностей», но несомненно, что некоторые причины наступательного порыва и успеха наших войск понятны и могли быть заранее учтены: 1) противник в то время терпел поражение на всех фронтах; нашего наступления он никак не ожидал, и оно его застало врасплох и 2) крестьяне наши только что собрали урожай, который они не склонны были отдать беспощадно реквизирующему все неприятелю. В числе непредвиденных причин подъема настроения и наступательной энергии войск необходимо отметить довольно интересный взгляд на уход союзников солдатской среды, известный мне со слов многих строевых офицеров: «Для англичан мы не желали захватывать землю, а для себя будем». Очевидно, господство и бесцеремонное хозяйничание у нас английского командования создало у них на фоне агитации большевиков «о хищничестве и эксплуатации

русского народа англо-французским капиталом» представление о том, что союзники, а особенно англичане, оказывая нам помощь, преследуют свои корыстные интересы.

Уход англичан производился постепенно, и окончательная эвакуация Архангельска предполагалась в средних числах октября, но в ночь с 26 на 27 сентября они незаметно исчезли.

Порядок в городе царил образцовый, и он весь представлялся мне в каком-то совершенно новом освещении. Когда я через некоторое время, отпустив автомобиль, шел уже пешком и подошедший ко мне веселый и сияющий офицер штаба адмирала Колчака штабс-капитан Б. радостно заявил: «Поздравляю вас, мы опять в России, как вам нравится русский город Архангельск?» — для меня ясно стало, почему этот город, к которому я уже успел привязаться, кажется мне сегодня особенно милым и дорогим.

На углах публика читала только что вывешенные приказы главнокомандующего об осадном положении, по-своему объясняя друг другу, в чем оно состоит. Видно было, что объявление его произвело надлежащее впечатление, указывая на то, что власть сильна и стоит на страже порядка.

Через две недели главнокомандующий отменил осадное положение, поблагодарив население в особом обращении за тот порядок и дисциплину, которые оно обнаружило в этот критический момент существования области.

ГЛАВА XI

*Внутренняя политика.— Городская дума.—
Аграрный вопрос*

Северная область включала в себя неполную Архангельскую губернию, между тем в этих скромных пределах приходилось считаться с нагромождением властей, имевших прямое отношение к внутренней политике, в лице Временного правительства, управляющего отделом внутренних дел, генерал-губернатора и начальника губернии. Если наличие Временного правительства оправдывалось самым процессом восстановления в этой части России государственной власти после изгнания из нее большевиков, а пост начальника губернии, соединенный с управляющим отделом внутренних дел, был также необходим, то несомненно, что генерал-губернаторство было совершенно излишним учреждением и со вступлением ген. Миллера в должность главнокомандующего оно было упразднено. Однако, так как главнокомандующему принадлежали крупные права в области гражданского управления в смысле охранения государственной и общественной

безопасности, то гражданская канцелярия генерал-губернатора не была упразднена, а получила наименование гражданской канцелярии главнокомандующего.

Такое нагромождение властей вряд ли способствовало успеху дела, создавая взаимные трения и волокиту, но в этой главе я хочу коснуться не административной техники управления, а общего направления политического курса, так как только это и может составить интерес для широкой публики.

Прежде всего, конечно, придется остановиться на деятельности в этой области Временного правительства. Я ограничусь лишь сообщением кратких сведений о внутренней политической группировке его членов при рассмотрении вопросов принципиального характера.

До земско-городского совещания при разногласиях намечались всегда три течения. Левое было представлено управляющими отделами внутренних дел Игнатьевым и народного просвещения Федоровым (народные социалисты), правое — управляющими отделами торговли и промышленности Мефодиевым (к.-д.) и юстиции Городецким, а центр — Зубовым (Союз Возрождения России) и ген. Миллером. Решающая роль, несомненно, принадлежала центру, в который входил председатель правительства, а также главнокомандующий, имевший исключительное влияние на весь курс правительственной деятельности, тем более что вместе с главнокомандующим голосовал обыкновенно и входивший в состав правительства ген. М — ский.

После реконструкции власти правое крыло в лице Городецкого и Мефодиева отпало, и одно время левое крыло оказывало сильное влияние на правительственный курс благодаря наличию Скоморохова (с.-р.), который, как мы увидим ниже, отличался незаурядным природным умом и энергией. Его партийный товарищ Едовин слепо следовал за ним, плохо разбираясь при этом в государственных делах. Однако при этом составе правительства умеренное течение в лице центра имело несомненный перевес, так как центр в лице Зубова и

ген. Миллера усилился Багриновским и Цапенко, да и Федоров был далек от поддержки во всех случаях Скоморохова и Едовина. Последние, чувствуя после отклонения амнистии и принятия энергичных мер к сохранению порядка в связи с уходом союзников игру свою проигранной, выбыли из состава правительства, если не ошибаюсь, в конце октября, или, как они выражались в своем заявлении по этому поводу, «сложили свои полномочия», считая, что это должно было вызвать уход и других членов, так как все правительство было призвано к власти земско-городским совещанием. Однако правительство не разделило такой точки зрения, считая себя одним из органов всероссийской власти ввиду сохранения преемственности с таковой в лице своего председателя Н. В. Чайковского, а потому полномочия свои не сложило, а Скоморохова и Едовина освободило от дальнейшего участия в составе правительства.

Мотивируя свой уход, Скоморохов заявил, что он считает новый состав правительства более контрреволюционным, чем до реконструкции власти, но никаких данных в обоснование такого своего взгляда не привел, а лишь сослался на отклонение амнистии. Однако этот вопрос потерял к этому времени всякую свою остроту, ибо, за исключением нескольких человек, все осужденные за «большевизм» советские деятели были выпущены правительством в порядке персонального помилования, а в заключении оставались только Бенин, Цейтлин и Клюев, не пожелавшие подать требуемое от них правительством заявление о том, что они «обязуются больше не выступать против правительства Северной области и раскаиваются в учиненных ими преступных деяниях».

Непосредственное руководство внутренней политической деятельностью лежало на управляющем отделом внутренних дел, в руках которого находился весь административный аппарат, так как этот пост был совмещен с должностью начальника губернии. На этом посту я застал В. И. Игнатьева, причем еще до своего личного

знакомства с ним мне пришлось со всех сторон слышать, что он претендовал на руководящую роль в правительстве и что претензии его в этом отношении иногда увенчивались успехом. Не было другого такого лица в Архангельске, которое сумело бы всех так объединить в чувстве недоброжелательства к себе, как В. И. Игнатьев. Своей заносчивостью и олимпийским величием, столь негармонизировавшими с его прошлым — политического ссыльного в административном порядке и настоящим — демократического деятеля, вышедшего из рядов народно-социалистической партии, — он отталкивал от себя не только рабочих, но и гораздо более умеренные демократические элементы в лице представителей земств и кооперации; те же качества выводили из себя его политических противников справа, считавших его выскочкой, претендующим играть роль прежнего губернатора. К сожалению, он сам подавал повод к подобным обвинениям не только своей манерой держаться, но и некоторыми своими поступками, как, например, арестованием зазевавшегося и не отдавшего ему чести милиционера, о чем им был отдан официальный приказ, окончательно подорвавший его престиж в демократических кругах. Мне скажут, что это мелочь, но она характерна, а самое печальное это то, что в его деятельности не было ничего крупного, что было бы достойно отметить на страницах моих воспоминаний. Ни одного серьезного труда в разнообразных отраслях вверенного ему управления и лишь пышная, но дешевая революционная фразеология в выступлениях, столь не вяжущаяся при этом с натянутым и напыщенным видом снобирующего бюрократа, и газетные фельетоны вместо законопроектов. Появление его у власти было положительно загадкой.

В. И. Игнатьева заместил городской голова архангельской Городской думы И. В. Багриновский, на которого в связи с его энергичной деятельностью в области городского самоуправления возлагались большие надежды. Мне самому приходилось быть свидетелем его

общественных выступлений, которые рисовали его человеком искренним, разумно, толково разбирающимся в окружающей сложной обстановке. Такое же впечатление было и от его первых шагов в качестве руководителя внутренней политики, совпавших с тревожными днями созыва земско-городского совещания и уходом союзников, когда он твердо и уверенно поддерживал в правительстве и проводил в жизнь мероприятия, которые дали нам возможность выйти с честью из павшего тогда на нас тяжкого испытания. Но те, кто его хорошо знал, предсказывали, что его ненадолго хватит для планомерной и систематической работы, так как основными чертами его характера являлись порыв и настроение. К сожалению, эти предсказания оправдались, и он, несмотря на вступление наше в полосу критических событий, отдался своим личным делам, которые, конечно, не являются темой для нашего исследования.

Выдвинувшая его городская дума, как мы уже видели по делу ее оправданного секретаря Антушевича, склонна была принимать самое активное участие в политической жизни края не только тогда, когда члены ее привлекались к этому в порядке созыва земско-городского совещания, но и тогда, когда на повестках ее стояли более скромные вопросы городского хозяйства. Поэтому заседания думы временами не носили твердого, делового характера, и каждый поставленный на повестку вопрос вызывал схватку правого и социалистического блоков. После ухода из думы И. В. Багриновского на выборах его заместителя победил правый блок, и пост городского головы занял крупный местный торговец г. Александров. Это вызвало не только длительное противодействие со стороны социалистического блока, но и оппозицию служащих городской управы, большая часть которых принадлежала к демократическим элементам. Однако в своих политических выступлениях городская дума, как в период земско-городского совещания, так и в последний критический момент существования области была носителем умеренных течений политической

мысли и до конца оказывала поддержку правительству и высшему военному командованию.

Земство было в руках эсеров всех трех групп (левых, правых и центра) со Скомороховым в качестве председателя губернской земской управы во главе. Правое, оборонческое, крыло его было незначительно, имея своим лидером редактора «Возрождения Севера» А. Иванова. Душой, вдохновителем, вернее, полновластным руководителем земства был Скоморохов, авторитету которого беспрекословно подчинялись представители левых эсеров и центра. Отличительными чертами этой незаурядной фигуры являлись природный ум и сильная воля. Доктор Борис Соколов отзывался о нем как о надежнейшем и преданнейшем члене эсеровской партии, но если верить в искренность оборончества самого доктора Соколова, то он в Скоморохове ошибся, считая его принадлежавшим к правому эсеровскому крылу. Как большинство самоучек, Скоморохов был самоуверен, а усвоенные им социальные доктрины носили для него непреложное значение символа веры. Все это, вместе с конденсированной классовой злобой, придавало его энергии сатанинский характер, когда он начинал кампанию против своих врагов, причем нелегальная деятельность в период царского режима выработала в нем искусные навыки к подпольной работе. После ухода из правительства он организовал очередной натиск на последнее и в критический момент нанес удар, который оказался роковым не только для правительства, но и для самого существования области.

С деятельностью земства в земельном вопросе мы познакомимся в отдельной главе, а пока отметим некоторые характерные черты его хозяйственной деятельности.

Архангельское земство насчитывало только несколько лет своего существования, оно не имело ни опыта, ни традиций, ни средств, которыми располагали старые земства соседних Вологодской и Вятской губерний. Существовая на правительственные средства, зем-

ство настолько неудовлетворительно вело свое хозяйство, что возникал даже вопрос о правительственной ревизии. Наряду с неумением и бестолковостью были допущены и прямые злоупотребления, что можно было усмотреть из расследования, произведенного по поводу поставки земством недоброкачественной рыбы военному ведомству. Расследование это как раз совпало с последним натиском земского собрания на правительство, и материал его послужил прекрасным оружием в руках главнокомандующего для охлаждения пылких демагогов, подвергших беспощадной критике правительственную политику. Очень жалко, что последовавшее через две недели после этого падение области помешало привлечь к законной ответственности тех господ из земской среды, которые проливали крокодиловы слезы о «несчастных солдатах, понуждаемых офицерами к бессмысленной братоубийственной бойне» и одновременно поставляли недоброкачественную рыбу, употребление которой могло вывести из строя не один десяток человек.

Отсутствие разумной и добросовестной хозяйственной деятельности земство компенсировало политическими выступлениями с обвинением Временного правительства в контрреволюционности и посягательстве на народные права, не имея при этом никаких конкретных данных для фактического обоснования своих обвинений. Если в чем и можно было обвинить правительство, так это в том, что оно слишком щепетильно относилось к охранению принципов земского самоуправления и на беспочвенные нападки не ответило ревизией земских учреждений и передачей виновных прокурорскому надзору. Правительство содержало на казенные средства не только законную оппозицию, но, как мы увидим ниже, и прямых предателей, с которыми можно и должно было разговаривать только в порядке военно-полевого суда.

Принимая участие в земско-городском совещании, земство усиливало в нем левое крыло, давая явный перевес социалистическим элементам, что обеспечивало

Скоморохову председательское место и исключительное влияние на работу земско-городского совещания. С деятельностью последнего мы уже ознакомились при рассмотрении вопроса о политической амнистии, ничем более реальным эта работа не выразилась, что удостоверено было даже самим земско-городским совещанием в проекте его конституции.

Аграрный вопрос не носил в Северной области характера остроты, так как помещичьих земель там не было, и лишь монастыри были крупными земельными собственниками. Распоряжением Временного правительства Северной области церковные и монастырские земли были конфискованы и обращены в национальный фонд. Кроме постановления о монастырских землях, были опубликованы еще два закона: о расчистках и оброчных статьях. Расчистками назывались участки земли, предоставляемые издавна на Севере на льготных основаниях тем, кто брался их расчищать для заведения на них крестьянского хозяйства. Постановлением Временного правительства в отношении оброчных статей и расчисток устанавливался максимум владений на одного домохозяина в 11 десятин. Лишь в пределах этого максимума владельцу земли предоставлялась возможность спокойно пользоваться его участком, если последний эксплуатировался в сельскохозяйственных целях, так как, согласно общему характеру всех вышеназванных трех земельных законов, земля каждой волости находилась в полном распоряжении волостного земства, которое имело право поступать с нею по своему усмотрению. Так как в каждой волости были свои порядки и воззрения, а между волостями не было определенных границ, то законы, базируясь на усмотрении волостного земства, устанавливали полный хаос в области земельных отношений, создавая массовые споры между волостями о компетенции той или иной волости решать спорное дело. При споре крестьян разных волостей между собой выигрывал тяжбу обыкновенно тот, волость которого принимала участие в разрешении спора. При столк-

новении интересов отдельного владельца с волостью, которая по закону была не только судьей, но и хозяином земель, поступивших в волостной фонд, конечно, процесс всегда выигрывала волость, которая была заинтересована в том, чтобы отобрать лишний кусок земли и хозяйничать над ним. Путаницу усугубляло еще и то обстоятельство, что с формальной стороны постановления волостной земской управы подлежали обжалованию административного суда, а по существу — волостного земского собрания, которое было в этом отношении последней и окончательной инстанцией, что тоже часто вызывало острые конфликты между судебными учреждениями и земством.

В законе о расчистках ясно была видна тенденция сохранить землю за захватчиками ее в порядке развития революционного процесса, а не за теми, кто действительно в свое время потратил колоссальный труд на ее расчистку. Постоянные недоразумения порождались также между новыми владельцами монастырской земли и бывшими арендаторами ее у монастырей.

Без всяких пояснений понятно, влияние каких партийных течений отразилось на всех этих земельных законах, красной нитью через которые проходит искоренение в области землевладения собственнического начала.

Законы эти прошли во Временном правительстве под сильным личным давлением Чайковского, за несколько дней до его отъезда за границу.

Однако и в этом своем виде они не удовлетворяли губернское земство во главе со Скомороховым, которое особенно настойчиво, сначала в виде ходатайств, а потом и прямых требований настаивало перед правительством на отмене ограничения, установленного в отношении спокойного пользования владельцем земель в пределах законного максимума в одиннадцать десятин, и на предоставлении волостным земствам права отбирать земельные участки у владельцев, не считаясь ни с нормой, ни с характером владения. Так как ограничение это

продолжало сохранять свою силу, то земство попыталось отменить его своей инструкцией, которую оно должно было составить в силу закона. Инструкция эта подверглась критике консультации при управляющем отделом юстиции, после чего земство пошло уже походом на Временное правительство, которое, однако, тянуло с разрешением этого вопроса и своего решительного слова по нему не сказало.

Между прочим, в нашу крестьянскую среду проникли сведения о том, что в Сибири к разрешению аграрного вопроса подошли более осторожно, с бережным отношением к принципу частной земельной собственности, что имело у нас своим последствием столкновение в крестьянской среде, часть которой приветствовала сибирские законы и указывала на необходимость применения их у нас, а часть резко протестовала против них, причем не обошлось даже без эксцессов.

Финансы, торговля и промышленность

Северная область, как это уже было отмечено в одной из предыдущих глав, вмещалась в пределы прежней Архангельской губернии, которая хотя и обладала значительными природными богатствами в виде леса, рыбы и пушнины, но зато не имела в достаточном количестве своего хлеба, принадлежа в этом отношении к числу не производительных, а потребительных губерний. Конечно, разумное использование лесных богатств и рыбных промыслов давало бы возможность области свести концы с концами в порядке обмена этих ценностей на хлеб, но нельзя забывать, что мы находились в состоянии войны, для которой, как известно, нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. Вполне понятно, что область не в состоянии была на свои скромные средства вести вооруженную борьбу, которая, конечно, требовала колоссальных затрат. Ясно, что в этом отношении нельзя было обойтись без посторонней помощи, которую, несомненно, не в силах было оказать

омское правительство, а поэтому она всецело пала на союзников, вернее, на англичан. Мне не известен точно порядок расчета с ними за предоставленное ими в большом количестве вооружение, снаряжение, обмундирование и продовольствие для армий, очевидно, тут сыграли некоторую роль довольно крупные средства, имевшиеся за границей у наших дипломатических представителей для расчета за военные заказы в связи с национальной войной, но помощь была оказана не только в военной, но и в чисто финансовой области, путем выпуска северных кредиток, обеспеченных Английским банком.

Когда я приехал в область, я застал в обращении самые разнообразные денежные знаки. Наибольшей ценностью обладали северные деньги, выпущенные англичанами и получаемые из Англии, где они печатались. Они считались по официальному курсу вдвое дороже всех других знаков, а так как фунт стерлингов расценивался в сорок рублей северных, то и курс обыкновенного рубля стоял на Севере довольно высоко. Этому курса правительство придерживалось и в дальнейшем, уже после изъятия из обращения северных денег, что, конечно, не соответствовало действительному положению вещей, ибо стоимость нашего рубля все падала.

Вскоре после моего прибытия правительство отдало распоряжение о перфорации (штемпелевании) царских, думских и керенок, объявив известный срок, в течение которого они должны были быть представлены для перфорации, после истечения которого непроштемпелеванные денежные знаки перечисленных категорий подлежали изъятию из обращения. Насколько мне удалось выяснить, мера эта была принята под влиянием полученных из Омска распоряжений, где были проведены еще более энергичные мероприятия к аннулированию керенок, что вызвало страшное неудовольствие сибирского крестьянства и, как потом это оповещалось большевиками, послужило одним из поводов падения адмирала Колчака. У нас штемпелевание имело главной

целью прекратить наплыв этих денег из-за границы и Совдепии, а также установить количество обращаемых в области денежных знаков, для выяснения нужды в таковых населения области и в связи с эмиссионным правом областного банка.

Я уже указывал выше, описывая восстание на Пинеге, какое неудовольствие вызывала эта мера в крестьянском населении и как ее в своих интересах использовали большевики. Нетрудно понять причины этого неудовольствия, особенно в прифронтовой полосе, где население переходило то к красным, то к белым и где оно, следовательно, нуждалось в денежных знаках, имевших значение для обеих сторон, а ему как раз «портили» самые ценные с его точки зрения деньги. Но и в Архангельске эту меру встретили с большим возмущением, тем более что выполнение штемпелевки было поставлено безобразно, так как она проводилась в кратчайший срок и вызывала скопление публики, которая, простаивая часами в хвостах, подвергала принятую правительством меру самой озлобленной критике. Правда, вскоре обыватель нашел довольно простой выход из положения. Так как способ штемпелевки был очень простой и состоял в пробитии маленьких отверстий с изображением очередного номера штемпеля, то приступили к перфорации домашним способом при посредстве шпилек и булавок, причем «перфорированные» таким образом деньги, даже при самой грубой подделке, имели свободное обращение. Однако большинство населения совершенно уклонилось от штемпелевания, особенно крупных кредитных билетов, так как нештемпелеванные стали приниматься охотнее и даже их расценивали дороже в сравнении со штемпелеванными равного с ним достоинства. Чтобы покончить с неудачными мероприятиями правительства в этой области, необходимо еще отметить то неудовольствие, которое вызывало в населении отсутствие мелких денежных знаков, из-за чего происходили постоянные пререкания в трамваях и магазинах, которые, чтобы исправить это неудобство, завели особые чековые книжки.

С вопросом этим так тянули, что машины для напечатания этих денежных знаков прибыли из-за границы незадолго до падения области.

Согласно имевшимся в моих руках сведениям, полученным из торгово-промышленных кругов, торговля при союзниках находилась почти вся в их руках, так как они были распорядителями морского транспорта, и лишь 16% вывозимого груза приходилось на нашу долю. Под прикрытием военного мундира в Архангельске появились многочисленные представители английского торгового мира, вроде селедочного короля П—ра, снабдившего нас, между прочим, весьма недоброкачественными норвежскими сельдями старого засола.

Для урегулирования валютного вопроса правительство потребовало от экспортеров выдачи подписок о сдаче областному банку вырученной от продажи леса и других товаров валюты, без чего не выдавало разрешительных свидетельств на вывоз. Союзники с своей стороны не склонны были считаться с этими правилами и разрешали вывоз товаров по выдаваемым ими так называемым компенсационным свидетельствам, обеспечивавшим экспортерам оставление в их руках денег, вырученных от продажи товаров за границу.

Так работали в этой области англичане, но от них не отставали и французы, которые подошли к этому вопросу немного иначе. В Архангельске появился громадный французский пароход «Тор», нагруженный исключительно предметами роскоши: вином, парфюмерией, сладостями и принадлежностями дамского туалета, причем все эти товары продавались только на северные деньги. Таким образом выкачивание валюты пошло путем импорта, причем когда была сделана попытка запротестовать, то ловкие друзья сослались на Н. В. Чайковского, которого им действительно удалось убедить в Париже оказать содействие к проведению этой губительной для нашего финансового благополучия операции. Но мало этого, у валюты появился еще более грозный «внутренний» враг в лице управляющего областным

банком г. Б. Последний располагал правом при расплатах с частными банками и фирмами часть суммы выдавать северными, а часть другими денежными знаками. Он использовал это свое право в интересах одного банка, с которым был связан близкими отношениями, путем расплаты с последним северными деньгами, причем таковая производилась обыкновенно накануне поднятия курса этих денег, так что мало того, что тратилась валюта, но правительство еще теряло и на курсе.

Все указанные выше промахи и недочеты объяснялись в значительной степени тем, что финансы находились в руках слишком доверчивого и малокомпетентного в этом вопросе П. Ю. Зубова, а торговля и промышленность были вверены доктору Мефодиеву, который по своей медицинской специальности вряд ли был на высоте понимания врученного его руководству дела.

С созывом земско-городского совещания и образованием нового состава правительства, Мефодиев и г. Б. покинули свои посты. Управляющим областным банком был назначен г. Р., а соединенные в один отдел финансы, торговля и промышленность были вручены инженеру К., одному из директоров Коломенских заводов.

Первые шаги его деятельности были ознаменованы крайне резким выступлением в отношении представителей торгово-промышленного класса, которых он вызвал к себе для переговоров в связи с испытываемыми областью финансовыми затруднениями, потребовав от них выполнения принятых ими на себя обязательств по сдаче валюты. Предполагаю, что это послужило одним из главных поводов для открытия против него кампании, которая приняла в конце концов ожесточенный характер. Переговоры во всяком случае не привели ни к каким реальным результатам, а между тем область испытывала в означенный период крайнюю нужду в платежных средствах за границей.

Ввиду этого я был вызван к главнокомандующему, где на совместном совещании с инженером К. было решено принять исключительные меры для побуждения

внесения валюты теми лицами, которые нарушили свой долг и не выполнили принятых перед правительством обязательств. В результате этого был издан 29 октября приказ главнокомандующего следующего содержания:

«Для борьбы с врагом армия и флот нуждаются в хлебе, фураже и угле, которые можно приобрести главным образом за границей за счет иностранной валюты. Без этой валюты Северная область лишена возможности удовлетворять эти жизненные потребности своих вооруженных сил, а потому получение ее правительством составляет насущную и неотложную потребность для облегчения возможности продолжения вооруженной борьбы. В целях успеха ведения войны считаю необходимым в порядке исключительных прав, предоставленных мне, как главнокомандующему, принять нижеследующие меры:

1) Лица, обязавшиеся подпиской о сдаче иностранной валюты Северному областному банку по вывозным разрешениям и не сдавшие таковой по требованию отдела финансов в назначенный этим отделом срок, подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы сроком от 4 до 6 лет и, сверх того, отобранию всего принадлежащего имущества в казну.

Основание: ст. 12 Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении.

2) На основании второго пункта ст. 19 тех же Правил дела об упомянутых выше преступлениях изъемлю из общей гражданской подсудности с передачей их на рассмотрение военного суда».

Приказ этот имел самые благоприятные материальные результаты, ибо, как и следовало ожидать, все прикосновенные к нему лица, находившиеся в Архангельске, решили, что с военным командованием шутки плохи, и немедленно внесли в распоряжение областно-

го банка ту валюту, которую они, в нарушение выданных ими обязательств, не представляли до сих пор.

Отношения г. К. с торгово-промышленными кругами обострялись все больше и больше и наконец дошли до своего кульминационного пункта после того, как последним стала известна составленная управляющим областным банком г. Р. записка об организации импорта и экспорта. Записка эта действительно носила чрезвычайно поверхностный характер, создавая какой-то непонятный орган из представителей отдела финансов, торгово-промышленного класса и общественности, который должен был взять в свои руки всю заграничную торговлю. Но кроме того, эта записка была совершенно недопустима по своему тону, своими резкими выпадами против торгово-промышленного класса, которому во всероссийском масштабе приписывались все наши бедствия, будто бы имевшие своим источником его корыстолюбие и нежелание поступиться своими интересами для общего блага. Не говоря уже о том, что такое огульное и необоснованное обвинение одного класса представлялось совершенно несправедливым, так как вина за нашу разруху несомненно была общая, это обвинение было особенно неосторожно, так как исходило от одного из ответственных деятелей финансовой политики правительства, обязанного к особой сдержанности по своему служебному положению.

Нельзя было не согласиться с представителями торговли и промышленности, что проект этот носил на себе отпечаток большевизма, ничем не отличаясь от большевистского декрета о национализации внешней торговли, и название «совнархоз», метко брошенное кем-то, более всего подходило к проектированному органу. Недаром проект этот имел такой успех среди наших крайних левых элементов, что, как оказывается, имел в виду и сам автор его, уже крепко к этому времени связавший с ними свою судьбу через Арбюр.

Торгово-промышленные круги выступили в ответ на проект г. Р. с подробной критикой, изложенной в представленной главнокомандующему и правительству особой

записке, любезно врученной мне одним из представителей торгово-промышленного класса. Записка эта указывала на все отмеченные мною выше промахи, допущенные самим правительством при разрешении валютного вопроса, и, с приложением диаграмм и цифровых данных, доказывала, что при установленном низком курсе на контрвалюту никакая торговая деятельность невозможна, так как никто себе в убыток торговать не станет. Поэтому правительству предлагалось установить более нормальный и соответствующий рыночным ценам курс на валюту и не требовать по окончании торговой операции сдачи вырученной суммы целиком, оставляя часть ее владельцу в качестве фонда для последующих операций и для поощрения его для дальнейших предприятий.

Одновременно правительство подвергалось отповеди и со стороны кооперативных организаций в лице представителя Центросоюза г. С., поводом к чему послужило резкое выступление управляющего отделом финансов, торговли и промышленности г. К. на совещании из представителей правительства, торгово-промышленного класса и кооперации, на котором он позволил себе упрекнуть публично местную кооперацию в своекорыстной деятельности и в получении за свое посредничество ростовщических процентов. Представитель Центросоюза представил главнокомандующему особую докладную записку, в которой просил указать ему порядок привлечения за клевету члена Временного правительства г. К., а затем подробно обрисовал всю деятельность кооперативных организаций на Севере, направленную, согласно записке, на снабжение области дешевыми продуктами и предметами первой необходимости.

Я не берусь быть судьей того, кто был прав в возникшем тогда столкновении между представителями правительства, с одной стороны, и торгово-промышленными кругами и кооперативами — с другой. Из бесед с председателем правительства П. Ю. Зубовым я вынес впечатление, что правительство в вопросах финансовой

и торговой политики держится взглядов, которые положены сейчас в основу деятельности правящих кругов почти всех стран, испытавших на себе последствия мировой войны, и которые сводятся к урегулированию ввоза, с устранением из него так называемых предметов роскоши, и к всемерному поощрению производства и вывоза, но с сосредоточением в руках правительства экспортной валюты для поддержания падающего курса денег и уменьшения или хотя бы задержания вздорожания предметов первой необходимости.

Цены на последние, которые мне удалось сохранить в своей памяти, могут отчасти служить иллюстрацией того, что правительство в значительной степени достигло указанной цели. Население получало ежедневно по фунту белого хлеба, стоившего 55 коп. фунт. Рыба в изобилии предлагалась на рынке и в кооперативах от 2 р. 50 к. (треска) до 4 рублей (камбала, навага и др.) за фунт. Мясо было труднее достать, но и оно стоило всего от 8 до 9 р. фунт. Дороже было масло — 40 р. фунт и молоко — 10—12 р. бутылка. Конечно, я беру архангельские цены самого последнего времени, которые были много выше, чем в других местах, так как, например, в Селецком районе бутылка молока стоила от 80 коп. до 1 рубля. В офицерском собрании обед до последнего времени стоил 6 рублей, трамвай, в зависимости от перрона, — от 1 до 3 рублей, газета — 1 рубль за номер.

ПАДЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

ВВЕДЕНИЕ

История Северной области может быть разделена на три довольно отчетливых заметных периода. Первый — весьма короткий, со дня падения большевиков, 2 августа 1918 г., и до 6 сентября того же года, период, связанный с верховным управлением.

Второй период — постепенная кристаллизация военной диктатуры, которой противостояла отчасти власть союзников. Когда уход последних был в принципе решен, июнь—июль 1919 года, и они от какого-либо вмешательства в жизнь страны устранились, тогда полностью вступила в свои права военная власть. Фактически этим временем (июнь—июль) и заканчивается второй период жизни Северной области.

Наконец, третий период, военная диктатура генерала Миллера, блестяще начатая победами на всех фронтах, раздвинувшая границы северного государства и окончившаяся спешной эвакуацией штаба и генералитета на ледоколе «Минин», что и имело место 19 февраля 1920 года.

О первом периоде, интересном и своеобразном, было говорено не раз в печати, и он, по-видимому, освещен достаточно, хотя многое происшедшее в этот период и вызывает удивление и недоумение.

Второй период бесцветен и монотонен.

Русских войск было очень мало. Организованы они были плохо, быть может, благодаря нераспорядительности генерала Марушевского, тогдашнего командующего войсками области.

Союзное командование — по преимуществу английское, — боясь неожиданностей и возможностей российских, терялось от бесконечности северных лесов и пространств. Оно предпочитало держаться оборонительной военной тактики, отказывалось от наступлений, снисходительно смотрело на коммерческие и прочие манипуляции своих подчиненных — по скупке мехов, имело какое-то отношение к лесным операциям и, наконец, сочувствовало спорту и веселью, царившему «в» и «около» союзнических отрядов.

Население местами относилось одобрительно к союзникам, получало от последних «виски» и паек английского образца, весьма обильный, и устраивало вечеринки.

Местами же — это бывало в деревенских захолустьях, где союзники распоясывались, — население было резко враждебно им и доходило даже до восстаний и убийств иностранных солдат.

Свидетелем третьего периода в истории Сев. области мне и пришлось быть, ибо я приехал в Архангельск на «Кальяне» в июле 1919 года.

Этот период глубоко интересен.

Конечно, в нем нет размаха событий, которые были на юге России или в Сибири. Конечно, Северная область, большая по своим размерам, была мала количеством населения, и тем не менее события, в ней развернувшиеся, заслуживают войти в историю российской гражданской войны и занять в ней не последнее место по драматизму и по внутреннему противоречию событий, имевших в ней место.

I. СОЮЗНИКИ

«Кальяна», английское госпитальное судно, на котором выехал я из Англии, прибыло в Архангельск в двадцатых числах июля 1919 года.

На этом пароходе, помимо меня, ехало несколько сот русских офицеров, в большинстве бывшие пленные в Германии и интернированные после падения Украины добровольцы. Ехал также отряд русского Красного креста во главе с уполномоченным И. И. Фидлером.

Английский майор, возвращавшийся обратно в Северную область, словоохотливо и, по-видимому, искренно ввел меня и в английские настроения и в английские мнения. Все, что он говорил, вполне отвечало тому, что мне впоследствии говорили другие англичане и что, в краткой форме, повторил английский генерал Айронсайд.

— Мы не понимаем русских. Скоро год как мы на севере России. Почему мы пришли? Нас позвали. Мы хотели помочь вашей борьбе против большевиков... И, однако, что же мы видим? Русские не хотят сражаться. Всюду на позициях стоим мы, а те, что есть, бунтуют, организуют восста-

ния, и мы же должны эти восстания подавлять. Это бесполезная затея, которая дорого стоит королевскому правительству. Я ездил в Лондон с подробным докладом, и решен окончательно и бесповоротно увод наших войск из России. К тому же этого требуют наши рабочие.

— А если союзники уйдут, что будет с Северной областью, справится ли она с большевиками?

— Конечно, нет. Об этом нечего и думать. В тот же день, когда мы уйдем, придут большевики. Готов держать пари.

— Но если так, к чему же везут этих русских офицеров? На растерзание большевикам?

Майор пожал плечами:

— Это не наше дело. Наш штаб возражал. Считал это бесполезным. Но русское командование настаивало. Мы обмундировали их и везем. Дальше не наша забота. Вообще... я многого не понимаю.

Архангельск, залитый солнцем, со своими деревянными тротуарами и широкими, наполовину не замощенными улицами, с низкими домами, показался мне русской деревней. Особенно силен был контраст с оставленными позади Лондоном и Парижем.

Впечатление первое — всюду иностранцы. Больше всего английских солдат...

Все лучшие дома заняты под их штабы, правления и лавки.

Всюду английские флаги и английская речь.

А российские обыватели, архангельские мещане и мещанки — во множестве заполняют в вечерние часы городской сад. Играет скверный военный оркестр. Семечки. Скучные, обыкновенные, провинциальные разговоры.

Немало русских офицеров. Среди них попадаются часто — в генеральских погонах. Все в английских френчах.

Общее впечатление от города какое-то двойное, тяжелое.

Первое, что я прочел, сойдя с парохода, был приказ, расклеенный на всех столбах и заборах. Приказ

этот, подписанный генералом Миллером, русским главнокомандующим, датированный 12 июля, гласил следующее:

«Граждане. Произошел прискорбный факт.

Вчера группа солдат Архангелогородского полка и матросов напали на проходивших английских солдат и их избили. Часть виновников этого происшествия арестована и понесет должную кару.

Настоящим сообщаю, что всякое подобное дерзкое нападение на наших союзников, защищающих Сев. область, будет караться самым суровым образом, по законам военного времени».

Но если в Архангельске это было не больше чем ничтожным инцидентом — драка между пьяными солдатами, то этого нельзя сказать о событиях в Двинском районе.

Это произошло в середине июля и таким образом совпало с первыми днями моего пребывания в Архангельске.

На Двинском фронте стоял Дайеровский батальон, офицерами которого были по преимуществу англичане, а солдатами — русские. Небольшая группа солдат окружила штаб батальона, убила четырех английских и шесть русских офицеров и пыталась окружить и районный штаб.

Восставшие были рассеяны, и часть из них расстреляна.

Под впечатлением этих событий, весьма взволновавших союзников, я поехал на Железнодорожный фронт.

Общее военное положение в Северной области представлялось в следующем виде.

Фронт, линия фронта была в несколько тысяч верст, начинаясь у границы с Финляндией и кончаясь за Печорой. Но густые леса, непроходимые болота, а

особенно малочисленность красных войск, позволили ограничиться тем, что защищали лишь железные дороги, водные и шоссейные пути, узловые пункты, селения и деревни. Так, например, на самой железнодорожной линии (Вологда — Архангельск) было сконцентрировано на железнодорожной полосе до двух полков пехоты и могучая артиллерия, а справа и слева ее на десятки верст не было ни постов, ни укреплений, ходили только разведки.

На характере борьбы на Севере я остановлюсь подробнее впоследствии.

Все фронты были в полном подчинении у английско-го командования. Последнее было полным хозяином — русское же командование играло роль пассивную и второстепенную. Позиции были заняты главным образом английскими, кое-где французскими силами, русским же разрешалось занимать более глухие и менее ответственные места. Пропуски, проезды по железной дороге, вагоны, санитария, эвакуация — все это было в руках у союзной комендатуры.

Госпитали, как фронтовые, так и тыловые, были английские, персонал же смешанный, русский и английский.

Интендантство, снабжавшее фронт и тыл, было исключительно английским, и русские получали все, начиная с довольствия и кончая обмундированием, с английских складов.

Нужно заметить — это подтвердит каждый бывший на Севере, — что снабжение было организовано на широкую и щедрую ногу. Паек, выдававшийся русским военным, как офицерам, так и солдатам, был чрезвычайно обилен и идентичен пайку, получаемому английским солдатом. То же самое приходится сказать и об обмундировании. Союзники, придя в Северную область, принесли с собою и свои привычки и навыки. Комфорт их даже военной, фронтовой жизни казался странным русскому глазу, привыкшему к лишениям, зачастую ненужным, проистекавшим из русской безалаберности.

Особенно поражала русских чистота палаток, безукоризненная чистота отхожих мест и мостки, проведенные в лагерях англичан.

Теплушки были приведены стараниями англичан в состояние, отвечавшее требованиям гигиены, обшиты тесом, устроены в них камины и печи.

В свободное от войны время, а его было достаточно, англичане занимались спортом, особенно футболом, ходили на охоту, бегали на лыжах, устраивали состязания, получая все нужное для этого из своего Красного креста.

Я говорю об англичанах.

Ибо другие союзные войска — и американские и французские — были и вообще в незначительном количестве на Севере России, да и к тому же мне не пришлось их наблюдать, ибо ко времени моего приезда они уже эвакуировались.

Несмотря на то что союзные войска прибыли в Архангельск в августе 1918 года и были, следовательно, около года в Сев. области, военные успехи их были ничтожны. Позиции, которые занимали войска к зиме восемнадцатого года, они занимали и к июню девятнадцатого. Кое-где, например на Двине, произошло продвижение, сопряженное даже с известным военным успехом, но в итоге все-таки приходится отметить следующее положение: хотя союзники и были в Сев. области, хотя они и занимали позиции, хотя и был фронт, поддерживаемый союзническими войсками, но по существу войны не было. Большевики не наступали, не интересуясь Северным фронтом, союзники в свою очередь также не считали нужным проявлять свои воинственные наклонности. Лучшим доказательством, подтверждающим вышесказанное, могут служить статистические данные об раненых и убитых англичанах. У меня нет под рукою точных цифр, но, помнится, по докладу генерала Айронсайда, число убитых не превышало нескольких десятков, из коих большинство были убиты в наступлении, которое англичане развили перед своим уходом.

Пассивность англичан служила неоднократно предметом обсуждений в русской военной среде. Большинство обвиняло англичан не только в пассивности, но даже в трусости. Более того, уверяли, что английское командование мешает проявлению активности русских воинских частей, что оно парализует волю русского командования. Генерал Марушевский, бывший главнокомандующим большую часть времени пребывания союзников в Сев. области, в ответ на упреки, делаемые ему офицерами, — упреки в том, что за целый год не было никаких активных военных выступлений, заявил (газета «В. С.»):

«Русское военное командование было лишено самостоятельности и исполняло предначертания союзного штаба. Все мои указания на необходимость наступления, особенно на Двинском и Мурманском фронтах, отклонялись союзниками по мотивам недостаточности войск и ненадежности населения, сочувствующего большевикам».

В конце июля я был принят генералом Айронсайдом, главнокомандующим союзными войсками, и имел с ним обстоятельную беседу и о деятельности англичан в С. о. и о планах их на будущее. Здесь я привожу ее лишь в сокращенном виде, полнее же текст был напечатан в парижской газете «Information»:

— Союзные войска прибыли на Север России по просьбе Верховного управления, председателем коего был Н. В. Чайковский. Они прибыли тогда, когда общеевропейская война еще продолжалась и союзники боялись взятия немцами Петрограда. Таким образом первоначальная цель — создание противогерманского фронта и охрана архангельского и мурманского портов. После перемирия с германцами встал вопрос о нашем уходе из С. о., но по просьбе правительства С. о. и, главным образом, того же г-на Чайковского, решено было не только оставить те войска, что были, но и прислать новые, составленные из добровольцев, главным образом из англичан. Союзные войска остались, чтобы

помочь русским сформировать свою армию, а отнюдь не для того, чтобы развивать военные операции и вмешиваться в русские дела.

Однако приходится констатировать печальный факт. Скоро год как союзники здесь, а русской армии как боевой единицы еще не существует. Те несколько полков, что сформированы при нашей помощи, решительно никуда не годятся. Офицеры держат себя недостаточно корректно, а солдаты-большевики устраивают бунты. Недавно были восстания и заговоры в 3, 1, 6 и 5-х полках. Как видите, чуть ли не во всех имеющихся налицо полках. Главный русский штаб организован плохо и не пользуется авторитетом у своих войск. Создается безнадежное положение...

— Что же делать?

— Мое мнение — надо ликвидировать Северный фронт. Он совершенно и никому не нужен. До недавнего времени я был горячим сторонником того, чтобы сохранять Северную область, чтобы продолжать помогать здешним русским бороться с большевиками. И всеми силами я защищал эту позицию перед Foreign Office (министерство иностр. дел). Но теперь я больше не могу этого делать. Эти бунты в полках, а особенно настроение населения г. Архангельска и деревень, убедили меня, что большинство сочувствует большевикам.

Так к чему же тратить такую уйму денег, да к тому же совершенно без пользы? Для меня ясно, что русские не хотят воевать с большевиками.

Да и правительство королевства считает, по-видимому, нужным ликвидировать Северный фронт, чтобы успокоить общественное мнение Англии.

— Итак, уход союзников из Сев. области решен?

— Я затрудняюсь сказать вполне утвердительно, но соответствующий доклад мною был послан в Лондон.

— Что же будет с Северной областью, когда вы уйдете?

Айронсайд как будто удивлен.

— Когда мы уйдем? Но, конечно, вслед за нами придут большевики. И, чтобы было меньше жертв, надо, чтобы русские офицеры и вообще все противобольшевики уехали вместе с союзными войсками. Таково мое мнение.

— Еще один вопрос: почему союзные войска не наступали? Ведь войны, собственно, и не было.

Немного колеблясь, английский генерал ответил:

— Ну, положим, мы воевали. У нас даже много раненых. Но наступать мы, конечно, не могли, русские войска были ненадежны, а нас было очень мало. Это был риск, к тому же имели место беспорядки. На это штаб не мог пойти. Но мы воевали. Даже два полковника у нас тяжело ранены, и я сам чуть не был ранен. Мы делали, что могли. Не наша вина, что все это было бесполезно.

Трудно в споре между русским и английским командованием решить, кто из них прав. Во всяком случае очевидно одно, и этого не скрывают англичане, что проявлять активность не входило в их планы и намерения, что они не смотрели на свой приход как на «интервенцию» и свою роль считали подсобной. На вопрос же, препятствовало ли английское командование активности русских сил, приходится, по-видимому, ответить полуутвердительно.

Полковник Л. Костанди, начальник штаба Мурманского района, видимо не симпатизировавший англичанам, так как-то охарактеризовал ситуацию:

«Англичане не хотят особенного успеха русского оружия».

С другой стороны, есть ряд указаний, что стимулом к пассивности и к принуждению к той же пассивности и русских была боязнь англичан крупного неуспеха и больших потерь.

Я застал Железнодорожный фронт еще занятым англичанами. Линия фронта проходила в нескольких верстах впереди станции Обозерской, маленькой и глухой станции линии Вологда — Архангельск. Я имел возможность

говорить со многими английскими офицерами. Меня интересовало их отношение к России, к русским, к большевикам. Что особенно бросалось в глаза, это обособленность англичан от русских, английских военных от русских военных. Зачастую те и другие жили бок о бок, в соседних теплушках или домах — и, однако, никаких сношений между ними не было. Каждый жил собственной жизнью, собственными интересами. Очень редко я видел русских солдат и офицеров за дружеской беседой. Англичане держались в своем кругу, русские в своем. Было ли это преднамеренно со стороны англичан? Мне кажется, что нет. Положительно нет. Они более или менее интересовались русскими, охотно вступали с ними в разговоры на ломаном русском языке, они охотно посещали, например, русские лазареты, охотно принимали у себя и угощали русских.

Правда, все это было «более или менее». Был у них интерес, но не ярко выраженный.

С другой же стороны, русские, как солдаты, так и офицеры, и офицеры более, чем солдаты, были преисполнены какой-то инстинктивной, бессознательной враждебности к англичанам. Об англичанах они говорили с иронией, с насмешкой и часто, очень часто, пользуясь незнанием теми русского языка, бранили их последними словами.

Я искал причин этой враждебности.

«Меня злит, что они, англичане, пришли в нашу страну и здесь распоряжаются», — ответил один офицер. Другой, старый полковник, досадует «на самодовольство, самоуверенность, на презрение к нам, русским, этих сынов Альбиона». Третий считает, «что англичане пришли не спасать Россию, а погубить ее. Что они не любят, мол, русских». И так далее без конца, в том же духе.

К тому же надо добавить, что офицерский состав английского корпуса в Сев. области оставлял желать многого. Он был несомненно второсортный. Большинство офицеров были выслужившиеся во время войны

унтер-офицеры, в мирное время — клерки, приказчики, люди без высшего и даже среднего образования. Но те немногие встречавшиеся мне офицеры-специалисты поражали меня и своим интересом к России, и своими знаниями в своей области.

Картина создавалась в общем поистине нелепая.

Английские войска были приглашены правительством Северной области. Они защищали эту последнюю от прихода большевиков, их просят не уходить, когда они этого хотят, как мы это видели раньше, и просит об этом население, и армия, и правительство, и в то же время к ним несомненное полускрытое, а порою и явно враждебное отношение, начиная с командиров отдельных частей и кончая крестьянами окрестных деревень.

Англичане, несомненно, чувствовали эту враждебность.

Один молодой лейтенант, студент Кембриджского университета, прилично понимавший по-русски, жаловался мне:

«Я не понимаю всего, что говорят иногда за спиною, а иногда и в глаза о нас ваши офицеры и солдаты, но все же я разумею, что они нас не любят. За что? Что мы им сделали дурного? Мы их кормим, одеваем, проливаем даже за них нашу кровь, а они... не понимаю».

Он был очень опечален, этот английский студент-лейтенант.

И когда англичане ушли, то русский командный состав был весьма обрадован, как об этом свидетельствует и Добровольский. Офицеры отнеслись к этому факту сдержаннее, а масса пассивно — безразлично.

По официальным сведениям русского командования, было, впрочем, несколько случаев грубого обращения английских солдат и унтер-офицеров с русскими офицерами. Но ни один случай не был достаточно и объективно исследован.

К тому, что я сказал об отношении между русскими и английскими военными, нелишне добавить, что русские солдаты, опрошенные мною об их отношении к

союзным войскам, очень часто хвалили американцев. Последних было немного в Северной области, и они, как я уже отметил, скоро были эвакуированы.

«Но что же вам нравится в американцах?»

Ответы были различные, но сводились к тому, «что американец щедрый, что он хорош в обращении, охотно угощает виски», и все в таком же роде,

Таким образом можно заключить, что свойства английской натуры, столь далекой по своим чертам от русской, раздражали и восстанавливали против себя русских солдат.

Упреки, которые приходилось слышать, заключались еще и в том, что «англичане, мол, скупают меха за бесценок, в обмен на виски и вино». Такие случаи, конечно, были, и были даже довольно часто, но еще чаще этот же товарообмен производился русскими военными и обывателями.

По-видимому, для себя в этом не видели ничего предосудительного.

В середине августа стало известно полуофициально, что союзники покидают Север. Причины, вызвавшие этот уход, те же, что были сообщены мне генералом Айронсайдом. К тому же этого требовала и английская рабочая партия, которая грозила в случае невыполнения своих требований общей забастовкой. Для ликвидации Северной области и Северного фронта приехал генерал Роллинсон. Но прежде чем начать эвакуацию, английское командование решило предпринять наступление, чтобы, как говорили некоторые, блеснуть своей храбростью. Наступление, в котором приняли участие и русские войска, на долю которых выпали наибольшие тяготы этих сражений, было предпринято и на Двинском направлении, и на Железнодорожном фронте. Мне пришлось быть свидетелем английского наступления на последнем направлении и сопутствовать смешанной англо-австралийской колонне в ее наступательном движении.

Ночью, на шестнадцать верст в глубь леса, началось обходное движение. Пулеметы несли на руках, пере-

прыгивая с кочки на кочку, так как всюду было бесконечное болото. Проводник немного не рассчитал расстояние, и колонна вышла по ту сторону окопов, по ту сторону фронта, около того места железнодорожного пути, где стоял большевистский бронепоезд. Колонна была жестоко обстреляна пулеметным и шрапнельным огнем, но, несмотря на это, мужественно продолжала наступление. И только потеряв двух офицеров и десять солдат ранеными и убитыми, принуждена была отступить. Отступление было совершено в образцовом порядке. Общее впечатление от англичан, в частности от австралийцев, было, что это прекрасные солдаты, которые и из войны делают своеобразный спорт. Под огнем они шутили, спорили.

Несмотря на неуспех обходной вылазки, о которой я только что рассказал, общий успех сопровождал наступление и на Железнодорожном фронте, и на Двинском, где были взяты несколько тысяч красноармейцев в плен.

Проведя наступление и «показав, что они умеют наступать», как говорили злые языки, англичане объявили об эвакуации ими Северной области. Их взгляд был ясен. Исходя из предпосылки, что Северный фронт держится только благодаря им, и выводя отсюда как следствие, что их уход равносителен приходу большевиков в область, они настаивали на ликвидации Северного фронта вообще и на эвакуации всех тех военных и штатских лиц, которые могли пострадать по приходе большевиков.

Русское военное командование ответило отказом на предложение англичан. Оно решило сохранить Северный фронт и защищать область собственными силами. В одной из следующих глав я принужден буду подробно остановиться на этом вопросе: почему и как решено было остаться на Севере? Здесь же возвращаюсь к союзникам.

Решение русских и отказ их от эвакуации были встречены англичанами весьма холодно. Английский лейтенант М. рассказывал мне, что Айронсайд гневно

кричал, что «русские генералы делают преступление, он этого не позволит». Однако, конечно, не в его власти было позволить или не позволить. Тогда-то и произошел ряд фактов, которые рассматривали как враждебные в отношении русских, и русских военных в частности. Так, был издан приказ англичанами, что все бывшие добровольцы, находившиеся в союзных войсках, приглашаются следовать вместе с англичанами. В ответ на это русский штаб запретил русским призывного возраста покидать Северную область. Понятно, на этой почве разыгралось немало инцидентов. Так, например, профессору Петроградского университета Аверинцеву было запрещено покидать Архангельск (ему было 45 лет), а англичане разрешили ему эвакуироваться. Попытка русских властей арестовать профессора не могла быть приведена в исполнение. Подобные же истории произошли и с рядом военных.

Перед эвакуацией постепенно английское командование сдало русскому интендантству свои богатые склады снаряжения и обмундирования, но остатки военного снаряжения, автомобили, оружие, снаряды и т.д. — все то, что они не могли, да и не считали нужным везти с собою и что, по словам начштаба, они обещали сдать русским, они накануне отъезда потопили в Двине. Ценность потопленного в Двине исчислялась в сотни тысяч фунтов стерлингов, как было доложено правительству Северной области главным интендантом генералом Барановым.

На вопрос, почему так поступили англичане, последние отвечали: «Все равно Северная область достанется большевикам, и мы не хотим помогать снаряжению Красной армии».

Другой инцидент, который не может считаться исчерпанным и поныне, произошел между правительством Северной области и опять-таки английским командованием.

Некий англичанин лесопромышленник Смит, находившийся в каких-то взаимоотношениях с великобритан-

ским Адмиралтейством, вывозил в продолжении 1918—1919 года лес из Архангельска в Англию. К августу 1919 года им было вывезено свыше чем на 200 000 фунтов стерлингов, каковую сумму он был должен правительству Северной области. Когда настало время эвакуации, то г-ну Смигу было предъявлено требование уплатить следуемый с него долг. А когда он отказался, последовало распоряжение не выпускать Смита из Сев. области. Это весьма энергично заявленное требование Северного правительства осталось гласом вопиющего в пустыне, и г-н Смит покинул Архангельск на пароходе вместе с английским командованием.

26—27 сентября произошла эвакуация английских войск, произошла по-военному, чрезвычайно поспешно. Погрузка войск шла ночью, как бы в тайне от населения. Как удостоверяют лица, близко стоящие к англичанам, последние были все время в полной уверенности, что «большевики идут по пятам», поэтому их эвакуация была не чужда панике, неуместной торопливости и ненужной поспешности. Одновременно с английским экспедиционным корпусом покинули Архангельск и дипломатические представители: уехали французы, американцы и итальянцы. Остались, насколько мне не изменяет память, только несколько консулов из числа тех, кои совмещают свои консульские дела с коммерческими. Среди них бельгийский консул Миккез (уехавший лишь в январе) и голландский консул Смит (арестованный большевиками в марте 1920 года).

Глава об союзниках не была бы полна, если бы я обошел молчанием один, пожалуй, самый главный вопрос — о вмешательстве союзников во внутренние дела области. Ведь это именно вмешательство вменялось в вину союзникам в их деятельности и в Сибири, и на Юге России. Северная область не была исключением из этого, по-видимому, общего правила. История ареста Верховного управления, имевшего место в сентябре 1919 года, и увоз Чайковского и других членов правительства в

Соловецкий монастырь неким капитаном Чаплиным, закончилась, как известно, изменением состава правительства в сторону более умеренную и назначением Чаплина на Двину. При этом на изменении состава правительства особенно настаивал английский уполномоченный Пуль.

На основании информации американского представителя общая картина являлась в следующем виде:

«Английское командование отстаивало ту точку зрения, что в области нужна твердая власть. Эту твердую власть англичане представляли себе не иначе как военной. Они считали, что сговориться с населением невозможно, да и не к чему. Если жителей кормят хорошо и не обижают, то все будет хорошо. Особенно их испугали демократические проекты Верховного управления. Поскольку главным военным элементом союзного командования были англичане и поскольку считалось, что у них в Северной области есть особая заинтересованность, ни французы, ни американцы не считали возможным особенно вмешиваться в их распоряжения.

Таким образом все усилия были направлены к тому, чтобы свести на нет правительство, сделать его наиболее бесцветным и безличным. И в то же время искали подходящее русское военное начальство. Присутствие Н. В. Чайковского весьма мешало. Когда он в начале 1919 года уехал, положение совершенно изменилось, и военная диктатура становится совершившимся фактом. Однако надежды, которые возлагались англичанами на генерала Мурашевского, не оправдались. Он совершенно не подходил к роли военного диктатора, и только с приездом генерала Миллера оказалось возможным наладить административный аппарат. Демократические элементы неоднократно обращались к нашему американскому представителю за защитой и советом. Но последний ничего не мог поделать. И только позже, когда стали указывать англичанам, что в результате их опытов и слабости гражданской власти происходят беспорядки на местах и как следствие их развивается боль-

шевизм, они дали согласие на созыв земско-городского совещания и на изменение состава правительства. Но это произошло уже тогда, когда эвакуация союзников была уже решена. В этот момент англичане начали отстаивать перед генералом Миллером, что последнего очень удивило, необходимость радикально-демократического правительства. Айронсайд советовал удалить Мефодиева и других, показавших свою непригодность».

Данные этого документа отвечают действительности, во всяком случае — в последней его части. В частной беседе с представителями кооперативов генерал Айронсайд заявил: «Теперь я убедился, что нельзя было создавать военную диктатуру. Она никчемна (is nothing). Впрочем, говоря по совести, я не верю и штатскому правительству. Но последнее лучше, так как все равно придут большевики» (газета «В. С.»).

Тот же документ повествует о значении информаторов при английском командовании. Последнее, «как общее правило, не было знакомо ни с языком, ни с обычаями этой страны. Во всяком русском, неофицере, оно готово было видеть большевика, скрытого или явного. В этом их убеждали находившиеся при штабе переводчики, в большинстве — русские военные. Мы неоднократно предупреждали английское командование, что оно пользуется сведениями неправильными. Мы указывали, что некоторые из переводчиков — люди весьма сомнительные. Особенно большую роль играли капитан Чаплин и граф Генден».

Первого из них так характеризует этот документ: «Это авантюрист, лишенный каких-либо принципов, причастный к разгромлению государственных касс. Желаящий добиться власти какими угодно путями. Человек легкомысленный, часто пьяный». Гейден же «вечно пьян, ярый реакционер, готовый расстрелять всякого либерально думающего».

Те расстрелы, которые производились в уездах и о которых в летописях Сев. области сохранилось немало

следов, связаны с именами этих информаторов. «Пользуясь полнейшей неосведомленностью англичан в делах Сев. области, они фактически руководили всем. Организация Мутюги (каторги) — дело их рук».

Характеристика Чаплина, данная американцем, не сходится с характеристикой, нарисованной Добровольским:

«Подвижной, энергичный, смелый, окруженный такими же сотрудниками из морской молодежи, он был положительно незаменимым в критические моменты нашего существования. Но насколько он и окружающие его сотрудники были способны к самоотверженному порыву в минуту опасности, настолько же они были неспособны ни к какой планомерной организационной работе».

О роли Чаплина в жизни Северной области после его назначения на Двину сообщали из различных источников, и, по-видимому, действительно он играл немаловажную роль в тех ошибках и нетактичностях, которые делала английская власть, действуя обыкновенно посредством послушных ей русских военных властей.

Анализ жизни Сев. области приводит нас к положению, что английская власть тем или иным путем, часто через центральную русскую и очень редко через свои исполнительные органы, вмешивалась в жизнь области. Она поддерживала элементы, враждебные демократии. Последняя, как это свидетельствовал мне не раз лидер демократии А. Иванов, была «в весьма больших контрах с англичанами» и «тщетно взывала к американцам». Он удостоверял — и это мне как-то мимоходом подтвердил и заместитель Чайковского, Зубов, — что «англичане имели очень сильное влияние на деятельность правительства. Что возможно сделать, когда вся власть была фактически у англичан?»

И последний жест Айронсайда перед эвакуацией — согласие его на земско-городское совещание и на укрепление внутренне правительства — рассматривать приходится скорее как прощальный жест.

II. ГЕНЕРАЛИТЕТ, ОФИЦЕРСТВО И СОЛДАТЫ

К о времени моего приезда в Северную область численность армии была около пятидесяти тысяч. Но число штыков вряд ли доходило до трети этого количества. Тыл и штабы — все это было перегружено нестроевым элементом. Ясно, что для фронта в несколько тысяч верст такая армия была не больше песчинки, величина бесконечно малая, особенно если против нее стоит неприятель, располагающий бесчисленными ресурсами человеческого материала. У Северной области не было этих ресурсов. Все, что могло быть мобилизовано, было уже взято в войска. Малочисленность населения области делала невозможным дальнейшее увеличение численности армии.

Мне пришлось близко, очень близко видеть Северную армию, видеть ее в дни победы, в дни затишья, наконец, в дни разложения. И мне кажется, что, несмотря на многие свои дефекты, армия — я говорю о фронтовых частях — была очень хороша. Неизмеримо лучше сибирской и во многом, по своим боевым качествам, приближалась

к дореволюционной армии. В этом убеждали меня мои наблюдения, мое пребывание на фронте.

Прежде всего солдат.

Еще в то время, когда союзники не приходили и о Верховном управлении не было и речи, в то время уже начались восстания крестьян в Шенкурском уезде и на Пинеге. Смелые, привыкшие к своим непроходимым лесам охотники, не испытывавшие на себе крепостного ига, северные крестьяне не похожи вообще на русского крестьянина средних губерний. И понятно, что в ответ на репрессии и насилия большевиков начались восстания. Когда сформировалась Северная область, шенкурцы, тарасовцы и пинежцы не как мобилизованные, а как добровольцы вошли в состав северной армии. Они обладали удивительной храбростью, приспособленностью к северным условиям войны и крепкой дисциплиной. Две черты значительно умаляли их боевую силу. Первое — это то, что они охотнее защищали свой район, свою деревню, свою тарасовскую, шенкурскую деревню и так далее, чем вообще Северную область. Здесь у себя они могли противостоять против неизмеримо более сильного неприятеля, но с переводом их на другие фронты они впадали в уныние, в апатию, стремились к себе на родину, боясь, что другие полки, не свои, выдадут их деревни большевикам. С другой стороны, они вносили чрезвычайную остроту в гражданскую войну. Для них большевик, красноармеец был синонимом зверя, которого надо убивать. Они не брали в плен. И большевики платили им тем же. Взятых в плен истязали и расстреливали. Благодаря их жестокости нередко страдали интересы окрестных волостей. В результате появились и на стороне красных тоже партизаны, такие же сильные и такие же беспощадные, и нередко начиналась вражда двух соседних деревень.

Шенкурцы и тарасовцы составили ядро Северной армии, ее опору, ее фундамент. Фактически весь Двинский и Селецкий фронт поддерживался ими. Под чьим же влиянием они находились?

Восстание в Шенкурской области было поднято под предводительством эсеров. Войдя в состав регулярной армии Северной области, партизаны не только не порывали связи с эсеровскими кругами Архангельска, но продолжали считаться с мнением тех, с кем они были искони связаны дружескими узами. И если они с первых дней восстания и до падения Северной области оставались верны идее активного антибольшевизма, если они даже брали на себя весьма неблагоприятную роль подавления мятежей в других полках, всем этим их упорным антибольшевизмом обязаны они эсерам, которые в Архангельской губернии принадлежали к определенно оборонческому, резко противобольшевистским слоям.

Здесь мы сталкиваемся, наконец, с фактом, заслуживающим быть отмеченным, что демократия в Северной области обладала вполне реальной, даже весьма реальной поддержкой. И это отнюдь не шутка, не ирония, когда правая газета «Отечество» утверждала, что эсеры могут в любую минуту произвести переворот. Это была не ирония, а несомненный факт. Ибо неоднократно депутаты партизанов навещали Архангельск и заявляли, что «мы по-прежнему за вас».

С характером и психологией партизан мне пришлось познакомиться при обстоятельствах, надолго оставшихся в моей памяти.

После падения Северной области и бегства генерала Миллера я был арестован. В числе десятка других нас вели по Мурманску. Кругом — толпы жителей, красноармейцев. С диким ревом, озверевшие, они окружали нас, бросали в нас палками, камнями, кусками льда. Рядом со мной шел солдат, немолодой, с густой бородой, по виду типичный крестьянин-северянин. Он тщательно прятал свое лицо, что меня удивило. К чему было солдату прятаться? В мурманской тюрьме нас тщательно обыскали, допросили. И здесь солдат был опознан. Его земляки узнали в нем партизана из «непримиримых». Как его били! Он не сказал ни слова. Его притащили в нашу камеру окровавленного, с выбитым глазом, с

изувеченным лицом. Притащили и бросили на пол. Ночью он стонал, просил воды... Утром он — еле живой — попросил комиссара «по важному делу». Его вывели в коридор. Здесь он выхватил у часового ружье и штыком насмерть ранил комиссара. Другой часовой застрелил его.

Говорили, большевики в свое время убили его брата...

Совсем в другом духе были полки, укомплектованные солдатами из Архангельска и смежных уездов. Совершенно не испытывавшие черных сторон большевизма, ибо в Архангельске большевизм в восемнадцатом году был очень мягок, они, эти полугородские жители, находились под влиянием Соломбалы: так назывался рабочий район Архангельска, центр большевистской пропаганды, места, где сходились все нити большевистской агентуры.

Именно эти солдаты послужили бродильным элементом для восстаний, имевших место в июле в ряде полков: 3-м, 6-м и других. И они же сыграли печальную роль в восстании, предшествовавшем падению Северной области.

Почему тяготели они к большевикам? Ведь видели они ясно, что большевики не исполняют своих обещаний, что большевистские лозунги — это журавли на небе. Они это знали, ибо пленные красноармейцы подробно и детально рассказывали им о своем житье-бытье. Наконец, они получали обильный паек, видели нищету и голод, что царили по ту сторону фронта, и, однако, было у них какое-то чувство сильнее реальных благ. Это чувство было — ненависть к «барам». Сколько раз в холодные северные ночи прислушивался я к разговорам сбившихся у огня солдат и слышал те же речи, что в свое время на германском фронте, в после-революционные дни.

«Подожди, ужю покажем, как на нашей шее сидеть».

«Ведь как на твою спину сядет комиссар, — возражал красноармеец из пленных, — также будет командовать. Такова наша доля».

«То комиссар, он из наших, свой. А это баре. В золотых погонах. Генералы тоже. Они в вагонах, а мы, вишь, в землянках».

И большевизмом, ненавистью к барам и интеллигенции были заражены в сущности особенно те, кого можно было считать если не наполовину, то на четверть интеллигентами. Толковые, смышленные, зачастую унтер-офицеры — на проверку оказывались не только большевистствующими, но и членами коммунистической партии. Из множества фактов один наилучше характеризует этот тип людей.

Стояли жестокие морозы. Лес, казалось, стонал от холода, его сковавшего. Выйти наружу не было возможности, мерзло лицо, руки, ноги отмораживались уже через несколько минут.

Ночью неожиданно в наш лазарет привели пятерых солдат. Их привел конвой. Ноги их были совершенно отморожены, настолько, что никаким образом нельзя было оторвать с них примерзшие сапоги. Обморожение было так сильно, что пришлось многим ампутировать немедленно пальцы, ступни. Четверо из солдат стонали и беспрестанно ругали пятого. Но пятый молчал. Это был молодой, интеллигентного вида солдат. Писарь, унтер-офицер, он сманил восемь солдат своей части перейти к красным. Раздобыли лыжи. Благополучно прошли десять верст и здесь заблудились в лесу. Начались морозы. Трое замерзли, остальных подобрал конвой. Конечно, им грозил расстрел. Особенно зачинщику. Несмотря на жестокую боль, ругань своих спутников, он не проронил ни слова. Он считал себя, по-видимому, правым. Несмотря на операцию, он умер на третий день.

Такие люди, фанатики, упорные, служили цементом в среде колеблющихся, полубольшевистских солдат. Они вели их за собой. А те шли, повинуюсь глухому чувству ненависти к барам, и — «авось будет лучше».

Третьей категорией были красноармейцы, взятые в плен. Сначала их было немного, единицы. Но впоследствии, после удачных наступлений на Двинском и на

Железнодорожном фронте, когда были взяты в плен многие тысячи красных солдат, эти последние положительно заполнили все фронтовые части. Были роты, где 90% состояло из красноармейцев. При этом пополнение ими частей шло весьма упрощенно. Их мыли, посылали в тыл и через неделю-другую направляли уже в часть. Проверки их большевизма не было, почти не было. Поэтому нередко оказывалось, что ответственные коммунисты попадали в боевые части или что коммунисты-комиссары попадали в штаб полка или дивизии, на телеграф и так далее, как наиболее расторопные.

Главный штаб, в погоне за расширением операций, не считался с мерами предосторожности, совершенно необходимыми. К тому же почему-то считалось, что пленные красноармейцы надежны. Это было очевидное недоразумение. Конечно, они были — за исключением немногих коммунистов — антибольшевиками. Но в то же время они были необыкновенно пассивны. По духу своему они были «зеленые». Им хотелось домой и снова домой. Они прекрасно воевали, когда были в крепкой духом части, например в такой части, как партизанские полки. Здесь они превращались в обычного русского солдата, приобретая все его боевые качества. Но в полку, где была неопределенная обстановка, они с таким же успехом могли и защищать белых и напасть на них, а вернее всего, просто отойти в сторону.

К тому же они были изморенные, изголодавшиеся, многие — после перенесенного недавно тифа.

Чрезмерное и необдуманное пополнение полков пленными красноармейцами сказалось в свое время губительно на фронте.

Командный состав армии — ее цемент. Это то, что придает ей твердость, устойчивость. От него зависят ее боевые качества. И если это определение применимо для всякой армии вообще, всех времен и стран, то тем более и тем оно особенно распространяется на армии, участвующие в гражданской войне. Здесь от офицера, от команди-

ра боевой части зависит очень многое. Здесь к офицеру предъявляются жизнью требования особенно повышенные, особенно строгие. В гражданской войне офицер должен быть не только храбр, не только отважен, не только предприимчив, он должен быть вождем своих солдат. Его задача первая и самая главная — создать из своих солдат единое целое, спаянное внутренним единством. Офицер должен морально всемерно влиять на солдат. Если он не сможет влиять на свою часть — она будет не больше как картонный дом, который рухнет от первого дуновения легкого ветерка, от первой же неудачи.

Две роты одинакового пополнения, состоящие та и другая на три четверти из пленных красноармейцев. Во главе первой стоит капитан М — ий, спокойный, храбрый, упорный человек. Все свое время он посвящает солдатам, учению с ними, чтению, разговорам. Он был очень строг и даже на фронте требовал чинопочитания. И, однако, эта рота сохраняла свою боеспособность даже во время всеобщего разложения. И когда последнее пришло, солдаты снабдили своих офицеров продуктами, снарядили их, оставили им их оружие и тайком, проселочными дорогами, довели их до Архангельска. Провожая своих офицеров, прощаясь с ними, солдаты плакали. То, что я рассказал, — факт не единичный, отнюдь не редкостный, а имевший место в различных полках Северного фронта.

Другой факт — из истории восстания в Третьем полку. Храбрость офицеров этого полка, порою легендарная, была истиною непреложной. Но многие офицеры, по примеру своего командира, были не чужды пьянству. И этого было достаточно. Их предупреждали. Они отвечали — «нас любят солдаты». Но это была неправда, далеко неправда. Солдаты были распущены, предоставлены сами себе, жили собственными настроениями. А офицерство? Оно ничего не знало о «думах» своих солдат.

Несомненно, что в главной своей массе фронтовое офицерство Севера принадлежало к первой категории.

В большей своей части оно было не только весьма высокого качества, не только превосходило офицерство сибирской и юго-западной армий, но и отличалось от офицерства добровольческих частей. Оно было не только храбро, оно было разумно и интеллигентно. В большинстве это были или местные, вышедшие из партизанов, или приехавшие через Англию недавние пленные в Германии. Кадрового офицерства было немного, во всяком случае кадровое офицерство терялось в общей массе некадрового, занимая к тому же чаще всего должности в штабах.

Впоследствии мне придется говорить о печальной участи, выпавшей на долю северного офицерства. Ибо только единицы успели уехать, а остальные — арестованные большевиками — частью были расстреляны, а частью увезены в Москву. Там, в Бутырской тюрьме, мне пришлось с ними встретиться в тяжелых условиях тюремной советской обстановки.

Пьянство младших офицеров находилось в непосредственной связи с их ближайшими начальниками. Так, пока командующим фронтом был полковник Мурузи, враг пьянства, последнее было ограничено и незаметно. Но он ушел. И последние месяцы перед падением фронта пьянство широкой волной распространилось по всем воинским частям, захватив и солдатские массы. Этому способствовал военный тыл, этому помогала жизнь военных в самом Архангельске. Ибо последний являл собою все признаки разложения, которое было характерно и для Самары и для Омска перед их падением, и для многих других русских городов, служивших тылом белых армий. Ни тревожное состояние, ни дурные вести с фронта, ничто не могло нарушить угарной жизни Архангельска. Люди словно хотели взять от жизни то небольшое, что она им давала: вино и снова вино. Офицерское собрание и немало других ресторанов были свидетелями скандалов, безобразных и диких, участниками которых являлись офицеры. Им подражая, не отставали и солдаты. И чем грознее

становилось в области, тем безудержнее жил военный тыл. Уже не в редкость можно было встретить пьяных офицеров и солдат на улицах и улочках Архангельска. Но если кутило тыловое офицерство, то и фронтовое, приезжая на побывку, не отставало от него в своих кутежах. Последнее обстоятельство не препятствовало другому явлению — крайней розни и вражде между фронтом и тылом. Фронт, который нес всю тяжесть весьма жестоких боев, фронт, который терял ранеными и убитыми десятки офицеров, не мог добиться пополнения из тыла, где находилось при штабах множество тыловиков.

Насколько остра была вражда между тыловым и фронтовым офицерством, показывает дело, слушавшееся в военном суде. Капитан Лерхе, адъютант полковника Мурузи, приехав в Архангельск, в клубе георгиевских кавалеров устроил скандал, направленный против штаба и в частности против генерала Квинцинского. Суд этот был своеобразный турнир между фронтовым и тыловым офицерством. Своего адъютанта защищал сам Мурузи, на стороне обвинения был весь цвет прокуратуры.

Кончилось это дело высылкой из области и Мурузи, и Лерхе.

Ни для кого не было секретом, что недовольство фронта тылом грозило вылиться до размеров военного заговора, и зачинщиками, главой этого называли ряд известнейших фронтовых офицеров. Среди них были и высланные. Пример Лерхе не остался без подражания — и всякий едущий в Архангельск фронтовик грозился «побить штабных и вообще всяких тыловых м-в».

Таково было настроение фронтового офицерства, и чтобы понять его, надо остановиться на высшем командном составе. Но прежде небольшое замечание. В оценке личностей весьма легко ошибиться и еще легче поддаться субъективным настроениям. Полковник Добровольский дал весьма определенные характеристики. Так, по его словам, генерал Миллер — это синоним всяких добродетелей, генерал Квинцинский — фантазер

и бюрократ, а генерал Марушевский — полное ничтожество, который интересовался только шпорами. С этими характеристиками, вероятно, многие не согласятся. На мнении г-на Добровольского, вероятно, отразилось и то, что он все время был в Архангельске, откуда и уехал вместе с Миллером.

Генерал Марушевский, который был главнокомандующим до июля 1919 года, по отзыву весьма многих офицеров, был храбрый генерал, любивший фронтную обстановку и не чуждавшийся ее. Ему ставят в вину неумение сформировать армию. Но против него было много обстоятельств, среди которых присутствие союзников — не на последнем месте. Как бы то ни было, имя Марушевского связано с первым периодом истории области. Уехал он еще до эвакуации англичан, и потому говорить о его деятельности в настоящей статье не приходится.

С именем генерала Е. Миллера связан весь период — август 1919 до февраля 1920 года. Период от ухода союзников и до падения Северной области. И так как по существу он был военным диктатором области и так себя и рассматривал, как ставленник Колчака, то тем большая за все происшедшее лежит на нем ответственность моральная. Большая ответственность. Его характеристика, его облик выяснится сам собою из фактов, сопутствовавших падению Северной области. Здесь важно лишь указать, что он всецело принадлежал тылу, так как на фронте мы его видели всего лишь один раз, да и то в момент полного затишья. Находясь в тылу, он был всецело под влиянием «тыловых генералов».

Так, он смещает полковника Мурузи. Этот последний — колоритнейшая и интереснейшая по-своему фигура. Монархист крайнего толка, бывший командир Таврического полка, аристократ, он вполне усваивает методы ведения гражданской войны. Он понимает, сколь важно и настроение обывателя-крестьянина в пользу белых, сколь необходима близость к солдату, та

близость, когда он начинает вас считать своим. Наконец, Мурузи знает, что победа на стороне того, кто активен. Следуя этим убеждениям, он заботится о населении вновь занятых областей, печется о пленных красноармейцах, в отношении солдат он применяет чисто суворовские приемы простоты в обращении — вроде того, что сажает попутчиков солдат к себе на дрезину. Он идеально храбр. В военной тактике Мурузи проводил активное наступление чрезвычайно талантливо и умело. Все успехи на севере связаны с его именем¹.

Начав операции на Двине, он разбивает неприятеля, в несколько раз более сильного. То же самое и на Железнодорожном фронте. Здесь он в короткое время берет станции Емцы и Плесецкую, взяв в плен тысячи красноармейцев. Солдаты, в этом я убедился вполне, его любили и шли за ним, как за вождем. Он был несомненный демагог. Умел сказать вовремя то, что было приятно солдатским массам. К тому же обычно он заботился о них даже больше, чем об офицерах.

Он был смнен генералом Миллером, так как официально считалось, что он не повиновался распоряжениям штаба. На фронте же говорили, что его лавры не дают покою генералу Миллеру и что последний боится быть замененным на своем посту князем Мурузи.

Талантливый полководец, может быть, единственный способный для отстаивания Северной области, — был выслан из ее пределов.

Другой пример — это полковник Костанди. Личность, к которой придется неоднократно возвращаться в других главах моей статьи. Этот офицер показал себя еще во время пребывания союзников в области талантливым военачальником. Его наступление на Мурманском фронте было успешно проведено в жизнь. Его переводят в Архангельск и, несмотря на просьбы его о

¹ Отнюдь не являясь сторонником персонально его политических убеждений и его демагогии, должен отдать кн. Мурузи должное. Это — яркая, талантливая личность.

возвращении на фронт, поручают канцелярскую работу в тылу.

Вместе с Костанди мы ехали, арестованные большевиками, из Архангельска в Москву. И темой для разговоров было, конечно, прошлое Северной области.

«Почему пала Северная область, причин много. Но одна из многих это то, что генерал Миллер вообразил себя Бонапартом. Если и не вообразил, то хотел им быть. Лавры Колчака, Деникина и других не давали ему спать. Штабной чиновник, не любящий и боящийся фронта, он решил, что может справиться и сам не хуже других с большими операциями. Он и Квинцинский — они не терпели ни самостоятельности, ни активности. Фронт им казался шахматной доской. Они позабыли, что война гражданская не похожа на ту, о которой пишут в учебниках стратегии. Спасти Северную область, может быть, и не было шансов, но можно было бы спасти сотни офицеров, которых теперь везут на расстрелы».

Это мнение я оставляю на совести сказавшего его.

Было несколько обстоятельств, которые восстановили особенно фронтовое офицерство против тыла.

Вскоре вслед за Миллером понаехало в Северную область множество генералов. Все это были далеко не боевые генералы — штабные или интенданты. Цель их приезда была вполне ясной. Немножко подкормиться и выслать денег своим семьям, живущим за границей. Всех этих генералов Миллер приютил в Архангельске. Из общего числа около двадцати только пять были на фронте. Остальные? Остальные составляли великодержавный штаб. Среди этих генералов, специально вызванных Миллером, — был ген. Квинцинский. Личное впечатление мое от него было самое безличное. Вежливый, спокойный человек. Но трудно было представить себе большую нетактичность, как назначение Квинцинского начальником штаба главнокомандующего. И это помимо его личных черт, как военачальника. Дело в том, что во время Скоропадского с именем Квинцин-

ского была связана история с пленением офицеров Добровольческой армии в «Музее». Я не знаю в точности этой истории, допускаю вполне искренно, что Квинцинский в ней совершенно невиновен, но офицеры, бывшие в Киеве и выданные большевикам, частью спаслись и были вывезены последними немецкими эшелонами в Германию, где жили в лагерях военнопленных, откуда были вызваны англичанами и попали на север России в количестве нескольких десятков. Они и обвиняли генерала Квинцинского, не прощали ему «Музея» и с первых же дней предсказывали, что он не задумается снова предать офицеров и оставить их на растерзание большевикам.

Сколько раз мне приходилось слышать на фронте: «Вот увидите, генерал Квинцинский нас выдал в Киеве, выдаст и теперь».

В феврале 1920 года, за неделю до падения области, по требованию армии Квинцинский был уволен Миллером. Но был уволен только на бумаге, фактически же оставался начальником штаба и управлял эвакуацией северных войск.

Другое обстоятельство, вызвавшее еще больший антагонизм между фронтом и тылом, было тоже первостепенной важности. Оно касалось вопроса «эвакуироваться ли вместе с англичанами?»

Когда английское командование получило официальное предписание из Лондона об уходе британских войск, то оно, в особенности генерал Айронсайд, настаивало на том, чтобы вместе с англичанами ушли и русские войска и все те, кому опасно было оставаться при большевиках. Англичане в защиту этого выставляли «бесполезность отстаивания Северной области и даже невозможность этого и неизбежность ее падения». Они указывали на те восстания, которые имели место в продолжение июля 1919 года почти во всех полках Северной области (восстания или же заговоры), во всех, кроме партизанских, добровольческих частях. Подчеркивали безразличность населения, большевизм рабочего класса и части крестьянства —

одним словом, они изображали довольно верно то положение, что имело место на Севере.

Вызванные представители фронта в большинстве своем выразили мнение, что англичане правы и что защищать Северную область собственными силами невозможно. Надо или эвакуироваться вместе с англичанами, или же увести войска на Мурманск, сократив тем самым фронт в десятки раз и обеспечив себе возможность спастись в Финляндию. Полковник Костанди, знавший условия жизни Северного края, указывал, что если эвакуироваться на Мурманск, то это необходимо сделать до осени, так как зимою «отступать будет некуда, и вся Северная армия станет добычей большевиков».

Ряд фронтовых начальников частей весьма категорически высказались «за эвакуацию с англичанами».

Настроение большинства офицеров вполне этому отвечало. Несмотря на успешное наступление, у фронтовых офицеров настроение было «обреченное». Так казалось и мне. Неоднократно говорили они между собой — «нет будущего», «попадем в руки большевиков», «станем добычей красных».

Один из немногих, князь Мурузи считал, что никогда не следует терять надежду, надо верить в себя.

Несмотря на мнение, определенное и единодушное, о необходимости ликвидировать Северный фронт и «не продолжать эту авантюру», штаб решил иначе. Генерал Миллер, пользуясь своей властью главнокомандующего и представителя Колчака, выслушав мнение и настроение фронта, постановил защищать Северную область. В этом решении с ним солидаризировался и начальник его штаба генерал Квинцинский, который был ярким сторонником защиты области «до последней капли крови».

Декларация генерала Миллера — оставаться в Северной области — была встречена весьма угрюмо фронтом, который расценивал это как «бонапартизм тыловых генералов, которые на крови фронта хотят построить свою славу».

После этого все время жизни Северной области, до самого ее падения, этот антагонизм все рос и рос. Насколько он был велик, показывает то обстоятельство, что тыловики не рисковали даже приезжать на фронт, так как там их обещали «вывести в расход».

Это нисколько не смущало тыл. Жизнь в Архангельске шла своим чередом. Торжественные обеды, героями которых бывал весь генералитет, сменялись один другим.

III. НАСЕЛЕНИЕ. ЕГО НАСТРОЕНИЯ

Говоря о настроении фронтовых офицеров, я сказал, что они чувствовали себя обреченными. Настроение местного населения было иное, и оно лучше всего сказалось в дни объявления англичанами эвакуации.

Я положительно утверждаю, что иного мнения у самых широких и самых разнообразных слоев населения не было, как то: «Большевики придут».

«Англичане уйдут, а они придут».

Только некоторые из руководителей местной демократии и интеллигенции надеялись на «авось». Но и эта надежда у них была какая-то слабая и робкая.

Помню, в эти дни был митинг в городском саду. Выступали различные официальные и неофициальные лица с призывом:

«Теперь, наконец, уходят англичане, и наше национальное самосознание может быть довольноно.

Граждане, записывайтесь в добровольцы!»

Однако этот призыв остался гласом вопиющего в пустыне. Никто не записывал-

ся. Никто не шел добровольно. Наоборот, тот, кто не был связан с Севером, записывался к англичанам на эвакуацию — несмотря на строжайшее запрещение покидать Северную область.

Странное впечатление осталось у меня от настроений населения Севера. Пока англичане были в области, общий голос — была ругань против англичан. Казалось, все беды и неурядицы в области порождены ими. И вот уход английских войск решен, объявлен. И все считают истиной непреложной, что без англичан область существовать не может, что непременно придут большевики.

В кулуарах земско-городского совещания, тогда собравшегося, происходили любопытные разговоры.

Официально объявлялось, что область крепка и большевики не страшны. Такие декларации вотируются единогласно. И тут же те, кто вотирует, делятся между собою замечаниями:

— «А ведь плохо. За англичанами жили как за каменной стеной».

— «Да, спокойно было. А теперь того и гляди, что придут красные».

— «А наши войска?»

— «Наши войска! Скажите еще: наши мужички. Да им все равно — большевики, не большевики, белые, красные. Только бы не трогали».

И, сталкиваясь с жителями Архангельска — с купцами, интеллигентами, рабочими, — у всех встречал я одинаковую оценку положения. Здесь не было даже много логики, не было рассуждений, была лишь вера в то, «что иначе быть не может. Англичане уйдут — придут большевики».

И на мои неоднократные вопросы, требовавшие разъяснений: «Почему придут?» отвечали с досадою: «Нельзя говорить». Слишком для всех было ясно: «иначе не может быть».

Получался тупик. Непроходимый и всеильный.

Как же относились жители Севера к неизбежности участи своей страны, к приходу большевиков?

Крестьяне, если исключить так называемые партизанские уезды, были в общей своей массе настроены пассивно и даже миролюбиво к большевикам. Они не строили особых иллюзий насчет большевиков. Ибо земли от последних они не ждали, а о реквизициях и насилии слышали и только отчасти верили им. Но они были убеждены, что с падением Северного фронта ликвидируется гражданская война, вернутся из армий их сыновья и братья. И кроме того, большевики в их представлении рисовались как «свои».

Осторожно, нехотя говорили крестьяне, наученные опытом. Они не любили болтать лишнее.

Спрашиваешь: «А ведь если придут большевики, плохо будет?»

«А кто его знает? Говорят одни, что плохо, а другие — хорошо. А нам что — наше дело сторона».

Доминирующим настроением большинства крестьян была пассивность. И хотя в большинстве своем они не пережили и не изжили большевизма, но многие думали, что и вообще северному крестьянину большевизм относительно чужд.

И только поскольку он устал от войны и думал, что «мир даст большевик», — он и сочувствовал неизбежному концу Северной области.

Отличные настроения были у крестьянской интеллигенции: она была настроена определенно и резко противобольшевистски. И не только была противобольшевистствующей, но и стояла за активную защиту Северной области против красных. Только впоследствии, перед самым падением Северной области, появились и в этих кругах некоторые колебания, тенденции, пропитанные миролюбием по отношению к большевикам.

Рабочие круги Архангельска принадлежали к элементам, наиболее неудовлетворенным политическим бытом в области. Вначале, во времена верховного управления, они способствовали немало свержению большевиков, но постепенно все более и более росло их недовольство. Это

последнее явилось следствием преследования властями профессиональных союзов, массовых арестов, высылки на Печору, кой-где незаконных и без суда расстрелов военными властями оппозиционно настроенных рабочих. Последней каплей, отбросившей окончательно рабочих от власти Северной области, была организация Миллером своеобразной каторги на Иоханге, необитаемом мурманском берегу. Посланные туда в большом количестве административным порядком, рабочие были в большинстве своем не большевики, а беспартийные. Они гибли там от цинги, холода, избиваемые начальником тюрьмы Судаковым. Об этой каторжной тюрьме мне придется еще рассказать подробнее: это одно из самых темных пятен в истории Северной области. Мне, увы, пришлось с ней столкнуться чрезвычайно близко и в условиях для меня кошмарных.

С рабочими Архангельска повторилась та же история, что происходила по неизменному трафарету на всех «белых» окраинах. Сначала рабочие приветствовали новую власть, потом постепенно росло у них оппозиционное настроение, и в конце концов они желали уже одного: прихода большевиков.

Были ли архангельские рабочие большевиками или большевистствующими? В общей своей массе, конечно, нет. Большевиков среди них почти не было. Это лучше всего видно из того обстоятельства, что с приходом советской власти большинство лидеров рабочих было взято под подозрение советским правительством, и присланы были владеть и управлять северным краем большевики из Петрограда.

За время моего пребывания в Северной области мне пришлось очень мало сталкиваться с рабочими, и то в дни, предшествовавшие падению Архангельска, но впечатление у меня осталось определенное и несомненное — большевизма настоящего в рабочих массах не было, а было недовольство политическими репрессиями и желание, более пассивное, чем активно выраженное, советско-пролетарского правительства.

И мое удивление была немалое, когда после падения Северной области мне пришлось встретиться с прославленными военной властью за ярых большевиков Бечиным, Клиневым и другими и убедиться, что не только они беспартийны или меньшевистски настроены, но что и они немного побаиваются большевиков «из центра». А побаивались они их вполне резонно, так как числились за ними такие грехи, как оборончество и поддержка белогвардейцев.

Весь 1919 год настроение рабочих было пассивно-оппозиционно. Ни в чем их оппозиционность не проявлялась, и лишь когда стало ясно, что Северная область близка к падению, начались митинги на заводах и фабриках. Но и эти митинги были какие-то робкие; казалось, что рабочая масса не вполне была уверена в том, что большевики им принесут счастье.

Ко всему прочему нелишне отметить тот факт, что рабочего класса как класса в Архангельске почти не было, в сравнении с другими двумя группами населения — крестьянством и мещанством-купечеством — рабочие были весьма немногочисленны, слабы, не организованы, и их настроение, как бы оно ни было большевистствующим, не могло играть, да и не играло роли в судьбах области.

Настроение же обывателей заслуживает описания. Я не знаю, каково оно было при занятии области союзниками. Вероятно, была радость, по умеренная и отнюдь не бурная. Я же застал архангелогородцев в состоянии совершеннейшего и глубочайшего безразличия к судьбам Северной области. Словно все это — и защита области, и уход союзников, и возможный приход большевиков — меньше всего касалось именно их. Угрюмые по своей природе, смесь великороссов с местными туземными полярными племенами, архангелогородцы живут замкнуто, чуждаясь общения, не тяготея нисколько к общественности.

Чем они интересуются? Что их волнует, спрашивал я местных старожилов, из бывших ссыльных. — «Бог их знает».

Действительно, театр наполовину пустовал даже тогда, когда играл В. Давыдов; концерты и собрания заполнялись почти исключительно приезжими, попавшими в Архангельск уже во время большевизма.

Происходила курьезная вещь: защищали область, управляли ею, делали высшую и прочую политику люди чуждые, далекие Северному краю, приехавшие из Парижа, Финляндии и Совдепии.

Крестьянство дало солдат. Но город Архангельск упрямо и настойчиво отклонял всякое привлечение его к судьбам области. Я говорил уже, что на призыв главнокомандующего и на декларацию земско-городского совещания о необходимости поступать добровольно в армию не откликнулся никто: записались два-три гимназиста — и только. Национальное же ополчение, организованное по почину Городецкого и Мефодиева, членов правительства и местных аборигенов, вылилось в конце концов в затею, дорого обходившуюся и бесполезную. Посланные на фронт ополченцы тотчас же утекали оттуда в тыл под самыми благовидными предложениями, заполняя лазареты, эвакуационные пункты и санитарные поезда.

Можно было прийти в отчаяние от такой пассивности тех, кто, казалось, должен был быть в центре борьбы, являться ее стимулом.

На упреки, бросаемые местному купечеству, что оно интересуется только ценами на треску, что оно спекулирует английскими товарами и мехами, оно спокойно в свою очередь спрашивало: «А мы разве просили вас приходиться защищать нас от большевиков? Нам и с ними было не скверно. Но, конечно, с союзниками лучше».

Обыватели были как будто довольны пребыванием союзников в области, они чувствовали себя за ними как «за каменной стеной».

Но когда была объявлена эвакуация англичан, то архангелогородцы немного поволновались, понервничали, пытались упрасивать союзников остаться, но скоро успокоились. Настолько успокоились, что редко кто из местных жителей поехал с англичанами: уехал

главным образом пришлый элемент и несколько семейств местных богачей. Меньше всего верили архангелогородцы в прочность Северного фронта и в возможность защиты Северной области собственными российскими силами. Для них не было сомнений, что «придут большевики». И купец, и мелкий мещанин говорили с одинаковой убежденностью, что «большевик не может не прийти». «Где уж нам?» Насколько сильна была эта вера, показывает тот факт, что еще за четыре месяца до падения Северной области, в дни блестящих побед на Железнодорожном фронте, в Архангельске началась скупка советских денег, а также керенок, причем их расценивали по весьма высокому курсу. Вместе с тем все набросились на меха, стали их покупать, только чтобы сбыть северные деньги: «чайковские» и «моржовки». — «Придут большевики, куда мы их денем?»

Много и с разнообразными лицами приходилось мне говорить за шесть месяцев, отделявших уход союзников от времени падения области, и ни разу я не слышал ни одного слова уверенности в том, что возможна победа Северного фронта. Пассивность и непобедимая вера в приход большевиков царили среди обывателей Архангельска.

И здесь имело место обстоятельство привходящее: архангелогородцы не только не боялись большевизма, но до известной степени, в части своей, приходу большевиков почти сочувствовали. Не испытывшие, не пережившие большевизма во всех его проявлениях, местные обыватели были почему-то уверены, что большевизм переродился, что «он совсем стал хорошим».

Не раз приходилось в одном весьма богатом доме А-вых, исконных жителей Архангельска, слышать недоверие к моей отрицательной характеристике большевиков.

«Да это все было... А теперь большевики стали серьезнее. Не звери же они. Сами понимают, что на крови далеко не уедешь».

Надо ли говорить, какой жестокий урок получили архангельцы от большевиков?

* * *

Таковы были настроения в области: колеблющееся у крестьян, сочувствующе-большевистствующее у рабочих и пассивное у обывателей.

Эти настроения отнюдь не способствовали укреплению тыла и не давали поводов к вере в лучшее будущее.

Для большинства фронтовиков от этого еще мучительнее становилось. Вопрос: «Да для чего же мы защищаем область, проливаем кровь, мы, чужаки, когда местные жители в лучшем случае пассивно-доброжелательны?»

IV. ГЕНЕРАЛ МИЛЛЕР И ПРАВИТЕЛЬСТВО

Не раз на страницах оппозиционно настроенной к правительству прессы ставился вопрос: да существует ли у нас правительство?

Этот вопрос отнюдь не был риторическим, и самая его постановка отнюдь не была излишней.

Как известно и как мною уже было упомянуто в начале настоящей статьи, верховное управление, состоявшее из членов Учредительного собрания северных губерний, было арестовано капитаном Чаплиным. По требованию населения, главным образом крестьян, члены означенного управления были вскоре же освобождены, и Чаплин получил «назначение» (он был командующим войсками С. о.) на Двину. Но история этим не кончилась. Под влиянием англичан, при слабой оппозиции американского посла Френсиса, произошла реконструкция власти в смысле ее поправления и обезличения. Позиция англичан была определенной: диктатура военной власти, как единственной умеющей «твердо править». Но пока такая диктатура не была еще реализована, англичане помирились на прави-

тельстве следующего состава: председатель Н. В. Чайковский, члены: И. Зубов, д-р Мефодиев, Городецкий, кн. Куракин и М. Федоров. Из них фигурой, с которой считались и союзники, и население, был только Н. В. Чайковский. И пока он был в области, правительство в значительной мере себя проявляло. Правда, не без конфликтов и справа и слева.

В начале 1919 года Чайковский уехал, и с его отъездом правительство оказалось всецело под давлением англичан и тех, кто последними управлял. Правительство этого состава не импонировало и не могло импонировать ни одной группе населения, и, как следствие этого, с ним перестало считаться и английское командование.

Причины к этому следующие.

В правительстве не было никого из демократических элементов, ставленников земства, крестьян или рабочих. Ибо хотя М. М. Федоров и считался сочувствующим эсерам, но в действительности он был далек от партии эсеров и на нее во всяком случае не опирался. В правительстве он занимал левую позицию, нередко воздерживаясь от голосований ряда постановлений. Остальные члены правительства не только не возглавляли каких-либо политических партий или групп населения, но некоторые из них были «чужаками», приезжими, имя которых ничего не говорило населению.

Отличительной чертой, совершенно обесценивающей это правительство, была удивительнейшая пассивность членов его, в частности председателя Зубова, как «носителя власти». Петр Юльевич Зубов — милейший и культурнейший человек, настоящий чеховский интеллигент. Нередко повторял он, и с превеликой искренностью, «что мы за властью не гоняемся», «пусть приходят другие», «да к тому же все это здорово надоело». Аналогичные настроения были и у М. Федорова. Кн. Куракин уехал в Сибирь. Д-р Мефодиев, по-видимому, более интересовался своей практикой, чем правительственными делами. Все это не могло служить к укреплению власти или к поднятию ее авторитета. Но это было на

руку военной власти. Все это подготавливало военную диктатуру.

Еще при Чайковском приехал генерал Миллер, который, пока Марушевский оставался командующим, получил пост генерал-губернатора с подчинением ему управляющего внутренними делами. Последним был назначен В. И. Игнатьев, нар.-соц., человек дельный и энергичный, по страдавший совершенно несоразмерным самолюбием и честолюбием. Эти качества, испортившие ему отношения с англичанами, помешали ему объединить вокруг себя демократические элементы, и в конце концов, не получая ниоткуда поддержки, он был уволен от своей должности и уехал к Колчаку.

Подчинение гражданской власти военной и смешение их не только в центре, но и на местах, повлекло за собою бесконечные неурядицы и недовольство со стороны населения. Нередки были высылки в административном порядке, производимые генерал-губернатором собственной властью. Так сотни рабочих были высланы в сентябре на Иохангу.

Также широко практиковались военно-административные заключения в тюрьму, реквизиции и другие вмешательства в гражданское управление краем. Все это подрывало и без того невысоко стоящий престиж гражданской власти. Часто слышалось: «Все зависит от Миллера». И это соответствовало действительности. К этому же времени, чтобы еще более ограничить круг деятельности гражданского управления, при генерале Миллере, как при генерал-губернаторе, была образована «Особая гражданская часть». Начальником этой последней был назначен Миллером молодой человек К. П. Шабельский, человек определенных, весьма правых убеждений и столь же определенных тенденций. И само собой, что в руках этого последнего фактически сосредоточилось все управление гражданской частью края. Управляющий внутренними делами был в полнейшей зависимости от Шабельского, и дела, даже не особенно важные, требовали разрешения самого генерала Миллера.

Таким образом, с одной стороны, правительство, по своей слабости и безличности находилось в руках генерала Миллера, как члена правительства, а гражданская часть подчинялась ему, как генерал-губернатору. Все это по существу создавало в крае власть военных, то, что называется «военная диктатура» и что, конечно, весьма определенно и ясно сознавалось различными кругами населения. Одни были недовольны и считали, что «такую власть надо убрать», другие наоборот, были рады и полагали, что именно «диктатура военная и может удержать область в руках у белых».

Гражданская война заставила меня довольно спокойно относиться к положению, что для победы необходима диктатура. Для меня стало более чем очевидным, что сила большевиков — не только в их активности, которой были лишены их противники, но и в твердой, не отступающей ни перед чем власти. Но если твердая власть и есть необходимое условие для победы, то во всяком случае не ею одной куется последняя. Чего-чего, а твердой власти наши военные не были лишены. Но они были лишены многих других качеств, которые были у того, кому они хотели подражать, — у Наполеона. Бонапартизм русских генералов решительно не того качества, которое способно было бы принести им победу. Ибо для них все начиналось с твердой власти и кончалось ею же. Причем часто они довольствовались лишь внешним проявлением этой твердости.

За два дня до падения области на улицах Архангельска меня остановил генерал Х. и начал распекать за то, что я не отдал ему чести (я был в военной форме). «Хотя вы — член правительства и писатель, но честь вы мне должны отдавать. Захочу — и посажу вас на гауптвахту». Я молчал. Хотя, правда, даже чисто формально, вина была не на моей стороне. Было темно. Свиристель вала снежная буря. А я шел в стороне, перегоняя генерала Х. Видеть его я решительно не мог. Однако он меня заметил, догнал и распек.

Это чрезвычайная мелочь. Но такой мелочью полна вся история военных диктатур на Севере, на Юге и в Сибири. Погоня за призраком твердой власти, а не за ней самой, не за тем, чтобы быть сильными, а чтобы казаться таковыми. И генерал Миллер, который среди других генералов выделялся сравнительной культурностью, тем не менее был типичным «русским военным диктатором». Он стремился к «окружению и оформлению» своей власти, мало заботясь о фундаменте, на котором она зиждется. Он сам неоднократно, а особенно его помощник Шабельский, допускали нетактичности в отношении политических, демократических групп С. о., и это несмотря на то, что именно эти группировки были особенно сильны. Рядом поступков он и его помощник во имя твердой власти совершенно разрушали внутреннее решение и единство, что и является условиями, необходимыми для подлинной твердой власти.

История российских военных диктатур показывает, что те, кто ставил на нее ставку, были глубоко не правы. Условия гражданской войны требуют от ее вождей тех качеств, которыми генералы отнюдь не обладали: они требуют широкого ума, умения понять интересы и желания населения, умения повести их за собой, и все это — наряду с существенно необходимым талантом стратегическим.

Пример большевиков показал, что русский генерал хорош тогда, когда его роль ограничивается исполнением. Они могут быть только, но не более, чем правая рука диктатора, — последним может быть отнюдь только не российский генерал.

Но интеллигент русский, преисполненный пассивности, в эти годы гражданской войны не мог этого понять. Находясь под гипнозом ореола генеральских погон, он уступает без сопротивления часто изумленному этой пассивностью генералу всю власть.

Так было на Волге, когда отдали всю власть ген. Галкину, так было в Сибири, то же произошло и на Севере.

Процесс кристаллизации твердой военной власти, который имел место на Севере, отвечал желаниям англичан и находил в них во всех тяжелых случаях поддержку и одобрение. Но вот решен уход англичан. Последние, как я уже говорил, предлагали русскому командованию тоже эвакуироваться. Этот момент совпадает с появлением известной «холодности» между русским и английским генералитетом. И тогда совершенно неожиданно генерал Айронсайд находит, что нужно реорганизовать правительство, что необходимо, чтобы оно было более демократично — вот «как у нас в Англии». Благодаря этому земско-городское совещание, созыв которого откладывался правительством с месяца на месяц, было созвано. На настроении этого совещания и его постановлениях придется остановиться в следующей главе, здесь замечу только то, что оно было довольно оппозиционно, требовало «совершенно другого правительства», но в конце концов согласилось на следующий состав: генерал Миллер, П. Зубов, Багриновский (бывший городской голова Архангельска), Цапенко, М. Федоров и без портфеля два эсера: П. Скоморохов и Едовин. При этом личностью боевой, твердой, пользующейся большим влиянием в земских кругах, был П. Скоморохов.

Но это правительство, хотя оппозиция и была в меньшинстве, оказалось несовместимым с принципами «военной диктатуры».

Разойдясь с Миллером в вопросах об амнистии и об упорядочении гражданских прав, оппозиция, иначе — ставленники земско-городского совещания Скоморохов и Едовин, — вскоре после рабочей забастовки вышла из состава правительства. И последнее стало однобоким.

К этому времени уезжают англичане, а незадолго до того получается распоряжение от уже агонизировавшего Колчака об упразднении Временного правительства Северной области и об управлении последней генералом Миллером. Это распоряжение пришло в ответ на признание правительством А. Колчака как верховного правителя.

Предложение «самоупраздниться» было поставлено на обсуждение правительства, вернее, той его части, что осталась за уходом оппозиции. Решительно возражали против самоупразднения Багриновский и Федоров. Зубов относился пассивно.

По причинам чисто формальным не последовало проведения в жизнь распоряжения из Омска. Ибо разразившаяся катастрофа ставила генерала Миллера в неудобное положение, лишая его последней опоры. И вопрос остался висеть в воздухе. Правительство изредка собиралось, обсуждало кое-какие дела, но не имело уже даже и тени авторитета.

В газетах прямо писалось, что «правительства у нас, слава богу, нет, а есть главнокомандующий». Победы на фронте еще более укрепили военную диктатуру, сведя совершенно на нет гражданскую власть. Она была — и не была. Управляющие отдельными ведомствами являлись с докладами не к Зубову, который был председателем правительства, а к Миллеру. Все делалось по указаниям и по воле последнего.

Багриновский, который был управляющим внутренними делами, чувствовал себя, как он потом заявил мне, «совершенно бессильным и ненужным». Он был только чиновником, и больше ничего.

Общественное мнение, демократия и политические партии, по-видимому, считались как с совершившимся фактом с упразднением Временного правительства Северной области и окончательным укреплением военной диктатуры.

Так продолжалось четыре месяца, до того времени, когда падение области стало очевидным, когда оно стало фактом завтрашнего дня.

Тогда генерал Миллер снова обратился к общественности и вспомнил о правах правительства.

У. ДЕМОКРАТИЯ. ЕЕ ПОЗИЦИИ

Архангельск издавна имел репутацию города демократического, с некоторым уклоном в сторону социалистических настроений. Это объяснялось и большим количеством старых ссыльных, после срока своей ссылки оставшихся в городе, а также и характером северных жителей, не испытывавших крепостного права, привыкших к свободе и к независимости. Дворянство на Севере также отсутствовало. Чиновничество же было относительно немногочисленно и нередко пополнялось из бывших ссыльных. Эта демократичность интеллигенции и местного населения в то же время каким-то причудливым образом сочеталась с угрюмостью, нелюдимостью и даже с какой-то антиобщественностью, о которых я выше упоминал.

С приходом союзников и с приездом в область большого количества «чужаков», нахлынувших сюда из Совдепии и из-за границы, образовались и правые группировки. Некоторые из них, как, например, группа Е. Семенова, издававшего газету

«Отечество», получали поддержку от главнокомандующего.

Довольно влиятельной была группа местных кадетов, объединявшая деловую интеллигенцию и купечество, но и у этой группы, издававшей недурную газету «Русский Север», не было большой связи с местным населением.

Демократические партии были представлены эсерами и эсдеками. Но последние были чрезвычайно немногочисленны, имели только десятки членов среди рабочих и единицы среди обывателей, не имели собственного органа и в большинстве сотрудничали в газете «Возрождение Севера». Последняя официально была беспартийно-социалистической, но фактически принадлежала эсерам.

Социалисты-революционеры представляли собою на Севере безусловную силу, имели значительные связи в уездах и многочисленных сторонников в партизанских отрядах, особенно Шенкурского уезда. Эти связи и влияния, несомненные в 1918 году, ко времени падения Северной области в некоторой степени уменьшились. Произошло это благодаря расхождению в вопросах тактики лидеров эсеров и сочувствующих эсерам масс.

Дело в том, что со времен еще верховного управления платформа местных эсеровских кругов была близка к «Союзу возрождения», и они стремились к совместной работе с местными несоциалистическими элементами. Их общая политика была настолько напрямик соглашательская, что они не выступили против Колчака даже тогда, когда парижские и московские эсеры делали это весьма резко и определенно. В области внутренних отношений, несмотря на видимое тяготение военной власти к автодиктатуре, местные эсеры поддерживали мероприятия военного командования. И если и не поддерживали, то и не протестовали. На этой почве возникло прежде всего в интеллигентских кругах, а потом и в крестьянстве недовольство. Те настаивали на реорганизации правительства, на том, чтобы правительство в Северной

области было демократическим, «своим», против этого решительно возражали руководящие круги. Для них казался единственно правильным в данный момент лозунг «единый противобольшевистский фронт». Во имя сохранения этого лозунга они шли на большие уступки. Так, даже после осуждения Бечина, Ключева и пр., выступавших с открытой критикой правительства, не прекратилась поддержка последнего демократическими кругами и газетой «Возрождение Севера». На вопрос, предлагаемый с мест, почему демократия не берет власть в свои руки, был неизменный ответ, что «это нарушит единый противобольшевистский фронт и что этому мешают союзники». Действительно, как мы видели, англичане держали свою линию поведения по пути к военной диктатуре, и всякое требование, желание или просьба со стороны демократических кругов Севера встречали у них оппозицию. Это касалось и демократизации правительства, и созыва земско-городского совещания, и упорядочения судопроизводства. И все-таки, хотя это все и было, но главное, что побуждало лидеров к «соглашательству», было желание удержать единый фронт.

Позиция архангельских эсеров во многом совпадала с мнением, которое в то время защищал Н. В. Чайковский в Париже.

Слева некоторые недовольные не раз ставили вопрос руководящим демократическим кругам Архангельска:

«Почему вы поддерживаете военное командование? Почему вы ему фактически подчиняетесь, хотя имеете полную возможность подчинить его своей воле?»

Ответ был неизменен и очень похож на тот, что давали известные демократические круги и на Юге России, и в Сибири, и на Украине:

«Мы не за диктатуру, но мы за твердую военную власть. Только она может спасти область. Если мы возьмем власть, а это мы сейчас не можем из-за англичан, то военное командование и офицерство откажется идти за нами, и в итоге будет разложение армии, разрушение фронта и падение области».

Оппозиция слева, состоявшая из отдельных социалистов-революционеров и меньшевиков, ни в чем себя не проявляла, кроме критики позиции руководящих лиц во время собраний — частных и земско-городских.

Оппозиция была пассивна. Лица, не согласные с направлением газеты «Возрождение Севера», просто отошли от политики, ушли в свою жизнь и свои интересы. Так, например, видный эсер Гуковский начиная с апреля и по день своего отъезда (в октябре) редко даже заходил в редакцию газеты и еще реже писал в этой газете.

П. Скоморохов, видный земец, имевший большое влияние в земских кругах, не имел большого партийного стажа, поэтому, несмотря на свою левизну, считался сам весьма с настроениями эсеровского центра и подчинялся де-факто его директивам.

Среди открытых выступлений, резко оппозиционных, я знаю всего только два за весь 1919 год.

Первое — это было выступление на митинге и в думе в марте с речами, направленными против «вялого правительства» и против «союзников и военной диктатуры». Речи были произнесены Бечиным — председателем Совета профессиональных союзов, Клюевым и Цейтлиным — членами правления последнего. За эти выступления последовало жестокое наказание (каторга), хотя по существу ораторы не выходили из рамок парламентарной критики. Но это выступление, осужденное правительством, было произведено без санкции и не было одобрено демократическими сферами. Газета «Возрождение Севера» считала это выступление «не-нужным и вредным», но в то же время весьма энергично выступила против наказания виновных. К этому надо прибавить, что выступавшие лица были дикими (Бечин и Клюев) и ни к каким партийным группировкам не принадлежали.

Другое выступление — была забастовка рабочих в сентябре, в виде протеста против отказа правительства дать амнистию многочисленным политическим осужденным по суду и административно заключенным.

Эта забастовка, совпавшая с наступлением на фронте, встретила осуждение со стороны эсеровских кругов и была, по-видимому, организована усилиями архангельских большевиков.

Этими двумя выступлениями и ограничивается активное проявление себя недовольной правительством оппозиции.

Позиция, занятая руководящими эсеровскими кругами, встречала, как я уже говорил выше, критику со стороны некоторых более лево настроенных членов этой партии. Эта критика, превратившаяся в самокритику, особенно проявилась во время земско-городского совещания, происходившего незадолго до ухода союзников.

Это первое земско-городское совещание, находившееся под сильным влиянием эсеров, было очень бурным и значительно оппозиционным к соглашательской, уступчивой политике демократических сфер.

Требовали образования своего или, в крайнем случае, разбавленного буржуазией правительства.

Требовали «укрощения» военного командования, ограничив его деятельность исключительно делами военными.

Приехавшими из уездов земцами указывалось на «все большее вмешательство военных властей в жизнь населения».

«На процветание административных взысканий».

«На рост недовольства среди крестьян, которые говорят, мол, что правят областью генералы и бары».

«Что кое-где начинают похваливать большевиков, особенно же в Архангельском уезде».

После долгих и весьма длинных прений во фракциях, после неоднократных бесед с Миллером и генералом Айронсайдом все же идея «единого противобольшевистского фронта» и «принципа соглашения» осталась в силе. Победило, таким образом, направление, олицетворявшееся газетой «Возрождение Севера».

В состав правительства были посланы два наиболее активных и видных земца (без портфелей): П. Скоморохов и Едовин. Решено было «поддерживать всеми силами это правительство». И наконец, по вопросу об оставлении союзниками области — «признать это угрожающим для последней. Настаивать на том, чтобы англичане остались в области». И даже решено было послать своих представителей в делегацию, отправленную в Лондон просить англичан остаться и не покидать Северного фронта. Представителем эсеров был избран Мацкевич, впоследствии расстрелянный одним из первых большевиками.

Несколько слов об этой делегации.

Составленная из представителей различных политических партий, она выехала в сентябре и вернулась в ноябре. Посещение ею Англии было, конечно, безрезультатно, и сама делегация встречена была англичанами с недоверием.

Итак, единый фронт был подтвержден, и притом таким (относительно) авторитетным учреждением, как земско-городское совещание. Однако процесс, который развивался в области, не мог остановиться, и кристаллизация военной диктатуры заканчивалась.

Представители демократии Скоморохов и Едовин, убедившись, что правительство является только «совещанием при главнокомандующем», и не желая оставаться в меньшинстве, вышли из состава правительства. Этот выход представителей земско-городского совещания, так же как последовавший около этого времени отказ генерала Миллера остановить новые многочисленные высылки и аресты, привел к окончательному крушению позиции союзозрожденцев.

А. Иванов и П. Скоморохов, с которыми мне пришлось в это время говорить, так формулировали свою новую тактику:

«Для нас ясно, что говорить об искреннем соглашении с генералом Миллером не приходится. У нас военная диктатура и военный диктатор, который готов до-

пустить совещательный орган при своей персоне, но не больше. При таких условиях, которые мы считаем губительными, оставаться в правительстве мы не можем. Провадает и подлинный "единый фронт". Но мы не хотим мешать генералу Миллеру защищать область и будем ему помогать там, где можем. Во всяком случае всякую оппозицию против него будем сдерживать».

И газета «Возрождение Севера», заняв критическую позицию по отношению к Колчаку, продолжала поддерживать генерала Миллера и остатки правительства вплоть до закрытия газеты в день падения области, 19 февраля.

Новая позиция эсеров, по-прежнему пассивно уступчивая, встретила резкую критику, особенно на местах. Неоднократно с мест требовали активной политики, требовали взять власть в свои руки. Особенно защищали эту активность партизанские уезды и партизанские части. Делегации, требовавшие отпора и состоявшие как из офицеров, так и из солдат, считали активность необходимой и обещали поддержку реальной силой. Тем не менее центр решительно отстаивал мирную позицию, ибо, как писало «Возрождение Севера», «у нас один враг — это большевики, всякие внутренние распри мешают борьбе с этим врагом. Никаких выступлений. Никаких самочинных демонстраций. Все на защиту фронта». («В. С.». XI.)

Отказавшись от участия в правительстве, демократия не отказалась от поддержки фронта.

Несмотря на расхождение в оценке положения центра и мест, внутри демократии Северной области существовало завидное единение, какого я нигде в другом месте не наблюдал. Левые и правые не только составляли единое целое, но и не помышляли о фракционных делениях. Этой цельности отвечал и контакт, существовавший в области между массами и вождями ее, руководителями, интеллигентами. В это время, как всюду по всей России, приходилось наблюдать обострение отношений между массами и интеллигенцией.

Здесь же на Севере я не мог этого заметить — при всем существовавшем расхождении в настроении и мнениях между теми и другими.

При наличии чрезвычайно умеренной политики демократических сфер, политики, которая считалась многими вредной, оставались все-таки взаимное доверие и поддержка. Мне ни разу не пришлось слышать по адресу верхов столь излюбленных в России эпитетов, направленных против неугодных лидеров: «продались генералам», «прихвостни буржуазии» и т.д. В самые последние дни существования области и после ее падения, когда многие упрекали демократию в «тяжких грехах соглашательства», широкие круги крестьянского населения остались верными своим лидерам, спасали их, укрывали.

Да и вообще не было в северянах, в частности в северных войсках, ненависти к интеллигентам и барам (исключение составляли горожане и пригородские жители). Разве не любопытен факт, что, как правило, солдаты не только отпускали своих офицеров в дни падения области «домой», но оставляли им и оружие и вещи.

«Ты уж, господин поручик, береги себя».

«Авось господь поможет тебе, господин капитан, добраться до своего дома».

Такие напутствия слышались в тех частях, где не было коммунистов и где большинство солдат было из крестьян.

Это явление тесно связано с характером и натурой северян. В них нет и в помине того озлобления, затаенной обиды и ненависти к барам и интеллигентам, столь характерных для великоросса средней России. Здесь, на Севере, были только следы этих настроений, только отголоски, только отражение общероссийских настроений масс. Вместе с тем у северян и больше самостоятельности, больше и чувства собственного достоинства. Пассивность же и безразличие к судьбам Северной области находят объяснение в известном разочаровании в политике правительства и в имевших место притеснениях и неза-

конностях, которым население подвергалось со стороны местных военных властей, и главным образом — в недостатке общественного самосознания и в убеждении в правильности положения «наша хата с краю».

Говоря о демократии Северной области и о ее настроениях и поведении, нельзя обойти молчанием тех взаимоотношений, которые существовали между военным командованием и демократическими деятелями.

Как мною уже дважды было отмечено, верховное управление было арестовано капитаном Чаплиным, занимавшим тогда должность главнокомандующего. После того сменялись люди, изменялась обстановка, но происшедшее все-таки осталось в памяти и той и другой стороны. И в дальнейшем отношения между теми и другими отнюдь нельзя было назвать дружественными. Правда, генерал Миллер держал себя весьма лояльно, нередко беседовал с А. А. Ивановым, оказывал последнему знаки внимания и иногда подчеркивал в разговоре с ним, что «он сочувствует принципам демократии и вполне их понимает». Но другие генералы и штабные не только не скрывали своей враждебности к демократическим деятелям, но и культивировали ненависть в офицерстве. Хотя оборончество и соглашательство эсеров в С. о. было «вне всякого сомнения», тем не менее почти официально говорили о разложении фронта социалистами и о том, что Иванов получает деньги от большевиков, и тому подобное.

Начальник штаба Железнодорожного фронта совершенно искренно любил заявлять вслух, «что лучше большевики, чем социалисты и эти демократы, да и вообще все интеллигенты». Причем он сваливал в одну кучу и Керенского, и Милюкова, и Гучкова. Все это были интеллигенты.

Эта организованная, я не могу иначе выразиться, травля демократических деятелей некоторыми высшими чинами армии не могла не отразиться на настроении офицерства.

Рядовое офицерство, за исключением партизанских частей, было настроено враждебно к социалистам и демократам, но в некоторых специальных частях и штабах настроение было даже активным в смысле враждебности, и ряд эксцессов, весьма вредных по своим последствиям, записан в истории С. о.; эти случаи даже отмечены в приказах главнокомандующего.

Такова была история с А. П. Гуковским. Не сочувствуя позиции «Возрождения Севера», он отошел от политики, работал над своей научной работой и жил весьма уединенно. Даже его приятели редко могли его видеть. Тем не менее для воинствующих черных он оставался бывшим членом верховного управления и считался лидером эсеров. Незадолго до его предполагаемого отъезда за границу вечером к нему позвонил неизвестный и в упор ранил Гуковского в грудь на вылет. Гуковский долго был между жизнью и смертью, но, несмотря на свой почтенный возраст, выжил. Расследование, произведенное прокуратурой, не дало результатов. И только после падения С. о. выяснилось, что это дело рук чаплинцев.

Другой из более характерных случаев произошел уже в январе 1920 года. Офицеры броневого дивизиона, отличавшиеся особой нетерпимостью, неверно, по своему, поняли одно стихотворение, помещенное в газете «Возрождение Севера», и решили убить Иванова.

Сказано — сделано.

На броневике они подъехали к редакции, но, к счастью для Иванова, его не нашли.

Они едут к нему на квартиру. Тоже не находят. Угрожают его жене.

Предупрежденный Иванов бежит к Миллеру, и в результате ретивым офицерам в особом приказе главнокомандующего разъясняется, «что они неверно поняли означенное стихотворение, которое написано не в прославление большевиков, а в их осуждение».

Если генералитет недолюбливал демократии вообще, то он решительно не переносил демократически настроенных офицеров и весьма их притеснял.

Я говорил уже о полковнике Костанди, который отнюдь не был демократически настроенным офицером, но почему-то считался «красеньким». Этого было достаточно, чтобы держать его в черном теле.

Аналогичных случаев было немало, и каждый служивший в Северной армии помнит их отлично.

Артиллерийский полковник Аргамаков, прекрасный офицер, проведенный все время наступления на передовых позициях, увольняется и отправляется в Финляндию. Вся его вина — две статьи военного характера, помещенные в газете «Возрождение Севера», и демократическое настроение. Он не только увольняется, но ему дается сумма денег, достаточная только, чтобы доехать до финской границы. Не помогло ничто, ни даже то, что он был ранен на фронте.

Подполковник Брюмер, один из лучших офицеров артиллеристов Северного фронта, был назначен тоже к увольнению, и его спасли от этого только начавшиеся осложнения на Двинском фронте.

Подполковник Чубашек, прославленный герой — один из храбрейших офицеров партизанских батальонов. О нем рассказывали чудеса смелости, отваги и ловкости. За один год выдвинулся он из поручиков в подполковники, но здесь был замечен как посетитель редакции «Возрождение Севера». Этого было достаточно, чтобы был решен его перевод на Печору. В одном горячем сражении он попал в плен. Начальник штаба фронта, узнав об этом, доложил с улыбкой командующему:

«Слава богу, избавились от одного социалиста!»

Увы, это не рассказы, это факты, подобных которым было немало.

Неустойчивое положение области, конечно, не могло упрочиться от подобных внутренних распрей.

Недовольство фронта тылом, недоверие одних офицеров к другим, антагонизм, существовавший между военной властью и населением, разочарованность в рядах демократии и связанный с этим все растущий большевизм в городских кругах расшатывали и без того непрочные основы Северной области.

* * *

В заключение этой главы — несколько слов об юдофобстве.

Последнее не имело сильного распространения в области, но, конечно, ему не чужды были власть имущие.

Один случай остался в моей памяти наиболее тяжелым воспоминанием...

Среди многих врачей Северной области был один врач-еврей Иоллос, приехавший из Парижа. Он был больной, с тяжелым ревматизмом, беспомощный, почти никогда не живший в России.

Шабельский посылает его в глубь Печоры. Командировка эта была для него равносильна полной гибели. При этом не составляло тайны, что его отправляют туда как еврея, ибо на фронт его «нельзя послать. Будет его разлагать».

Дальнейшая судьба Иоллоса, после прихода большевиков, мне неизвестна.

VI. ИЗ ЖИЗНИ ФРОНТА

Гражданская война имеет свои законы, свои привычки, свои навыки.

И те, кто хотел строить армию, руководясь былыми операциями, организовывать фронт, исходя из законов, выработанных для «войны с неприятелем», должны были скоро убедиться, сколь несостоятельны подобные желания.

Армия, казавшаяся крепкой, созданная с превеликим трудом, иногда разваливалась, распадалась как карточный домик.

Солдаты, которые еще вчера казались, как это было, например, у Колчака, усвоившими всю психологию прежней армии, — как-то сразу лишались всех своих боевых качеств и из белых делались зелеными, нередко и красными.

Гражданская война потребовала для армий особой спайки, внутренней, более крепкой, основанной более чем на внешней дисциплине.

И если обычно на фронтах не гражданской войны неудача деморализовала войска, порою весьма надолго, если такая неудача превращала полки солдат в скопище разнузданных людей, то что же приходится

сказать о гражданской войне! Ведь здесь малейшее, иногда само по себе несущественное поражение влекло за собой тяжелые, уже непоправимые последствия.

Психология — вот что царило, господствовало на гражданских фронтах.

На Вольском фронте народная армия наступает. Успех ей сопутствует. Сотни разбивают тысячи, десятки тысяч. Как результат победы, отовсюду текут добровольцы. Подвозятся припасы. Но вот неудача. Небольшое отступление — и все кончено. Вольская армия Махина перестает существовать. Белые солдаты массами переходят к красным. Население, напуганное грядущим приходом большевиков, перестает давать подводы, прячет провиант. Получается картина полного разгрома.

Для гражданской войны нужна какая-то особая, железная сверхдисциплина. Это хорошо поняли большевики. Но они поняли ее своеобразно и решили, что одной дисциплины мало, что нужна внутренняя спайка, цемент, который не позволял бы развалиться зданию от первого же ничтожного дождя, они этим цементом, вкрапленным в мельчайшие воинские единицы, поставили комьячейки. Благодаря последним они держали в своих ежовых рукавицах солдатскую массу. Но держали ее не только наружной спайкой, но и внутренней.

Что противопоставили им белые правительства, белые армии?

Увы! Как правило, весьма общее для большинства белых фронтов, — белое командование обычно ограничивалось требованием прежней дисциплины, установлением прежних навыков. Оно не находило нужным считаться с законами гражданской войны. И внутренняя спайка армии редко где имела место и еще реже где культивировалась как необходимая для победы. Исключение составляли добровольческие части, но армия не могла состоять из них одних, ибо им были противопоставлены сотни тысяч регулярных войск Красной армии.

* * *

Существует мнение, мною не раз слышанное здесь, за границей, что наша гражданская война имела редко сражения упорные и кровопролитные. Указывается, что, как правило, имели место лишь небольшие стычки, где одна из сторон, менее устойчивая, быстро сдавала свои позиции и обращалась в бегство. Позиционная война, хоть сколь-нибудь напоминающая русско-германскую войну, совершенно отсутствовала.

До известной степени с этим приходится согласиться. Разница между германским фронтом и фронтом гражданской войны была весьма велика. И по своей боевой обстановке и по характеру сражений.

Тем не менее на Железнодорожном фронте мы видим как бы в миниатюре сколок с германского фронта. Именно в миниатюре, в дозе микроскопической. Ибо фронт здесь был шириной в несколько десятков сажень, а справа и слева — непроходимые, вернее, трудно проходимые болота и лесные топи. Но на этом маленьком участке были все черты, свойственные обычной позиционной войне. Три, иногда четыре весьма хорошо укрепленных линии проволочных заграждений, прочные блиндажи, глубокие окопы. Порой жесточайший артиллерийский обстрел. Иногда казалось, что он гораздо более жесток, чем бывал в великую войну. Ибо снаряды падали на место ограниченное, очень небольшое, с которого не было возможности двигаться ни вправо, ни влево. Жертвы от артиллерийского огня бывали особенно велики, чего, по-видимому, не было на других белых фронтах; там наибольший процент пал на погибших при атаках или умерших от эпидемии. Раненые же, которые проходили через наши лазареты на Железнодорожном фронте, почти, как правило, бывали ранены снарядами.

Являя собой сколок с русско-германского фронта, Железнодорожный фронт имел и другую черту, сближавшую

его с этим последним и отличавшую его от других гражданских фронтов, — это отношение к военнопленным. Отношение к ним было гуманное. Их не только не расстреливали, не избивали, но нередко заботы о них заслуживали самого лучшего отзыва. Исключение из этого правила составляла деятельность некоторых членов контрразведки, остававшихся верными принципам беспощадной расправы с подозреваемыми в большевизме. Особенно отличался поручик В—г, которого Мурузи неоднократно упрекал в самовольных расстрелах пленных красноармейцев. Деятельность поручика В—га вполне отвечала настроениям и правам архангельской контрразведки.

Обычно же взятые в плен красноармейцы, голодные и раздетые, отправлялись в ближайшую тыловую станцию. Здесь их кормили, поили чаем, во избежание эпидемии тут же мыли и давали им чистое белье — и только после всего этого везли их в Архангельск или вообще в более глубокий тыл. Раненые же красноармейцы пользовались в наших лазаретах всеми правами гражданства. Они лежали в общих палатах, и никаких различий между белыми и красными мы, врачи, не делали.

Правда, бывали исключения и здесь. Рассказывали о военном враче А—ве, который отказывался перевязывать и оперировать красных, доставляемых в его околоток, и будто бы — этому не хочется верить — если он и оперировал, то надевал на тяжелораненых сильные хлороформенные маски, отправлявшие пленных на тот свет. Но этот врач А—в, конечно, составлял исключение из общего правила.

Был, помню, такой случай.

Привезли коммуниста с разрушенной снарядами ногой.

Врач лазарета К—р приготовлялся его оперировать.

Начальник штаба фронта Г—ский серьезно стал против этого протестовать.

«К чему возиться с этой падалью, прикончить его надо».

Но его слова встретили резкий отпор со стороны К—ра, указавшего, что для медицины нет партий, есть только раненые. Подобное же гуманное отношение к раненым красноармейцам поддерживалось и князем Мурузи. Он всегда отстаивал то мнение, что «красноармейцы — те же русские». Но главным мотивом его требования хорошего обращения с красноармейцами было то, что «это необходимо, чтобы они не боялись идти в плен». И действительно, на нашем Железнодорожном фронте солдаты неприятельской армии не боялись идти в плен.

Это вызывало и другие последствия: происходило своеобразное смягчение обычно беспощадной гражданской войны. Красные, узнав, что на белой стороне не расстреливают, стали тоже воздерживаться от применения расстрелов. Но война остается войной. У войны — свои законы, и эти законы кажутся особенно выпуклыми и уродливыми в условиях гражданской борьбы.

Я захожу в окоп.

Бородатый солдат спокойно нацеливается и стреляет.

«Попал. Ишь, упал».

«Кто упал?»

«Да красный. Вылез из окопа. Полез доставать своего убитого».

«А за что же ты его убил?»

«Да, убил».

«И не жалко тебе?»

«Чего жалеть. Ведь противник небось. Красный».

Убивались свои, те же русские, иногда из родной деревни, города.

И такова психология войны, что это ступеньвалось, отодвигалось в сознании далеко, в самую глубь. Оставалось одно — враг, противник, надо его убивать, в него стрелять.

И с той и с другой стороны были солдаты мобилизованные, которым не было никакого дела ни до белых, ни до красных. Им хотелось одного: «чтобы уважили их желание — ехать домой, ибо моя хата с краю».

И однако вот этот бородач, он — правило, он как все. «Враг — значит, стреляй».

С артиллерийской вышки, расположенной на высокой сосне, бывало видно попадание снаряда.

С капитаном М-ским мы иногда ходили смотреть, как будут попадать снаряды в красных.

Группа красных суетится у вагонов и, по-видимому, обедает.

После двух-трех перелетов шестидюймовый снаряд разрывается у вагона. Видно, как несколько красных упало, другие побежали. Один из побежавших через несколько шагов падает.

Капитан М-ский радуется: «Вот здорово попало. Пожалуй пятерых уложило».

«Так им и надо».

И все это говорится спокойно. Между делом. И никому, ни ему, ни мне, не кажется это странным и чудовищным.

При занятии полустанка на 405-й версте, между Емцами и Плесецкой, у красных были большие потери ранеными и убитыми.

Убитые, в одной общей куче, небрежно собранной, лежали у полусожженного станционного домика.

Кругом стояли солдаты.

«А вот этот, поди, штыком проткнут. Ишь, гимнастерка вся разорвана и крови много вышло».

Солдат наклоняется и поворачивает убитого, чтобы лучше рассмотреть.

Глянуло на свет безжизненное лицо рыжего мужика, с маленькой жидкой бороденкой.

«Да это, никак, из наших, из онежских».

Подошли еще онежские и стали спорить: «Наш ли онежский, брат лабазника Федора Кривого этот убитый мужичок, или нет?»

К коммунистам, даже убитым, была ненависть неприкрытая.

Убитого при взятии ст. Емцы унтер-офицера, с большой красной звездой, прикрепленной к борту разорванной штыками кожаной куртки, солдаты долго не позволяли хоронить.

«Пусть полежит, собака. Когда их солдаты бежали сдаваться в плен нашим и начали кричать — “сдаемся, сдаемся”, этот расвирепел и двоих из красных уложил из револьвера. Лютый, сказывают, был, даром что только взводный командир. Из старых унтеров. Не за страх служил, а за совесть».

Странные впечатления остались у меня в памяти от красных офицеров, некоммунистов, а мобилизованных, и от приема их нашими офицерами. Был какой-то надрыв, плохо скрытая злоба, недоверие. Целый комплекс чувств, переживаний гражданской войны и деления на «них» и на «нас».

В штаб 3-го полка привели двух офицеров, хорошо одетых, в рейтузах, с красными звездами-кокардами на офицерских фуражках. Взяты были при кавалерийской стычке, столь редкой на нашем фронте.

Адъютант, поручик В., опрашивал их намеренно грубо, резко, с досадою:

— Красный офицер? Фамилия?

— Так точно, — называет фамилию.

— Где служили?

— В лейб-гвардии Уланском полку, в чине ротмистра.

— И не стыдно было служить у этих сволочей?

— Мобилизовали, господин поручик.

— Так что же, убежать не могли?

— Семья. Советское правительство держало ее заложницей за меня.

— Рассказывайте, — новые ругательства, — все вы так говорите. Шагом марш!

Из чего рождалась эта ненависть, эта грубость, эта нечуткость со стороны белых офицеров к мобилизованным красным? Ведь ясно было, в сколь тяжелом положении пребывали, да пребывают и теперь, мобилизованные в Красной армии офицеры и как бережно к ним

следовало бы отнестись. Однако война рождает свои настроения, а гражданская война тем более — особенные, сложные, двойные.

И красные офицеры платили нередко той же монетой.

Взятый после падения области в плен престарелый генерал Петренко, командующий Мезенским фронтом, узнал, что во главе красной дивизии, прибывшей в Архангельск, стоит экс-генерал Самойлов. Этого последнего генерал Петренко хорошо знал в прежние годы, и они даже, кажется, были сослуживцами. Генерал Петренко, находившийся в тяжелых условиях ареста, попросил свидания с Самойловым. В ответ на просьбу своего бывшего сослуживца Самойлов ответил: «Не хочу видеться со всякой белогвардейской дрянью».

Передавший мне эту историю Костанди говорил, что экс-генерал Самойлов был искренно возмущен дерзостью белого генерала. Возмущен, а может быть, и просто боялся близости с белыми.

Об этом именно Самойлове Троцкий в одном из приказов отозвался как «о самом верном генерале, первом пришедшем на помощь Советской Республике и три года ей служащем».

Итак, гражданская война на Железнодорожном фронте была не чужда человечности.

Эта человечность была не только следствием, порожденным директивами командования, в частности князи Мурузи, но гораздо более следствием известной пассивности в настроении воинских частей как с нашей, так и с той стороны. Наши сражались хорошо. Еще лучше умирали. Но ни энтузиазма, ни подъема, ни особой ненависти у них не было. Сражались — потому что велено, что приказано.

«Не будешь сражаться — будет хуже».

«Попадешь в плен к красным — тоже плохо».

«Здесь хоть кормят хорошо, там хуже».

Таковы мотивы, таковы разговоры, столь обычные среди солдат Железнодорожного фронта.

Пленные красноармейцы, составлявшие крупный процент солдатского состава, тем более были лишены активного отношения к войне. Измученные голодом на красном фронте, запуганные и задержанные, они мечтали только об одном:

«Скорее домой, только домой».

А пока? Велено брать позиции, идти в атаку — и они шли, шли и шли.

И их, исковерканных, израненных снарядами, приносили десятками и сотнями в наши лазареты. И здесь, безропотные, отупевшие, они стонали от тяжелых ран, умирали или радовались как дети, когда у них бывала надежда выжить и попасть когда-нибудь домой.

Пассивность как основа, пассивность как повседневность, проходила красной нитью через жизнь нашего фронта. Этому отвечало и настроение красных войск, стоявших по ту сторону окопов. Большевицкая власть не придавала, очевидно, большого значения Северному фронту и посылала сюда части второсортные, лишённые, как это было мною отмечено, коммунистических ячеек, коммунистического цемента. Несмотря на холода, отсутствие жилых помещений, красные войска были из рук вон плохо одеты и еще хуже кормились. Все это еще больше усиливало пассивность, я бы сказал, отупелость красных солдат. Они шли в атаку, они защищали позиции, сдавались в плен или отходили, но все это делалось в каком-то полусне, не понимая ни к чему это, ни для кого, ни во имя чего.

Они также безропотно умирали... Иногда я до боли в душе удивлялся, как раненый, и раненный тяжело, красноармеец переносил свои поистине ужасные раны.

Терпелив русский человек. Терпелив и глубочайше пассивен.

И подобно тому как белые солдаты были весьма безразличны к интересам государственным, областным, также и красные солдаты были чужды интересам Советской Республики.

И, беседуя с красными солдатами, я тщетно пытался уловить у них хоть крупицу, хоть частицу общенациональных настроений, — их не было. Была лишь полная пассивной грусти тяга к дому.

Так было на Железнодорожном фронте, но не так было на Тарасовском.

Здесь с одной стороны были партизаны, с другой — не чуждые коммунистическим настроениям красные войска.

Пассивности здесь не было места.

Вместо нее были озлобление, ненависть, упорная и жуткая, не останавливавшаяся ни перед какими жертвами.

Вопрос, который я себе не раз ставил, — это откуда, из каких недр родился русский коммунист. Ведь это в большинстве выходцы из серой пассивной массы, безразлично настроенной, и, однако, сколь они активны и упорны! Ибо этих качеств от русских коммунистов отнять нельзя.

Удивительнейшим биологическим отбором были они выдвинуты на арену русской жизни, возобновив давно ушедшие времена русского раскола, столь же отмеченного своей активностью и своим фанатизмом.

VII. МОЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Мой отъезд из Парижа на север России был лишен каких-либо политических соображений или целей.

Политической и общественной жизни Севера я касался очень мало. В своем решении я оставался непреклонным во все время моего пребывания в области, и только — это было в конце января 1920 года — когда земское собрание и Миллер сошлись на моей кандидатуре в члены правительства, я ответил согласием. Да и то только потому, что считал первой задачей нового правительства спасение и эвакуацию фронтовых частей.

Единственно от чего я не мог отказаться, — это от своей связи с заграничной прессой. Будучи постоянным сотрудником парижских газет «L'Information» и «L'Neuge», я, по предложению редакций этих газет, посылал изредка корреспонденции о жизни и настроениях Северной области. Мне это казалось безвредным и невинным занятием. Однако неожиданно для меня мое корреспондентство вовлекло меня в ряд неприятных положений. В ноябре я был экстренно вызван к главнокомандующему.

С начальником его канцелярии, ген. Шабельским, у меня произошел нижеследующий разговор.

— Вы корреспондируете в парижские газеты?

— Да, пишу.

— И позволяете себе писать о деятельности главнокомандующего?

— Да.

— Главнокомандующий предписывает вам прекратить корреспондентство, или...

— Или?

— Или вы будете высланы на Иохангу.

Я решительно отказался прекратить корреспондировать, предоставив на усмотрение генерала Миллера наказание или «возмездие» за мою непокорность.

Вскоре я узнал, что мои письма военной цензурой не пропускаются, а телеграммы задерживаются. Друзья же мне сообщили неутешительные известия, что вопрос о моей высылке обсуждается довольно серьезно в военных сферах, но что это встречает сильную оппозицию со стороны Зубова, который-де «не находит решительно никаких мотивов для такого наказания, тем более после того, как главнокомандующий особым приказом отметил полезную деятельность Соколова на фронте».

После этого я решил, не дожидаясь высылки моей на Иохангу, выехать за границу.

Но непредвиденные обстоятельства, осложненный грипп, помешали моим планам, и я не смог выехать, пропустив один из последних ледоколов.

К этому времени произошли на фронте значительные изменения. Блестящие победы Мурузи на Железнодорожном фронте были прерваны высылкой его из пределов Северной области. На смену ему был назначен генерал Вуличевич, который оказался менее счастливым в своих боевых операциях, чем его предшественник. Неудачное наступление в вологодском направлении, принятое по специальному приказанию генерала Квинцинского, несмотря на возражения штаба фронта, произвело весьма тяжелое и неблагоприятное впечатле-

ние на войска. Наступивший же после этого продолжительный период затишья боевых операций и связанная с этим известная деморализация духа у солдат свели на нет весь успех предыдущих блестящих наступлений.

К этому же времени ликвидация Колчака, окончательный разгром Юденича и неудачи Деникина усиливали общую подавленность настроения, в равной мере охватившую и солдат и офицеров.

Наступали черные дни области...

Им предшествовали характерные признаки.

Ряд лиц, находившихся в «окружении» Миллера, начали проситься в заграничные командировки, точно предчувствуя скорое падение области. Первым уехал генерал Ключев, получив весьма загадочную командировку и весьма реальный чек в несколько тысяч шведских крон. Вскоре вслед за ним уехал Шабельский, получив тоже какое-то совершенно фантастическое дипломатическое поручение, и опять-таки эту командировку сопровождала выдача валюты. А. Репман, бывший в то время директором государственного банка в Архангельске, жаловался мне и возмущался по поводу происходившей в те дни незаконной выдачи иностранной валюты, которую вернее надо бы назвать расхищением.

«Ежедневно ко мне поступает несколько резолюций от главнокомандующего о выдаче иностранной валюты или о переводе таковой отдельным лицам за границу. Как общее правило, все эти просители — из штабных. Я пытаюсь отказать, апеллирую к Зубову, но что я могу поделать? Мне уже грозят увольнением. Но я не сомневаюсь, что это расхищение государственной валюты будет когда-нибудь предметом судебного разбирательства».

В соответствии с этим увеличилась и спекуляция валютой и советскими деньгами среди местного населения.

Эти признаки не могли не дойти до обостренного зрения фронтовиков, дойти увеличенными, раздутыми...

VIII. ЗЕМСКОЕ СОБРАНИЕ.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В конце января тревожное настроение особенно усилилось.

Пришли вести, что большевики повели наступление на Двинском фронте и что под натиском превосходных сил неприятеля наши части очистили большую территорию. Одновременно большевики повели яростные атаки на Селецком фронте. Но здесь они не имели успеха, и тарасовские партизаны, защищавшие этот фронт, неизменно их отбивали.

Стал фактом непреложным расстрел Колчака в Сибири.

Вместе с тем иностранные газеты сообщали о неудачах на юге России.

Все это усиливало тревогу в тылу и на фронте.

25 января я получил телеграмму из Архангельска от генерала Миллера, приглашавшего меня приехать туда для переговоров о формировании нового правительства. Положение в Архангельске рисовалось в эти дни в следующем виде.

Члены правительства Зубов, Федоров и др. подали в отставку, главным образом

благодаря критике их пассивности со стороны демократических сфер. Одновременно начали прибывать с фронта делегации, главным образом от партизанских частей, просящие правительство, в частности главнокомандующего, принять ряд мер для внутреннего успокоения.

Тогда генерал Миллер обратился к лидерам местных эсеров с предложением о реорганизации власти. Начались переговоры, преимущественно с А. А. Ивановым. Эти переговоры шли очень медленно и не давали благоприятных результатов. Миллер предлагал демократии лишь два места в правительстве, причем соглашался дать им второстепенные портфели, а именно — народного просвещения и агитации. В свою очередь демократы вообще были не особенно склонны входить в правительство, считая дело совершенно безнадежным и ликвидацию Северной области неизбежной. И только главным образом А. Иванов, во имя единого противобольшевистского фронта, настаивал на вхождение в правительство.

Я вернулся на фронт. Но через несколько дней снова был вызван в Архангельск.

События быстро развертывались.

3 февраля открылось архангельское земское собрание под председательством Скоморохова. Оно было чрезвычайно бурное и оппозиционно настроенное и к генералу Миллеру, и к остаткам прежнего правительства, и к тактике соглашательской лидеров демократии. Как общее настроение, превалировало пассивно-оппозиционное, которое говорило: «Большевики рано или поздно, но придут, мы не за большевиков, но нам не по нутру военная диктатура. И потому будем спокойно ожидать прихода большевиков».

Левое крыло даже считало, что надо бы начать переговоры с большевиками о мирной ликвидации Северного фронта.

Но эти голоса были единичными и тонули в общей массе. Правую позицию, по-прежнему оборонческую,

занимали А. Иванов, Едовин и делегаты с фронта. Последние, особенно партизаны, не хотели и слышать о мире с большевиками. Основным вопросом земского собрания был вопрос об образовании нового правительства. И в этом пункте большинство земского собрания пришло к следующему положению:

«В правительство не входить, так как этим самым была бы взята ответственность за все то, что было совершено в Северной области» (заседание 5.11.1920).

Таким образом предложение Иванова о вхождении в состав правительства было отвергнуто. Стоял вопрос об уходе с земского собрания правой группы. Но в это время пришли потрясающие вести с Железнодорожного фронта.

В одном из лучших полков Северной области — 3-м, в ночь на 7 февраля произошло восстание, результатом которого явилась, в сущности говоря, потеря этого полка. Детали этого восстания заслуживают освещения.

С переходом 3-го полка в руки полковника Постникова, весьма храброго офицера, но неумелого администратора, в этом полку начались неурядицы и неустойчивость, которым способствовало прекращение боевых операций на этом участке фронта. Большевики этим воспользовались и организовали, как это выяснилось впоследствии, коммунистическую ячейку среди штабных солдат. Ночью с 6 на 7-е февраля часть офицеров была арестована мятежниками, одновременно красные войска перешли в наступление в районе расположения 3-го полка, и в итоге от всего полка осталось только около 200 солдат, пришедших вразброд на станцию Плесецкую. Сам полковник Постников спасся чудом; тяжело раненный, он скрылся в лесу и был привезен полуживой солдатами своего полка на станцию Плесецкую. Около же 1000 солдат были частью убиты, но в большинстве перешли на сторону красных. Офицеры были перебиты своими же или частью успели пробраться лесом на станцию Емцы.

Начался отход войск, занимавших ст. Плесецкую, в тыл до ст. Емцы.

События в 3-м полку произвели страшное впечатление и на Миллера, и на земское собрание. Этот факт сильно поколебал оптимизм генерала и заставил его пойти на большие, бóльшие, чем он хотел и предполагал, уступки земскому собранию. Но и земское собрание в свою очередь, поставленное лицом к лицу перед очевидным фактом падения Северной области и неизбежностью прихода большевиков, обрело в себе противобольшевистские тенденции. И после долгих и продолжительных дебатов приняло предложение Иванова о формировании «правительства спасения». Я присутствовал на этом совещании и был в числе тех, кто защищал позицию, выдвинутую Ивановым. Мотивировка этой группы сводилась к следующим положениям:

«Последние 6—8 месяцев в Северной области существовала полузамаскированная военная диктатура. Фактически местное население, в частности широкие демократические круги, было совершенно устранено от управления С. о. Власть находилась в руках у военного командования. За все действия этой власти в области демократические элементы не несут никакой ответственности. Несмотря на это, в дни, когда опасность прихода большевиков делается очевидной, земское собрание, не стремясь отнюдь к власти, решает войти во вновь организуемое правительство. Но оно рассматривает это правительство исключительно как правительство спасения, в задачи которого в первую очередь должна лечь эвакуация защитников области на Мурманск».

Эта позиция для меня была вполне приемлема, и я ее энергично отстаивал, так как считал, что земское собрание должно спасти от большевиков те тысячи офицеров и солдат, которые в случае прихода красных будут неминуемо ими расстреляны. И я вошел в это правительство, которое некоторые называли правительством спасения, другие его считали правительством эвакуации и, наконец, часть иронически определяла его как «правительство глупости», полагая, что демократия, вмешиваясь в эти дни в правительственные

мероприятия, этим самым берет на себя ответственность и за все прошлое.

Демократия, мол, «покрывает грех генерала Миллера».

Несмотря на обоюдное желание и военного командования и земского собрания сформировать объединенное правительство, последнее еще несколько дней не могло никак определиться в своем составе. Происходило это потому, что шел торг между отдельными группами и политическими партиями о распределении портфелей. Торгово-промышленники хотели получить два места в правительстве и ни за что не хотели согласиться на кандидатуру Репмана, директора государственного банка, который проявил себя в свою бытность в Северной области как энергичный преследователь спекулянтов и недобросовестных купцов. На кандидатуру же другую, на пост управляющего финансов, не могли согласиться демократы.

Но какой нелепицей казался этот торг в дни, уже сочтенные, умирающей Северной области!

Наконец правительство Северной области было сформировано. Военным министром и управляющим иностранными делами — Миллер, управляющим внутренними делами — барон Тизенгаузен, финансов — Л. Репман, я — народного просвещения и без портфеля — А. Иванов и доктор Попов.

Это правительство получило санкцию земского собрания и тем самым подчеркнуло принятие им оборонческой платформы, так как вхождение в правительство Тизенгаузена, Иванова и мое обозначало активный противобольшевизм, с каковой стороны мы все были известны в области. В первые же дни существования правительства от его имени было выпущено воззвание, в котором подчеркивались его антибольшевистские тенденции и которое призывало население к борьбе за Северную область.

Конечно, это были слова, и только слова, так как о защите области не могло уже быть и речи, и самое большее, на что можно было рассчитывать, — это на

планомерную и целесообразную эвакуацию на Мурманск. Замещая управляющего внутренними делами, я со своей стороны издал приказ, усиливающий наказания за дезертирство и возлагающий ответственность за дезертиров на их семьи. Конечно, и этот приказ был больше теоретическим и последствий реальных иметь не мог. По предложению правительства А. Иванов с двумя членами земского собрания выехал на Железнодорожный фронт, чтобы помочь военному командованию в разрухе и остановить разложение, охватившее солдатские массы. Они не возвращались больше с фронта, а позже разнесся слух, что Иванов был убит большевиками.

В некоторых кругах, особенно правых и военных, царило мнение, что демократия, а именно социалисты-революционеры хотят захватить власть в свои руки. Из всего сказанного, мне думается, с очевидностью вытекает, что северная демократия не только не стремилась к власти, но страдала даже своего рода боязнью ее получить.

IX. ЗАЩИТА ОБЛАСТИ И ВОПРОСЫ ЭВАКУАЦИИ

Основной чертой генерала Миллера и его начальника штаба Квинцинского был неизменный оптимизм. Этот оптимизм может быть констатирован каждым, кто был в Сев. области. Все черное, угрожающее области, преломлялось в глазах штаба в несущественное, второстепенное. В то время когда было ясным, что жизни Сев. области остаются лишь дни и, самое большее, недели, в это время начальник штаба разрабатывал еще план нового наступления, рассчитанного на десятки тысяч подчиненных войск. Наряду с этим необоснованным и безусловно вредным оптимизмом штаб был во власти теоретических выкладок, отвлеченной стратегии и бюрократизма. Это все сказалось сильнее всего на эвакуации.

Решив остаться в Северной области после ухода союзников, военное командование взяло на себя огромную ответственность: тысячи офицерских жизней, которые в случае падения Северной области отдавались в руки большевиков. Ни для кого не было сомнения, что расправа с эти-

ми офицерами и партизанами будет жестокой и беспощадной. Тем больше была ответственность и тем больше было оснований сделать все, чтобы в случае падения области обезопасить эвакуацию этих элементов за границу.

Было ли это сделано?

Факты отвечают сами за себя.

Северный фронт был растянут в буквальном смысле этого слова на тысячи верст. Его левый фланг терялся на Печоре, чуть ли не упираясь в северный Урал. Правый же проходил по Карелии, кончаясь на границе с Финляндией. На этой полосе были раскиданы те десятки тысяч воинов, которые защищали область. Неоднократно, еще перед уходом союзников, делались представления штабу и главнокомандующему о необходимости сокращения фронта, ибо, особенно зимою, падение области обрекало на гибель левофланговые части. Однако все распоряжения начштаба, даже в январе и начале февраля, сводились отнюдь не к сокращению фронта, но к его расширению и углублению. Это не оправдывалось ни нуждами области, ни реальными требованиями фронта, но это отвечало теоретическим соображениям штаба главнокомандующего.

Белое море всю зиму, с октября по апрель, труднопроходимо даже для мощных ледоколов. Только полной мобилизацией всего ледокольного состава можно было бы обеспечить тоннаж достаточный, чтобы перевезти четыре-пять тысяч лиц. Иначе говоря, приблизительно то количество, которое надо было эвакуировать из числа защитников Архангельского фронта. Опять-таки в этом направлении были сделаны неоднократные указания и генералу Квинцинскому, и генералу Миллеру, последние разы — в заседаниях нового правительства. Но ответ получался всегда один и тот же: «Эвакуация посредством ледоколов исключается, как ненадежная и не могущая выполнить полностью военные задания. И, несмотря на повторные предложения правительства генералу Миллеру обратить внимание на

эвакуацию путем ледоколов, 10 февраля его распоряжением все находившиеся в Архангельске ледоколы ушли в Белое море. Ушли ледоколы «Минин», «Канада», «Русанов», «Сибиряков» и «Таймыр». Их выход для меня совершенно непонятен, как он не мог быть понятен и ни для кого. Это было в дни, когда падение Северной области было ясным для всех, когда только и говорилось, что об эвакуации Архангельска. Вдобавок ко всему вся эта ледокольная экспедиция была принята, чтобы отвезти несколько десятков пассажиров и никому не нужных досок, предназначенных для постройки Мурманского порта.

Это отрицательное отношение к эвакуации посредством ледоколов стояло в тесной связи с тем планом эвакуации, который выработал штаб главнокомандующего и который был одобрен этим последним. Я не буду вдаваться в критику этого плана. Я допускаю, что с военной точки зрения он был вполне безукоризнен. Во всяком случае, в нем были несомненные достоинства и продуманность. Но, по отзыву полковника Костанди, в нем совершенно отсутствовало знание местных условий. Не учитывались непроходимость лесных дорог зимою, недостаток провианта, но самое главное, что этот план предусматривал воинские части боеспособными, неразложившимися и отступающими в образцовом порядке, при ненарушенной дисциплине. Насколько этот план был схематичен, можно видеть из того, что он был весь построен на постепенном отхождении воинских частей на Мурманск. При этом войскам, оперировавшим на Печоре или на Двине и долженствующим, согласно этому плану, последними пройти через Архангельск, пришлось бы идти не одну тысячу верст, прежде чем они достигли бы места своего назначения. Полки, стоящие на Железнодорожном фронте и которые можно было привезти в Архангельск в продолжении 24 часов путем железнодорожного сообщения, — должны были по тому же плану эвакуации идти проселочными труднопроходимыми дорогами на

Онегу, а оттуда на Мурманск. Части же, находившиеся в Архангельске, должны были составить крайний левый фланг (вместе с печорскими) и также постепенно отходить на Онегу. Разработав в деталях этот план, генерал Миллер и его начальник штаба приступили, это было уже в конце января, к постепенной его реализации. Были подготовлены провиантские склады в Онеге и на смежных с нею пунктах. Меньше всего было уделено внимания Мурманскому краю. Туда был лишь послан доктор Белелюбский, получивший большие кредиты и звание главноуполномоченного по эвакуации. Между тем в этом крае было исключительно неблагоприятно. Сам Мурманский фронт был в очень хорошем положении в смысле боевой обстановки. Командовал этим фронтом генерал Скобельцын, способный и талантливый офицер, но за фронтом была полоса в несколько сот верст, где почти не было войск и которая находилась под влиянием Мурманска, большевистски настроенного. Состав населения Мурманска, отсутствие в нем интеллигенции, большое количество пришлого рабочего элемента, неудачное управление краем Ермоловым — все это создавало благоприятную обстановку для прихода большевиков. Это обстоятельство совершенно не было учтено планом эвакуации, и если бы даже удался отход войск до Мурманского фронта, то вряд ли можно было избежать большевистского переворота в самом Мурманске, переворота, который произошел сам по себе, силами местных большевистских деятелей и который окончился убийством нескольких моряков-офицеров и арестом всей администрации. Роль же главноуполномоченного по эвакуации была менее печальна, но не лишена юмористического оттенка. Присланный подготовить все для эвакуации и для принятия войск Архангельского фронта и увидев, что в этой области все его старания будут тщетны, доктор Белелюбский исподволь подготовил почву для самоэвакуации, приобрел заранее оленей и за день до падения власти белых на Мурманске выехал в Финляндию. Но

в Печенге был задержан карелами и после долгого торга, рискуя быть выданным большевикам, отдав карелам добрую половину своего состояния, выбрался в Норвегию. Но я зашел немного вперед. Возвращаюсь к тому плану эвакуации, который разработал главнокомандующий.

Помимо общих недочетов, о которых было сказано выше, то есть то, что не было учтено возможное разложение воинских частей, в этом плане был ряд дефектов, незаметных при теоретической разработке, но выявившихся на практике и совершенно перевернувших всю эвакуационную схему. Так, например, партизаны неоднократно заявляли, что они ни при каких обстоятельствах не уйдут из волостей, где расположены их деревни. По плану же эвакуации войска Двинского и Селецкого фронтов должны были отойти на железнодорожную линию, где и соединиться с войсками Железнодорожного фронта. Можно было заранее предвидеть, об этом речь будет впереди, что мало кто из Двинского фронта дойдет до железной дороги. Сами этапы эвакуации были вычислены с точностью, заслуживающей лучшего применения, но совершенно не отвечали условиям северных путей, настроению местных крестьян и потому фактически не имели под собою реальной почвы.

Все это, помимо других причин, привело к тому, что при реализации эвакуационного плана началась полнейшая неразбериха, части теряли друг с другом связь, одни уходили раньше, другие приходили позже. Происходило все именно так, как это предсказывалось военными специалистами еще за пять месяцев до падения Северной области. Насколько схематична была вся конструкция этого отхождения войск, свидетельствует следующий небольшой эпизод из эвакуационной эпохи.

По схеме генерала Миллера для эвакуации раненых, находившихся в ведении Красного креста, в городе Архангельске был предоставлен наряд в 150 лошадей, который должны были выполнить подгородные

крестьяне. Тщетно уполномоченный Красного креста ждал этих подвод, наконец прибыли откуда-то три мужика, которые после некоторого колебания отказались тоже везти раненых.

Итак, военное командование Северной области, отказавшись в свое время от эвакуации, предложенной англичанами, считая также невыполнимым план эвакуации при помощи ледоколов, на котором настаивали отдельные военнопольники, и правительство в лице генерала Миллера приняли план сухопутной эвакуации, теоретические принципы которого были изложены в настоящей главе, а практическому осуществлению которого посвящена одна из следующих глав.

Х. В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОБЛАСТИ

В виду остроты политического положения заседания вновь сформированного правительства происходили ежедневно, нередко по два и по три раза в день. Из состава правительства отсутствовали Алексей Алексеевич Иванов, который уехал на Железнодорожный фронт, и барон Тизенгаузен, задержанный повстанческим движением карелов в Карельском уезде.

Все заседания правительства протекали чрезвычайно мирно, никогда никаких эксцессов и разногласий не было, все дела решались к общему желанию, причем генерал Миллер был всегда сугубо лоялен и оттенял свою парламентарскую корректность.

Таково было внешнее мое впечатление и от заседаний правительства, и от неоднократных беседований с главнокомандующим. Но это была лишь поверхность, видимость. По существу, и об этом я узнал значительно позже, все эти дни шли беспрестанные и в сущности ничем не мотивированные нарушения прерогатив прави-

тельства. Генерал Миллер был одно, правительство — нечто другое: что-то вроде придатка, никому не нужно, и с которым считались лишь постольку-поскольку.

Эта коротенькая страничка истории Северного правительства довольно интересна и заслуживает того, чтобы на ней подробно остановиться.

Еще до формирования правительства под давлением военных сфер был уволен в отставку генерал Квинцинский. Но этот приказ, изданный под давлением армии, не был приведен в исполнение. Он состоял по-прежнему в должности начштаба, и он же руководил и эвакуацией, и военными операциями. На этой почве было несколько раз обсуждение в заседаниях правительства и в частном порядке, и неизменно генерал Миллер успокаивал, что Квинцинского уже нет. Но он был по-прежнему.

В первом же заседании правительства был поднят вопрос об эвакуации. Но главнокомандующим было подчеркнуто, что дело эвакуации подлежит военному командованию, что он не считает возможным, чтобы вмешивались в его сферу, но что он может дать объяснения и разъяснения. Был доложен план эвакуации, тот, что был выработан начштабом. Вопрос, почему отосланы ледоколы, остался без ответа. Между тем положение на фронте после восстания в 3-м полку все ухудшалось и ухудшалось. Разложение перекинулось в другие части, и, хотя большевики и не наступали, наши части быстро отходили к Архангельску.

14 февраля положение стало в достаточной степени внушающим беспокойство, но тем не менее никаких крупных эксцессов не было ни на фронте, ни в тылу. Отход войск в Архангельск мог бы пройти вполне благополучно. Но приказа об эвакуации еще не последовало. В заседаниях правительства был поднят ряд вопросов. Генерал Миллер доложил, что им получено радио от комиссара большевистской армии Кузьмина с предложением ликвидировать Северный фронт. Несмотря на просьбы некоторых членов правительства, эта радиограмма не была

прочтена. Впоследствии, в Москве, я узнал, что между генералом Миллером и комиссаром Кузьминым произошел обмен рядом телеграмм, о чем главнокомандующий не счел нужным докладывать правительству. Таким же самочинным актом было его самовольное обращение к лорду Керзону с просьбой быть посредником между большевиками и правительством Северной области. Почему-то, по причинам, не вполне мне понятным, это делалось за спиной правительства. Может быть, потому что, увидев резко отрицательное отношение членов правительства к переговорам его с большевиками, Миллер решил вести эти переговоры на собственный страх и риск.

Другим пунктом было предложение главнокомандующего о переводе всей иностранной валюты, принадлежавшей правительству, за границу.

Всего было около 120 тысяч фунтов стерлингов. Предлагалось эту сумму перевести на имя военных агентов в Копенгаген и в Лондон.

Это встретило значительные возражения. После долгих дебатов принято было компромиссное решение, а именно большую часть перевести на имя председателя правительства Чайковского и только небольшую сумму — во временное распоряжение военных агентов. При этом было принято постановление, «что все означенные суммы принадлежат правительству Северной области и расходоваться они могут только согласно указанию последнего».

После долгих и настоятельных переговоров генералом Миллером была поручена эвакуация раненых Красному кресту.

Красный крест предполагал воспользоваться прибывшим к этому времени в Двину небольшим ледокольным пароходом «Сусанин», с тем чтобы всех неспособных двигаться, а также жен и детей фронтовых офицеров эвакуировать на нем в Мурманск или в Норвегию. Было добыто разрешение от Миллера, что впуск на этот ледокол будет всецело находиться в руках

Красного креста и что мужчины боеспособные ни в коем случае не будут допущены на этот ледокол.

В это время до фронтового офицерства доходят слухи о том, что штабы не только готовятся к эвакуации, но уже частью эвакуировались. Командующие фронтом доводят до сведения Миллера о беспокойстве офицеров о судьбах своих жен и своих семейств, находящихся в Архангельске. Генерал Миллер им ответил:

«Пусть господа офицеры не беспокоятся, я беру на себя заботу об их семьях».

Между тем события развивались весьма быстро. Еще четырнадцатого числа в штабе главнокомандующего говорилось, что ничего угрожающего нет и что спешить особенно некуда. А пятнадцатого уже поднялась в полном смысле этого слова паника во всех военно-тыловых учреждениях. Искали подводы, погружали, сжигали архивы и поспешно уезжали из города.

Наконец был издан приказ об эвакуации. Причем отход войск, квартировавших в Архангельске, был назначен на 19 февраля в 3 часа дня. Согласно этому приказу, все боеспособные офицеры должны были до этого времени оставаться в городе, с тем чтобы общей группой отходить на Онегу.

Паника, поднятая в тылу, не могла не отразиться и на фронте. Хотя положение последнего и не было блестящим, но особенно угрожающего ничего не было, ибо большевики не наступали. Воинские же части только постепенно таяли и таяли. Дойдя до ст. Обозерской, части Железнодорожного фронта, согласно инструкциям эвакуационного плана, свернули на проселочные дороги, ведущие на Онегу. Ледоколы по-прежнему находились где-то в Белом море, и по-прежнему военное командование считало бесполезным ими воспользоваться для эвакуации.

17 февраля, когда вопрос об эвакуации был уже решен, причем считалось, что и правительство, и главнокомандующий будут находиться при отходящих из Архангельска войсках, на обсуждение правительства был

поставлен вопрос о том, кому же передать власть в городе. Ни городская дума, ни земство, ни какие-либо другие демократические учреждения взять этой власти не могли и не хотели. Не могли потому, что они достаточно были замешаны в антибольшевистском движении, и с ними, как имеющими репутацию белогвардейцев, не стали бы считаться большевистски настроенные массы.

Наконец был предложен выход: передать власть в руки Совета профессиональных союзов, того самого Совета, председатель которого Бечин и члены правления были осуждены в свое время военным судом на каторгу за большевизм.

На самом деле этот Совет профессиональных союзов был учреждение беспартийное, не лишенное, впрочем, большевистских симпатий.

По предложению Миллера на другой день было созвано совместное заседание этого большевистствующего комитета, генералитета и правительства. Это заседание было небезинтересным. Председательствовал генерал Миллер, который и доложил присутствующим, «что по непредвиденным обстоятельствам принуждены эвакуировать область, что желательна мирная передача города в красные руки и что поэтому должна быть какая-нибудь переходная власть, которая остановит возможные эксцессы».

Делегация профессионального союза, председатель которой был рабочий Петров, еще недавно обвиненный в большевизме, выставила ряд требований, которые сводились к следующим пунктам:

1) Военная власть гарантирует, что никто из членов правления профессиональных союзов не будет арестован.

2) Что на завтра, 19 число, разрешаются повсеместно митинги, на которых будут призывы к мирному поведению.

3) Что главнокомандующий оставляет полковника Костанди в качестве исполняющего обязанности командующего Архангельским округом.

Запрошенный по телефону полковник Костанди изъявил согласие остаться. Еще ранее посетила его делегация профсоюзов и просила его не эвакуироваться. Впрочем, это отвечало желанию полковника Костанди, который был весьма разочарован в гражданской войне и, видимо, стремился в Советскую Россию.

Объединенное заседание окончилось к обоюдному соглашению и подписанием протокола на предложенных делегацией профсоюзов условиях.

В заключение этого заседания генерал Миллер сказал прочувствованную и весьма либеральную речь, в которой он подчеркивал свои «ультрадемократические идеи».

Еще утром 18 февраля стало известным, что прибыли в Двину вызванные, очевидно, штабом ледоколы. Я уже успел отметить, что в правительстве по вопросу о ледоколах Миллер всегда отвечал уклончиво, считая, очевидно, это вторжением в его военную сферу. Как бы то ни было, но ледоколы стояли против Архангельска, и здесь выяснился любопытный факт, что мандат, выданный Миллером Красному кресту, оказался ничемным, что посадкой на ледоколы заведует капитан Чаплин и что как ледокол «Минин», так и пароход «Ярославна» уже битком набиты морскими офицерами, их женами, родственниками и просто знакомыми. Жены же фронтовых офицеров, раненые и больные офицеры еще не были посажены.

По этому вопросу я имел первый и последний раз бурное объяснение с генералом Миллером. Указав, что пароходы полны боеспособными офицерами, что на пароходы допущен ряд спекулянтов и что вообще нарушение мандата Красного креста мне кажется странным, — я просил главнокомандующего остаться верным данному им слову. Генерал Миллер обещал, обвинял во всем адмирала Иванова и капитана Чаплина, но... все продолжало идти по-прежнему, и по-прежнему ведал посадкой на пароход капитан Чаплин.

Еще 17 февраля к заведующему краснокрестной эвакуацией доктору Кормеру явился архангельский

миллионер и спекулянт Фридман и просил Кормера «пристроить» его на ледокол. Кормер отказался. Тогда Фридман предложил ему крупную взятку в иностранной валюте. Это было, конечно, отклонено. 18-го вечером Кормер был свидетелем того, как капитан Чаплин сажал на пароход «Ярославну» означенного Фридмана. Это было не единичное явление. Среди эвакуированных на «Минине» пассажиров было немало архангельских купцов.

18 февраля поздно вечером состоялось последнее заседание правительства. Обсуждались вопросы эвакуации, причем на предложенный мною ясно сформулированный вопрос, не изменен ли план эвакуации, Миллер ответил:

«Нет, завтра, 19 февраля, в 3 часа дня весь гарнизон города Архангельска, штабы начнут отступление на Онегу».

Я спросил:

«Почему боеспособные морские офицеры, все время находившиеся в тылу, первыми сели на ледоколы, предназначенные для раненых?»

Я указал, что это действует деморализующе на многочисленное офицерство, находящееся еще в Архангельске. Каждый старается попасть на пароход. Так, например, полковник Грабовский, начальник штаба Железнодорожного фронта, который был прислан с особым поручением от генерала Вуличевича и который должен был еще 17 числа вернуться на фронт, вместо этого уже сел на «Ярославну». Миллер объяснил это снова недоразумением, тем, что моряки нужны в качестве командного состава на ледоколе и что вообще им непривычно ходить по земле.

Последняя фраза, которую сказал генерал Миллер, прощаясь в полночь с 18 на 19 февраля, была:

«Итак, господа, завтра в 3 часа начинается эвакуация города Архангельска».

Уже позже я узнал, что в действительности в это время происходила энергичная погрузка штаба на ледо-

кол «Минин» и что Архангелогородский полк был выведен еще в 9 часов вечера по Онежскому шоссе.

Но об этих фактах я узнал значительно позже. Тогда же я покидал губернаторский дом, где происходили заседания правительства, с верой в слова генерала Миллера.

В то время когда в военно-тыловых кругах Архангельска и среди пришедшей интеллигенции царила паника, в это самое время местные жители относились весьма хладнокровно к назначенной эвакуации Северной области и к предстоящему приходу большевиков. Кроме единиц, преимущественно среди крупных коммерсантов, стремившихся эвакуироваться, остальное население совершенно об этом не думало и исподволь приготавлилось к встрече большевиков. Эти приготовления состояли в том, что запасались советскими деньгами, которые в то время весьма высоко котировались, припрятавали ценности, золотые вещи, меха, кое-кто более других связанный с антибольшевистским движением переезжал в провинцию, надеясь там переждать первую волну. Характерно было и то веселье, которое царило в Архангельске в ту зиму, приняв особенно широкие размеры перед самой эвакуацией. Еще накануне последней состоялся бал в Купеческом собрании.

Настроение широких слоев населения сказывалось в фразе: были белые, будут красные, не все ли равно? Авось хуже не будет.

XI. БЕГСТВО ИЛИ ЭВАКУАЦИЯ

После последнего заседания правительства и прощания с генералом Миллером я пришел в упр. Красного креста, помещавшееся в доме Антоновых. Было два часа ночи на 19 февраля. Несмотря на позднее время, в управлении Красного креста было большое оживление и весьма тревожное настроение. Меня ожидал капитан 2 ранга Бурачек, который исполнял обязанности коменданта ледокольного парохода «Сусанин», и сообщил, что ночью был митинг и что рабочие прекратили грузить уголь на ледокол. В это же время стали доходить слухи о том, что все штабные тянутся к ледоколу «Минину» и что под покровом ночи там идет энергичная посадка. Раненые и больные офицеры, которых было 127 назначено к эвакуации, ожидали распоряжения к погрузке. Этого распоряжения начальник штаба до сих пор еще не давал, и предполагалось, что если «Сусанин» не будет в состоянии отойти, то их придется везти вместе с отходящими войсками. Но слухи о таинственной погрузке на «Минина» и на «Ярославну» взволновали нашего уполно-

моченного И. Фидлера, который и начал сноситься с властью предержажшими. Здесь-то и выяснилось, что фактически весь штаб, кроме полковника Костанди и дежурных писарей, уже сел на «Минина». Таким образом некому было давать распоряжения об эвакуации раненых. Долго вел переговоры Фидлер и с капитаном Чаплиным, заведующим делом погрузки, и с адмиралом Ивановым. Получался неизменный ответ: «Нет места. Чего везти раненых? Все равно им здесь ничего плохого не сделают». Только благодаря энергии доктора Красного креста Кормера, который просто подвез раненых к ледоколам, началась их погрузка на «Ярославну». Но это было уже под самое утро, после того как все штабные были давно погружены.

Около 4 часов утра в управление Красного креста явился офицер из комендатуры штаба главнокомандующего и сообщил, что генерал Миллер меня просит приехать на «Ярославну». (Ледокол «Минин» и яхта «Ярославна» стояли рядом, против собора.)

Предполагая, что главнокомандующий хочет со мною посоветоваться об эвакуации, я поехал туда. Предварительно я позвонил присяжному поверенному Л. Н. Новикову, который был моим секретарем, с просьбой также прибыть немедленно на «Ярославну», так как я не хотел вести сепаратных разговоров и выносить персональных решений. Здесь — на «Ярославне» — меня ожидал сюрприз.

Главнокомандующий меня не принял, а комендант парохода предложил мне очень корректно, но в категорической форме находиться внизу в каюте, не поднимаясь на палубу.

«Если вы не послушаетесь, мы принуждены будем посадить вас в трюм».

Здесь, внизу, меня ожидал и Новиков, и мы оба недоумевали, зачем я понадобился генералу Миллеру.

Недоумеваю я и теперь.

По версии, которую мне передавали значительно позже, штаб главнокомандующего будто бы боялся, что

я могу помешать отплытию ледокола. Было ли это так, или эта версия вымышленная, во всяком случае, эта история остается для меня до сих пор необъяснимой.

Всю ночь шла энергичная погрузка на ледокол «Минин» и яхту «Ярославна». Шла эта погрузка очень поспешно, многие не были о ней совершенно оповещены, и в первую очередь узнавали о ней лица, так или иначе связанные с морскими тыловыми офицерами и со штабом главнокомандующего.

Я уже сказал, что раненые были погружены последними.

Отряд датчан, составлявший личную охрану Миллера, был совершенно позабыт, и датские солдаты прибежали на пристань буквально за несколько минут до отплытия ледокола.

Но вот отдан приказ об отплытии.

Полное утро. Скоро 9 часов.

Медленно раскачивается «Минин», расталкивая двинский лед.

— Стойте. Стойте.

На пристани появились танки. Из них выскочила группа офицеров. Это забытые танкисты, узнавшие об «эвакуации» только сейчас.

На «Минине» начинается обсуждение, возвращаться ли к пристани, или уезжать:

— Надо спешить! Каждая минута дорога.

Кто-то говорит: «Как бы танкисты не открыли пальбу по нас».

Наконец решено причалить. Снова подплываем к пристани и забираем группу танкистов.

В это время на «Чесме», единственной боевой единице Беломорского флота, впрочем, единице разоруженной, матросы, увидав поспешную эвакуацию генералитета, арестовали своих офицеров. После долгих разговоров согласились их выпустить, а сами, вооружившись винтовками, побежали в город. «Грабить буржуев».

В самом Архангельске факт бегства Миллера уже стал общеизвестен. Откуда-то потянулись толпы рабочих, снабженных красными флагами, начали срывать

погоны у слетавших офицеров и направились с нестройным пением песен к тюрьме.

«Освобождать своих».

А к пристани все шли и шли одиночные офицеры и чиновники, позабытые штабом. Особенно много было среди этих позабытых офицеров фронтовиков, только что ночью прибывших с Двинского фронта. Они стоят на пристани, кричат, машут платками и папахами, но бесполезно. «Минин» уже на середине Двины. Более смелые и находчивые, бросив свои вещи и запасшись досками, бегут по льду к ледоколу. Вот бежит капитан Ч-х. Всюду прогалины, еще немного — и он добежит до ледокола, и его по трапу поднимают наверх.

В спешке и впопыхах штаб совершенно упускает из виду то, что ледоколы «Канада» и «Сусанин» стоят у Соломбалы и что они находятся в руках у большевистски настроенной команды.

Адмирал Иванов дает приказ «Канаде» и «Сусанину» следовать за ним.

«Иначе будем стрелять».

Те ничего не отвечают.

На пристани и на набережной собирается огромная толпа. Среди них немало офицеров, солдат и просто обывателей. Они что-то кричат, машут фуражками, раздаются отдельные выстрелы.

«А ну-ка, разгоните эту толпу, чтобы помнили нас». Раздается приказ, и несколько снарядов, пущенных с «Ярославны», ложатся вокруг пристани, попав в смежные с нею дома.

Крики на пристани усиливаются. Появляются пулеметы, и видно, как какой-то прапорщик начинает наводить пулемет.

Прицел был взят метко. И пули ровной цепью начали падать на палубу ледокола. Были раненые, в том числе адмирал Иванов и полковник Короткевич.

«Спешите, спешите. Надо скорее убираться».

И «Минин», легко разрезая двинский лед, начал пробираться к морю.

Проходит мимо Соломбалы. Видит отдельные черные точки, бегут по льду к нему — это офицеры, достигшие ледокол в Соломбале.

Вот одна фигура падает в полынью, ее хотят вытащить, вода ледяная, замерзает.

В конце концов тонущий офицер вытянут и принят на борт «Ярославны». Это — полковник Козлов.

Полным ходом идет «Минин». Позади него по свободной воде — «Ярославна». На обоих суднах полно. Набиты все каюты, проходы, палуба и трюмы. В большинстве среди пассажиров — штабные, сухопутные и морские офицеры. Фронтовиков почти нет. Если и есть, то как исключение. Кроме них сто датчан, 127 раненых и несколько богатых коммерсантов, известных своею спекуляцией.

Множество дам. Это все родственницы, близкие и дальние, а то и прямо знакомые белого генералитета. И здесь с самого начала досадное неравенство. Отдельные каюты заняты генералами и их женами, а раненые и все прочие лежат вповалку в коридорах, на полу.

Теснота и неудобство увеличились в сильнейшей степени, когда на другой день по условиям плавания по Белому морю пришлось бросить «Ярославну». Все пассажиры были с нее сняты и переведены на «Минин». На ледоколе, не приспособленном для пассажирского движения, в узких его каютах и коридорах собралось до тысячи человек, и все же «законы природы» были соблюдены и генералам были комендантом оставлены отдельные каюты.

ХП. ВО ЛЬДАХ БЕЛОГО МОРЯ

Два дня и одну ночь шел «Минин», пробираясь через льды Белого моря. Наконец вечером 20 февраля он дошел до горла Белого моря, где льды были особенно жестоки и непроходимы. Здесь, затертые во льдах, стояли три слабосильных ледокольных парохода — «Русанов», «Сибиряков» и «Таймыр». Недостаток угля и характер льда обрекал эти пароходы на продолжительное бездействие, и им могла угрожать участь парохода «Соловей Будимирович», унесенного в ту зиму ледяной массой в Ледовитый океан.

Когда мы достигли этих затертых во льдах пароходов, то был отдан приказ адмиралом Ивановым, чтобы все пассажиры — их было несколько десятков, — вся провизия и уголь, а также и капитаны этих пароходов были переведены на «Минина». Началась энергичная погрузка в ночь на 21 февраля.

В 2 часа ночи меня, дежурившего у раненых, вызвали в спешном порядке к коменданту парохода капитану Чаплину. Здесь, на капитанском мостике, последний мне заявил:

«По распоряжению адмирала вы немедленно переводитесь на пароход “Русанов”, причем вы предупреждаетесь, что в случае проявления вами каких-либо враждебных действий против нас вас постигнет жестокая кара».

Я отдал честь и сказал:

«Слушаюсь».

Немного позже туда же перевели и Новикова, моего секретаря.

Мы бродили по палубе «Русанова», лишённого угля и провианта, обречённого в лучшем случае на гибель во льдах Белого моря и искали объяснений совершенному Миллером насилию. Ведь было ясно, что мы предавались в руки большевиков. Это в том случае, если «Русанову» удастся когда-нибудь выбраться из льдов Белого моря. Каковы мотивы, каковы причины этого поступка? Я был убежден, что все это сплошное недоразумение, которое утром выяснится, и мы будем возвращены обратно на «Минина». Я не допускал мысли, это казалось невероятным, чудовищным предательством, неизвестным еще в летописях гражданской войны, чтобы я, имевший столь определенно и ярко противобольшевистскую репутацию, осужденный большевиками за восстание на Волге, развивший в Париже энергичную противобольшевистскую пропаганду — все это были факты общеизвестные, — чтобы я мог бы быть выдан большевикам...

И за что? Я искал в своей деятельности в Северной области, деятельности почти чуждой политических выступлений, деятельности административно-медицинской, я искал в ней чего-нибудь предосудительного с точки зрения самой суровой критики и — не находил.

«Нет, это какая-то галиматья. Невероятный, дикий факт. Вызвать меня на “Минина”, завести в Белое море и высадить на брошенный пароход...»

Между тем сестра милосердия Комарова, бывшая свидетельницей моего разговора с Чаплиным, побежала к уполномоченному Фидлеру рассказать ему о проис-

шедшем со мною. Тот сначала не поверил, но потом вместе с ехавшим на «Минине» Зубовым пытался видеться с Миллером. Они не были к нему допущены. Уже позже, когда «Минин» был в открытом море, предоставив «Русанова» и меня своей участи, состоялось наконец свидание Фидлера с генералом Миллером.

«Это невероятно, что произошло, Евгений Карлович! Высажен доктор Соколов. Ведь вы его предали в руки большевиков. Если он не замерзнет, он будет ими расстрелян!»

«Я об этой истории, грустной и печальной, узнал тогда, когда было уже поздно. Все это было проделано не только без моего согласия, но и без моего ведома. Я здесь не хозяин на пароходе. Здесь всем распоряжаются адмирал Иванов и капитан Чаплин. Но я надеюсь только на то, что подлость нашего поступка спасет его. Наше предательство слишком большой козырь в руках большевиков, чтобы они его не использовали».

Было ли это так? Действительно ли Миллер не знал, что творит его левая рука — капитан Чаплин?

Офицеры, ехавшие на «Минине», утверждают, что весь этот план моей высадки на Белом море был тщательно разработан в часы спешной эвакуации чаплинцами, и Миллер был о нем осведомлен. Иначе непонятно, почему не были приняты Фидлер и Зубов тогда, когда этот факт был еще поправим.

К 10 часам утра 21 февраля заканчивалась погрузка пассажиров и угля с пароходов на «Минина». Шла эта погрузка поспешно, была полна инцидентов.

Неожиданно показался на горизонте пароход. Это был ледокол «Канада», снаряженный в погоню возмущенным бегством генерала Миллера населением. На «Канаде» было несколько десятков матросов, три офицера-артиллериста и комиссар Николаев, заведующий флотом Белого моря. «Канада» по радио предложила «Минину» сдаться. «Минин» ничего не ответил. Началась перестрелка.

Это была картина, исключительная по своей красочности.

Белое море — сплошь покрытое толстыми глыбами льда. Эти глыбы налезает одна на другую, поднимаясь точно огромные белые медведи. Ослепительно яркое полярное солнце, не греющее, рассыпающееся тысячей блисток в каплях замерзшей воды.

Три маленьких, сплошь до бортов покрытых льдинами парохода кажутся жертвами, отданными ненасытной холодной северной природе.

В центре этого ледяного поля два больших ледокола. Медленно, точно жуки или раки,двигающиеся взад и вперед по жестоко непослушному льду.

Через периоды, короткие и нудные, раздаются выстрелы, слабым эхом теряющиеся на белой снежной поляне. Снаряд падает в лед, разбрасывая высоко и в сторону комки разрушенных глыб.

Для нас, находящихся на «Русанове», для меня и для Новикова, исход этого боя был особенно волнующе близок. Казалось так несомненным, что «Канада», прогнав «Минина», заберет нас в плен; и тогда — беспощадная расправа большевиков с нами. Но неожиданно, после нескольких выстрелов, ею произведенных, «Канада» повернулась и, потолкавшись на одном месте, скрылась с горизонта. Вслед же за этим и «Минин», расчистив себе нужное пространство свободной воды, начал медленно удаляться на север.

Мы остались одни.

Неожиданный уход «Канады», как это потом выяснилось, был вызван образованием трещины в ледокольных дверях. Плохо и неумело установленное орудие вызвало вновь повреждения, полученные этим ледоколом в одной из аварий.

«Минин», уходя, дал приказ:

«Следуй за нами».

Приказ этот, обращенный к затертым во льдах пароходам, звучал насмешкой.

Даже если бы были в сохранности уголь и провиант, забранные «Мининым», эти пароходы не могли двигаться ни взад, ни вперед. На «Русанове» капитана не было. Вместо него — помощник капитана, испуганный, одинаково враждебный и белым, и красным. К нам он относился с видимым недоверием, не понимая, зачем мы пересажены на его пароход. Других пассажиров, кроме десятков рабочих, отправляемых за большевизм на Иохангу, никого не было. Но эти большевистствующие рабочие оказались совершенно безразличными к судьбам Северной области — к белым и красным — и думали лишь об одном — о возвращении в Архангельск. Когда «Минин» скрылся из виду, то капитан парохода дал радио в Архангельск:

«На ледоколе “Русанов” остался член правительства Соколов и его секретарь Новиков. Что с ними делать?»

Скоро получился ответ:

«Считать арестованными. Кормить. Если будет возможность, привезти в Архангельск».

В те дни стояли жестокие морозы. Глыбы льда, точно звери, лезли на палубу пароходную. Та трещала, содрогалась, и, казалось, вот-вот мы будем погребены под беломорским льдом.

Движением льда остальные два парохода были отнесены к Печорскому берегу, и мы остались одни.

По ночам только видны были огни далекого маяка.

Перед нами встал вопрос о бегстве. Но первая же попытка пройти по льду показала всю ее тщетность. Без лыж это было немыслимо. Неровный лед, со множеством полыней, жестокий ветер — все это были препятствия, преодолеть которые оказалось невозможно. Да и куда было уйти? До мурманского берега было около 30 верст, а дальше?.. Несколько сот верст безлюдной пустыни, где нельзя найти ни пищи, ни приюта... И мы покорились своей участи...

Через несколько дней стало немного теплее, и, точно в диковинной сказке, вся снежная пелена окрестных льдин покрылась тысячами желто-черных точек.

Это из воды вылезли самки тюленей. Это был период деторождения.

Маленькие, белые, с красноватыми глазами, рождались тюленята. Беспомощные, красивые, как красив полярный лед, они неуклюже бегали за своими матерями, оставлявшими за собой пятна красной крови.

Криками, плачем чисто детским оглашали эти маленькие животные тихий воздух Белого моря. Казалось, особенно ночью, что это плачут дети, плачут горько и надрывно.

Команда парохода и рабочие высыпали на лед, и началось беспощадное избиение тюленей. Тяжелыми палками ударяли по носу изумленное, не понимающее ничего животное. Скоро тысячи трупиков лежало на палубе нашего парохода, и мы, понуждаемые голодом, после некоторого колебания, также приняли участие в этой полярной охоте.

Тюленья печенка была немалым подспорьем за время нашего полуголодного двухнедельного жития во льдах.

Южный ветер продолжал дуть и в конце концов вытолкнул пробку льда из горла Белого моря. Вместе со льдом был выведен и «Русанов» в пространство чистой воды. Слева показался берег. Высокий и скалистый.

«Что это?»

Капитан любезно и поспешно нам объяснил:

«Это мурманский берег. Завтра утром мы войдем в Иохангскую бухту. Пришло радио из Архангельска от комиссара Николаева идти в Иохангу и, забрав там иохангцев, следовать дальше на Мурманск».

«Иоханга?»

«Да, знаменитая Иоханга, куда генерал Миллер ссылал коммунистов. Там была каторга, а теперь, — капитан засмеялся, — каторжане устроили Иохангский Совдеп».

К утру мы входили в Иохангскую бухту.

ХІІІ. СУДЬБА ФРОНТА

Страницей печальной и преисполненной героизма истории Северной области являются последние дни фронта.

Получив приказ главнокомандующего об эвакуации, войска начали отход по схеме вышеизложенной. Об эвакуации печорских и пинежских частей не могло быть и речи. Генерал Петренко, командующий этими фронтами, и не пытался это сделать. Очень скоро произошло распадение воинских частей этого района. Образовался революционный комитет, генерал Петренко был арестован и вместе со своими офицерами сдан советским войскам.

Но Двинский и Железнодорожный фронты приступили к выполнению полученных ими указаний. Несмотря на значительное разложение фронта и на то, что некоторые части были весьма малочисленны, осталось от Железнодорожного фронта сплоченное ядро приблизительно в 1700 человек. Двинский фронт, войска которого должны отойти на железнодорожную линию, запоздали благодаря колебаниям, которые были вызваны у партизанских частей

нежеланием покинуть родные места. В результате, как ни спешил генерал Данилов, командующий этим фронтом, когда он дошел до ст. Обозерской, железнодорожная группа уже ушла по Онежскому направлению.

Таким образом остатки Двинского фронта оказались в пробке между большевистским Архангельском и медленно наступавшими советскими войсками. Кроме единиц и редких исключений, все офицерство Двинского фронта тут же было забрано в плен красными войсками. Все их вещи, деньги, одним словом, все, что при них было, конечно, было отобрано. Думать о каком-либо сопротивлении не могло быть и речи. Генерал Данилов мне рассказывал, что сдаче предшествовали мирные переговоры между ним и советским красным командованием. И в отношении этой группы офицеров, которая как бы сдалась добровольно, советским правительством впоследствии были оказаны незначительные снисхождения.

Железнодорожная же группа, во главе с генералом Вуличевичем, довольно быстро и дружно продвигалась к Онеге. Через проселочные дороги, часто непроходимыми тропинками, в крепкие морозы шел этот отряд, преодолевая невероятные трудности. Прибыв в Онегу, они здесь соединились с небольшими остатками войск, успевших отойти от Архангельска. Но при дальнейшем их следовании этот отряд ожидали новые испытания. И эти испытания были прямым следствием изменения приказа главнокомандующего об эвакуации, приказа, согласно которому весь штабной тыл должен был отойти на Онегу.

Как только «Минин» покинул Архангельск, известие о бегстве Миллера и его штаба очень быстро достигло до фронтов. Здесь оно вызвало чрезвычайное возбуждение и сумятицу.

«Снова, — говорили офицеры, — нас предали».

«Штаб предал фронт».

Некоторые офицеры не хотели отступать, говоря, что это совершенно бесполезно. Другие, более экспансивные, еще ближе принимали к сердцу бегство глав-

нокомандующего. Среди офицерства Двинского фронта было несколько самоубийств на этой почве. Так, застрелился ротмистр Сазонович, очень храбрый офицер, который заявил:

«После этого позора не стоит жить».

Несколько самоубийств было и среди морских офицеров и в Мурманске. Весть о бегстве Миллера дошла одновременно и до Мурманского фронта и до Мурманска. В последнем она вызвала революцию и образование Мурманского революционного комитета, а в войсках этого фронта произвела разложение в до тех пор крепких боевых частях.

Генерал Скобельцын, командующий этим фронтом, после некоторого колебания, узнав об образовании Мурманского Совдепа, снялся с позиций и ушел в Финляндию. Один из мотивов, вызвавших этот преждевременный его уход, было и отсутствие каких-либо распоряжений и инструкций от главнокомандующего. Полковник Костанди говорил, что единственная телеграмма была ему послана Миллером в день его отъезда, в которой Скобельцын извещался, что «главнокомандующий отбыл на Мурманск на смотр тамошнего гарнизона». А через несколько дней уже стало известным, что ледокол «Минин» благополучно миновал Мурманский порт и направился к берегам Норвегии.

Скобельцын имел полное основание предполагать, что войска Железнодорожного и других фронтов были эвакуированы тоже на ледоколах. Как бы то ни было, но отряд Скобельцына ушел в Финляндию, а красные войска беспрепятственно заняли Мурманскую линию и тем самым отрезали пути отступления для отряда Железнодорожного фронта.

Врач Красного креста Х., сделавший весь этот поход в отряде генерала Вуличевича, рассказывал мне впоследствии — он был одним из немногих освобожденных большевиками от тюрьмы — о тех тяжелых настроениях и о том мужестве, которое проявили офицеры и солдаты этого отряда.

Известие о нарушении всего плана эвакуации и о том, что главнокомандующий уехал на ледоколе, — это известие настигло отряд в Онеге и заставило пережить колебания и вызвало психологическую депрессию. Офицеры говорили:

«Целый год мы воевали и воевали. Во имя чего? Во имя кого? Кому можно верить после того как ближайшие начальники нас предали?»

Более уравновешенные успокаивали их:

«У штаба не было другого выхода, как эвакуироваться посредством ледоколов».

Особенно горячо обсуждался вопрос:

«Почему заставили войска Железнодорожного и Двинского фронта идти на Онегу, тогда как простая логика говорила, что было бы проще отойти им на Архангельск и здесь, если нельзя было бы эвакуироваться на ледоколах, все же отступить одной компактной массой по Архангельскому тракту?»

В дефектах эвакуационного плана хотели видеть злой умысел и предательство. С таким настроением, тяжелым, лишенные прежнего единодушия, железнодорожники начали свое отступление по направлению к Мурманским позициям. В Сороках предполагалось соединение с генералом Скобельцыным. Но, не дождав-шись последнего, как это уже было сказано, мурманская группа покинула позиции и ушла. В Сороках навстречу изнуренным и изможденным бесконечным переходом по снежным дорогам железнодорожникам вышли советские войска.

Несомненно, так утверждал врач Х., при другом психологическом настроении не могло бы быть и речи о сдаче и перемирии с большевиками. Высокие боевые качества железнодорожников, их смелость и храбрость были порукой тому, что 2000 белых не только бы не отступили перед качественно более слабым неприятелем, но и одержали бы здесь последнюю победу. Но настроение их было подавленное. Большинство говорило:

«Еще сражаться? Не для чего. Куда мы идем? Все предатели».

Начались нелады между высшим командным составом и низшими чинами. Появилось недоверие.

В конце концов в результате мирных переговоров генерала Вуличевича с большевистским командованием была подписана капитуляция на милость победителей. И здесь с офицерами было поступлено, как и с офицерством Двинского фронта. Все их вещи, мало-мальски ценные, были отобраны, деньги были реквизированы, а сами офицеры отправлены в вологодскую тюрьму. При сдаче имело место несколько инцидентов: некоторые партизаны были расстреляны, несмотря на амнистию. Грубое обращение и издевательство над пленными — такова обстановка, при которой произошла ликвидация железнодорожного отряда. По слухам, которые я не мог проверить, Вуличевич был впоследствии расстрелян.

По-видимому, для большевиков была большой неожиданностью столь легкая ликвидация отступающих северных войск. Дело в том, что красные войска были далеко не в блестящем положении, второсортные, они были совершенно обессилены тяжелой зимой и были лишены в буквальном смысле этого слова боеспособности. Все эти дни, в которые происходил отход белых войск, красные войска не только на них не нападали, но и чрезвычайно медленно продвигались по очищенной неприятелем территории. В то время как наши железнодорожники были уже на Обозерской, красные войска медленно и точно нехотя заняли ст. Емцы. Таким образом расстояние между красными и отступающими белыми было чуть ли не в десятки верст. Все это свидетельствует о том, что отступление белых происходило во всяком случае не под натиском большевиков.

Комиссар Кузьмин, стоявший во главе советской армии, считал столь легкую ликвидацию северных отрядов «удивительно счастливой». По его мнению, «несмотря на сложность эвакуационного плана белых, последние могли бы справиться без особых затруднений

с назначенной им задачей и дойти до мурманских позиций благодаря плохому состоянию советских войск».

Неудача отхода белых лежит, по мнению этого комиссара, в отсутствии координированного центра, который бы руководил эвакуацией отдельных фронтов, и в том, что отдельные приказания начштаба противоречили друг другу.

ХIV. БОЛЬШЕВИКИ В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Девятнадцатого февраля белые покинули Архангельск. Командующим Архангельским военным округом был оставлен полковник Костанди, а власть в городе перешла в руки Совета профсоюзов, председатель коего, рабочий Петров, принял на себя звание комиссара города Архангельска. В это время красные войска стояли еще на расстоянии больше чем 100—150 верст от города и не особенно спешили войти в него. По-видимому, это объясняется тем, что большевистское командование не доверяло столь быстрой ликвидации белой армии и боялось ловушки.

В ответ на просьбу профсоюзов прибыть скорее в Архангельск комиссар Кузьмин потребовал, чтобы полковник Костанди и представители профсоюзов выехали на ст. Обозерскую и тем самым гарантировали бы искренность этого призыва.

Между тем в самом городе было очень беспокойно. Выпущенные из тюрьмы уголовные арестанты грабили буржуазию коегде и в первую очередь разнесли всю обстановку и имущество лиц, уехавших на «Минине».

Комиссар Петров был бессилен что-либо сделать, так как ни в его распоряжении, ни у Костанди не было надежных войск. Кроме того, персонально и тот и другой возбуждали недоверие у местных большевиков. В них видели ставленников генерала Миллера и называли белогвардейцами. Организованная Петровым совместно с комиссаром Николаевым экспедиция на «Канаде», столь неудачно для них закончившаяся, усилила эти слухи.

«Рабочий Петров — шпион Миллера».

Демократия в эти дни держалась весьма пассивно и, кроме попытки председателя земского собрания Скомогохова обратиться к населению «с призывом о прекращении братоубийственной войны», не проявила себя ни в чем.

Газета «Возрождение Севера» прекратила свое существование, так же как и другие архангельские газеты.

Члены местных демократических партий, наиболее замешанные в антибольшевистском движении, выехали в уезды; этому же примеру последовал и Скомогохов. Здесь последний, так же как и другие демократические деятели, был арестован через несколько дней архангельской Чека.

Крупных эксцессов, насилий над офицерами почти не было, в чем несомненная заслуга полковника Костанди, который энергично вмешивался в защиту бывших офицеров.

Отовсюду, из всех окрестных деревень крестьяне привозили арестованных и обобранных ими офицеров и «буржуев». Административный аппарат еще не функционировал. Чеки еще не было, и в большинстве случаев такие лица в это время междувластия выпускались на свободу.

Комиссар Кузьмин, встретившись с полковником Костанди ст. Обозерской и убедившись в том, что действительно белый фронт почти ликвидирован, начал быстро двигаться в Архангельск. И уже на третьи сутки после отъезда Миллера произошел торжественный въезд красных войск в столицу Северной области. Развевались красные флаги. Население, в большом числе высыпавшее навстречу, довольно тепло встречало своих новых господ.

ХУ. ИОХАНГА

При самом выходе из горла Белого моря на мурманском берегу — бухта. Кругом голые скалы, ни одного деревца. Постоянные неистовые ветры. Все это заставляло издавна людей избегать этих, как они называли, проклятых богом мест. Действительно, трудно представить себе картину более безотрадную, наводящую свинцовую тоску на душу, чем Иохангская бухта. Земля здесь особенная, скалистая, и даже в летние месяцы только слегка отогревается солнцем. На сотни верст никакого селения. Единственное сообщение с наружным миром путем моря. Но в долгие зимние месяцы только изредка заглядывают ледоколы, застигнутые бурным восточным ветром.

Здесь никогда не было селения, да и невозможно оно по местным климатическим и географическим условиям.

Только морская телеграфная станция, в которой несколько телеграфистов, вечно больных и мечтающих лишь об одном — уехать оттуда.

Несмотря на всю очевидную непригодность Иоханги для человеческого жилья,

генерал Миллер в середине 19-го года решил обосновать здесь каторжную тюрьму для преимущественно политических преступников. В короткий срок было сюда прислано свыше 1200 человек. Частью это были осужденные военными судами за большевизм, но громадное большинство принадлежало к так называемой рубрике беспокойного элемента, то есть подозреваемого в большевистских симпатиях и в оппозиции правительству. Эта категория лиц была прислана в административном порядке. Немало было среди высланных и уголовного элемента. Несмотря на разнообразие вины и тягости совершенного преступления, все они попали в каторжную тюрьму, ибо хотя Иоханга и не была официально названа каторгой, но весь быт жизни арестантов, режим, которому они были подвергнуты, соответствовал практиковавшимся на самых суровых сибирских каторгах.

Если бы мне кто-нибудь рассказал о правах Иоханги, то я бы ему не поверил. Но виденному собственными глазами нельзя не верить.

Арестанты жили в наскоро сколоченных досчатых бараках, которых не было никакой возможности отопить. Температура в них стояла всегда значительно ниже нуля. Бараки были окружены несколькими рядами проволоки. Прогулки были исключены, да им и не благоприятствовала погода. Арестантов заставляли делать бесполезную, никому ненужную работу, например таскать камни.

Начальником тюрьмы был некий Судаков, личность безусловно ненормальная. Бывший начальник Нерчинской каторги, он, очевидно, оттуда принес все свои привычки и навыки. Он находил какое-то особое удовольствие в собственноручных избиениях арестантов, для каковой цели всегда носил с собою толстую дубину. Помимо всего прочего, он был нечист на руку. Пользуясь отдаленностью Иоханги от Архангельска и тем, что никакого контроля над ним не было, он самым беспощадным образом обкрадывал арестантов на и без того скудном пайке.

Результаты его деятельности были налицо. Об этом говорят голые цифры. Из 1200 присланных арестантов 23 были расстрелены за предполагаемый побег и открытое непослушание, 310 умерли от цинги и тифа и только около 100 через восемь месяцев заключения остались более или менее здоровыми. Остальных, я их видел, Иохангская каторга превратила в полуживых людей. Все они были в сильнейшей степени больны цингой, с почерневшими раздутыми руками и ногами, множество туберкулезных и, как массовое явление, — потеря зубов. Это были не люди, а жалкое подобие их. Они не могли передвигаться без посторонней помощи, их с трудом довели до мурманских лазаретов. Кто же были по своему социальному и политическому составу эти несчастные?

Анкета, произведенная Иохангским Совдепом уже после падения области, показывает, что только 20 из них принадлежало или, во всяком случае, считало себя коммунистами. Остальные были беспартийные, причем вначале, когда они попали в тюрьму, сочувствующих большевизму было среди них только 180, число коих постепенно возрастало, и ко времени, к которому относится наш приезд на Иохангу, все, за исключением 10, считали себя большевиками. Когда пришло радио комиссара Петрова, что правительство Северной области уехало на ледоколе, то немедленно, в тот же день, это было 21 февраля, произошел переворот и на Иоханге. Судаков был арестован и избит. Также были арестованы большинство из охранявших арестантов надзирателей, а также некоторые провокаторы-предатели из числа арестантов, шпионивших Судакову и список коих был найден у последнего.

Произведя переворот и захватив власть в свои руки, иохангцы организовали Совдеп, председателем которого избрали Бечина, а товарищами председателя Ключева и Цейтлина. После этого стали дожидаться случая: прихода ледокола, чтобы перебраться всем на Мурманск.

Первым таким ледоколом, пришедшим после долгих месяцев перерыва в Иохангскую бухту, был «Русанов», на котором находился и я.

О настроении иохангцев можно не говорить. Они были полны безумного, слепого гнева против белогвардейцев. Ненавидели Северное правительство и генерала Миллера, которых в одинаковой степени считали виновниками их страданий, гибели их товарищей, и были полны одной только мыслью, одним желанием — отомстить белым.

Достойно удивления, почему ими не был убит начальник тюрьмы Судаков, который был ими особенно ненавидим. Это было сделано исключительно под влиянием Бечина, который убедил своих товарищей отложить казнь Судакова до Мурманска.

«Надо по суду» — такова была точка зрения Бечина¹.

¹ Конец статьи, содержащий рассказ об аресте автора и отправке его в Москву, представляет исключительно личный интерес, а потому мы его опускаем. (Примеч. ред.)

РЕЧНАЯ ВОЙНА

СЕВЕРО-ДВИНСКАЯ ФЛОТИЛИЯ 1918–1919 гг.

ЧАСТЬ I

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ В 1918 г.¹

Боевые действия на Северной Двине представляют собой значительный интерес. В течение двух кампаний оперировавшая здесь красная Северо-Двинская флотилия должна была действовать против англичан, снабженных всеми новейшими достижениями техники. Здесь импровизированные боевые суда, созданные из

¹ Необходимо отметить, что в документах, печатных трудах и различных статьях, которыми приходилось пользоваться при составлении очерка боевых операций Северо-Двинской флотилии, транскрипция географических наименований весьма различна и не имеет установившегося характера, напр.: 1) Пучуга, Пучега, Пугачевское — относится к одному и тому же пункту, 2) точно так же — Городок и Городецкое, 3) Слудка, Слуда, Слуйка 4) Шипилевка и Шилипиха, и т.п.

обыкновенных речных пароходов, должны были сражаться со специально построенными военными кораблями. Это накладывает особый отпечаток на все действия на Северной Двине. Это же и представляет наибольшую ценность для нас, ибо дает возможность сделать некоторые выводы, показывающие, что может быть достигнуто импровизированными речными судами вообще. С другой стороны, действия на Северной Двине в высшей степени свидетельствуют о беззаветной преданности красных моряков делу революции и тем составляют один из лучших памятников революционной борьбы за власть Советов.

I. АНГЛИЙСКИЙ ФЛОТ ЗАХВАТЫВАЕТ УСТЬЕ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ

Мысль об интервенции на Севере зародилась у Антанты едва ли не с самого момента Октябрьского переворота и Брестского мира. Во всяком случае, к началу лета 1918 года эта мысль получила свое реальное содержание. Как мы знаем из показаний Савинкова, в это время французский консул Гренар и военный атташе генерал Лаверн от имени французского посла Нуланса сделали заявление о том, что союзники предвидят возможность войны с Германией в том или ином виде на русском фронте. Консул Гренар полагал возможность свержения советской власти и продолжение войны осуществить путем комбинаций вооруженного выступления эс-эров и высадки англо-французского десанта в Архангельске. План в это время намечал занятие с помощью этого десанта верхней Волги, долженствовавшей стать базой для движения на Москву. Таким образом, уже в мае союзники предполагали обратить Северную Россию в район военных действий.

В конце июня, в период подготовки Савинковым восстаний в Рыбинске, Ярославле, Костроме и Муроме, им была получена телеграмма Нуланса, категорически подтверждавшая, что десант высадится между 3 и 8-м июля.

Сами союзники, устами английского военного министра лорда Мильнера, так объясняли цели экспедиционного корпуса: 1) Спасение чехо-словаков, 2) воспрепятствование Германии эксплуатировать естественные богатства России и 3) недопущение использования Германией русских северных портов в качестве баз для своих подводных лодок. Кроме того, указывалось еще на необходимость обеспечить за союзниками многочисленные грузы и склады военного имущества, находившиеся в Архангельском порту еще со времени империалистической войны. Подготовка к десантной операции началась в апреле 1918 г. В апреле, по настоянию Высшего Военного Союзного Совета, в Мурманске были высажены 150 солдат английской морской пехоты, затем через несколько недель — еще 400, и небольшой десант французских моряков.

24 мая английский генерал Пуль прибыл в Мурманск для организации «Северных русских экспедиционных сил». (Nord. Russian Expeditionary Force).

10 июня примеру англичан последовали американцы, высадившие с крейсера «Олимпия» 100 матросов. 23 июня в Мурманске были высажены первые английские войска, и вскоре союзный отряд из Мурманска переправился в Кандалакшу, а кроме того, союзники захватили и Печенгу.

К 28 июня союзные отряды продвинулась до Сорочки (на южном побережье Белого моря).

3 июля началось эсэровское восстание в Ярославле, и таким образом район к западу от Северной Двины стал базой контрреволюции.

В конце июля союзный десант появился уже на Соловецких островах и в городе Онега.

Организация обороны Архангельского района¹.

Осложнение положения на Севере имело следствием прибытие в Архангельск члена Наркомвоена тов. Кедрова и члена Морской Коллегии тов. Вахромеева. Были созданы Беломорской военный округ и Совет Обороны. Объявленная в Архангельской губернии мобилизация была использована агитацией эсэров и имела следствием восстание в Шенкурском уезде, правда, быстро подавленное.

Защита Архангельска с моря заключалась в это время в укреплениях острова Мудьюг, расположенного в 60 верстах от Архангельска, в устье реки. На острове (длиною 15 верст, при ширине около 3) находились две батареи. Первая, из четырех 6-дюймовых орудий Канэ находилась в 6 верстах от южной оконечности острова; к северу от нее была батарея №2, также из четырех 6-дюймовых орудий, но крепостных образца 1878 года. Бомбовые погреба были расположены в лесу, и подача боевых припасов производилась вагонетками.

Морские силы Севера в большей своей части (линкор «Чесма», крейсер «Аскольд», миноносцы «Сергеев», «Юрасовский», «Бесшумный», «Бесстрашный», тральщики и плавмастерская «Ксения») были захвачены союзниками в Мурманске, а в Архангельске находились всего лишь два вооруженных ледокола («Святогор» и «Микула Селянинович») и несколько тральщиков.

Так как к этому времени среди личного состава флота (уже организованного на договорных началах)

¹ Большое количество сведений, в особенности о начальном периоде действий на Северной Двине, взято из неопубликованного труда т. Шох (б. интенданта флотилии) «Красная Северо-Двинская флотилия». Характер этого труда показывает, что автор имел возможность использовать целый ряд документов, ныне не находящихся в нашем распоряжении.

старых моряков военного флота было не более 30%, то в Архангельск было направлено из Петрограда двумя эшелонами до 200 моряков, которыми и были пополнены команды архангельских судов и батарей острова Мудьюга.

Сражение у Мудьюга. Оставление Архангельска

31 июля вечером посты службы связи донесли, что в море появились английские суда, шедшие курсом на Архангельск. Морским командованием был отдан приказ тральщикам встать в дозор в дельте реки Северной Двины, обоим же ледоколам быть готовым выйти на помощь к батареям Мудьюга. Предусматривалось, что ледоколы должны принять бой при всяких условиях, в случае же поражения — затопиться на фарватере, чтобы задержать движение судов противника в реку и тем дать возможность произвести эвакуацию Архангельска. В этот же день, по приказанию Совета Комиссаров флота, моряками были разоружены два английских транспорта, стоявшие в Архангельске; каждый из этих транспортов был вооружен двумя 75-мм орудиями и имел радиотелеграфную установку.

1 августа в 6 часов с Мудьюга поступило донесение о появлении судов противника¹. Совет Комиссаров отдал приказ батареям первым огня не открывать, но не допускать прохода противника в реку, не останавливаясь в этом последнем случае перед открытием огня. Ледоколам было приказано идти на поддержку батарей.

В этот день прислуги у орудий было всего 35 человек, так как часть команды накануне была отправлена в Архангельск за провизией и инвентарем.

К плавучему Северо-Двинскому маяку подошел английский крейсер «Эттентив» (2750 тонн, 25½ узлов хода, девять 102-мм орудий), авианосец «Наирана» и транспорт; противник захватил два тральщика, нахо-

¹ Шох. Красная Северо-Двинская флотилия.

дившиеся в дозоре, и плавучий мак. С маяка по телефону было передано председателю комитета батареи предложение сдать, в ответ на что батареи предложили английским судам удалиться из русских вод. С авианосца были спущены на воду четыре гидроаэроплана, из коих три начали кружиться над батареями, а четвертый полетел в Архангельск. Крейсер малым ходом двинулся вверх по реке. Когда он подошел к траверсу батареи, на сигнальной мачте берегового маяка был поднят сигнал с требованием остановиться, что крейсер и исполнил. Команда батареи открыла ружейный и пулеметный огонь по гидроаэропланам, отогнав их к северу. Крейсер снялся с якоря и также отошел к северу, где и стал на якорь в 3—4 каб. от северной оконечности острова, заняв позицию, дававшую ему возможность вести по батареям огонь с фланга.

В 8 час. 20 мин. крейсер открыл огонь. Несмотря на то что на батареях могли действовать только два орудия, последние отвечали. Командиры батарей скрылись в лесу, и бой вели комендоры. Гидроаэропланы начали бросать в батареи бомбы и обстреливать их пулеметным огнем. В то же время противником был высажен десант на северную оконечность острова, численностью до 150 штыков при 3 пулеметах и 2 бомбометах. Несмотря на то, что батареям удалось получить три попадания в крейсер, положение их сделалось явно безнадежным, так как направленная навстречу десанта группа в 16 человек с двумя пулеметами удержать наступление последнего не могла.

Приближение десанта к расположению батарей заставило оставить их, вынув замки из орудий и взорвав бомбовые погреба. Во время боя было убито 8 военноморов и ранено 3.

Вышедшие из Двины ледоколы «Святогор» и «Микула Селянинович» к батареям не подошли и помощи им не оказали. Высланное на остров Мудьюг подкрепление из Архангельска (отряд красноармейцев) прибыло слишком поздно, когда остров был уже оставлен.

Несколько позже «Святогор» и «Микула Селянинович» были затоплены, а команда их на буксирах отправилась в Архангельск. По-видимому, ледоколы были затоплены не на фарватере, и проход в реку был возможен. Поэтому в дельту было направлено портовое судно «Уссури» и также было затоплено на фарватере, дабы окончательно закрыть проход.

Английский десантный отряд под начальством ген. Пуля состоял из 550 английских, французских и американских моряков, погруженных на транспорты, пришедшие в Архангельск за тральщиками под конвоем английского и французского крейсеров¹.

В ночь на 2 августа в городе произошло восстание, причем часть мобилизованных красноармейцев перешла на сторону повстанцев. Обстановка в городе ясно указывала, что подавить восстание представит большие трудности. Когда тральщик Т15 и буксир «Обь» направились в Соломбалу с целью взять в военном порту нагруженные имуществом баржи, они были обстреляны у судоремонтного завода ледоколом «Князь Пожарский», на который повстанцами была втащена полевая 3-дюймовая пушка. Обстрелянный в упор, Т15 затонул, а «Обь» принуждена была уйти вверх по Двине.

В 10 час. утра губисполком вместе с моряками пошел вверх по Двине, уводя с собой речные пароходы и баржи с эвакуированным грузом. В районе города все суда обстреливались повстанцами орудийным, пулеметным и ружейным огнем; отходившие отвечали. Отступление прикрывали тральщики, смогшие дойти только до 11-й версты от города; там они были выброшены на мель. Гидроаэропланы противника преследовали отходящий караван до устья реки Пинеги, обстреливая из пулеметов и забрасывая суда бомбами. Всего из Архангельска было уведено до 50 пароходов, что составляло почти весь речной флот Северной Двины.

¹ Французский броненосный крейсер «Адмираль Об» (построен в 1902 г., 10 000 тонн, 21 уст., артиллерия: два 19,4-см, восемь 16,5-см).

Конечным пунктом был избран город Котлас, находящийся от Архангельска в расстоянии 625 верст; идя вверх по Двине, отряд проходил все крупные населенные места (Холмогоры, Емецк и Двинский Березняк) в боевой готовности, ожидая враждебных действий банд. У устья Ваги был оставлен один буксир, вооруженный тремя пулеметами, с 22 человеками команды. Все встреченные пароходы, шедшие с гружеными баржами, гонки леса и пристани уводились с собой.

5 августа в 11 час. утра все суда пришли в Котлас.

Отход к Котласу завершает собой первую фазу действий на Северной Двине. Противнику удалось захватить устье реки и обеспечить себе громадный район. Как видно из вышеприведенного описания, события протекали почти без всякого влияния со стороны нашего морского командования. Конечно, трудно сказать, как изменилась бы обстановка, если бы с самого начала были приняты более энергичные меры для защиты устья Северной Двины, во всяком случае несомненно то, что движение противника могло быть несколько замедлено. «Союзники» понемногу подвозили войска, и в начале кампании сухопутные силы Антанты, высаженные в Архангельске, состояли из двух бригад английской пехоты, одного полка американской пехоты, одного батальона французской пехоты, двух отделений французской 75-мм артиллерии, двух отделений французских пулеметчиков, одной бригады (478 чел.) Канадской полевой артиллерии, бронепоезда, одного 15-см (6") орудия и одной 77-мм русской гаубицы и около 300 человек белых русских пехотных войск, т.е. всего около 9500 чел.¹

К концу кампания (сентябрь 1919 г.) в Архангельском районе оставалось под начальством ген. Раулинсона 11 000 английских войск и 19 000 белых русских войск; в Мурманске (под командой ген. Мейнарда) — 5000 англ. войск, 1400 французов и сербов и 7000 белых русских войск, т.е. всего 43 400 чел.²

¹ «Arkhangel». By a Chronicler.

² Statistics of the Military Effort of the British Empires.

Если действия и распоряжения командования в Архангельске могут и должны быть подвергнуты жестокой критике, то следует отметить, что после оставления последнего моряками было сделано почти все возможное. Следует учесть, что весь командный состав, за исключением прапорщика Пронского, изменил, что в составе флотилии 70% состояло из людей не имевших почти никакого понятия о военном флоте. Увод вверх по реке всех судов и плавучих средств, какие только возможно, является необходимейшим и наиважнейшим действием при обстановке, подобной создавшейся. Уведя с собою суда, моряки обеспечили Республике возможность создания флотилии на Северной Двине; мало того, они лишили в значительной степени этой возможности противника. Наконец, заслуживает быть отмеченным оставление сторожевого буксира у устья Ваги, чем до известной степени обеспечивалось наблюдение за противником, а также открывалась возможность начать операции против Архангельска с пункта, отстоящего от последнего на значительно меньшее расстояние (устье Ваги расположено в 290 верстах и в 330 от Котласа), чем от Котласа.

II. РЕКА СЕВЕРНАЯ ДВИНА

Река Северная Двина образуется у Шабуранского острова¹ из слияния при городе Великом Устюге рек Сухоны и Юга и, протекши по Вологодской и Архангельской губерниям 872 версты, впадает в Двинскую губу Белого моря в 40 верстах ниже г. Архангельска. Речная область Северной Двины простирается до 330 000 тыс. кв. верст и представляет собой большею частью равнину, покрытую лесом и болотами и пересеченную большим числом рек системы Северной Двины. Падение Северной Двины: для всего ее течения составляет всего 0,47 сажени на 1 версту.

Берега. На своем протяжении Северная Двина имеет довольно высокие берега, частью покрытые сосновым и еловым лесом. Местами берега обрывисты, и высота их иногда доходит до 5—6 сажений. Вдоль всей реки расположены деревни на сравнительно близком расстоянии друг от друга (иногда 2—3 версты). Берега местами приглубые,

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 32.

дающие возможность приставать пароходам. Масса ручьев и речек впадает с обеих сторон в Северную Двину, образуя глубокие овраги. Вдоль берегов тянутся и открытые возделанные поля, группируясь вокруг деревень и образуя узкие полосы, разделенные площадями лесов. Вдоль левого берега Северной Двины проходит большой тракт с телеграфной линией (в районе от устья Ваги до Красноборска), на правом же в этом районе (бывшем ареной военных операций как в 1918, так и в 1919 гг.) имеются лишь проселочные дороги. В глубь лесных пространств от этих дорог отходит лишь незначительное число лесных просек и троп, к тому же часто пересекаемых болотами. Все это делает береговой район труднопроходимым.

Река. Обыкновенная высота воды на перекатах — 6 четвертей. Весенние воды достигают высоты в 17—18 четвертей; осенние — от 10 до 15. Ширина реки на плесах до 400 саженей; в узкостях — 20—30 саженей. Фарватер реки идет попеременно то вдоль одного, то вдоль другого берега и иногда имеет крутые повороты. Скорость течения — 5 верст в час, во время половодья в узкостях повышающаяся до 7—8 верст.

Как видно из доклада по штабу Военного Совета Северного фронта, к октябрю 1918 года¹ фарватер был еще очень хорошо обставлен баканами, заживавшимися в темное время суток. Во всяком случае в этот период (т.е. через 2—3 месяца после начала военных действий на реке) еще было возможно безопасное речное плавание и ночью.

В широких местах река изобилует островами с целой сетью протоков — «полоев», очень мелководных и недоступных для паровых судов².

¹ Доклад Комиссии Штаба Военного Совета Северного фронта от 30 октября 1918 г. № 2722 (Дело М.И.К. 251/10).

² Краткий обзор театра Сев. Двины в годовом отчете Северо-Двинской флотилии за 1919 год (Дело М.И.К. № 275—276).

Замерзание. Замерзание реки происходит нормально между 15 октября и 5 ноября. Бывают случаи, когда река, уже ставшая, вновь вскрывается и навигация восстанавливается на некоторое время. В 1918 году как раз имел место подобный случай. Уже 23 октября наступившие сильные морозы и появившийся на реке мелкий лед («шуга») заставили флотилию идти на зимовку. 28 октября река встала, но уже через 2 дня погода стала теплее, пошел дождь, а 2 ноября лед тронулся. В результате 4 ноября флотилия вновь смогла выйти на фронт, где и провела целую неделю. Окончательно река встала уже к 14—15 ноября.

Весеннее вскрытие реки происходит в последних числах апреля, и ледоход продолжается целых две недели. Весьма важно отметить, что северодвинский лед проходит иногда раньше вычегодского, что дает на средней части реки как бы два ледохода, разделенные некоторым промежутком времени. Для 1919 года, в частности, ледоход в В.Устье продолжался с 20 по 23 апреля. Котлас был закрыт заторами до 24 апреля, хотя в это время верховья Северной Двины были уже чисты ото льда. С 25 по 28 апреля шел вычегодский лед и проход судов по Северной Двине вниз мимо Котласа был невозможен. Характерно, что в это время много ниже последнего Северная Двина была совершенно чиста ото льда, так как свой лед уже прошел, а вычегодский еще не дошел.

Вполне естественно, что подобный характер вскрытия и замерзания реки в сильнейшей степени отразился и на ходе боевых операций на Северной Двине.

Притоки. Крупнейшими притоками Северной Двины являются реки Пинега, Вага и Вычегода. Из них первая представляет собою весьма крупную водную артерию театра и так же, как и Северная Двина, служит главным путем края. Однако ее расположение в значительной степени лишило ее военного значения, и фактически боевые операции развернулись исключительно на Северной Двине.

Двинский речной флот. Тип судов, плававших по реке — небольшие буксирные колесные пароходы, длиной в 120—190 фут и шириною 20—25 фут, при осадке около 5—8 четвертей; машины силой от 160 до 350 сил (у наибольших и до 540), скорость хода 14—15 верст в час.

Корпуса пароходов низкорортные, с весьма слабым набором, причем лишь более новые были снабжены железными палубами. Топливо — дрова, расход коих при полном ходе (еловые или сосновые дрова) от 1 до 1½ сажень в час.

Имелись и пассажирские пароходы американского типа, до 250 футов длины, с двухъярусными надстройками, подобные таковым же Волжского речного бассейна.

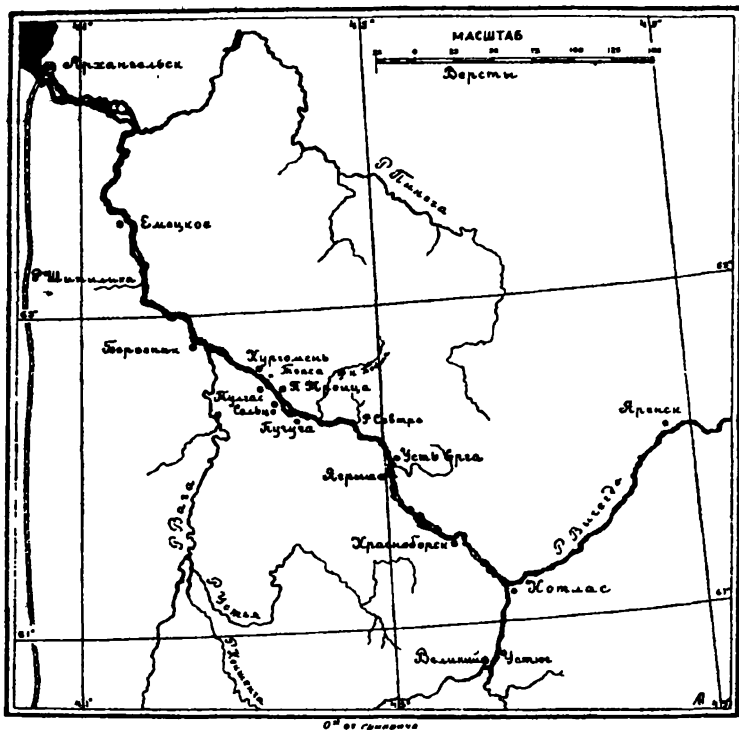
Личный состав пароходов большею частью состоял из жителей деревень, за исключением командного состава, т.е. командира, его помощника и механика. Число команды на пароходах было довольно значительно и на небольших буксирах доходило до 22 человек.

С началом вооружения флотилии речники были использованы в самой широкой степени (почти целиком использован личный состав речного флота, привлеченный по мобилизации). На боевые суда были назначены коменданты из военных моряков. Последние являлись военными начальниками, вели управление артиллерийским огнем и т.п.

Кроме них из военморов состояла лишь прислуга орудий; все же остальные были речники.

Такого рода решение вопроса комплектования личным составом судов не может считаться удовлетворительным в боевом отношении, и в будущем команды боевых судов должны состоять только из военных моряков, т.е. лиц с некоторой боевой подготовкой. (Мнение комиссии и инспекторов частей флотилии в октябре 1918 г.)

Следует отметить, что речники наравне с военморами выносили тяжесть боевых операций и понесли в своем составе значительные потери.

Район речных операций Северо-Двинской флотилии

Стратегическое значение Северной Двины. Весь Северный театр включает в себя равнину системы рек Северной Двины и ее притока Пинеги. Пути сообщения район исключительно беден. В сущности говоря, что мы отмечали и ранее, главными артериями края являются реки Северная Двина и Пинега, открытые для навигации в течение в среднем 5 месяцев; зимой они служат трактами гужевого сообщения.

Железных дорог две: Архангельск — Вологда (в 25—27 верстах к западу от Северной Двины) и ветка, идущая к Котласу. Если учесть, что Котлас расположен почти в 300 верстах к юго-востоку от места боевых операций, станет ясно, что железнодорожные пути имели крайне ничтожное значение. Мало и грунтовых дорог; из последних наибольшее значение имеет тракт, идущий вдоль левого берега Северной Двины, и другой от Верхней Тоймы к р. Пинеге и далее вдоль последней. Остальные дороги Двинского района в большинстве случаев проходимы лишь для всадников и пешеходов.

Население группируется также лишь вдоль рек. Громадный район, особенно между Пинегой и Северной Двиной, совершенно не населен.

Таким образом, для противника могло быть, в сущности говоря, всего лишь два операционных направления: Архангельск—Вологда, по железной дороге, и Архангельск—Котлас, по течению реки Северная Двина. Весьма важно отметить, что эти направления расходящиеся: соприкасаясь в Архангельске своими началами, они, вследствие того что железная дорога идет в южном направлении, а движение по реке ведет сначала на S, а затем на Ost, все более и более удаляются друг от друга, заставляя направленные по ним группы действовать обособленно и полагаться лишь на свои силы. переброска войск с одного направления на другое возможна, из-за бездорожности театра лишь на северном участке, где к тому же оба направления еще не слишком удалены. Далее это представляется совершенно невозможным. Следует отметить, что расстояние между обо-

ими направлениями между Архангельском и устьем Ваги колеблется (постепенно увеличиваясь) от 50 до 70 верст; у Тулгаса (место наиболее интенсивных операций) оно уже 90., а у Котласа более 300 верст.

С другой стороны, противник имел возможность на Северо-Двинском направлении использовать свои боевые суда, что в значительной мере обеспечивало его наступление, в то время как на железнодорожном участке это было невозможно.

Наконец, поставленные цели влекли его к использованию обоих путей. Первоначально, когда доминировала идея занятия Верхней Волги (план Лаверн—Савинкова), главные усилия должны были быть и, повидимому, и были обращены на железнодорожное направление. В дальнейшем (вероятно к поздней осени 1918 г. и весне 1919 г.), когда Савинков явно потерпел неудачу, а в районах Перми и Казани были чехи, естественно первенствующее значение перешло к Северной Двине. Наступление Северной армии Колчака под командой ген. Гайды от Перми через Глазов на Вятку в марте и апреле 1919 года окончательно закрепило это решение. Наконец, разгром Колчака заставил на обоих направлениях перейти к обороне. В общем — слабость сил обеих сторон, малая доступность местности, наличие тяжелых пушек на судах, требовавших укрытия войск от их огня, имели следствием то, что военные операции на Северной Двине по типу более приближались (во всяком случае в последние периоды) к позиционной войне.

Тактические возможности. Комфлот Северо-Двинской флотилии т. Варваца (вступивший в командование летом 1919 г.) так определяет возможности флотилии: «...топографические условия Северо-Двинского направления (и железнодорожного добавим мы) неблагоприятны для действия войска в широком масштабе. Узкая прибрежная полоса не дает возможности развертывания крупных сил. Небольшие открытые пространства вдоль

берегов являются наиболее благоприятными для действия войск. Но сообщение между ними сильно затруднено разделяющими их лесными площадями. Планомерное наступление вдоль берегов в силу этого затруднительно... и мы и противник принуждены иметь на Двине флотилию, служащую не только транспортными средствами, но и боевой силой, а пехотные позиции являются речными заставами, прикрывающими наиболее удобные позиции флота. Боевые действия на берегу и на воде тесно связаны между собою и должны проходить по одному общему плану...»¹.

Боевые операции армий. Все сказанное в сильнейшей степени отразилось и на характере боевых действий на Северной Двине. Ни мы (IV армия), ни противник не имели здесь никогда крупных сил. К началу 1920 года на фронте в 750 верстах от Петрозаводска до Яренска мы имели всего 19 000 штыков и 400 сабель, а противник 15 000 штыков². Даже если взять наиболее плотный участок (от железной дорога Архангельск — Вологда до Северной Двины), то на нем имелось лишь 14 900 бойцов на протяжении 250 верст, т. е. всего около 60 человек на версту фронта. Неудивительно, что при таких условиях войска группировались лишь около главнейших путей.

Река и армии. Северная Двина служила и главным путем снабжения войск. В одном из дел мы находим интереснейшие указания о наличии вспомогательных судов на фронте. Сведения эти относятся к концу октября 1918 года. В этот момент в распоряжении штабов района и бригады находилось около 80 пароходов и

¹ Краткий обзор театра Сев. Двины в годовом отчете Сев.-Двинской флотилии за 1919 г. (Дело М.И.К. № 275—276).

² Боевые действия Красной Армии и Флота 1918—23 гг. Под редакцией Шапошникова и Антонова-Овсенко.

40—50 барж. Перечень включает: штаб бригады — 11 пароходов; инженерная часть — 18 пароходов; пехотные части — 6; артиллерийские части — 15; авиация — 5 пароходов; снабжение — 7 пароходов, чрезвычайная комиссия — 3, госпитали — 2 и т. д. Все это в сумме составляет около $\frac{1}{2}$ всего числа судов Северо-Двинского бассейна. Указанная справка, более чем что-либо, позволяет судить, насколько широко (по крайней мере в 1918 году) пользовалась водным транспортом армия. Конечно, не может быть и речи о том, что все эти суда были использованы продуктивно, тем более что они не имели даже общего начальника флотилии.

Характерно, что в это время боевая флотилия состояла из 5 вооруженных пароходов, 2 плавучих батарей и 2 барж с установленными орудиями.

Оперативные планы противника¹. Судя по опубликованному довольно скудному материалу, планы наступления союзников на Советскую Россию предусматривали продвижение сухопутных сил в глубь страны по двум наличным путям: 1) по железнодорожному пути, с назначением достичь Вологды и 2) по речным путям, в направлении Котласа. Далее планы становились несколько менее определенными, но в общем предполагалось достичь соприкосновения с сибирским фронтом чехословаков.

¹ Archangel. By a Chronicler, стр. 54.

III. СОЗДАНИЕ

СЕВЕРО-ДВИНСКОЙ ФЛОТИЛИИ

У же 12 августа 1918 года первые вооруженные орудиями суда Северо-Двинской флотилии вышли на фронт. Затем вооружение судов продолжалось непрерывно, по мере прибытия пушек; старое вооружение снималось, корабли перевооружались новыми, более крупными орудиями и т.д. Поэтому представляется чрезвычайно затруднительным дать таблицы судового состава флотилии. Правильнее составить несколько таких таблиц, соответственно главным периодам вооружения судов.

Здесь мы считаем возможным (для 1918 г. конечно) ограничиться двумя таблицами, из которых первая охватывает время с 14 августа по 14 сентября, а вторая — более поздний период (в ней приведены документальные данные, относящиеся к концу октября). Соответствующие примечания дают возможность ориентироваться и по отношению к другим моментам.

**Северо-Двинская флотилия
по состоянию на 14.08—14.09.1918 года¹**

Наименование	Водонемещение, тонн	Длина, фут.	Ширина, фут.	Осадка, четв.	Механизмы	Двигатель	Скорость	Артиллерия
«Богатырь»	410	194	26	8	Компаунд 540 ИНР	Колес.	14 в.	2—37-мм Маклена 2 пулем.
«Феникс»	120	142	21	5	Компаунд 300 ИНР	»	14 в.	2—37-мм 2 пулем.
«Могучий»	—	—	—	—	—	»	—	2—37-мм Маклена 2 пулем.

Примечание: 1) 10 августа «Богатырь» и «Могучий» вооружены одной 3'' полевой пушкой вместо двух 37-мм орудий Маклена².

2) «Могучий» утоплен 14 сентября противником.

3) «Богатырь», после гибели «Могучего», вооружен двумя 3'' полевыми орудиями.

Таким образом, с 14 до 19 августа общая артиллерия флотилии (3 судна) включала шесть 37-мм пушек Маклена и шесть пулеметов; с 19 августа до 14 сентября — две 3'' полевые, две 37-мм пушки Маклена и шесть

¹ Данные о судах Двинского бассейна (Дело М.И.К. №252).

² Шох. Красная Северо-Двинская флотилия.

пулеметов; с 15 сентября (до 22-го) во флотилии было всего два боевых судна с двумя 3'' полевыми и двумя 37-мм пушками Маклена. 22 сентября были вооружены морскими пушками первые суда, прибывшие в Котлас. В составе флотилии к концу сентября было и 2—3 вооруженных катера.

Прибытие морских орудий резко изменило характер флотилии. 25 сентября на фронт прибыли канлодки «Мурман» и «Какстон» и две плавбатареи, с буксирами «Чернопенье» и «Нагорный».

Канлодка «Мурман» была переименована в «Павлин Виноградов», в память убитого 8 сентября командующего фронтом. Затем флотилия еще более усилилась, и к 30 октября ее состав представляется в следующем виде:

Северо-Двинская флотилия по состоянию

А. Вооруженные парходы¹.

Наименование	Водоизмещение, тонн	Вооружение	Длина, фут.
«Павлин Виноградов» (б. «Мурман»)	410	III-75-мм/50 1—40-мм противоаэр. 2 пул.	194
«Богатырь»	410	1—3'' полев. ор.	—
«Какстон»*	90	II-75-мм/50 2 пул.	130
«Феникс»	120	1—3'' полев. ор.	142
«Вага»	—	1—37-мм Маклена	—
		Плавучие батареи	
№ 1	Грузоподъемн. 5000 пуд.	II-4''/60 2 пул.	—
№ 2	—	То же	—

¹ По непроверенным сведениям, сухопутными частями Красной армии были вооружены два плота: «Первый» — двумя 6'' гаубицами и «Второй» — четырьмя 3'' горными орудиями.

Уже в конце октября в Котласе производилось вооружение третьей плавбатареи (№ 3) двумя 120-мм морскими пушками. Из-за наступления холодов последняя на фронт послана не была.

Без сомнения, состав флотилии был очень мал. Размеры северо-двинского речного флота допускали вооруженные значительно большего количества судов — оперативные задачи, стоявшие перед флотилией, этого требовали.

Инспектировавший в октябре 1918 г. флотилию в/м Мякишев (уполномоченный Моркома при штабе Северного фронта) говорит: «Существующую флотилию... имея в виду преобладающее значение ее в боевом отношении в сравнении с сухопутными частями, надо признать преступно малочисленной и вооруженной, так

на 30.10.1918 года

Ширина, фут.	Осадка, четв.	Механизмы	Двигитель	Скорость
26	7—8	40 л.с.**	Колес.	14 в.
—	—	—	—	—
19	5	360 л.с.**	Тоже	14 в.
21	5	360 л.с.**	Тоже	14 в.
—	—	—	—	—
(железные баржи)				
—	—		Двигателя нет	
—	—		Двигателя нет	

Примечание: * Высота от дна до борта 6 футов; надстройки 11 футов.

** Компаунд.

что говорить о тактическом применении ее как целой боевой единицы нельзя, а можно разбирать лишь отдельные вооруженные суда».

С этим нельзя не согласиться. Наоборот, следует учесть, что именно в 1918 году, когда для противника (см. II главу) главным операционным направлением было еще Вологодское (железнодорожное), флотилия на Северной Двине могла дать очень многое даже в масштабе всего фронта. Ею в кампании 1919 года было вооружено значительно большее число судов, но тогда обстановка уже изменилась коренным образом¹.

Вспомогательные суда. Для первого периода сведений нет. Есть упоминания о буксирах плавбатарей и нескольких катерах.

Документы позднейшего периода² (ноябрь—декабрь) уже указывают на громадное количество вспомогательных судов во флотилии. Так доклад Оперода Севфронта Начоперсовету от 8 декабря 1918 года упоминает нижеследующие вспомогательные суда:

а) 7 буксиров для батарей: «Работник», «Сухона», «Компаньон», «Георгий», «Семьянин», «Наследник» и «Анастасия».

б) 11 сторожевых катеров: №1, №10, №11, №12, №13, «Заря», «Союз», «Черта», «Волна», «Товарищ» и «Богатырь».

в) 6 сторожевых судов: «Какстон» (у нас внесен в список как канлодка), «Незабудка», «Андрей», «Клязин», «Вага» и «Алмаз».

¹ В архивных документах имеются указания о наличии в конце 1918 г. речной флотилии на р. Печоре. Флотилия эта состояла из 6 пароходов, с вооружением: два 3'' горных орудия, два 47-мм орудия, 4 пулемета и 15 мин заграждения типа «Рыбка». Флотилия базировалась на с. Троицкое (в верхней части Печоры), но об участии ее в боевых операциях сведений не имеется. Дело М.И.К. №22499, стр. 211—214.

² Доклад Опер. Отд. РВС Севфронта от 8 дек. 1918 г. №2983 (Дело М.И.К. №252).

г) 2 посыльных судна: «Желябов» и «Усть-Сы-
сольск» и до 15 транспортов.

Таким образом, к зиме вспомогательная часть фло-
тилии разрослась в большой степени. Сведений об ис-
пользовании на фронте большинства этих судов не име-
ется.

Плоты. Весьма интересен вопрос о применении пло-
тов вместо плавбатарей. Указаний на это в большинстве
документов (доклад Пекайтиса, отчет Сев.-Двинск. фло-
тилии за 1919 г., труд т. Шох и т.д.) нет, и лишь доклад
Мякишева немного затрагивает этот вопрос.

Приводим мнение последнего текстуально: «Уста-
новка орудий на плотях, хотя и дает некоторые преиму-
щества перед установкой на баржах, в смысле непотоп-
ляемости и легкости маскирования орудий и плота, но
скорость буксирования его очень мала (4—5 в.), поэто-
му считать плоты, как плавбатарею, совершенно невоз-
можно, и плот представляет из себя лишь платформу,
которая только поставленная на отмели, может слу-
жить как батарея. Такой способ установки артиллерии
весьма опасен, так как при падении уровня воды плот
может остаться на берегу и в случае наступления не-
приятеля попасть к нему в руки, что и было: например,
оставление противником подобного плота с 120-мм ору-
дием¹ у местечка Верхнее Сельцо (на 812 версте)».

Служба связи. В 1918 году при Северо-Двинской
флотилии морская служба связи организована не была,
что в сильнейшей степени отражалось на осведомленно-
сти штабов о движении своих судов. Вопрос о создании
службы связи, по-видимому, возник лишь зимой 1918—
1919 гг.

¹ Это имело место 14 октября 1918 г. У т. Шох описано
так: «в наши руки досталось несколько морских ору-
дий, из коих одно — 120-мм — было установлено на
деревянном плоту».

Личный состав. Командующим флотилией был назначен на совещании в Красноборске в/м Пронский. Бывших офицеров на флотилии, как мы отмечали раньше, в первый период вовсе не было.

Должность начальника оперативного отдела, по-видимому, была не замещена вовсе.

Некомандный состав в первые дни состоял частью из речников и частью (прислуга орудий) из военморов Северного флота.

После отхода в Котлас (5–7 августа) произведена была фильтрация, правильнее — не желавшие служить были отпущены по домам. После нее в составе флотилии остались 154 военмора.

Десантные отряды. При флотилии находилось большое количество сухопутных частей, составленных из моряков. Правильнее сказать, это не были десантные отряды, как в других флотилиях, а сухопутные части, составленные из моряков.

Еще 15 августа была сформирована десантная рота трехзвонного состава при двух пушках Маклена. Численность ее была — 142 военмора.

Значение подобной части определяется прежде всего тем, что 17 августа, когда она прибыла на сухопутный фронт, на последнем было всего 126 бойцов сухопутных частей (28 — латышский отряд; 20 — коммунисты и 78 остальных частей, включая и прислугу пушек). С другой стороны нельзя не отметить, что моряки были на суше, а на судах большая часть команды состояла из речников.

21-го августа на фронт прибыл так называемый 4-й Балтийский отряд моряков в составе 1000 человек (4 роты).

Морская авиация. В распоряжении Котласского района были 3 нижеследующих отряда:¹

¹ Справка по сведениям Управления Морской Авиации (УМА) от 5-го ноября 1918 года №12.

Наименование отряда	Число аппаратов	Тип	Время прибытия
Морской отряд*	3 гидр.	М9	03.9.1918 г.
3-й отд. мор. отряд*	3 гидр.	М9	11.10.1918 г.
Беломорск. отряд*	3 гидр.	М9	10.10.1918 г.
Отряд истр.**	7 истреб.	3 — «Дукс», 4 — «Нью-пор»	

Примечание: * По приказу РВСР от 23.01.1919 г. личный состав отряда: начальник — 1, наблюдатель — 1, делопроизводитель — 1, некомпозит — 46.

** Состав: начальник — 1, летчики — 5, делопроизводитель — 1, некомпозит — 43.

По позднейшим данным, на Северном фронте было уже 19 аппаратов. Приказ РВСР от 23 января 1919 года устанавливает следующую схему гидроавиации:

Северный Гидроавиационный дивизион. 1 — Беломорский гидроотряд, Кемский гидроотряд. 2 — I Северный истроотряд, II Северный истроотряд.

Аппараты Морского отряда оказались негодными для полетов, хотя пришли прямо с завода Щетинина. На одном из них при полете сломался вал пропеллера, на другом — сорвался при пуске мотор, и у третьего — оказались гнилые стойки. Аппараты же Беломорского и 3-го гидроотрядов, прибывшие с Архангельского фронта, вследствие изношенности моторов и хранения под открытым небом для полетов оказались совершенно негодными и, кроме двух пробных полетов, не летали.

Из истребителей — 3 были разбиты при посадках; один пропал без вести.

Число боевых полетов на истребителях (3 летчика) всего до конца кампании 74, число часов в воздухе — 58.

Отряды имели станции в следующих пунктах: с 8 по 10 сентября у мест. Пучуга; с 10 по 19 сентября — у мест. Заострова; с 19 по 23 сентября — у мест. Верхней Топсы.

Подчинение флотилии. Практически с момента выступления на фронт флотилия находилась в подчинении командующего фронтом т. Павлина Виноградова. Следует отметить крайне ненормальное положение самих судов флотилии: они не были приняты официально от Главода (окончательная передача состоялась лишь в январе 1919 года)¹, а на транспортной флотилии находился даже представитель последнего².

¹ Рапорт Н-ку Глакора коринжа Галацкого от 12 февраля 1919 г. (дело М.И.К. №252).

² Доклад Мякишева.

IV. НАСТУПЛЕНИЕ К РЕКЕ ВАГА

Первоначально флотилия была сорганизована 14 августа, когда в Красноборск прибыл тов. Пронский, вставший во главе флотилии. Организация была самая примитивная. На суда назначали комендантов и прислугу к орудиям. Вся остальная команда была оставлена прежняя (водники). Был организован и штаб флотилии из 7 человек (комфлот, комиссар, начальник штаба, флаг-секретарь, завхоз, минно-артиллерийский содержатель и писарь). Все остальные военные моряки составили трехвзводную десантную роту¹. Весь личный состав состоял из 183 военных моряков, не считая 38 человек, ранее оставленных у устья Ваги².

Сами суда («Феникс», «Мурманск» и «Сильный»), как было выше указано, имели 37-мм пушки Маклена и пулеметы. Два

¹ Шох. Красная Сев.-Двинск. флотил.

² Отчет Сев.-Двинск. флот. за 1919 г. (Дело М.И.К. №№275–276). В дальнейшем за основу изложения боевых операций взят этот отчет, дополненный сведениями из труда тов. Шоха.

подобных орудия имелись и в десантном отряде, так как было получено от командующего районом указание, что в Петропавловском районе появились неприятельские суда с 3'' полевыми пушками; просьба о присылке таких орудий была направлена в штаб VI армии. 15 августа комиссар (Шилкин) был отправлен в Москву с докладом об организации флотилии и с просьбой о срочной доставке морских орудий.

15 августа флотилия вышла из Красноборска на фронт, куда и прибыла к вечеру 17 августа.

В это время наши части (60 чел. пехоты и два 37-мм орудия Маклена) были расположены у дер. Троица. Здесь же находился и буксир, высланный ранее (3 пул. и 22 военмора). Прибытие флотилии и десантного отряда, а также и небольшого числа сухопутных частей (отряд латышских стрелков 28 человек при 2 пул., и отряд коммунистов — 20 человек и 2 пулемета) дали возможность закрепиться, причем два взвода десантного отряда заняли на левом берегу дер. Сельцо, а третий укрепился на правом, у дер. Борки.

Сражение 18-го августа и его последствия. После получения ночью с 17 на 18 августа сведений от разведки о подготовке противника к наступлению, на рассвете комфлот на «Фениксе» вышел для смены находившегося в дозоре «Богатыря». По обнаружении дымов двух судов противника, комфлот, перейдя на «Богатырь», пошел навстречу неприятелю, «Феникс» следовал за ним.

С расстояния дальности орудий (у т. Шоха указано 3 версты — 19 каб.) открыт был огонь. Когда расстояние уменьшилось, противник, располагавший на обоих своих судах 3'' полевыми пушками, удачными попаданиями вынудил наши суда к отходу; «Богатырь», отходивший концевым, получил 3 попадания — одно в носовое отделение выше ватерлинии, и 2 — в дрова, находившиеся на верхней палубе. На присоединение подошел и «Могучий», но положение не изменилось.

По берегам противник также повел наступление и обходным отрядом в 100 штыков захватил нечаянным нападением нашу 37-мм батарею у дер. Троица. Из находившихся на ней моряков было убито 4, ранено 3 и 2 взято в плен.

Когда наша отходившие суда поравнялись с батареей, последняя была уже в руках неприятеля и открыла по ним огонь, коим на «Могучем» было ранено двое.

Наши части и флотилия продолжали отступление, по-видимому, преследуемые противником, и к вечеру отошли в район дер. Нижняя Тойма.

В ночь на 19 августа войска и флотилия значительно усилились. В первые влился 1-й Вологодский полк, а флотилия получила 3" снаряды к двум орудиям, присланным в Нижнюю Тойму еще накануне.

В течение ночи на корме пароходов «Богатырь» и «Могучий» были устроены помосты и установлены 3" пушки (полевые, по одной).

В результате наши войска не только отбили 19 августа наступление противника, но и двинувшись вперед, заняли линию деревень Пучуга — Борки, т.е. почти исходное положение.

Контрнаступление наших войск. Через два дня на фронт прибыл 4-й Балтийский отряд моряков (1000 бойцов) и две батареи 2-го артиллерийского дивизиона, что дало большой перевес в силах нашим войскам, смогшим начать решительное наступление. По непроверенным данным, противник к этому времени располагал мониторами и речными канлодками, но наше командование об этом факте осведомлено не было¹.

¹ Имеющийся в нашем распоряжении изданный в Англии труд «G.K. Singleton-Gates. Bolos and Barishynas». («Большевики и барышни») описывает действия английской бригады Джонсона и флотилии на Сев. Двине в середине лета 1919 года, т.е. захватывает много более поздний период. В нем имеются указания, что зиму 1918/19 г. в Архангельске зимовали мониторы M23 и M25.

Наступление наших войск началось утром 24 августа и продолжалось пять дней, причем противник отошел до устья р. Ваги, где и укрепился на левом берегу последней, образовав из местечка Двинский Березняк — опорный укрепленный пункт. Здесь, пользуясь местными условиями в тактическом отношении, а в стратегическом — близостью железнодорожного операционного направления, на котором у него были расположены главные силы, противник подготовился к обороне.

Подготовка к форсированию реки Ваги заняла значительное время. В этот период был убит во время одной из перестрелок командующий фронтом тов. Павлин Виноградов, а в ночь с 13 на 14 сентября была потеряна канлодка «Могучий».

Отход наших войск. В эту ночь на реке стоял густой туман, и «Могучий», находившийся в дозоре, был атакован неприятельской канлодкой с близкой дистанции. Получив ряд попаданий, «Могучий» потонул, причем 18 человек погибло, 7 было взято в плен и лишь пяти удалось спастись вплавь.

Подошедший на выстрелы «Богатырь» имел в тумане безрезультатную перестрелку с противником.

3-мм орудие с «Могучего» было снято и поставлено на «Богатырь».

Таким образом, второе столкновение с противником, так же как и первое (18 августа), окончилось поражением нашей флотилии, у которой в строю осталось лишь 2 боевых корабля.

V. БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ В СЕНТЯБРЕ, ОКТАБРЕ И НОЯБРЕ 1918 г.

Наступление противника. К середине сентября противник получил значительные подкрепления. Сухопутные части были усилены за счет войск железнодорожного направления. На реке появились боевые суда англичан (канлодки типа «Cockchafer» и мониторы. См. таблицу английской флотилии); наконец — авиасилы противника, достигшие численности в 18 аппаратов (типа «Сопвич» и «Ньюпор»), начали широкие действия против наших войск и судов.

Началось вновь отступление. 16 сентября¹ с парохода «Котлас» нами было поставлено первое минное заграждение из мин образца 1908 г. на фарватере у деревни Тулгас.

В этот же день противником был утоплен пароход «Дедушка», шедший с провизией для войск.

17-го сентября² было поставлено второе минное заграждение у дер. Троица. Оба

¹ Шох. Красная Северо-Двинская флотилия.

² Доклад Мякишева.

заграждения были вытралены неприятелем и его суда продвинулись вверх по реке. 18 сентября части наши закрепились у дер. Нижняя Тойма.

Вооружение новых судов. Середина сентября была временем значительного усиления нашей флотилии. Еще 15 сентября в Котлас прибыли морские орудия (два 120-мм, четыре 100-мм, пять 75-мм и одно 37-мм зенитное). Было приступлено к вооружению новых судов (см. главу III), причем на буксирах (канлодки) — устанавливались 75-мм пушки, а на баржах — (плавбатареях) — 100-мм. 22 сентября было закончено вооружение канлодок: «Павлин Виноградов» (б. «Мурманск») — тремя 75-мм пушками и «Какстон» — двумя 75-мм, плавбатареи №1 и 2 — по два 100-мм орудия. 120-мм орудия устанавливались на третьей плавбатареи, однако работы на последней были закончены лишь в октябре и она в боевых операциях в 1918 году участия не приняла.

В это время слабость наших речных сил на фронте и появление судов противника выше (по реке) наших заграждений, поставленных 16 и 17 сентября, вынудили командование поставить еще одно заграждение, что и было выполнено в ночь с 24 на 25 сентября. Мины были поставлены у дер. Борисовская.

По-видимому, предшествующие неудачи нашей флотилии, отход наших войск и обнаруженные минные заграждения на реке дали противнику уверенность в слабости нашего фронта и невероятности операций до следующего года; по-видимому, часть его флотилии в это время покинула фронт, защита коего была вверена главным образом сухопутным частям, опиравшимся на укрепленные позиции, снабженные многочисленной артиллерией и имевшие запасы боеприпасов и провизии до весны.

Первый удар нашей флотилии. Между тем 25 сентября «Павлин Виноградов», «Какстон», плавбатареи №1 и №2 с буксирами «Чернопенье» и «Нагорный»

прибыли на фронт. «Богатырь» был отправлен для перевооружения в Котлас.

Таким образом, наша флотилия представляла в этот момент большую силу (4 тяжелых и 7 легких орудий), появления коей противник не ожидал.

В одном из рукавов реки был найден проход (мимо 3-го заграждения, стоявшего на главном фарватере) и с рассветом 26 сентября наши суда начали обстрел неприятельских позиций.

Противник без сопротивления оставил свои передовые позиции и отошел на линию Борки — Пучега.

Второе наступление. К 11 октября наши войска подготовились и, поддерживаемые огнем нашей флотилии, начали решительный штурм главных позиций противника, и после упорных четырехдневных боев заняли район Борки—Городок. Здесь было захвачено 13 орудий (из них одно 120-мм на плоту), громадные запасы продовольствия, обмундирование, пулеметы, винтовки.

Наступление продолжалось и в последующие дни, причем последовательно нами на правом берегу были заняты дер. Топса (16 октября) и Конецборье (21 октября), а на левом — позиции противника у деревни Нижний Тулгас.

Таким образом, наступление 11—21 октября оказалось вполне удачным: в наши руки перешли укрепленные позиции противника — те самые, в коих он предполагал держаться всю зиму. Мало того, нами была захвачена и значительная часть запасов противника. Причину успеха прежде всего следует видеть в недооценке противником наших сил, и в том числе, главным образом, возможности активных действий нашей флотилии. Без сомнения, неожиданное появление вооруженных морской артиллерией боевых судов помимо значительного усиления мощи наших войск внесло и смятение в ряды неприятеля. Весьма вероятно, что сами неприятельские позиции были мало подготовлены для отражения атаки с реки; однако это последнее

предположение не может быть проверено по имеющимся в нашем распоряжении документам. Во всяком случае, громадная роль флотилии во время наступления 11—21 октября не подлежит сомнению.

Заморозки. Между тем наступили холода. 23 октября из Котласа было получено известие о появлении на реке «шуги» (мелкого льда), и на следующий день флотилия ушла вверх на зимовку в Великий Устюг. Одновременно покинул фронт и 4-й Балтийский отряд. Характерно то, что выбор В. Устюга, как места зимовки, обусловливался тем, что в Котласе не было помещений для размещения команд, т.е. причиной безусловно второстепенной. Между тем на следующий год этот фактор сыграл громадную роль, фактически обесценив все выгоды зимовки нашей флотилии в верховьях (ранее вскрывающихся ото льда) реки.

Имеются указания, что в этот день покинула фронт и флотилия противника. Более вероятным представляется, что это были лишь транспортные суда, т. к. единственное существующее описание наступления наших войск 11—21 октября совершенно не упоминает о действиях против нас неприятельских судов и дает основания предполагать, что последних в этот период уже не было на фронте.

Вставшая 28 октября река, однако, под влиянием наступившей теплой погоды 2 ноября вновь вскрылась и, по требованию комфлота, флотилия 4 ноября вновь вышла на фронт.

Прибывшая 6-го на фронт флотилия приняла участие в новом наступлении наших войск. Огнем наших судов была утоплена плавбатарея противника (вероятнее плот с установленными пушками) и сбито 2 аэроплана. Новые заморозки заставили уйти флотилию вновь на зимовку, что имело место уже 14 ноября.

Кампания 1918 года закончилась.

ЧАСТЬ II

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

НА СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ В 1919 Г.

С установкой 14 ноября 1918 г. флотилии на зимовку, комфлот Пронский выехал в Москву для доклада, и главным образом, для поднятия вопроса о срочном увеличении флотилии, снабжении ее, комплектовании и проч., чтобы к началу 1919 г. флотилия представляла бы собою не сборище разнокалиберных судов, с возможностью оказывать только пассивную оборону, а боевую часть, способную к активным операциям и по возможности по силам равноценную неприятельской флотилии.

Доклад имел успех, и зима 1918/19 года была полностью использована для приведения флотилии в боеспособное состояние.

I. БАЗИРОВАНИЕ ФЛОТИЛИИ

К кампании 1919 г. были оборудованы следующие береговые базы: 1) тыловая база, связанная железной дорогой с Москвой и Петроградом, — город Котлас, у устья р. Вычегды, 2) фронтальная база, состоявшая из специально оборудованных и приспособленных барж и судов с запасами всего необходимого на 10 дней, 3) промежуточные береговые базы, имевшие исключительно запасы топлива: Ягрыш, В. Тойма, Севтра, Усть-Ерга и Н. Тойма.

Маневренных баз оборудовано не было, и в силу непрерывных боевых действий не представилось возможным оборудовать их в течение кампании 1919 г. Это обстоятельство сильно отразилось на степени подготовки личного состава и в значительной степени — на боеспособности флотилии.

Организация операционных баз и их снабжение. Операционные базы флотилии организовывались самым ходом вещей параллельно с развитием флотилии. Отсутствие определенной системы и планомерности в организации этих баз нужно отнести

исключительно к малому опыту лиц, ведавших делом зимней подготовки флотилии.

В общих чертах система организации баз была тако-
ва: Котлас — тыловая центральная береговая база, склады артиллерийского и винного имущества, продовольствия и обмундирования и центральное управление базами. Снабжалась база от трех учреждений: Морского ведомства, Обвода и VI армии. Все виды специального снабжения и топливо получались от Морского ведомства; материалы, необходимые для текущего ремонта — от Обвода¹; продовольствие и обмундирование и отчасти санитарное снабжение — от VI армии.

Такой порядок вещей вызывал целый ряд крупных неудобств и заставил путем организации в Котласе военного порта перейти к более рациональной системе снабжения непосредственно от Морского ведомства. Промежуточные береговые базы, находившиеся у устьев рек, т.е. Ягрыш, В. Тойма, Севтра, Усть-Ерга и Н. Тойма, имели задачей снабжение всех судов дровами. Подчинены они были непосредственно Обводу и расчет за взятые дрова производился также с Обводом.

Фронтальная плавучая база предназначалась для снабжения флотилии всем необходимым во время операций. Предусматривалось также и снабжение дровами, для чего последние были погружены на баржи. База не представляла одного целого, а была разбита на целый ряд самостоятельных единиц: 1) «Стенька Разин» — склад продовольствия, обмундирования, механическое снабжение; подчинена была непосредственно интенданту флотилии, питалась от порта по требованиям штаба флотилии; 2) артиллерийская база, состоявшая из трех барж с одной третью всего наличного запаса снарядов, находилась в распоряжении флагманского артиллериста и по его требованиям пополнялась портовыми запасами; 3) минная база, состоявшая из двух барж с запасами подрывных патронов и около ста мин

¹ Областное управление водного транспорта.

заграждения, находилась в непосредственном распоряжении флагманского минера и питалась из запасов порта; 4) дровяная база, состоявшая из десяти барж с запасами топлива на две недели, находилась в распоряжении начальника 3-го дивизиона сторожевых судов и транспортов и питалась от береговых промежуточных баз.

Полная несостоятельность принятой организации операционных баз заставила командование флотилией в течение кампании совершенно изменить всю систему подчинения и питания этих баз. Самостоятельность и независимость береговых и плавучих баз от центральной тыловой базы в Котласе была уничтожена. Плавучие базы были подчинены во всех отношениях организованному в Котласе военному порту, так же как и береговые базы — склады топлива. По мере израсходования запасов на плавучих базах, порт был обязан их пополнять, согласно указаниям флагманских специалистов. На флагманских специалистов было возложено наблюдение и ответственность за готовностью плавучих баз выполнить любое оперативное задание, конечно, в пределах возможного. Такая централизация управления базами значительно облегчила и упорядочила способ снабжения флотилии. Однако опыт кампании 1919 года выдвинул необходимость объединения всех плавучих баз в одно целое, на правах отдельного плавучего порта.

II. СОСТОЯНИЕ ФЛОТИЛИИ К НАЧАЛУ НАВИГАЦИИ 1919 г.¹

Судовой состав. При зимней организации и подготовке флотилии совершенно не принималась в расчет перспектива возможного усиления флота противника. Исходя из опыта кампании 1919 г., командование флотилией предполагало, что противник будет располагать на Северной Двине флотилией, состоящей главным образом из вооруженных пароходов и барж. Возможность появления специально речных военных судов предусмотрена не была. Командующий флотилией г. Пронский считал, что английские речные канонерские лодки не смогут действовать на Северной Двине, благодаря ее мелководью. Плановности и определенной систематичности при организации флотилии не существовало. Программа вооружения резко менялась в зависимости от наличия артиллерии и от возможности ее установки на буксирных пароходах и баржах. Флотилия была разбросана по нескольким затонам,

¹ Дело М.И.К. 275/33 (33), с. 33. Доклад Комфлота Варваца.

технический персонал почти совершенно отсутствовал. Главный ремонт судов производился в городе Великом Устюге средствами мастерских областного управления водного транспорта, а установка орудий и подготовка креплений производились в Котласе, средствами небольшой мастерской Обвода в затоне Лименда и средствами железнодорожного депо станции Котлас. К началу кампании были отремонтированы и вооружены следующие суда:

Канонерские лодки

1) «Павлин Виноградов», 2) «Коммунист» (бывш. «Какстон»), 3) «Урицкий», 4) «Володарский», 5) «Карл Либкнехт», 6) «Я. М. Свердлов».

Плавучие батареи

1) «Москва» (№1), 2) «Кронштадт» (№2), 3) «Петроград» (№3), 4) «Туркестан» (№ 4), 5) «Канск» (№ 5).

Суда, буксирующие батареи

1) «Халтурин», 2) «Аргольд», 3) «Чернак», 4) «Лизогуб», 5) «Ростовский», 6) «Шеварев», 7) «Нагорный».

Дозорные катера

1) «Гессе», 2) «Ковалев», 3) «Ульянов», 4) «Мазурин», 5) «Омега», 6) «Орион», 7) «Гельфиан», 8) «Зотов», 9) «Рогачев», 10) «Рыба», 11) «Чударев».

Сторожевые суда

1) «Вера», 2) «Робеспьер», 3) «Лассаль», 4) «Скорпион», 5) «Борец», 6) «Частник».

Транспорты

1) «Крепыш», 2) «Смелый», 3) «Надежда», 4) «Пинежанин», 5) «Речник», 6) «Чернопень», 7) «Гиляк», 8) «Компанион», 9) «Вельможный», 10) «Клязьма», 11) «Илья Муромец», 12) «Сатурн», 13) «Пучеж», 14) «Енисей», 15) «Кампания».

Посыльные суда

1) «Желябов», 2) «Стенька Разин», 3) «Усть-Сы-
сольск».

Готовность флотилии¹. Первые же столкновения с флотилией противника выяснили слабость нашей флотилии и ее малую пригодность для дальнейшей боевой деятельности.

Вопреки ожиданиям флотилия противника оказалась состоящей не из вооруженных буксирных пароходов, а из специальных английских речных военных судов.

Суда эти не только свободно маневрировали на Северной Двине в начале навигации, но, несмотря на необычайно сухое лето и малую воду, продержались вплоть до августа. Боевые операции первых месяцев кампании выявили много крупных промахов и недостатков во всей зимней организации и подготовке флотилии.

Судовая артиллерия находилась в хаотическом состоянии. Надлежащего наблюдения за орудиями в течение зимы не было; запасные части и самые необходимые принадлежности отсутствовали. Орудия были расстреляны до пределов, а запасных не имелось. Механизмы орудий, всю зиму простоявшие на открытом воздухе без наблюдения, были попорчены и требовали капитального ремонта. Из-за отсутствия опытных данных о возможности установки крупной артиллерии на буксирах, вся артиллерия свыше четырех дюймов была установлена на баржах. Из шести канонерских лодок, готовых к началу кампании, четыре были вооружены 75-мм артиллерией и только две — «Павлин Виноградов» и «Карл Либкнехт» — имели по две 100-мм пушки, совершенно расстрелянные.

Аппарат снабжения флотилии находился в зачаточном состоянии и положение было таково, что в любую

¹ Дело М.И.К. 275/33, с. 34. Доклад Комфлота Варваца.

минуту могло прекратиться всякое питание флотилии, как предметами специального оборудования, так и предметами продовольствия. База флотилии в Котласе была совершенно не в силах справиться с возложенной на нее задачей и требовала полного переустройства.

В области внутренней организации флотилии положение обстояло еще хуже. Штабов фактически не существовало, во главе отдельных частей флотилии находились часто случайные люди, мало компетентные в порученном им деле и нередко едва грамотные. Лиц, способных нести ответственность, почти не было, а те немногие специалисты, которые находились в штабах, являлись недавними пришельцами и были поставлены в такие условия работы, что при всем желании принести пользу делу достигнуть этого не могли.

Построенная на таких шатких основаниях флотилия, конечно, не могла оказать серьезного сопротивления противнику и даже была не в состоянии справиться с двумя 6" пушками у деревни Кургоменя. По мере развития боевых операций, выяснилась полная неподготовленность флотилии и в боевом отношении. Плавающие батареи, составлявшие главную боевую силу, из-за своей громоздкости и малоподвижности не могли конкурировать с быстроходными речными канонерскими лодками противника.

Наши канонерские лодки были вооружены или слишком слабой или слишком изношенной артиллерией, и в результате, конечно, оказались несравненно слабее судов противника; обладая помимо того малой скоростью хода, они не выдерживали ни одного серьезного столкновения с неприятельской флотилией.

Командный состав на судах был мало подготовлен для серьезных оперативных задач. В большинстве случаев — это были артиллерийские унтер-офицеры, смелые и решительные, готовые в любую минуту выполнить самые рискованные задания, но с обязанностями командиров военных судов справлявшиеся с трудом.

Принятая система управления кораблем командирами из речников и комендантами из военных моряков дала в результате гибельное двоевластие и разделение судовой команды на аристократию — военных моряков и низшее сословие — речников. Благодаря отсутствию командного состава, способного занять должности командиров канонерских лодок, этот вопрос не был изжит и в продолжении кампании.

Наиболее важный для всякого флота вопрос связи кораблей между собой и кораблей с берегом был не разработан; сигналопроизводства не было и в помине, и связь между кораблями осуществлялась при помощи мегафона.

В таком же положении находилась флотилия и во всех других отношениях, начиная с самого крупного и кончая мелочами. Всюду сквозило отсутствие опытной направляющей руки, схематичности и планомерности.

В течение кампании 1919 г., несмотря на непрерывные бои и отсутствие технических средств, было сделано все возможное для исправления допущенных ошибок, но работа по реорганизации флотилии была не закончена и для ее полного осуществления требовалась самая широкая помощь центральных морских учреждений.

Главное внимание при реорганизации флотилии было обращено на устройство и оборудование в Котлаге тыловой базы. Существовавшая там база снабжения была развернута в военный порт, приступлено к постройке мастерских и складов, к улучшению порядка снабжения флотилии всем необходимым. Штабы, существовавшие первоначально только на бумаге, постепенно были превращены в работоспособные органы.

Почти все суда за лето были перевооружены более крупной артиллерией и вновь было оборудовано три канонерских лодки: «Труд», «Усть-Сысольск» и «Роза Люксембург».

Отчасти был разрешен вопрос о судовой связи путем укомплектования всех судов сигнальщиками и снабжением их средствами сигнализации.

К осенней кампании флотилия была уже в значительной степени реорганизована и представляла несомненно более серьезную боевую силу, нежели в начале кампании. Кампания 1919 г. дала много опыта для организаций речной военной силы, и предстоявшая зимняя работа требовала массу сил и энергии, чтобы превратить флотилию в регулярную воинскую часть и уничтожить те признаки чисто штатского характера, каковые имелись налицо.

Схема связи с фронтом и центром¹. В условиях речной войны, где флотилия играет одну из главных ролей, вопрос о связи флотилии с армией получает громадное значение.

На Северной Двине в этом отношении вопрос стоял особенно остро, главным образом ввиду недостатка в компетентных и опытных специалистах. Флотилия, являясь составной частью войск, оперировавших на Северной Двине, представляла вместе с тем — и совершенно иную организацию, требовавшую особых заданий и особых руководящих указаний от центрального военного органа фронта, каковым являлся штаб VI армии. Отсюда ясна была необходимость иметь при штабе армии консультантов по морским вопросам.

Таким консультантами в кампании 1918 г. был военный моряк Мякишев, а в кампании 1919 г. — военный моряк Селитренников. Помимо штаба VI армии, флотилия была подчинена в оперативном отношении начальнику Северо-Двинского района, но в штабе района морских специалистов не имелось, и это обстоятельство отчасти сыграло роль в том, что от начальника района часто исходили приказания самого нелепого, с морской точки зрения, свойства. Недостаток специалистов во флотилии не давал возможности командировать кого-либо для связи в штаб района, и до конца кампании этот вопрос оставался открытым.

¹ Дело М.Н.К. №275/33, с. 57. Доклад Комфлота Варваца.

В сентябре 1919 г. флотилия перешла в оперативное подчинение дивизии и явилось действительно необходимым иметь представителя в штабе дивизии, что и было выполнено.

Существовавшая в течение кампании система связи с армией была крайне неудовлетворительна в силу того, что Морское отделение при штабе VI армии играло роль исключительно справочного и осведомительного бюро, самостоятельного, авторитетного и решающего голоса морские специалисты не имели, так как они являлись рядовыми чинами штаба армии, но не представителями флотилии. В ноябре штабом командующего Морскими силами была предложена новая схема связи с армией, согласно которой морские специалисты при штабах армии и дивизий являлись представителями флотилии, обязанными защищать точку зрения морского командования. Однако штаб армии высказался против такой организации связи, приводя целый ряд мотивов. Опыт двухлетней кампании, однако, достаточно ясно показал необходимость связи флотилии с армией, именно по схеме, предложенной штабом командующего морскими силами.

Что касается связи флотилии с центральными морскими учреждениями, то в этом отношении царила полная неопределенность и невыясненность. Флотилия во всех отношениях была подчинена штабу VI армии и должна была, казалось бы, по всем вопросам сноситься через штаб VI армии, но на этот случай имелось распоряжение Главнокомандующего, разрешавшее по всем вопросам специального характера сноситься непосредственно со штабом командующего морскими силами.

Флотилия вся в целом, начиная от мелочей и кончая самым крупным, представляла совершенно особый и строго специальный род оружия.

Было время, когда армия снабжала суда орудиями, снарядами и продовольствием; позднее, в кампании 1919 г., Морское ведомство приняло на себя почти все снабжение флотилии, исключая продовольствие и

медикаменты, которыми ее продолжала снабжать армия, но снабжала настолько неудовлетворительно, что командование флотилией приняло все меры к тому, чтобы в этих вопросах зависеть также от Морского ведомства.

К концу кампании этот вопрос был разрешен в благоприятном для флотилии смысле и на армию была возложена обязанность снабжения флотилии только пулеметами, винтовками, патронами и т. п., принадлежностями чисто армейского вооружения.

Одновременно, штаб флотилии был загроможден работой по представлению всякого рода справок и сведений в сухопутные штабы, по образцам и формам, для флота непригодным. Относительно средств связи, предоставлявшихся флотилии для сношения с центральными учреждениями, нужно упомянуть, что в кампании 1919 года флотилии не было даже разрешено включить телеграфный аппарат в единственный провод на Северной Двине, связывавший фронт с Вологдой. Провод этот был постоянно занят сухопутным командованием и предоставлялся флотилии в последнюю очередь. Нередко бывали случаи, что телеграмма из Москвы шла дольше десяти суток. Резюмируя вопрос о подчинении и связи с центром и фронтом, командующий флотилией в своем докладе говорит: «Необходимо особенно отметить то, чтобы представители флотилии выслушивались сухопутным командованием, чтобы их голос не был гласом вопиющего в пустыне, как это практиковалось, когда сухопутное начальство почти не считалось с мнением даже комфлота и придавало больше значения голосу какого-нибудь убеленного сединами армейского военначальника, несмотря на свою старость и боевой опыт, впервые сталкивавшегося с морской артиллерией и с морскими способами ведения войны».

III. ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ¹

К началу кампании 1919 г. наши воздушные силы базировались на дер. Пучуга, а затем на дер. Нижняя Тойма. Специально оборудованных аэродромов и ангаров не имелось: аппараты хранились в палатках на берегу, а гидроаэропланы — на баржах, снабженных помостом для спуска на воду. Мастерской и базой служил пароход «Пугачев».

Аппараты наши принадлежали к типам М20, «Спад» VII, «Ньюпор» X, XVII, XXIV и XXV, причем в состав каждого отряда входило 10–12 аппаратов, но число исправных колебалось от 4–5. Из-за неисправности поплавков гидроаэропланов их нельзя было держать при канонерских лодках, что обычно практиковал противник. Неудовлетворительно обстоял вопрос с топливом («смесь») и с вооружением (не

¹ *Михайлов П.* Сравнительное описание и оценка боевой работы неприятельских и наших самолетов за кампанию 1919 г. на Северной Двине//Морской сборник 1922. №5–7. Данные взяты автором из годового отчета флотилии и из вахтенных и флагманских журналов.

имелось заднего обстрела, зажигательных пуль и специальных видов бомб — дымовых, горючих, оскользящих и т.п.).

Полеты наших аэропланов начались 2 мая и продолжались до 14 сентября, т.е. в течение 137 дней, но за это время летных дней было всего 14.

Общее число летавших аппаратов — 40; было сделано 25 полетов, из них с целью разведки — 13, для бомбометания — 4 и для отражения налетов противника — 8.

В течение мая (4, 7, 16, 18, 22 и 26 мая) наши самолеты производили исключительно разведку, с 31 мая по 17 июня — преимущественно защитные полеты истребителей.

После разгрома нашего аэродрома авиацией противника (17 июня 1919 г.) и вплоть до конца кампании было совершено лишь 8 полетов.

Деятельность нашей авиации*

Число летных дней	Число полетов	Число налетов	Число сброшен. бомб
19	40	24	40

Примечание. * Противнику потерь нанесено не было.

IV. СОСТОЯНИЕ СИЛ ПРОТИВНИКА К НАЧАЛУ НАВИГАЦИИ 1919 г.¹

При рассмотрении вопроса об организации сил противника нужно особенно отметить то обстоятельство, что первые сведения о противнике, соответствующие действительности, были получены из Морского генерального штаба. До начала навигации штаб VI армии располагал устаревшими сведениями о судовом составе и вооружении канлодок противника. Это обстоятельство сыграло крайне отрицательную роль во всей зимней организации нашей флотилии. Ни штаб VI армии, ни командование флотилией не предусмотрели того простого обстоятельства, что противник, владея морем, совершенно свободно мог перебросить для операций на Двине специально оборудованные военные речные суда. Предполагалось, что у противника будет действовать, по примеру навигации 1918 г., флотилия из вооруженных пароходов, оборудованных на аналогичных с нашей флотилией основаниях. Первые же

¹ Дело М.И.К. № 275/33, с. 61. Доклад Комфлота Варваца.

Английская речная Северо-Двинская

Наименование и год спуска	Водоизмещение (при полной нагр.), тонн	Скорость хода (наиб.), узл.	Артиллерия
Мониторы			
«M23», «M25» (1915)*	540	12	1–7,5'' (нос.), 2–3'' противоаэр., мелк. кал. 2 пулем.
«M27» (1915)	540	12	1–4,7'', 3–4'' противо- аэр., 2 мелк. кал. 2 пулем.
«M31», «M33» (1915)	535	10	2–6'', 1–3'' противоаэр.
Броненосные канонерские лодки			
«Humber» (1913)**	1260	12	3–6'' (2 из них в носов. башне), 2–4,7'' гауб., 1 мелк. противоаэр.
Речные канонерские лодки			
«Cockchafer», «Cicala», «Cricket», Glowworm» (1915–1916)	645	14	2–6'', 1–3'' противо- аэр., 1 мелк. кал.
Тральщики			
«Step Dance», «Sword Dance», «Fandango» (1917–1919)	265	10	1 противоаэр., мелк. кал.

Примечания. * По сведениям «Encyclopedia Britannica», в состав флотилии входил также монитор M26, но в операциях он, по-видимому, не участвовал.

** Бронированная верхняя палуба, пояс (2''), башня и боевая рубка; строилась для Бразилии.

Флотилия в 1919 г.

Запас топлива, тонн	Мощность механизмов, I.H.P.	Длина (наиб.), ф.	Ширина (наиб.), ф.	Углубление (наиб.), ф.	Экипаж
25—28 (нефть)	640 (Болиндер)	170	31	6	67—82
—	То же	»	»	»	»
45 (нефть)	400 (тройн. расш.)	170	31	6½	75
187 (уголь) 90 (нефть)	1450 (тройн. расш.)	266	49	5¾	—
35 (уголь) 65 (нефть)	2000 (тройн. расш.)	237½	36	4	53
40 (нефть)	450	130	27	3½	26

бои показали всю ошибочность этого мнения и обнаружили наличие у противника речных военных судов, присланных из Англии. На основании данных разведки, агентурных сведений, расспросов пленных и личных

наблюдений было установлено, что у противника к началу кампании находилось на Северной Двине 4 канонерские лодки и два монитора — все суда специально военной постройки, пришедшие в Архангельск осенью 1918 г. В течение зимы происходило их вооружение и оборудование на судостроительном архангельском заводе. Судя по боевой деятельности этих судов, они безусловно были вполне оборудованы для операций на Северной Двине.

Обладая несколько большей осадкой, нежели этого допускала глубина реки в районе действия противника у Троицы, особенно в летние мелководные месяцы, флотилия противника была стеснена в маневрировании, что, однако, широко искупалось прекрасным оборудованием этих судов и наличием всех средств для успешной стрельбы по берегу и невидимой цели.

Первоначально в состав английской флотилии входили 4 речные канонерские лодки: «Cockchafer», «Cicala», «Cricket» и «Glowworm» и два монитора: M23 и M25.

Все перечисленные суда перешли в Архангельск еще осенью 1918 г., перезимовали и в начале мая 1919 г. появились на фронтах, участвуя в боевых операциях под начальством командера Грина. В начале июня к английской флотилии присоединились пришедшие из Англии бронированная канлодка «Humber» и мониторы M27, M31 и M33.

Кроме перечисленных судов в состав флотилии входили моторные катера, тральщики «Fandango», «Sword Dance», «Step Dance», судно «Vorodino» (на котором держал свои брейд-вымпел командующий флотилией), 6 быстроходных моторных катеров, вспомогательное судно «Hauderabad», госпитальное судно, баржи и др. плавучие средства.

С 3 июля 1919 г. в командование флотилией вступил кэптэн Альтхэм.

Кроме того, в распоряжении английского морского командования находились еще следующие суда:

Речная флотилия на Северной Двине:

- 1) 2 канлодки с английской командой (бывшие пароходы «Разлив» и «Адвокат»),
- 2) санитарный пароход «Курьер»,
- 3) пароход «Вятка» (буксир),
- 4) пароходы «Вьюн» и «Наследник» и еще 4 парохода,
- 5) пароход № 25 (одно мелкокалиберное орудие),
- 6) баржа с одним 6-дюймовым орудием,
- 7) санитарный пароход «Вологжанин»,
- 8) плот с одним 6-дюймовым орудием,
- 9) пароход «Петр Великий» — два 37-мм орудия,
- 12 автоматических ружей, команды 50 человек,
- 10) пароход «Олечка» (бывший тральщик, невооруженный),
- 11) пароход «Опыт» — 6 легких орудий,
- 12) пароход «Ретвизан» (штабный, с радиостанцией),
- 13) три плота (на каждом по одному 6-дюймовому орудью).

Речная флотилия на р. Печоре:

- 1) Пасажирские пароходы «Александр» и «Михаил»,
- 2) буксиры «Москва» и «Урал» (30 сил), «Заря» (45 сил) и один буксир (15 сил),
- 3) буксиры «Михаил» (60 сил) и один слабый буксир,
- 4) пароход «Мезень» (30 сил),
- 5) пароход «Ванька», винтовой катер и еще два катера по 15 сил,
- 6) пароход «Красноборск» — 15 сил,
- 7) 10 барж.

Транспортная флотилия. Все торговые речные суда были мобилизованы для нужд военного транспорта. Управление транспортом, как речным, так и морским,

было сосредоточено в одних руках. В отличие от нашей системы организации водного транспорта сухопутные части противника не имели в своем распоряжении никаких судов, кроме катеров связи. Подвоз продовольствия, переброска войск возлагались на управление водного транспорта, находившееся в Архангельске. Противник крайне нуждался в транспортных судах и был в этом отношении настолько стеснен, что пассажирского движения во все время кампании на Северной Двине не существовало. Флотилия противника обладала крайне незначительным количеством транспортов, имея все свои склады исключительно на баржах и заменяя для посылок буксиры катерами.

База гидроаэропланов находилась на так называемом «гидроаэропланном» острове. О порядке подчинения и внутреннем устройстве флотилии, о взаимоотношениях ее с армией — точных и определенных сведений не имелось. Из показаний пленных было установлено, что флотилия не была подчинена начальнику группы войск, оперировавших по берегам Северной Двины, но действовала с ними совместно.

V. ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ ПРОТИВНИКА¹.

Б елогвардейцы при содействии англичан оборудовали в Двинском Березнике прекрасный аэродром и ангары, рассчитанные на 40 аппаратов. Деятельность неприятельской авиации за кампанию 1919 г. выясняется из рассмотрения следующего.

Число летных дней — 100

Число полетов — 347

Число сброшенных бомб — 1325

Нанесенные потери:

убито — 21

ранено — 60

	Уничтожено	Повреждено
Аэропланов	2	10
Судов	—	11
Плав. батарей	1	—
Катеров	1	—

¹ *Михайлов П.* Сравнительное описание и оценка боевой работы неприятельских и наших самолетов за кампанию 1919 года на Северной Двине//Морской сборник. 1922. №5—7. Данные взяты автором из годового отчета по флотилии и из вахтенных и флагманских журналов.

VI. БАЗЫ ПРОТИВНИКА¹.

Главной базой противника был Архангельский военный порт.

Англичанами принимались все меры к оборудованию и расширению этого порта, который являлся не только базой речной флотилии, но также и морских судов, о числе и вооружении которых точных сведений не имелось. Промежуточной базой у противника был Двинский Березник — 14 верст ниже устья р. Ваги. Двинский Березник одновременно являлся укрепленным пунктом для обороны устья Ваги. Специального оборудования для вооружения и ремонта судов в Березнике не было. Имелись непроверенные сведения о наличии у противника плавучей базы, состоявшей помимо целого ряда барж с запасами снарядов и продовольствия из небольшой плавучей мастерской для текущего ремонта, и нескольких плавучих кранов. Помимо укрепленной базы в Двинском Березнике, противник имел незначительные склады продовольствия и топлива

¹ Дело М.И.К. № 275/33, стр. 62. Доклад Комфлота Варваца.

у устьев рек Шужега (Жужега), Пянда и Морж. Все упомянутые базы были оборудованы противником в течение зимы 1918 года и были вполне готовы к началу навигации. О порядке снабжения баз точных сведений не имелось.

В Архангельске же у неприятеля происходило обучение личного состава судов, практические стрельбы и испытания вновь вооруженных судов. Получив при занятии города в 1918 г. почти в полной исправности богатые мастерские и склады Архангельского военного порта, противник в течение зимы расширил и оборудовал все портово-заводские мастерские, предпринял целый ряд шагов по очистке фарватеров от затопленных нами судов и сделал Архангельск центральным портом не только для торговых морских судов, но также и для военных.

VII. ОПЕРАТИВНЫЕ ПЛАНЫ ПРОТИВНИКА НА КАМПАНИЮ 1919 г.

В мае и в июне 1919 г. из Англии прибыли свежие подкрепления сухопутных сил¹, а русские белогвардейские войска получили новую организацию под руководством вновь назначенного главнокомандующего — английского генерала Айронсайда. Эти сухопутные силы должны были при содействии речной флотилии помочь русским белым войскам достичь Котласа для соединения их с фронтом Колчака. Поэтому при начале кампании 1919 г. английское морское командование постановило беречь мелкосидящие канлодки для операций в верховьях Северной Двины и использовать пока возможно прочие суда с большею осадкою, т.е. мониторы и бронированную канлодку «Number».

По ходу операций оказалось, что они представляли большие трудности, и в кон-

¹ Весною 1919 г. английские сухопутные силы состояли из одной бригады, под начальством бригадного генерала Садлэр-Джэксона.

це 1919 г., под влиянием неудач и требований так называемого «общественного мнения» Англии отозвать экспедиционные силы, были разработаны новые оперативные планы, сводившиеся к проведению эвакуации наиболее безболезненно для английских войск и флотилии. Насколько серьезно обстоял вопрос об эвакуации, видно из того, что для руководства ею был назначен один из лучших английских полководцев — лорд Роулинсон.

**VIII. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ФЛОТИЛИИ,
ОТРЯДОВ И ОТДЕЛЬНЫХ СУДОВ
В КАМПАНИЮ 1919 г.¹**

Операции Северо-Двинской флотилии можно разделить на два периода:
I. Период оборонительных действий;
II. Период наступательных действий.

К первому периоду относятся: весь июнь, июль и август месяцы, ко второму периоду — первая половина мая, сентябрь и октябрь месяцы.

Из всех боев и обычных ежедневных перестрелок представляют интерес лишь несколько операций, предпринятых как нами, так и противником в навигацию 1919 г.

Эти операции следующие:

1) наше наступление в мае месяце с целью овладеть береговым укреплением противника у дер. Кургомень;

2) наступление противника с целью овладеть укрепленным районом реки Топсы (Троицкая операция);

¹ Дело М.И.К. № 275/33 стр. 69. Доклад Комфлота Варваца.

3) наступление противника на деревню Городок (на правом берегу) и на деревню Верхнее-Нижнее Сельцо (на левом берегу);

4) наше наступление в сентябре;

5) операции у речки Шипилиха (неудачная попытка овладеть неприятельскими укреплениями у деревни Анисимовской).

Кургоменьская операция

Командованием армией на флотилию возлагались большие надежды, и решительное наступление с целью овладеть городом Архангельском приурочивалось к началу навигации. Одним из главных мотивов, побуждавших армию принять означенное решение, было то обстоятельство, что вскрытие реки у ее устья и в районе боевых действий происходит в разное время, и, таким образом, наша флотилия некоторое время могла действовать совершенно свободно, не имея против себя флотилии противника. Этот вопрос в такой же плоскости рассматривался и командованием флотилией, ввиду чего и предстоявшая оперативная задача овладеть устьем реки Ваги казалась легковыполнимой.

Боевая обстановка. Боевая обстановка на р. Северной Двине к началу навигации представлялась в следующем виде: противник укрепил на правом берегу деревню Кургомень, на левом берегу — деревню Тулгас. Укрепления противника состояли из ряда пулеметных блокгаузов, приспособленных к обороне домов, обнесенных сплошным рядом проволочных заграждений. В деревне Кургомень была установлена тяжелая батарея, состоявшая из двух морских орудий калибром около 6-ти дюймов.

Тыловые позиции противника имелись у села Концгорского и Пантелеевской (Шужега), у устья р. Ваги и у Двинского Березника.

Степень их оборудования выяснена не была. Соотношение сил наших и противника к началу операции выражалось в следующей таблице:

	Штыков	Пуле- метов	Орудий	Сабель	Блок- гаузов
Наши силы:					
Левый берег	570	9	6—9	—	17
Правый берег	610	12	7		17
Резервы	1018	23	18		
Силы противника:					
Левый берег	300	28	2—3		18
Правый берег	600	28	8—9		11
Резервы	Не выясн.		8—9	200	

25 апреля комфлотом Пронским назначен был выход флотилии на фронт, куда она спешно требовалась командующим фронтом, чтобы, поспев ранее прибытия туда флотилии противника, помочь восставшим в расположении противника воинским (русским) частям и начать обстрел укрепленной позиции. Эти расчеты не оправдались.

В тот же день флотилия пришла в Котлас, где суда лихорадочно приступили к пополнению боевых запасов. Здесь уже стояли готовыми к походу канлодки, плавучие батареи, сторожевые суда и транспорты, вооруженные в мастерских затона Лиманда. Однако вниз по Двине спускаться было еще невозможно, так как ниже Котласа в 3 верстах шел сплошной лед из р. Вычегды. Этот лед, как потом оказалось, сыграл очень важную роль в позднем приходе флотилии на фронт.

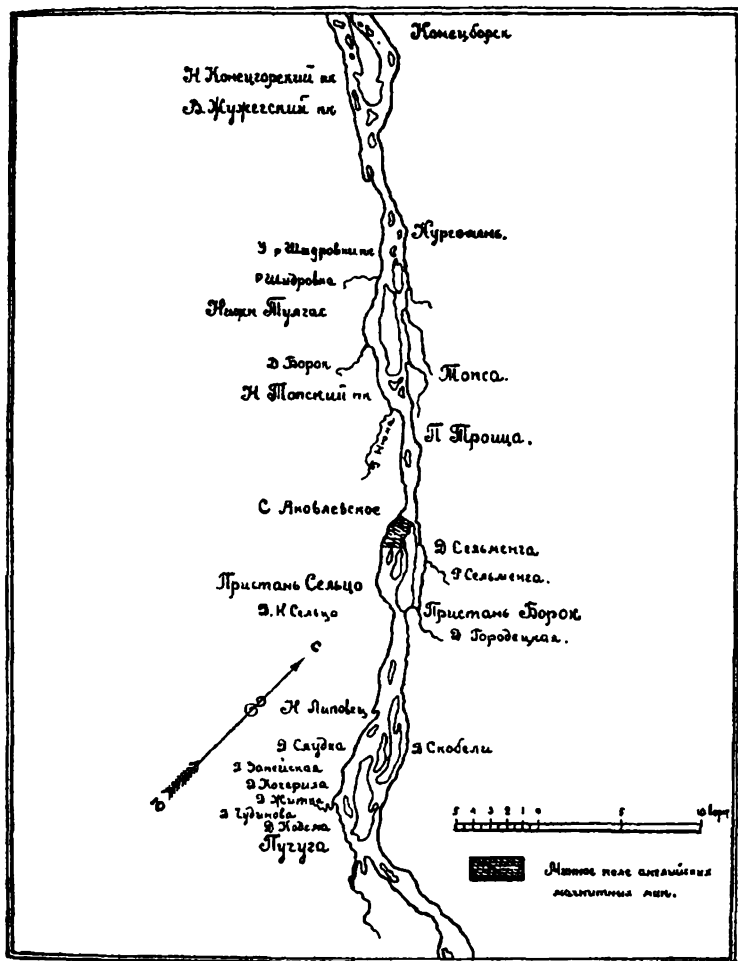

Схема Северной Двины в районе основных операций флотилий

В то время когда двинский лед уже прошел не только в нашем районе, но и в Архангельске, откуда флотилия противника также вышла нам навстречу, вычегодский лед загородил проход нашей флотилии, не давая уйти из Котласа.

С 26 по 28 апреля флотилия тщетно пыталась пробиться через ледяную массу, но неудачно. Попытки эти были оставлены, и командование было принуждено ожидать окончания ледохода.

29 апреля в 17 часов флотилия оставила Котлас. Лед хотя и не прошел окончательно, но уже не шел сплошной массой. Оберегая машины и плицы колес, суда шли малым ходом.

30 апреля в 15 часов флотилия пришла в расположение штаба фронта на левом берегу, где и ошвартовилась у деревни Пучега. В тот же день был получен оперативный приказ (№5) о начале боевых действий флотилии — с противником; согласно приказа диспозиция судов намечалась следующая: канонерские лодки «Павлин Виноградов» и «Карл Либкнехт» с плавучей батареей «№3» («Петроград») на буксире у «Лизогуба» — у деревни Сельцо; канонерские лодки «Коммунист», «Урицкий» и плавучая батарея «№ 1» («Москва») — в устье реки Ньюмы; сторожевые катера «Ковалев» и «Чударев» спустились вниз по течению в дозор.

На флотилию была возложена бомбардировка укреплений противника на правом берегу, не поддававшихся разрушению снарядами сухопутной артиллерии.

Важнейшей целью операции было овладение укрепленными позициями Кургомень и далее — устьем реки Ваги.

Канонерским лодкам была дана задача выйти на линию устья реки Топсы и заставить замолчать огнем судовой артиллерии тяжелую береговую батарею дер. Кургомень. Плавучие батареи должны были занять позицию у дер. Троицкой и огнем своей артиллерии разрушить блиндажи и сделать проход в проволочных заграждениях для атаки пехоты. По окончании артиллерийской

подготовки должно было начаться решительное наступление на обоих берегах. Дер. Тулгас к началу операции была занята нашими войсками, и это обстоятельство давало нам широкую возможность высадки десанта в тылу у противника. Это обстоятельство, однако, не было принято в расчет сухопутным командованием, и флотилия должна была ограничиться только артиллерийской подготовкой.

1 мая на рассвете с судов был открыт огонь. В 6 час. 15 мин. к/л. «Павлин Виноградов» и «Карл Либкнехт», отойдя от берега и спускаясь задним ходом, открыли огонь из кормовых орудий по колокольне дер. Кургомень, где, по сведениям, у противника находился наблюдательный пункт. Противником был открыт огонь из 6-дюймовой батареи, скрытой в блиндажах. К 7 часам орудия на канлодках настолько накалились, что судам пришлось развернуться и продолжать бой из носовых орудий. Развертывание канлодок в дальнейшем ведении боя производилось неоднократно при поддержке плавучей батареи «№1» («Москва»).

В 8 час. 30 мин. противник пристрелялся по канлодкам, но, маневрируя, они избегали попаданий. В колокольню заметно было несколько попаданий. Части Красной армии повели наступление на правом берегу от деревни Топса на дер. Деревенька при поддержке полевой артиллерии. Противник обстреливал наступающих артиллерийским огнем.

В 10 часов огнем канлодок была снесена колокольня церкви и вызван пожар дома, расположенного за церковью, в котором, по показаниям перебежчиков, находился штаб противника и центральная телефонная станция связи.

К 11 часам части Красной армии, заняв нейтральные деревни Слудка, Исаков двор и Березник, подошли к дер. Деревенька. Огонь плавучей батареи «№1» («Москва») был перенесен на дер. Деревенька.

В 14 часов противник, подпустив части Красной армии к дер. Деревенька, открыл сильный ружейный,

пулеметный, бомбометный и орудийный огонь, заставив их отступить.

В 17 часов от усиленного огня на к/л. «Павел Виногорадов» лопнула муфта у головы руля и погнулась палуба, расшатав кормовые крепления. «Павлин Виногорадов» был выведен из боя и направлен к дер. Сельцо для исправления повреждений. «Карл Либкнехт» продолжал обстрел дер. Кургомень. В 17 час. 30 мин. суда прекратили обстрел дер. Кургомень и Деревенька. Противник перенес огонь 6-дюймовой батареи на канлодки «Коммунист» и «Урицкий», стоявшие в устье реки Ньюмы, заставив их без выстрела (из-за малокалиберности их орудий) отойти и стать у дер. Троицы. В 18 час. части Красной армии отошли в исходное положение.

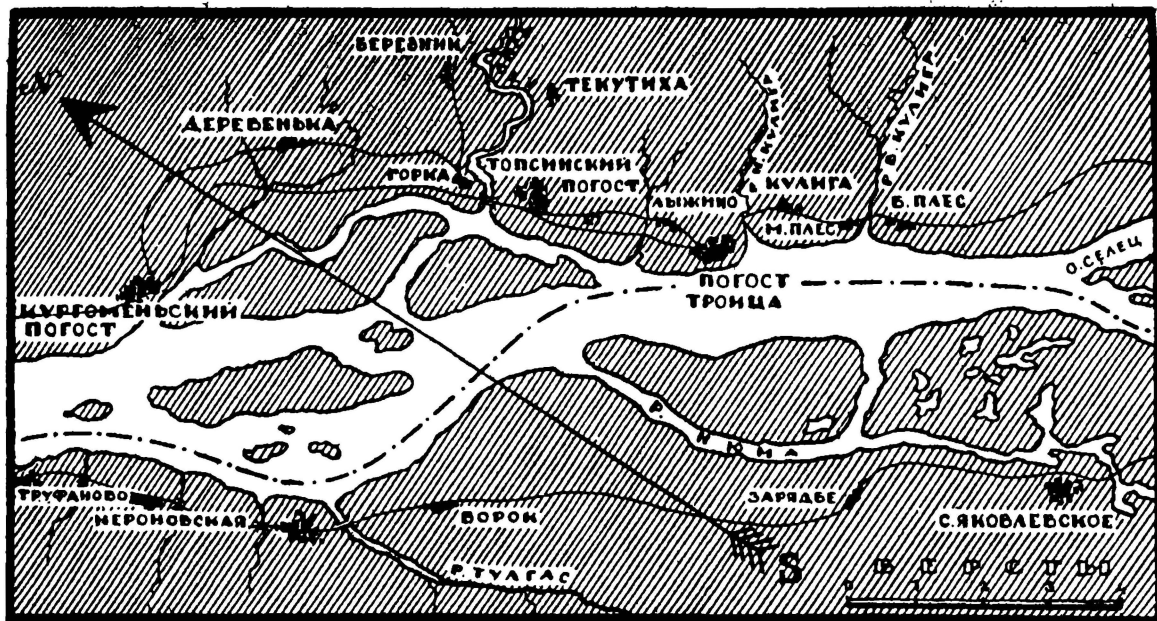
В дозор были высланы канлодки «Коммунист» и «Урицкий» и в разведку — сторожевое судно «Ковалев». Противник продолжал обстрел берега у дер. Троица и фарватер реки. Суда были уведены выше дер. Троица¹.

В результате бой закончился отходом всех частей на прежние позиции.

При обсуждении на совместном совещании представителей флотилии и армии дальнейших действий был поставлен вопрос о необходимости прорыва части судов через линию укреплений противника.

Благодаря наличию у противника сильных укреплений, мало поддававшихся действию наших снарядов в силу плохой меткости и отсутствия опытных артиллеристов, такой способ борьбы был найден большинством участников совещания наиболее приемлемым, но командующий флотилией отказался от этого плана, мотивируя свой отказ тем, что прорыв через укрепления неизбежно связан с потерей судов, что болезненно отзовется на всей дальнейшей операции, и предлагал возобновить наступление после обычной артиллерийской подготовки.

¹ Труд т. Шох. Красная Северо-Двинская флотилия.

Район Кургоменьской операции 1—7 мая 1919 г.
(пунктиром обозначен речной форватер)

2 мая прибыли первые два боевых судна противника. Это обстоятельство заставило отложить наступление до выяснения положения. Последующие бои имели характер бессистемной и бесцельной непрерывной стрельбы наших судов по дер. Кургомень. Время, удобное для развития операции, было потеряно; с каждым днем число судов у противника увеличивалось, и наша флотилия, не сумевшая справиться с береговыми батареями противника, конечно, не в состоянии была выдержать бой с его судами.

Противник ежедневно производил воздушные разведки, сбрасывая бомбы на наши суда. С 6 на 7 мая ночью минным заградителем «Свердлов» было поставлено минное заграждение поперек Двины от устья Ньюмы к мысу Троица¹.

Наши суда и плавучие батареи перешли к положению обороны. До 18 мая боевые действия ограничивались обоюдным обстрелом позиций обоими противниками и налетами гидроаэропланов. 11 мая от разорвавшегося в канале орудия снаряда на плавучей батарее «№2» («Кронштадт») оторвалось тело орудия по казенную часть, и от пламени взрыва, проникшего в трюм батареи, произошел пожар в трюме, где хранилось около 300 снарядов. При разрыве орудия команда батареи была сброшена газами за борт. Пожар был потушен подошедшим сторожевым катером «Ковалев», благодаря самоотверженности артиллериста Помазова, который своим примером, мужеством и распорядительностью повлиял на команду соседних судов, и, таким образом, батарея была спасена от взрыва 300 снарядов.

16 мая на пополнение личного состава судов прибыл батальон моряков, снятый с Шенкурского фронта, прошедший за четверо суток лесными тропами по болотам 75 верст; специалисты были расписаны по судам, а из строевых был сформирован десантный резервный отряд.

¹ Труд т. Шох. Доклад командующего флотилией Варваца гласит, что минное заграждение было поставлено у дер. Тулгас и устья р. Топса.

18 мая канлодки противника¹, а также батареи Кургоменской позиции открыли ураганный огонь по нашим сухопутным укрепленным позициям Тулгаса и одновременно повели наступление своими сухопутными частями. Наши суда открыли огонь по неприятельским канлодкам, заставив их отойти за сферу действительности нашего огня, после чего перенесли огонь по наступавшим частям противника и по Кургоменской укрепленной позиции. Противник, за сферой действительности нашего огня, на баржах и буксирах перевозил с правого берега на левый артиллерию и пехоту.

Противник повел энергичное наступление по левому берегу на дер. Тулгас и артиллерийским огнем зажег ее и близлежащие дер. Бор и Труфановскую, заняв пехотой дер. Карповскую и Б. Улавовскую. Части Красной армии принуждены были оставить горящие деревни. В 22 часа части Красной армии совершенно очистили Тулгасскую укрепленную позицию.

19 мая в 5 ч. 30 мин. неприятельские суда, поднимаясь в строе пеленга от мыса Кургомень, открыли огонь по судам нашей флотилии, сосредоточив огонь по плавающей батарее «Москва» и ее буксиру «Арнгольд». Канлодки «Павлин Виноградов» и «Карл Либкнехт» спустились до деревни Троица и своим огнем отогнали две головных канлодки противника, нанеся им повреждения и вызвав на одной из них пожар. Неприятель, отойдя за пределы досягаемости огня, поддерживал ураганный огонь по плавающим батареям «Москва» и «Туркестан» и по нашим канлодкам.

В 6 час. 15 мин. противник стал засыпать снарядами батарею «Москва» и буксир «Арнгольд», пробив в нескольких местах борт «Арнгольда» и двумя снарядами разбив его правое гребное колесо.

¹ Неприятельская флотилия, под начальством командера Грина, состояла из мониторов М23, М25 и канлодок «Cockchafers», «Cicala», «Cricket», «Glowworm».

Батареем был отдан приказ отступать вверх по Двине к селу Яковлевскому, что и было исполнено под прикрытием канлодок «Павлин Виноградов» и «Карл Либкнехт»¹. Благодаря отсутствию действительной поддержки со стороны нашей флотилии сухопутные части не могли удержаться в дер. Тулгас и под ураганным огнем неприятельской судовой артиллерии отошли на позицию у дер. Зарядье—Яковлевское. Вся операция, так неудачно начатая нами, воочию убедила как сухопутное, так и морское командование в полной неподготовленности нашей флотилии во всех отношениях. Вопрос о наступлении был отложен до приведения в порядок всех частей².

Дальнейшие боевые действия вплоть до Троицкой операции 19 июня носили характер позиционной войны с ежедневными выходами на позиции судов и артиллерийскими состязаниями.

В начале июня, после смерти командера Грина, в командование английской флотилии вступил капитан Альтхэм. К этому времени флотилия усилилась прибывшими из Англии мониторами М27, М31 и М33 и броненосной канлодкой «Humber», а речные канлодки поочередно попутно направлялись в Архангельск для ремонта.

4 июня прибыли и 5 июня вступили в исполнение обязанностей вновь назначенный командующий флотилией военный моряк Варвацци и начальник штаба флотилии — военный моряк Е. Престин.

17 июня в 6 ч. 25 мин. 11 воздушных аппаратов противника произвели налет на наш аэродром. Быстро снижаясь, аппараты сбрасывали бомбы на аэродром и обстреливали его из пулеметов. Ангары загорелись раньше, чем аппараты успели подняться. Несмотря на то что канлодки и сторожевые катера открыли по аппаратам противника интенсивный огонь, он успеха не имел,

¹ Труд т. Шоха.

² Доклад Варвацци. Д.М.И. №275/36.

и противником были частью повреждены, частью уничтожены 11 аппаратов и все походные ангары, т.е., иначе говоря, весь воздушный флот наш был выведен из строя. Уничтожив наш воздушный флот, противник получил полное господство в воздухе. Английское командование придавало большое значение своей воздушной победе¹. Разбирая совершенно беспристрастно причины разгрома нашей авиации, должно сказать, что это поражение было неизбежно, и вопрос был только во времени. Англичане имели лучшие аппараты, прекрасный состав смелых и отчаянных летчиков и — самое важное — громадный запас чистого бензина. наших летчиков надо считать героями уже только потому, что они отваживались летать на таком суррогате топлива, как «казанская смесь»; аппараты, присылаемые на пополнение, требовали полной переборки и пригонки всех частей; механики работали буквально дни и ночи, и, несмотря на это, готовых к действию аппаратов редко бывало больше двух.

¹ Дело М.И.К. 275/36, стр. 74.

IX. НАСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВНИКА НА УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН ТОПСА (Троицкая операция)

В результате Кургоменьской операции наши сухопутные части заняли позиции у деревни Яковлевская по левому берегу и по линии реки Топса на правому берегу. Наша флотилия задержалась на линии Троицкое—Яковлевское. Согласно директив командующего VI армией, основной задачей войск района и флотилии было: удерживать во что бы то ни стало занятое положение и деятельно готовиться к переходу в наступление, когда это будет признано необходимым по условиям боевой обстановки.

Краткое описание позиций. Головные позиции, занятые нашими войсками, не вполне отвечали требованиям обороны, так как свобода маневрирования войск сильно была стеснена площадью лесов, подходивших к самим позициям. При наличии просек и лесных троп вполне был возможен обход позиций противником. В техническом отношении позиции были оборудованы настолько, что давали возможность оказать сопротивление.

Позиции флотилии. При оценке позиций флотилии существовало разногласие между командованием флотилии и командованием армией. Армия считала позиции флотилии в указанном районе вполне удовлетворительными благодаря наличию островов, дающих укрытие флоту, и ширине фарватера, удобной для маневрирования. Командование же флотилией считало эти позиции только удовлетворительными, указывая главным образом на то, что благодаря малой глубине суда не могли становиться вблизи островов.

К положительным качествам позиций флотилии надлежало отнести поворот реки в этом месте, приглубый левый берег на протяжении около версты, допуская стоянку судов, выгодное очертание берега, позволявшее вести огонь со всех орудий плавучих батарей.

К отрицательным качествам относились: отсутствие места стоянки для судов, укрытого от наблюдения противника, слишком большое расстояние от флотилии до наших передовых позиций, вследствие чего канлодки противника совершенно безнаказанно обстреливали сухопутные позиции, и слишком большое расстояние от батарей до наблюдателей в силу чего связь, проходившая в сфере огня противника, постоянно нарушалась.

Позиции флотилии противника. Позиции противника (в составе брон. канлодки «Humber», мониторов М27 и М33 и речных канлодок «Cockchafer» и «Glowworm») были более удовлетворительными. Наличие островов у дер. Кургомень, с высокими приглубыми берегами, вне видимости наших наблюдательных постов, обеспечивали неприятельскому флоту прекрасную стоянку. От реки Шидровки и выше противник мог видеть место стоянки наших судов, что давало ему возможность пользоваться прямой наводкой, корректируя огонь с гидроаэропланов. Установленная в деревне Кургомень тяжелая батарея служила надежным прикрытием для флота и не допускала нас занять более выгодные позиции у дер. Троицкая.

Подготовка к операции. Поставив главной задачей овладение укрепленным районом р. Топса, противник

начал деятельно готовиться к операции. Соотношение сил наших и противника видно из прилагаемых таблиц.

Наши сухопутные силы

	Штыков	Пулеметов	Орудий	Бомбометов	Сабель	Автоматов
Левый берег	1320	17	4	3	—	9
Правый берег	1191	13	9	2	—	6
Резервы	2050	17	—	2	—	10
Итого	4561	47	13	7	—	25

Сухопутные силы противника

	Штыков	Пулеметов	Орудий	Бомбометов	Сабель	Автоматов
Правый берег	2600	120	9	18	200	Неизв.
Левый берег	1700	24	10	Неизв.	200	—
Резервы	4000	—	—	—	—	—
Итого	8300	144	19	18	400	Неизв.

Несмотря на очевидный перевес сил противника, командующий флотилией, опираясь на агентурные сведения о разложении среди войск противника и на увеличение нашей флотилии (вступила в строй батарея

«№6»¹), упорно настаивал на переходе к активным действиям. Мнение комфлота не поддерживалось сухопутным командованием, полагавшим переход к наступлению совершенно несвоевременным и указывавшим главным образом на превосходство сил противника, и особенно его флотилии. Целый ряд следовавших один за другим боев показал ошибочность мнения комфлота. Решительному наступлению противника предшествовал целый ряд боев между флотилиями, имевших характер артиллерийских дуэлей. Очевидно, противник пытался сбить нашу флотилию с занимаемой позиции и тем обеспечить самое широкое поле деятельности для своих судов. Решающего значения ни один из этих боев не имел. Наша флотилия успешно отражала все попытки противника продвинуться вверх по реке.

Наступление противника 19 июня. Получив возможность совершения безнаказанной воздушной разведки и постоянного наблюдения за передвижениями наших частей и судов, противник 19 июня начал подготовку к наступлению. Уже ночью его тяжелая береговая артиллерия и суда начали громить наши позиции. Разведка, высланная с востока от дер. Текутиха, обнаружила в 12 верстах от устья р. Топса недавно сделанную просеку и хорошо расчищенную дорогу. Агенты нашей разведки видели в лесу английский телефонный провод, шедший к нашим позициям. Около 14 часов артиллерийский огонь противника усилился, часть его флотилии в составе 3 судов начала подниматься вверх по реке и вступила в бой с нашими судами и батареями. Со стороны противника в операции участвовала канлодка «Соскшафер», успешно пробивавшаяся сквозь узкость у Кургомени, канлодка «Glowworm», мониторы М27 и М33 и бронированная канлодка «Humber». Сосредоточенный огонь наших плавучих батарей, корректируемый с наблюдательного поста, заставил неприятельскую

¹ Впоследствии вступила в строй плав. батарея «№7» («Бавария»), вооруженная двумя 130-мм орудиями.

Судовой состав нашей флотилии

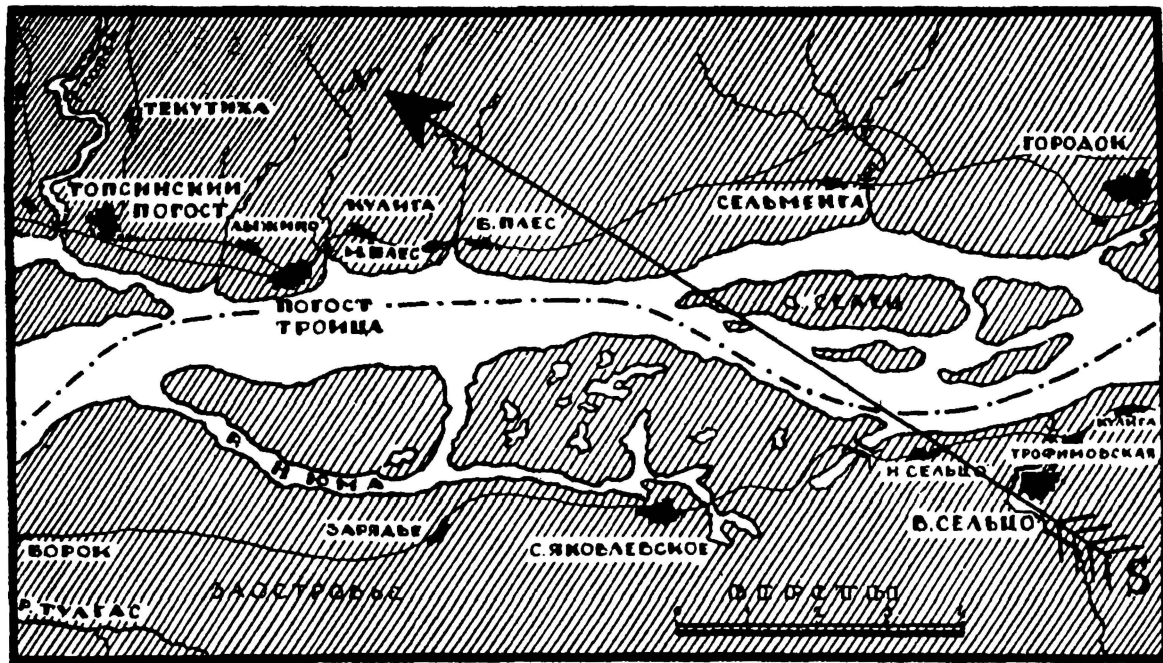
Названия	Вооружение	Состояние к концу операции
Вооруженные пароходы		
«Карл Либкнехт»	2–100-мм	Выбыло из строя кормовое орудие
«Роза Люксембург»	2–100-мм	20 пробоин выше ватерлинии
«Коммунист», бывш. «Клакстон»	2–75-мм	В носовом отделении 6 надводных пробоин, поврежден холодильник
«Володарский»	2–75-мм	От осколков вышло из строя кормовое орудие
«Урицкий»	2–75-мм	Носовое отделение – 4 надводные пробоины
«Арнольд»	1–75-мм	Без изменений
«Частник»	1–75-мм	Без изменений
Вооруженные баржи (передв. с пом. буксиров)		
Плавуч. батарея №1 «Москва»	2–6''	Без изменений
» №4 «Туркестан»	2–6''	Без изменений
» №5 «Канск»	2–6''	Взорвана бомбой противника
» №6 «Венгрия»	2–130-мм	Выбыла из строя из-за выгорания в канале орудия

флотилию отойти в исходное положение. Потерпев неудачу, противник в 21 час. 30 мин. снова возобновил попытку сбить нашу флотилию с занимаемой позиции.

Одновременно 4 самолета противника атаковали наши суда и батареи. Несмотря на сильный огонь противозенитной артиллерии и пулеметов, аппараты снижались до 300 метров, т.е. на высоту ясной видимости летчиков. Впервые были сброшены бомбы большой разрушительной силы, делавшие в твердом глинистом грунте воронки диаметром около 2-х саженей и глубиной в одну сажень. Одна из сброшенных бомб попала в плавающую батарею «№5» («Канск»), вызвав пожар и взрыв снарядов. Команда батареи успела выскочить на берег, и дело обошлось без человеческих жертв. Отбуксированная на мелкое место, батарея затонула и была впоследствии при отходе нашей флотилии взорвана. Все же совместная атака самолетов и судов противника успеха не имела, и он вынужден был отойти в исходное положение. Боевая обстановка требовала напряжения всех сил для борьбы с флотилией противника и заставляла в любой момент быть готовыми к сосредоточению всего огня судовой артиллерии только по флотилии противника, отодвигая обстрел береговых батарей на задний план.

Несмотря на такое серьезное положение для флотилии, от сухопутного командования (в лице временного командира бригады) поступали категорические приказания и требования обстрела береговых батарей и отдельных не имевших крупного значения целей. Возражения командующего флотилией, что одновременный огонь по нескольким целям, тем более по сухопутным батареям, хорошо замаскированным, приведет к напрасной трате снарядов, рассеиванию огня и потере меткости, сухопутным командованием не принимались во внимание, и приказания о переносе огня с судов на берег подтверждались. Это обстоятельство должно быть отмеченным, как факт вмешательства сухопутных начальников в детали операции. В результате боев 19 июня флотилия потеряла батарею «№ 5», но командование флотилией не придавало серьезного значения этому факту и считало, что бои 19 июня дают право рассчитывать на успешную борьбу с флотилией противника и в дальнейшем.

Совершенно иначе представляло себе создавшееся положение сухопутное командование. Командующий бригадой считал, что наша флотилия не сможет выдержать боя с противником, и требовал постановки минного заграждения. При обсуждении вопроса о целесообразности постановки минного заграждения командование флотилией заявило, что до тех пор, пока наши части смогут удерживать за собой дер. Топса, наблюдение за флотом противника обеспечивается наличием удобных наблюдательных постов; если эти позиции удержать нельзя, необходимо это знать заблаговременно, чтобы успеть поставить минное заграждение без вреда для нашей флотилии. Постановка минного заграждения во время боя при тогдашних условиях являлась нецелесообразной и только стесняла бы свободу маневрирования. Сообщая свое мнение о минных заграждениях, командование флотилией требовало ясного ответа на вопрос относительно устойчивости положения. Никаких сведений о положении на берегу флотилии дано не было, а 20 июня было дано категорическое приказание о постановке минного заграждения. Артиллерийская подготовка, начатая противником в ночь на 19 июня, продолжалась с небольшими перерывами круглые сутки. 20 июня около 5 часов утра противник обходным движением занял дер. Текутиху, захватил легкую полевую батарею и окружил наши части, занимавшие позиции по левому берегу реки Топса; одновременно другая обходная колонна противника атаковала деревню Плес. О происходивших на берегу изменениях боевой обстановки командование флотилией своевременно не было поставлено в известность, и потеря наблюдательных пунктов в дер. Топса оказалась для флотилии совершенно неожиданной. В связи с новой боевой обстановкой командующий бригадой приказал открыть флоту огонь по подступам к дер. Плес и по району реки Топса. Указания командующего флотилией на необходимость иметь в готовности флотилию для отражения возможной атаки неприятельских судов не

Район Троицкой операции 20 июня 1919 г.
(пунктиром обозначен речной форватер)

были признаны достаточно обоснованными, и приказание о сосредоточении огня всех судов по берегу было подтверждено. Противник, разбив наши части и заняв укрепленный район реки Топсы, без сопротивления занял дер. Троица, получив в свои руки прекрасный наблюдательный пункт. Одновременно с занятием Троицы три канлодки противника и пять самолетов атаковали нашу флотилию. Открыв заградительный огонь по фарватеру у деревни Нижнее Сельцо, неприятель начал быстро подниматься вверх, развив энергичный огонь по нашим плавучим батареям и заставив их отойти к дер. Нижнее Сельцо. По категорическому приказанию командующего бригадой было поставлено минное заграждение на 4 версты ниже деревни Нижнее Сельцо. Огонь судовой артиллерии противника препятствовал постановке заграждения у дер. Плес, которое надлежало поставить при условии отхода наших судов на позиции к реке Сельменга. Командующий флотилией протестовал против столь поспешной и необоснованной постановки, но его протесты были оставлены без последствий.

В 14 часов морским десантным отрядом, составлявшим бригадный резерв, была занята дер. Троица и противник был лишен удобного наблюдательного пункта. Создавалась вполне благоприятная обстановка для того, чтобы флотилия вернулась на прежние позиции, но столь поспешно и нерационально поставленное заграждение уже не допускало этой возможности, и совершенную ошибку исправлять было поздно. Командующий бригадой своим приказанием о постановке заграждения всецело принял на себя всю ответственность за исход речной операции и с этого момента фактически сделался комфлотом. То, что сухопутное командование совершенно не учитывало последствий своих распоряжений по флоту, очевидно из дальнейшего хода операции: потеряв возможность продвинуться вперед, флотилия с занимаемой позиции не могла обстреливать неприятельские суда и его береговые батареи, и тем не менее от командующего бригадой поступа-

ли непрерывные приказания, начинавшиеся стереотипной фразой: «Комбриг приказал открыть огонь» по дер. Кургомень, Топса, Плес, Троица, канонеркам противника, по разведке, по обозу и т.д.¹

Конечно, о планомерном и правильном развитии операции не могло быть и речи. В результате полученных приказаний в самый критический момент наши суда стреляли по Топсе и Плесу, а противник, сосредоточив огонь своей флотилии по нашим судам, сбил нас с занимаемой позиции. Минное заграждение у дер. Сельцо, выставленное по категорическому приказанию сухопутного командования в момент боя, привело к потере позиции не только у дер. Яковлевская, но и у реки Сельменга, где наши суда не могли удержаться вследствие отсутствия свободного маневренного пространства. В довершение всего, в 21 час. 30 мин. отдан был приказ об открытии ураганного огня по деревне Топса, так как предполагалась контратака нашей пехоты. Неоднократные указания командования флотилии на крайний износ пушек, на недостаток снарядов и беспочвенность стрельбы — вызывали лишь распоряжения об усилении огня. Стрельба не прекращалась в течение ночи, а в 10 часов утра 21 июня отдан был приказ частям об отходе на новые позиции у деревень Сельцо — Сельменьга. Без всякого предварительного совещания с комфлотом отдан был приказ о постановке минного заграждения до реки Сельменьга включительно. Этим заканчивается Троицкая операция.

Вследствие неправильного использования флотилии как оружия борьбы мы потерпели поражение. Почти все суда флотилии получили повреждения. На всем протяжении от дер. Сельцо до деревни Слуда не было удобной для флота позиции. Узкий извилистый

¹ Дело М.И.К. № 275/33, стр. 77. Командующий флотилией далее говорит: «В этой картине нет преувеличения; это факты, которые могут подтвердить все участники боев 19 июня».

фарватер, малая видимость благодаря поворотам реки, отсутствие свободного пространства для маневрирования не давали возможности использовать канонерки как оружие борьбы. Плавучие батареи, на которые переносился весь центр тяжести обороны реки, требовали крутых обрывистых берегов для стоянки и извилистого берега для возможности стрельбы одновременно из обоих орудий. Ни одному из этих условий позиция у деревни Сельцо не удовлетворяла. В результате упорных боев с канлодками противника, прикрывавшими работу тральщиков, флотилия шаг за шагом уступала позиции и 28 июня отошла к деревне Слудка.

27 июня канлодка «Cricket», имея на борту начальника флотилии и командующего бригадой, прорвалась к Троице. На следующий день за ней последовали остальные суда неприятельской флотилии и транспорты. Во время боя (по английским данным) монитор М33 получил попадание в корму. Июньские бои поставили на очередь вопрос о срочном создании канонерских лодок с дальнобойной артиллерией, могущих конкурировать с канлодками противника. Флотилия, в бывшем ее составе, при отсутствии удобных позиций, была признана недостаточной для обороны реки, и был поставлен целый ряд минных заграждений с целью задержать возможное продвижение флота противника. Позиция у деревни Слудка дала возможность нашей флотилии при наличии минных заграждений довольно успешно оборонять реку, несмотря на явное превосходство сил противника.

Х. НАСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВНИКА В АВГУСТЕ 1919 г. НА ДЕРЕВНИ ГОРОДОК (ГОРОДЕЦКАЯ) И В. СЕЛЬЦО¹

З аняв 21 июня линию реки Топса, противник заставил наши части отойти на позицию линии реки Сельменга — на правом берегу и деревни Сельцо — на левом берегу. Позиции были достаточно оборудованы и давали возможность удерживаться на них при условии содействия нашей флотилии. Противником предприняты были тральные и землечерпательные работы, во время которых два тральщика («Fandango» и «Sword Dance») взорвались на минных заграждениях. Конечно, наш флот всячески старался противодействовать этим работам. Удалив минное заграждение у устья реки Топса, флотилия противника продвинулась к деревням Троицкая и Плес. По агентурным сведениям, противник намеревался в ближайшее время перейти в наступление, для чего сосредоточивал значительные силы в деревне Кургомень. Далее флотилия противника начала настойчиво,

¹ Дело М.И.К № 275/33, стр. 85. Доклад комфлота Варваца.

несмотря на наше сопротивление, тралить фарватер до деревни Плес. Выяснившаяся в июньских и июльских боях слабость нашей флотилии (благодаря отсутствию достаточно хорошо оборудованных и приспособленных к речной войне судов, слабости наших канлодок в сравнении с канлодками противника) и малая подвижность наших плавучих батарей в сравнении с его быстроходными и поворотливыми судами, а также слишком большое расстояние от передовых позиций, вследствие чего наша флотилия не могла оказать действительной поддержки сухопутным частям (удержаться же без поддержки флотом на позициях было невозможно), выдвинули необходимость создания для флотилии позиции, укрытой от непосредственного наблюдения неприятеля и защищенной огнем дальнобойных орудий от огня его судов. Такую позицию в силу совместных действий флота и армии надлежало приурочить к одной из укрепленных пехотных позиций, при условии удобства маневрирования судов в данном районе. Из обследований всех укрепленных пунктов на берегах реки единственно удобной позицией, требовавшей, однако, большого оборудования, была признана позиция у деревни Рубежи (100 верст ниже Котласа)¹. Для ее укрепления и оборудования были приняты соответствующие меры. Одновременно было приступлено к вооружению двух канонерских лодок 130-мм артиллерией².

¹ У Рубежей было оборудовано заграждение реки С. Двины. Для заграждения утоплено 70 полулодок и барж, левый рукав загражден совершенно, в правом оставлены ворота, вблизи которых установлены три баржи, назначенные для затопления на случай необходимости полного заграждения реки. Все баржи закрыты водой, за исключением 2–3, расположенных в стороне от заграждения и выступающих над поверхностью воды. На острове, разделяющем реку на два рукава, заложено пять основательных каземетов; кроме того, из баржи сооружен один «плавучий» каземет. Для взрыва установлена минная станция.

² Установка дальнобойной артиллерии на наших канлодках заставила неприятеля отправить часть своих

Противник же усиленно готовился к наступлению. В происходивших почти ежедневно боях между флотилиями он неоднократно наносил нашим судам серьезные повреждения. Самолеты противника кроме глубоких разведок ежедневно по несколько раз производили налеты на наши суда и батареи. Команда судов от этих беспрестанных налетов, доходивших до десятка и больше в день, была постоянно в нервном напряжении. Отсутствие снарядов к противоаэропланным пушкам делало эти налеты для противника совершенно безнаказанными. Текущая работа штабов совершенно дезорганизовывалась этими непрерывными налетами воздушных сил неприятеля.

8 июня наши пехотные части перешли в наступление по правому берегу и временно заняли дер. Сельменьгу. Поводом к наступлению послужил переход к нам 126 перебежчиков, сообщивших о восстании в полку имени капитана английской службы Даэра. Ими было указано, что весь командный состав полка перебит восставшими во время ночевки в тылу расположения противника. Полк весь разбежался и по лесным болотам пробирается в наше расположение. Пришедшими были принесены с собой винтовки и пулеметы.

Наши части постарались как можно лучше использовать происшедшее восстание. Они повели наступление, атаковав русские белые части у Троицы, и заставили их отступить в лес, находившийся между Троицей и рекой Сельменьгой. На следующее утро положение восстановилось соединенной атакой белых русских и англичан, и нам пришлось отступить на дальний берег Сельменьги.

Во время боя с нашей флотилией монитор М33 получил попадание тяжелым снарядом, а канлодка «Cricket» получила попадание у ватерлинии и принуждена была

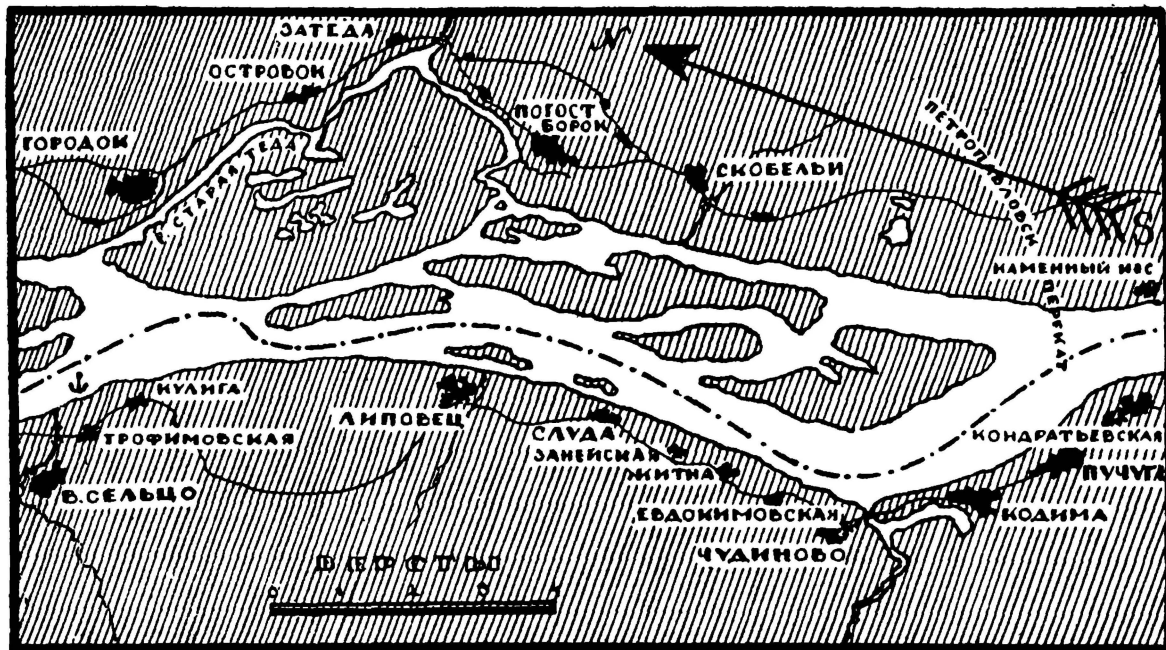
канлодок для увеличения угла возвышения их орудий, т.к. иначе дальность наших пушек превышала их дальность на 7–8 каб. После переделки английские канлодки стреляли на 80 каб.

спуститься вниз по реке и ошвартоваться у баржи-мастерской, чтобы спастись от затопления. На канлодке «Cicala» вследствие длительной стрельбы при больших углах возвышения вышла из строя артиллерия. Положение англичан было критическое вследствие неприбытия подкреплений сухопутных войск, и лишь четырехкратные обстрелы нашей флотилии и нашего расположения мониторами, при содействии авиации и особенно 6-дюймовой артиллерией канлодки «Humber», позволили неприятелю отбить все наши атаки.

Из последующих столкновений в июле нужно указать на потерю неприятелем 14 июля одного из воздушных аппаратов. В 13 час. 15 мин. аппарат во время бросания бомб был подбит огнем стрелковой партии п/с «Некрасов» и был принужден спуститься в расположение плавучих батарей. Летчики окольным путем пытались пробраться через наше расположение, но были задержаны красноармейцами по указанию местных крестьян. К аппарату был отправлен катер «Рогачев», который под пулеметным огнем воздушных аппаратов противника прибуksировал его к п/с «Желзбов». На гидроаэроплане оказались автомат Люиса со 100 зарядами и ракетница с цветными ракетами.

Не имея возможности взять наши позиции у дер. Сельцо — река Сельменьга наступлением на них вдоль берега, противник в начале августа предпринял обходное движение по обоим берегам. Предварительно ему пришлось заняться интенсивным тралением наших минных заграждений, причем, как уже указывалось, во время тральных работ 24 июля погибли тральщики «Fandango» и «Sword Dance».

Наступление противника шло на левом берегу по речке Ньюма и лесным просекам на деревню Чудиново, на правом берегу — на деревню Городок. Благодаря отсутствию разведки 10 августа совершенно неожиданно противник занял деревню Чудиново на левом берегу в тылу наших войск и флотилии. Из приказов и показаний перебежчиков видно, что противник рассчитывал

Район операций у дер. Городок и В. Сельцо в августе 1919 г.
(пунктиром обозначен речной форватер)

вызвать панику в наших рядах и предполагал захватить часть флотилии. Обход противника был настолько внезапен, что первый момент пулеметный огонь с берега, открытый по нашим судам и батареям, был принят за аэропланый пулеметный огонь.

Погода была дождливая, и был сильный туман, препятствовавший наблюдению за флотилией противника. Пользуясь этим, неприятельские суда одновременно с появлением обходной колонны противника на берегу реки начали быстро подниматься вверх и открыли ураганный огонь по нашим судам и плавучим батареям, корректируемый с самолетов. Батареи, выйдя из сферы артиллерийского огня, попали под пулеметный огонь пехоты противника. Всякая связь со штабом бригады была прервана, сведений о положении на правом берегу не было. Для ликвидации обхода был высажен с судов флотилии десант у деревни Чуудиново при поддержке артиллерийского и пулеметного огня наших канлодок. Десант занял деревни Чуудиново, Занейская, но, не выдержав боя с превосходными силами противника, принужден был возвратиться на суда, потеряв убитыми и ранеными около 10 человек. Нашей флотилией был открыт энергичный огонь по левому берегу, после чего противник, потеряв почти половину своего состава убитыми и ранеными, разбежался, оставив массу снаряжения и продовольствия. Пехотные части, находившиеся у реки Сельменьги, также были обойдены противником, занявшим деревню Городок и захватившим всю артиллерию.

Система обходов была обычным способом борьбы на Северном фронте, где к этому вынуждают условия местности. Характер береговых укреплений в расчете на это сильно отличается от подобных укреплений на других фронтах Республики. Система позиций была такова, что требовала использования больших резервов. 10 августа этих резервов у нас не было. Обойденные части, зная, что в тылу у них нет подкреплений, оставили позиции и по лесным тропам и просекам на-

правились к дер. Н. Тойма, где была следующая линия укреплений. Положение было катастрофическое: включая флотилии и 130 человек сборного отряда, на фронте никого не было. Однако противник понес настолько большие потери при отходе от деревни Чудиново, что не решился продолжать наступление.

В результате боев 10 августа в районе деревень Борецкая и Б. Сельцо эти районы остались за противником. Часть наших войск была взята в плен, остальные пробилась к деревне Н. Тойма. Наша флотилия была разбита на два отряда: один — из плавучих батарей и части дозорных катеров — был отправлен на позицию у дер. Пучуга с задачей упорно оборонять занимаемые деревни; другой — в составе трех канлодок и двух сторожевых судов оставался у деревни Слудка. Предполагалось ввиду пассивности противника по мере подхода подкреплений перейти в наступление с целью восстановить положение. Однако прибытие подкреплений задержалось, оставить батареи у дер. Пучуга без пехотного прикрытия не представлялось возможным, и 12 августа отряд батарей был отведен к деревне Каменные Прилуки. Канлодки должны были оставаться у дер. Слудка. Нами было выставлено минное ограждение у деревни Липовец. Из-за отсутствия пехотных частей невозможно было установить наблюдение за флотом противника и особенно остро ощущалась нужда в самолетах. Однако ни один из аппаратов, бывших на Северной Двине, не был в состоянии произвести разведку по уже приведенным причинам. Полное отсутствие сведений с местоположении флотилии противника и о положении на берегах крайне обостряло обстановку.

14 августа ночью вследствие небрежной дозорной службы береговых частей противник установил батарею в деревне Занейской в тылу у наших дозорных судов и с рассветом перешел в наступление. Наша флотилия вновь подверглась пулеметному обстрелу, а дозорные суда должны были прорываться мимо батарей противника. Выйдя из сферы обстрела, наши суда

открыли огонь по деревне Занейской. Сторожевое судно «Скорпион» получило ряд пробоин и затонуло на мелком месте у Петропавловского Переката. Красноармейские части отошли на левом берегу к деревне Кондратьевской, по правому берегу — к деревне Н. Тойма. По приказанию начальника 54-й дивизии было выставлено минное заграждение у деревни Каменные Прилуки¹.

С затонувшего с/с «Скорпион» под огнем неприятеля сторожевым катером «Гельфман» были сняты команда, замки и прицелы орудий, а канонерской лодкой «Урицкий» «Скорпион» был расстрелян, причем на нем был вызван пожар².

Оперативные планы противника. Из описаний боев 10—14 августа по английскому источнику обстановка, подготовка и боевые действия рисуются в следующем виде. В начале августа был принят план эвакуации английских сил с Северного фронта, тщательно выработанный во всех деталях, первое проявление которого представляло наступление 10 августа, предпринятое для образования насколько возможно большего расстояния между английским и красным фронтом. Красная армия занимала на Двине косую линию, хорошо оборудованную окопами с проволочными заграждениями, причем на наиболее выдвинутых позициях, из изб были устроены сильные блокгаузы, всегда представлявшие большое препятствие. На правом берегу она занимала южный берег р. Сельменьги, а на левом — ее фронт проходил впереди дер. Н. Сельцо. Фланги на обоих берегах упирались в лес. В глубину эта позиция шла на правом берегу — до Ивановской, а на левом — до р. Кодемы. Силы англичан состояли из 2 батальонов британской пехоты, 2 рот пулеметчиков, роты сапер и 1 русской бригады (без одного батальона); белые русские батальоны насчитывали приблизительно по 300 штыков в каждом. Артиллерия англичан насчитывала тринадцать 12-фунто-

¹ Донесение ком. флотилией. Дело М.И.К. № 275/33, стр. 47—48.

² Труд т. Шох. Красная Северо-Двинская флотилия.

вых орудий, одно 18-фунтовое, четыре 4½-дюймовые гаубицы, две 15½-сантиметровые гаубицы, два 60-фунтовых орудия и дивизион 3-дюймовой горной артиллерии.

Неприятельский план наступления вылился в глубокий обход наших флангов; им была произведена тщательная разведка кругом флангов и в нашем тылу с помощью местных крестьян, прекрасно знавших местность. Были также сделаны и распоряжения для введения в заблуждение нашей разведки, для чего английские отряды посылались работать по прокладке дорог в местности, отстоявшей на несколько миль от избранных направлений наступления. Красная армия находилась в полном неведении о планах противника, и стрельба с ее стороны прекратилась почти совершенно, и только изредка посылались одиночные снаряды. Русские белые войска были выведены из дер. Моржегорской под покровом темноты и приведены в назначенный пункт в последний момент. Все наступавшие неприятельские войска разделялись на каждом берегу на три колонны. Каждая из колонн имела отдельную задачу, но наступление должно было начаться всеми одновременно, в полдень 10 августа. На левом берегу (сектор № 1) 1-я колонна должна была овладеть нашими позициями у Сельца и Н. Сельца, 2-й колонне назначалось взятие деревень Слудка и Липовец и 3-й — Чудиново. На правом берегу (сектор №2) 1-я колонна должна была атаковать наш фронт у Сельменьги, 2-я — овладеть Городком и 3-я — Борком. Английская флотилия также подготовилась принять участие в операции и после полудня 9 августа монитор М33 занял позицию в районе 2-го сектора, во вскоре наша 100-мм батарея (на дороге от Сельменьги) открыла по нему огонь и, быстро пристрелявшись, достигла попаданий. М33 был заменен на позиции другим монитором.

В 3 часа утра 10 августа и этот монитор был обстрелян и накрыт неожиданно из тумана, и ему также пришлось уйти с позиции.

На левом берегу наступлению англичан предшествовал длительный марш. Наступавшей колонне пришлось

начать движение еще 8 августа. Движение в этот день представляло невероятные трудности, так как дороги оказались буквально непроходимыми, но, невзирая на все трудности и препятствия, временами казавшиеся непреодолимыми, колонна благополучно достигла своего местоназначения. На правом берегу дело обстояло значительно проще: там не было таких затруднений и не нужно было проделывать столь длительный путь. Движение началось лишь в 9 часов вечера 9 августа, и единственным серьезным препятствием являлась переправа через р. Сельменьгу, которую нужно было переходить вброд. Подвигаясь вперед, наступавший противник никаких признаков неприятеля не обнаруживал, только слышалась наша оживленная пальба по английским укреплениям у р. Сельменьги. Красные части не подозревали, что противник зашел им в тыл. В 11 час. вечера вся неприятельская колонна была на местах.

В полдень 10 августа началось наступление. Вскоре противнику удалось захватить район дер. Чудиново. В 13 час. 48 мин. для содействия наступлению английское командование решило открыть артиллерийский огонь по дер. Борок, что и было исполнено бронированной канлодкой «Humber». В 14 час. 15 мин. было взято первое укрепление Борок. Но атака англичан на Сельцо оказалась отбитой, и наступавшей колонне пришлось отойти в исходное положение, чтобы подготовиться к возобновлению атаки. В 14 час. 58 мин. была взята дер. Городок (Городецкая) и захвачено много пленных и орудий. В 15 час. 10 мин. отдано приказание вновь атаковать Сельцо в 18 ч. 20 мин. В 15 ч. 39 мин. была получена просьба продолжать артиллерийский огонь по Борку. Флотилия открыла огонь. На Сельменьгинском участке красные части стойко держались в окопах, поэтому в 16 час. 00 мин. был открыт сосредоточенный огонь по Сельменьгинским укреплениям.

В 18 час. 00 мин. Нижнее Сельцо все еще находилось в наших руках, и по нему англичане открыли ураганный огонь. В 19 час. 15 мин. нами было оставлено Сельцо.

В 20 час. 15 мин., задержавшись на укреплении Сельменьги, красные части перешли в контратаку с намерением вернуть Городок. Контратаку англичане отбили. В 23 час. 02 мин. неприятель взял деревню Борок. О взятии дер. Слудки и Липовец стало известно лишь в 3 часа утра.

Действия английской флотилии. Флотилия в 11 час. 20 мин. утра приступила к серьезной работе по разрушению наших укреплений. Броненосная канонерская лодка «Humber», мониторы М27, М31 и М33 вступили в бой, гидроаэропланы корректировали стрельбу и бросали бомбы.

Змейковый аэростат с его баржей неприятель передвинул ближе к своим судам для наблюдения и корректировки стрельбы.

Бронированная канлодка «Humber» и канлодка «Sicala» обстреливали нашу флотилию и достигли попаданий. Как только на берегу появился отряд Красной армии, английские моторные катера бросились вверх по реке и своими автоматами Льюиса заставили наши части рассыпаться. Получив извещение о трудном положении своей пехоты в Борке, английская флотилия взяла под обстрел эту деревню; бомбардировка ее продолжалась весь день и принесла существенную пользу противнику.

Бронированная канонерская лодка «Humber» и мониторы М27 и М33 вели обстрел Нижнего Сельца совместно с береговой артиллерией, и деревня вскоре была взята. В обнаруженном англичанами у Сельца нашем обширном минном поле пришлось протралить канал до Нижнего Сельца; при этой работе взорвался один из английских катеров. 15 наших небольших мин, спущенных нами по течению выше Сельца, были выловлены неприятелем, приготовлены к действию, на телегах отправлены по берегу и поставлены у Липовца. Также были использованы и 8 гальваноударных мин, которые наша флотилия поставила ночью выше Пучуги. Эти мины препятствовали нашим судам спуститься и атаковать неприятельскую базу в Троице во время ее эвакуации.

Змейковый аэростат принес большую пользу англичанам своими своевременными сообщениями о передвижении наших частей. Наблюдательные пункты английской флотилии, расположенные сколько возможно ближе к нашему расположению по обоим берегам реки и соединенные телефоном со штабом старшего морского начальника и штабами отдельных батальонов, также принесли исключительную пользу неприятельской флотилии.

Неприятельская атака на левом берегу несколько затянулась. Красная армия оказала тут серьезное сопротивление и поначалу наступавшая колонна противника пережила трудные минуты. Командующий колонной был убит в самом начале, и в командование вступил другой офицер. Англичане подверглись тяжелому ружейному и пулеметному меткому огню из окопов и блокгаузов. Положение было таково, что командующий колонной решил отступить и осмотреться. Красные части перешли в контратаку. Командующий всей операцией вызвал резервы и приказал в 18 час. 20 мин. возобновить атаку, так как противником ясно сознавалась необходимость овладеть Нижним Сельцом во что бы то ни стало. Неприятельские орудия всех калибров на обоих берегах, все пулеметы и вся могущая быть использованной судовая артиллерия открыли ураганный огонь по укреплениям Нижнего Сельца, причем было замечено много пожаров и попаданий в блокгаузы и укрепления. Мы энергично отвечали пулеметным и ружейным огнем по атаковавшей нас пехоте. В результате ожесточенных боев Сельцо было взято с тяжелыми потерями для англичан.

Неприятельской колонне, наступавшей на Слудку и Липовец, посчастливилось. Через 10 минут после полудня, т.е. с начала общей атаки, ею были взяты деревни Житна и Кочериха, где в руки противника попало одно зенитное орудие. Следующей пала деревня Занейская, и в 1 час. 50 мин. войска противника вступили в Слудку. В 4 час. 30 мин. сдалась деревня Липовец¹.

¹ По английским сведениям, в ней был взят в плен командующий местным отрядом Красной армии и его штаб.

Главные потери эта колонна понесла в дер. Занейской, будучи обстреляна с наших плавучих батарей. Колонне, наступавшей на дер. Чудиново, не представлялось особых затруднений при выполнении своей задачи. Овладев деревней, она, согласно инструкции, отошла в резерв и поступила в распоряжение штаба сектора №1. При занятии деревни две роты белых русских самовольно отступили и ушли обратно по той самой дороге, по которой наступали. Положение, создавшееся этим уходом, было вскоре восстановлено другими частями.

Боевые действия в секторе №3 были исключительно успешны для противника. Здесь дороги оказались в лучшем состоянии, чем на левом берегу, и, кроме того, серьезное сопротивление нами было оказано лишь в деревне Борок. Сельменьгинской неприятельской колонне удалось подойти к нашим передовым укреплениям так удачно, что она была обнаружена лишь за несколько саженей, но, несмотря на это, нашим частям удалось прорваться и отойти в Городок; наши части в этом районе сильно пострадала от английских снарядов, вызывавших слезотечение¹.

Сопrotивление, оказанное деревней Борок, было сломлено противником лишь после 3 часов. Здесь наступление неприятеля было нами обнаружено вовремя, и, кроме того, деревня имела прекрасное укрепление, очень удачно расположенное. Вообще противник обязан успехом операции той внезапности, с которой была произведена атака.

Действия нашей флотилии². В результате боев 1—14 августа почти все суда наши были изрешечены

¹ По английским сведениям, здесь было захвачено 750 пленных, 9 орудий, 16 пулеметов, 5 траншейных мортир, 900 винтовок и проч.

² *Синглетон, Гейт*. Большевики и барышни. С. 39—56. («*Bolos and Barishynas*». The North Dvina 1919 г.). Дело М.И.К. № 275/33, стр. 87. Доклад Комфлота Варваца.

пулеметным огнем; малые потери в личном составе объясняются исключительно наличием бронированных рубок. Положение на фронте было бы весьма катастрофическим, если бы наша флотилия не выдержала пулеметного огня противника. Только благодаря нашей флотилии противник не мог развить успех и продвинуться дальше деревень Сельцо и Городок. Наше положение могло быть легко восстановлено, если бы мы располагали более устойчивыми красноармейскими частями. Помимо того, особенно болезненно отражалась на всем ходе операции неработоспособность нашей авиации. Оценивая позицию, занятую флотилией после отступления от дер. Слудка, мы должны сказать, что флотилия была на этот раз в наиболее выгодных условиях за все время кампании. Местность, глубина и очертание берега допускали использование всех классов судов.

Для обороны реки все суда флотилии были разбиты на три линии. Первая линия судов несла дозорную службу у минного заграждения; вторая линия судов состояла из канонерских лодок и предназначалась для боя с канлодками противника; она находилась у деревни Н. Тойма и должна была в случае появления судов противника перейти к деревне Березняк, где под прикрытием огня плавучих батарей вступить в бой с флотилией противника.

Плавучие батареи составляли 3-ю линию судов и должны были содействовать канлодкам в отражении попыток противника продвинуться вверх. Отсутствие постоянного вмешательства в руководство боем со стороны сухопутного командования давало возможность использовать для обороны все средства флотилии. Эти бои за все время кампании были первые и последние бои, проходившие без постоянного вмешательства в детали операции со стороны сухопутного командования, понявшего задачи флотилии и предоставлявшего ей полную самостоятельность во время операции. Результаты сразу сказались на продуктивности действий флотилии.

XI. СЕНТЯБРЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Боевая обстановка. Предприняв глубокий обход 10 августа, противник не стал развивать своего успеха и задержался на линии Сельцо—Сельменьга. Сторожевое охранение противника в составе нескольких рот было выдвинуто к дер. Пугачевской на левом берегу и дер. Скобели — на правом. По агентурным сведениям, противник приступил к эвакуации английских войск из дер. Троицкой и к разгрузке канонерских лодок от снарядов и артиллерии. По сведениям, полученным от пленных, обход 10 августа был предпринят исключительно с целью увеличения расстояния между частями нашими и противника для спокойного проведения эвакуации. На смену английским войскам должны были прийти добровольческие части и два северных полка, почти сплошь состоявших из мобилизованных. Противник намерен был отойти к деревне Емецкой, где и закрепиться. Флотилия противника после неудачных попыток вытравить наше минное заграждение, потеряв два тральщика, большей частью была эвакуирована в Архангельск. С целью задержать

наше продвижение противников было выставлено минное заграждение у деревни Пучуги.

3 сентября был отдан приказ о переходе в наступление. На нашу флотилию возлагалось содействие огнем судовой артиллерии береговым частям. К моменту наступления флотилия противника в составе 3 канонерских лодок и девяти быстроходных катеров находилась у деревни Троицкой, часть неприятельских вооруженных судов у деревни Шужега (Жужега), остальные суда — в Архангельске. Для выполнения возложенной на нашу флотилию задачи, необходимо было уничтожить минные заграждения у деревни Борисовская и Петропавловского Переката, для чего был назначен весь минный отряд, за исключением глубоко сидящих судов. Для содействия армии были назначены канонерские лодки «Коммунист», «Карл Либкнехт» и «Володарский».

4 сентября наши части, перейдя в наступление, заняли при содействии флотилии ряд деревень Пучугской волости, причем противник оказывал весьма слабое сопротивление.

Первые дни работы по удалению мин выяснили крайнюю медленность этой работы в условиях речного траления. За 4 сентября было вытралено только две мины. Флотилии предстояло протралить шесть линий минных заграждений, не считая неприятельских, о которых имелось очень мало сведений. Для ускорения тральных работ, так как было очевидно, что работа затянется и вызовет задержку в развитии наступления, было решено ограничиться протраливанием прохода, не удаляя всего минного заграждения.

6 сентября проход через заграждения Борисовского переката был протрален и было приступлено к удалению неприятельского минного заграждения у деревни Пучуга. Под прикрытием плавучих батарей минное заграждение было вытралено, несмотря на огонь неприятельской батареи у деревни Слудка, установленной неприятелем и препятствовавшей работе наших тральщиков. Флотилия наша продвинулась к деревне Кодема. Сухопутные части, продолжая наступление, заняли деревню Тулгас.

К этому времени они лишились поддержки нашей флотилии, которая не могла продвинуться вперед из-за крайне трудной работы по удалению мин. Очистка и проверка фарватера от деревни Кодема до дер. Н. Сельцо заняли больше двух недель. 22 сентября наша флотилия подошла к деревне Сельцо. Красноармейские части к этому времени заняли деревню Березняк (14 верст ниже устья реки Ваги). Для проверки полученных сведений, что противник применяет магнитные мины, был спущен (с охотниками) тральщик «Перебор» на место предполагаемого магнитного заграждения у острова Селецкий. Тральщик благополучно прошел до деревни Плес и вернулся обратно. Можно было думать, что слухи о наличии мин особой системы имели провокационный характер. В целях ускорения работ по очистке фарватера с флотилии был выделен особый отряд около 150 чел., который под руководством минеров производил обследование фарватера при помощи обыкновенного троса, буксируемого шлюпками или завозимого с берега наподобие рыбацкого невода. Таким способом удалось вытащить на берег до 30 мин. После проверки района предполагаемого минного заграждения наши тральщики приступили к работе. Фарватер в сфере магнитных мин был тщательно обследован при помощи катерных тралов, и ничего обнаружено не было. Предполагалось по очистке фарватера у деревни Троица канонерским лодкам двинуться вслед за тральщиками, с тем чтобы окончательную очистку фарватера для судоходства произвести позднее. Это вызывалось необходимостью скорейшего соединения с армией, сильно страдавшей от флотилии противника. Неприятельская флотилия при нашем наступлении отходила вниз, не оказывая первоначально никакого сопротивления, что объяснялось исключительно отсутствием на английских судах артиллерии, снятой ввиду необходимости проводки канлодок и мониторов¹ через пережат у дер. Чамово, где вода упала до 2 футов.

¹ На бронированной канлодке «Humbert» пришлось сбросить в реку броневые плиты пояса и палубы.

Несмотря на небольшую осадку, эти суда с трудом прошли Чамовский перекаат, а два монитора — М25 и М27 — были взорваны после безуспешной попытки стащить их с мели (17 сентября). К этому времени произошло изменение в составе вооруженных судов противника. Английские военные суда больше участия в боевых действиях не принимали и оставались у деревни Лявля, в 30 верстах от Архангельска. Одновременно было зарегистрировано у противника несколько вооруженных барж и пароходов. При такой обстановке наша флотилия получала большой перевес над флотом противника, и основной задачей морского командования являлся вопрос о скорейшем продвижении вперед, даже если бы это продвижение потребовало потерь и жертв.

23 сентября совершенно неожиданно для всех в районе предполагавшегося магнитного заграждения погиб тральщик «Белогор» от необычайной силы взрыва. 24 сентября недалеко от места гибели «Белогора» погиб тральщик «Посыльный» и подорвался «Удачный». Вторичная гибель тральщиков заставила командование флотилией отказаться от проводки судов до окончательного обследования фарватера при помощи водолазов.

Обстановка требовала немедленной поддержки флотилией наших сухопутных частей, но в то же время наличие магнитных мин делала эту задачу трудновыполнимой. Командование флотилией нашло выход из создавшегося положения путем посылки вниз двух плавучих батарей. Основная мысль этого предприятия заключалась в следующем: плавучие батареи обладали столь незначительной осадкой, что могли проходить вдоль берега при помощи людской тяги.

Был риск потери только двух батарей, но в случае удачного прохода батарей через минное награждение результат должен был оказаться крайне выгодным для нас, так как это было бы совершенной неожиданностью для противника. Опасность взрыва батарей на минах была очень незначительна ввиду трудности постановки мин вплотную у берега. Начальник дивизии привет-

ствовал это решение, настаивая на скорейшем проведении его в жизнь. Однако командующий армией, узнав о предполагавшемся походе, категорически его запретил, оправдывая свое решение печальным случаем гибели двух тральщиков, результатом этого решения была задержка в нашем наступлении. Магнитные мины требовали совершенно особого способа траления, незнакомого нашим специалистам. Было очевидно, что вопрос о дальнейшем продвижении флотилии откладывался на продолжительное время.

Эта вынужденная передышка была использована для ремонта судов и отдыха команд. 29 сентября из магнитного минного поля была извлечена одна магнитная донная.

7 октября по настойчивому требованию начальника дивизии было разрешено спустить батареи вниз. К этому времени водолазами был обследован проход и через сутки можно было приступить к углублению обследуемого прохода. Мин не оказалось, и 10 октября батареи «№1» и «№4» были благополучно на буксирах тральщиков «Перебор» и «Порог» проведены через минное поле и пошли на позицию к деревне Коллежской (Почтовой), куда и прибыли 13 октября, в 14 часов. К моменту подхода батарей наши части занимали деревню Почтовое — на левом берегу и деревню Якимовскую — на правом. Противник укрепился у реки Шипилихи, имея резервы в деревнях Звоз и Анисимовская.

Позиция противника была чрезвычайно выгодна для обороны. Левый берег реки Шипилихи был укреплен целым рядом проволочных заграждений и блиндажей. Обойти эту позицию не представлялось возможным ввиду наличия непроходимых болот — с одной стороны, а реки — с другой.

ХІІ. ОПЕРАЦІЯ У РЕКИ ШЕПИЛИХИ¹

Для овладения деревней Анисимовской на флотилию была возложена артиллерийская подготовка этих позиций и недопущение обстрела наших частей судовой артиллерией противника.

Со стороны командования флотилией не встречалось возражений против этой задачи, но было указано на необходимость наблюдения за флотом противника и обстрела главным образом неприятельских судов.

14 октября в 8 часов утра плавучие батареи «№1» и «№4» были поставлены на позиции 6 верст ниже деревни Почтовой. Укрепления противника на реке Шипилихе были отлично видны с батарей, и флотилия открыла огонь до оборудования наблюдательного пункта.

Флотилия противника находилась от наших судов всего лишь на расстоянии шести верст и была скрыта от нашего наблюдения мысом. Оборудование наблюдательного пункта задерживалось недостатком телефонистов и плохим знакомством с местностью.

¹ Дело М.И.К. № 275/33. Доклад комфлота Варваца.

К сожалению, как и в большинстве прежних операций, между командующим флотилии и командиром бригады за время операции происходили многочисленные пререкания и конфликты из-за целей обстрелов флотилии, что, конечно, вредно отзывалось на самой операции; конфликты доходили до угроз судом, хотя флотилия и не была ему подчинена в оперативном отношении, а должна была действовать с бригадой совместно. Командование флотилией считалось с приказами командира бригады постольку, поскольку это не противоречило общему ходу боя, и неоднократно бывало вынуждено не исполнять распоряжений, а действовать самостоятельно. После артиллерийской подготовки, продолжавшейся больше шести часов, все укрепления противника были разрушены и его флотилия, состоявшая из 2-х вооруженных пароходов и двух плавучих батарей, вынуждена была отойти к деревне Звоз. Наша пехота перешла в атаку, но, встреченная ружейным огнем, отошла в исходное положение. Возобновить атаку не представлялось возможным ввиду отсутствия снарядов у сухопутной артиллерии и наступления темноты.

15 октября по приказанию командующего армией часть войск была снята с позиций и в силу малочисленности оставшихся частей и их неустойчивости операция была прекращена. По агентурным сведениям, противник уже оставил позиции после нашего артиллерийского огня и готовился отходить на деревню Емецкое. Требовалось небольшое усилие с нашей стороны, чтобы занять деревню Анисимовскую, последний укрепленный пункт противника на Северной Двине, так как, по имевшимся сведениям, белые в дальнейшем намерены были задержаться лишь у устья реки Пинеги. Не встретив с нашей стороны сопротивления, 16 октября белые возвратились к реке Шипилиха и снова приступили к оборудованию позиции. Наши батареи возвратились в деревню В. Сельцо. Сухопутные части отошли к деревне Моржегорская — на левом берегу и деревне Якимовская — на правом.

Этот бой был последним речным боем за кампанию 1919 г.¹

17 октября повалил густой снег и к полудню лег толстым, до 2-х вершков, покровом, а дня через два на реке пошла «шуга» (мелкий лед), но работы по уничтожению минных заграждений продолжались.

17 октября отдан был приказ по флотилии об отходе судов на зимовку в Котлас, и 23 октября штаб флотилии с судами прибыл в Котлас, где флотилия начала размещаться в затоне Лиманда для зимнего ремонта.

Одну треть команды было разрешено уволить в краткосрочный отпуск, а $\frac{2}{3}$ остальной команды были отправлены на зимовку в Сольвычегодск.

В конце октября были получены сведения², что архангельское командование направило 1-ю особую Вычегодскую роту в 350 штыков при восьми пулеметах под командой капитана Орлова в бассейн реки Вычегды. Отряд этот, пройдя тайгой через Удору, появился около города Яренска, находящегося от Котласа в 155 верстах. Моряки Северо-Двинской флотилии и здесь не остались безучастными зрителями и вместо тихого и уютного в береговой обстановке отдыха кликнули клич: «Долой капитана Орлова».

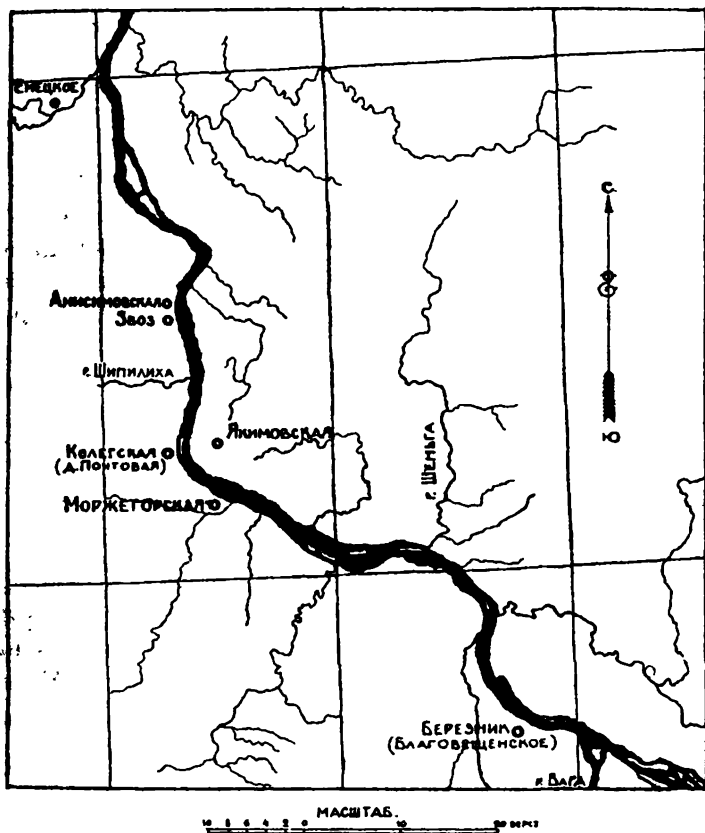
Командование приступило к формированию отряда 3-ротного состава с пулеметной командой и одной 37-мм пушкой Маклена.

К 7 ноября была сформирована 1-я рота моряков в 120 штыков и в этот же день с обозами выступила на вновь образовавшийся фронт. К 10 ноября была сформирована 2-я рота из моряков, находившихся на судах в затоне.

12-го ноября, не ожидая 3-й роты, отряд в составе: 1-я рота — 120 штыков, 2-я рота — 107 штыков, пулеметная команда — 50 чел. при 9 пулеметах Максима, и команда связи — 18 человек, всего 314 человек, выступил в поход, в тот же день достиг деревни Княженца, а

¹ Дело М.И.К. № 275/33. Доклад комфлота Варваца, 95 стр.

² Труд т. Шоха. Красная Северо-Двинская флотилия.

Район последних боевых операций флотилии

в следующие дни, соединившись с армейскими частями, следовал далее на фронт к Яренску.

К 29 ноября противник был выбит из временно оставленного нами Яренска, но боевые действия не прекращались вплоть до середины февраля, когда весь Вычегодский район был чист и находился в безопасном положении от налетов противника.

В декабре месяце 1919 г. ввиду начавшегося разложения в войсках противника на Северо-Двинском железнодорожном направлении в центре был решен вопрос об окончательной ликвидации Северного фронта, для чего был намечен план общего наступления. В этом вопросе не осталась безучастной и Северо-Двинская флотилия в период зимы, несмотря на то что ее батальон еще не успел ликвидировать на Вычегде отряды Орлова.

На долю флотилии опять выпала серьезная боевая задача. Командованием VI армии было предложено командованию флотилией, если возможно, в кратчайший срок оборудовать в Котласском военном порту бронированный поезд, вооруженный крупной морской артиллерией, для действия на железнодорожном направлении. Инженером Посаженниковым был спроектирован поезд из двух четырехосных, полукрытых железными бортами вагонов американского типа, рассчитанных на 130-мм артиллерию, по одному орудию на вагон. Установив под платформами вагонов соответствующие продольные и поперечные брусья из дерева, через две недели начали установку орудий, которую и закончили в течение четырех дней. Вся работа по оборудованию вагонов происходила на открытом воздухе при 25-ти градусном морозе.

26 января орудия были опробованы стрельбой при различных углах поворота и возвышения, а также на закруглениях железнодорожного пути, причем испытания дали прекрасные результаты. Весь состав бронепоезда состоял из семи вагонов, из которых два с орудиями, два с боеприпасами, два для жилья команды и один

— мастерская и кухня. Поезду было дано наименование «Красный моряк», а команда его состояла из двух смен, общим числом 42 чел.

30 января поезд в полной готовности ждал распоряжений штаба VI армии.

1 февраля была получена телеграмма об отправке бронепоезда на фронт через Вятку и Вологду. 2 февраля «Красный моряк» вышел и 5 февраля прибыл на фронт. В тот же день он начал боевую работу, вступив в артиллерийское состязание с бронепоездом противника «Адмирал Колчак», вооруженным 6-дюймовой морской артиллерией. До тех пор на фронте с нашей стороны не было сильного бронепоезда, который мог бы конкурировать с огнем бронепоезда противника, но с этого момента ему появился опасный конкурент, который дал сразу же себя почувствовать. С первого же дня «Красный моряк» завоевал симпатии Красной армии и своей боевой работой уже к 10 февраля окончательно оттеснил все бронепоезда противника.

Фронт подался, и вслед за этим в рядах противника началось сильное разложение. 19 февраля в Архангельске произошел переворот.

Красные части, в том числе и «Красный моряк», победоносно вошли в Архангельск. 19 февраля командование флотилией получило приказ из штаба VI армии ликвидировать Яренскую группу войск и о направлении команд на зимние квартиры. Командование флотилией вслед за этим по железной дороге отбыло в Архангельск для организации морских сил Севера. Хотя Северо-Двинской флотилии и не суждено было победоносно войти в полном составе в Архангельск, все же представители ее на бронепоезде «Красный моряк» туда вошли как участники последней ликвидации фронта и освободители трудящихся масс Севера, пробывших в полуторагодовой эксплуатации иностранцев и белогвардейцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разбираясь во всей эпопее гражданской войны на Северном фронте, нельзя не подчеркнуть громадной роли, которую сыграла небольшая группа моряков во главе с тов. Пронским, не задумавшаяся оказать сопротивление вторгшемуся в наши пределы неприятельскому флоту.

Немногочисленная по своему составу, но спаянная своей товарищеской дисциплиной и революционным долгом, группа матросов открыто бросает вызов неисчислимо сильнейшему неприятелю и своим примером кладет начало вооруженному сопротивлению Республики нашествию иностранного империализма. В результате через полтора года весь Север очищается от пришельцев и Республика снова получает в свои руки в то время единственный свободный выход в море.

Вновь образовавшемуся фронту на Севере, конечно, не могло быть уделено особенно много внимания, так как главные средства необходимо было отдавать на

фронты первостепенной важности. Образовавшаяся явочным порядком первоначальная вооруженная сила, несмотря на свою малочисленность, на полное отсутствие командного состава и более чем слабую артиллерию, все же первое время не только оказывала сопротивление неприятелю, но даже заставила его отступить за р. Вагу. Можно определенно сказать, что до конца кампании 1918 г. ни сухопутные части, ни наспех организованная флотилия с сухопутными пушками не получили от центра почти никакой помощи и только благодаря своему мужеству, самоотверженности и сознанию долга перед революцией задержали продвижение противника.

Зима 1918/19 года была, конечно, использована для усиления наших сил на Северном фронте, как сухопутных, так и морских, но при зимней организации нашей вооруженной силы не был в должной степени оценен противник, чего нельзя поставить в вину исключительно командующему флотилией, а скорее центру, который, конечно, должен был лучше знать, какие морские силы могли выставить на Северном фронте англичане со своей развитой техникой и военным опытом. Эти возможности со стороны неприятеля совершенно не были учтены высшим командованием.

Первое же вооруженное столкновение с неприятелем в мае 1919 г. показало всю ошибочность оценки противника, и пришлось в обстановке непрерывных боевых действий вновь создавать морскую (речную) силу, хотя не равноценную неприятельской, так как на это у Республики не было совершенно возможности, но хотя бы такую, которая была бы способна не только к пассивной обороне, но и к активным операциям.

Ввиду громадной потребности в морских специалистах, орудиях, снарядах, минах, материалах и проч. на другие флотилиях создание этой силы протекало очень медленно, и часто только мужество и самоотверженность защитников спасало фронт от полного поражения и катастрофы.

Но говоря о крупных недостатках в личном составе и материальной части вооружения, нельзя не упомянуть и о той обстановке, в которой приходилось работать этому личному составу. Начиная с помещений для жилья, обмундирования и проч. и кончая продовольствием, во всем чувствовался громадный недостаток. Снабжение продовольствием и питание были настолько неудовлетворительны, что появился громадный процент заболеваемости цынгой. Мы приводим здесь одну из телеграмм обширной по этому вопросу переписки командования с центром:

«Последние дни четверть состава моряков из-за недостатка питания выбыла из строя. Наибольшее распространение заболеваний цынгой, куриной слепотой, малярией. Наступающие холода увеличивают число больных. Прошу о принятии самых решительных мер для улучшения питания, в противном случае положение станет катастрофическим. Комфлот Варваца»¹.

Одним из больших препятствий успешности борьбы на Северном фронте, как это видно из докладов комфлота, был вопрос подчинения.

Вопрос о связи был поставлен также довольно неудовлетворительно. Вследствие отсутствия мощных радиостанций во флотилии непосредственной связи с центральными радиостанциями не было. Для передач радиogramм приходилось пользоваться, как промежуточными, полевыми радиостанциями армии; в то же время и радиостанции флотилии служили как промежуточные при передаче телеграмм армии между отдельными участками фронта. Организация радиослужбы в связи с недостатком радиоспециалистов носила примитивный характер. Береговых радиостанций установлено не было из-за отсутствия таковых и из-за отсутствия радиотелеграфистов. Телеграфная связь почти совсем отсутствовала. Это объясняется тем, что своего провода не было: был один провод Народного комиса-

¹ Дело М.И.К. № 311/69, стр. 114. Телеграмма комфлота от 17 IX 1919 г.

риата почт и телеграфов, который был взят сухопутным ведомством и загружался часто хозяйственными телеграммами вместо оперативных. Телеграммы из центра доходили на фронт иногда даже на второй месяц, телеграммы же из Котласа и из Устюга шли две-три недели. Вследствие этого всегда чувствовалась оторванность от центра. Почтового отделения с нашей стороны организовано не было из-за недостатка работников. Телефонной линии по постам тылового района, а также и для сообщения с портом не имелось. Снабжение службы связи телефонным имуществом производилось очень плохо, что болезненно всегда отражалось на оперативных заданиях¹.

Из отчета по штурманской части видно, что до кампании 1919 года у флотилии никакого штурманского имущества не было. Удалось за зиму 1918/19 года получить имущество в очень ограниченном количестве, так, например, на 60 судов было всего 19 комплектов флагов; из-за отсутствия флагов пришлось на большинстве судов ограничиться семафорными флажками, но даже и ими снабдить суда в достаточном количестве удалось с трудом и с большими натяжками из-за отсутствия флажка. Ощущался большой недостаток биноклей, так что транспорты, посыльные суда и катера принуждены были обходиться без них. Количество сигнальщиков было крайне недостаточно. Многие суда плавали совершенно без сигнальщиков. В начале кампании карт для руководства при плавании совершенно не было и с трудом удалось достать в областном управлении водным транспортом атлас карт реки Северной Двины от Котласа до Архангельска, изданных в 1885 году. За 35 лет изменились названия и расположения деревень, самого русла, приметных знаков, перекатных столбов и проч. Ориентироваться и плавать с такими картами было очень затруднительно. Все же за неимением других пришлось их копировать и снабжать ими суда.

¹ Дело М.И.К. № 275/33 стр. 118. Отчет флагманского штурмана штаба Северо-Двинской флотилии.

Организация артиллерийского дела была поставлена на флотилии хорошо, и даже противник с похвалой отзывается о стрельбе флотилии¹.

Минная часть была поставлена, сравнительно с имевшимися средствами, удовлетворительно, и нужно отдать справедливость личному составу, что он при выполнении очередных задач выказывал полнее самоотвержение. Всего за время кампании было поставлено 13 минных заграждений.

Насколько слаба была наша авиация, видно из описаний военных действий.

О состоянии личного состава в количественном отношении можно судить по некомплекту его на судах действующей флотилии, каковой выражался в командном составе — цифрой 59, а в специалистах некомандного состава — в 437 человек только на судах действующего флота, а со строящимися судами — в 743 человека. Эти цифры, при сравнительно незначительной флотилии, говорят сами за себя. Что касается качества личного состава, то и он был далеко не на высоте. Только к концу кампании этот вопрос был отчасти изжит. За время же кампании, а особенно в кампанию 1918 г., все командные должности, даже штабные, были замещены матросами-специалистами, которых мужество, самоотвержение и рвение к работе были громадны, но не было знаний, опыта, необходимых для замещения ответственных командных должностей. Ясно, что боеспособность флотилии сильно хромала и от этой причины.

Медикосанитарная часть была поставлена настолько плохо, что даже подача первой помощи оставляла желать много лучшего.

Потери английской речной флотилии выразились в гибели мониторов M25 и M27 и тральщиков «Fandango» и «Sword Dance».

¹ Дело М.И.К. № 275/33 стр. 137. Отчет начальника службы связи Северо-Двинской флотилии.

Потери сухопутных войск в личном составе, по английским официальным данным, достигали 700 чел.

	Офицеров	Проч. чинов
Убитые и умершие от ран	29	128
Умершие от других причин	8	89
Раненые	41	320
Пропавшие без вести и взятые в плен	14	76
Итого	92	613

Подводя итоги борьбы Северо-Двинской флотилии в гражданской войне на Севере, мы приводим слова одного из участников этой борьбы: «Флотилия, хотя и не смогла проявить своих активных действий по отношению к флотилии противника, но она все же сумела сдержать натиск сильнейшего противника, не дав ему по Северной Двине через Котлас соединиться с чехословаками и Колчаком»¹. Изучение операций Северо-Двинской флотилии имеет значение в том отношении, что здесь Красной флотилии, состоявшей из плохо оборудованных обыкновенных речных пароходов и баржей, пришлось успешно вести неравную борьбу с хорошо организованной «регулярной» военной флотилией, обладавшей всеми средствами современной военно-морской техники.

¹ Труд т. Шоха. Красная Северо-Двинская флотилия.

ФЛОТИЛИЯ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

К началу первой мировой войны на Северном морском театре находилось, не считая гидрографических судов, лишь одно русское военное судно (посыльное судно «Бакан»), которое несло службу по охране рыбных промыслов. Появление в 1915 г. в Белом море германских мин, на которых подрывались торговые суда, заставило Морское министерство приступить к организации «Партии траления Белого моря». Помощь со стороны Англии, к которой неоднократно обращалась Россия, была эпизодической и крайне слабой.

Итоги кампании 1915 г. показали, что траление, охрану коммуникаций и оборону побережья Северного Ледовитого океана и Белого моря необходимо обеспечивать силами русского флота, не полагаясь на англичан. Между тем возможности пополнения флота на Севере судами были крайне ограничены, так как наиболее крупные флоты царской России (Балтийский и Чер-

номорский) в период войны были изолированы от Севера. Относительно свободное сообщение Север имел лишь с Владивостоком, но базировавшаяся на него Сибирская флотилия была немногочисленна. При сложившейся обстановке царское правительство было вынуждено пойти на покупку хотя бы устаревших судов. Поэтому были начаты переговоры о покупке у Японии трех бывших русских кораблей: броненосцев «Полтава» и «Пересвет» и крейсера «Варяг», затопленных в 1904 г., а затем поднятых и восстановленных японцами. Приобретение этих кораблей, а также перевод некоторых военных судов из Сибирской флотилии на Север позволили Морскому министерству в феврале 1916 г. принять решение об организации флотилии Северного Ледовитого океана (СЛО).

В марте 1916 г. оба броненосца и «Варяг» прибыли во Владивосток. «Полтава» была зачислена в класс линейных кораблей, переименована в «Чесму» и направлена в Средиземное море для замены находившегося там крейсера «Аскольд», который предназначался к переводу на Север. Крейсер «Варяг» в ноябре 1916 г. прибыл в Кольский залив, куда в январе 1917 г. пришел и линейный корабль «Чесма», так как надобность в нем на Средиземном море миновала. «Пересвет» же, следуя на Север, в декабре 1916 г. по выходе из Порт-Саида подорвался на mine и затонул. Наконец, крейсер «Аскольд», пройдя ремонт во Франции, прибыл в Кольский залив в июне 1917 г.

Из Сибирской флотилии во флотилию СЛО были переведены: минный заградитель «Усури» (прибыл в декабре 1915 г.), миноносцы «Властный» и «Грозовой» (прибыли с транспортом «Ксения» в 1916 г.), эскадренные миноносцы «Капитан Юрасовский», «Лейтенант Сергеев», «Бесшумный» и «Бесстрашный» (прибыли в 1917 г.) и устаревшая подводная лодка «Дельфин» (прибыла в 1916 г.).

Из числа новых военных судов, которые удалось заказать за границей, в Англии было построено 12 тральщиков

и в Италии — подводная лодка «Св. Георгий» (прибыла в Архангельск в сентябре 1917 г.).

Не имея возможности производить новые заказы или покупку готовых военных судов за границей, царское правительство было вынуждено покупать там траулеры, китобои, яхты и пароходы и переоборудовать их в военные суда. Так, еще в 1915 г. было приобретено шесть норвежских и английских траулеров. Позже было куплено еще пять траулеров в Испании, 11 аргентинских траулеров, один французский и два норвежских китобоя и, наконец, три американских траулера. Было также приобретено 14 яхт и пароходов, переоборудованных в «посыльные суда».

Пополнение флотилии СЛО шло крайне медленно. Купленные яхты, пароходы и траулеры, предназначенные в качестве посыльных судов и тральщиков, проходили, как правило, переоборудование и ремонт за границей, так как собственные ремонтные средства флотилии были крайне ограничены. Боевые суда флотилии также простаивали в ремонте. Так, задержались с ремонтом в Англии в 1917 г. миноносцы «Властный» и «Грозовой», крейсер «Варяг».

На 7 октября 1917 г. во флотилии СЛО числилось 89 боевых и вспомогательных судов¹:

линейных кораблей — 1 («Чесма»)
крейсеров — 2 («Аскольд» и «Варяг»)
эскадренных миноносцев — 4 («Капитан Юрасовский», «Лейтенант Сергеев», «Бесшумный» и «Бесстрашный»)
миноносцев — 2 («Властный» и «Грозовой»)
подводных лодок — 1 («Св. Георгий»)
посыльных судов — 18

¹ ЦГАВФ, ф. 129р, д. 64. л. 47. Сюда не вошли вспомогательные суда, приписанные к военным портам Северного Ледовитого океана и Белого моря а также сторожевые катера.

минных заградителей — 1 («Уссури»)
тральщиков — 43
гидрографических судов — 4
транспортов — 3
портовых судов — 8
ледоколов — 2 («Святогор» и «Микула Селянинович»)

Из них за границей находились в ремонте один крейсер и два миноносца и на переоборудовании — шесть посыльных судов и три тральщика.

Установление Советской власти на Севере и выход республики из войны повлекли за собой сокращение флотилии СЛО. Приказом военно-морского отдела Центрального комитета флотилии СЛО (Целедфлота) от 26 февраля 1918 г. был объявлен следующий предполагаемый состав флотилии на кампанию 1918 г.:

1. Дивизия траления — 16 тральщиков.
2. Посыльные суда для охраны промыслов — 5 («Горислава», «Ярославна», «Купава», «Таймыр» и «Вайгач»).
3. Транспорт-мастерская «Ксения».
4. Служба связи — два посыльных судна («Иней» и «Орлик») и два тральщика.
5. Дирекция маяков и лоций — «Соломбала», «Полярный» «Уссури» и два тральщика.
6. Гидрографическая экспедиция Белого моря — два гидрографических судна («Мурман» и «Лейтенант Овцын») и три тральщика.
7. Морские ледоколы («Святогор» и «Микула Селянинович»).
8. Подводная лодка — «Св. Георгий» (до отправки на Балтику).
9. Мурманская съемка — гидрографическое судно «Пахтусов».
10. Два эскадренных миноносца (наиболее исправных).

«Суда и учреждения, — говорилось в приказе, — не вошедшие в данный список, подлежат или ликвидации, или сокращению...».

24 мая на основании директивы коллегии Народно-го комиссариата по морским делам последовал новый приказ, по которому состав флотилии был еще более сокращен, а некоторые суда (тральщики) заменены. Вместо дивизии был оставлен отряд тральщиков из 12 единиц, из гидрографической экспедиции исключены все тральщики, подводная лодка «Св. Георгий» сдавалась в порт для долговременного хранения¹.

Однако «мирный период» на Севере продолжался недолго. Англичане, прочно обосновавшиеся на Севере в период войны, не собирались эвакуироваться. Они рассматривали Север как одну из важных баз при осуществлении своего плана военной интервенции против Советской России. В Мурманске англичане нашли поддержку контрреволюционных элементов во главе с заместителем председателя Мурманского краевого Совета Юрьевым. Большинство морских офицеров было настроено враждебно к Советской власти и тесно связано с офицерами англо-французских кораблей, стоявших в Мурманском порту.

В марте 1918 г. белофинны перешли в наступление с целью захвата Карелии и Мурмана, но красноармейские отряды отбросили их назад. В район Кеми был послан из Архангельска ледокол «Микула Селянинович», который 6 апреля подошел к о. Ромбак, высадил на лед партизанский отряд, направившийся к Кеми, а на следующий день выгрузил оружие. Затем «Микула Селянинович» открыл огонь по противнику, заставив его отступить².

¹ ЦГАВМФ, ф. 129р, д. 89, л. 20; д. 84, л. 128.

² Статья «Об участии морского ледокола „Микула Селянинович“ в бою на Кемском фронте»//«Известия Архангельского Совета», 30 апреля 1918 г.

Однако наступлением белофиннов воспользовались «союзники». Под предлогом «помощи» в обороне Мурманского края от немцев и белофиннов англо-французские войска заняли всю линию железной дороги от Мурманска до Кеми. В марте 1918 г. к стоявшей в Мурманском порту английской эскадре (линейный корабль «Глори», крейсер «Ифиджения» и др.) присоединился английский крейсер «Кокрен», а несколько позже — французский крейсер «Амираль Об». В мае в Мурманск пришел американский крейсер «Олимпия».

Юрьев и его сообщники, прикрываясь приказом Целедфлота о сокращении флотилии СЛО, спешно проводили демобилизацию личного состава Мурманского отряда судов флотилии, стремясь избавиться от революционно настроенных матросов. В ответ на требование Советского правительства об удалении интервентов с Мурманского края Совет 30 июня официально объявил о разрыве с Советским правительством и затем заключил с представителями Англии, США и Франции соглашение «в целях совместных действий... в деле обороны Мурманского края от держав германской коалиции»¹. В период со 2 по 12 июля «союзники» перешли к открытой оккупации края от Мурманска до Сороки включительно. К августу в Мурманском крае находилось свыше 10 тыс. солдат и офицеров интервентов.

1 августа английские крейсера «Кокрен» и «Атгетив» и транспорт с гидропланами подошли к о. Мудьюг. Крейсера открыли артиллерийский огонь по батареям острова, а гидропланы обстреляли их из пулеметов. Несмотря на удачный ответный огонь, батареи о. Мудьюг были подавлены и англичане получили свободный доступ в Северную Двину. Чтобы не допустить корабли

¹ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 3. д. 71. л. 9.

противника к Архангельску, в устье реки были затоплены ледоколы «Святогор» и «Микула Селянинович», а затем и минный заградитель «Уссури». Однако, несмотря на это, советским властям пришлось эвакуировать Архангельск.

2 августа в Архангельске было образовано «временное правительство» Северной области во главе с Чайковским. В дальнейшем боевые действия между Красной армией и белогвардейцами и интервентами развернулись на сухопутном фронте, а также на Северной Двине и Онежском озере. Суда флотилии СЛО, оказавшиеся в руках белых, за небольшим исключением¹, непосредственного участия в гражданской войне не принимали.

Весь период власти белых на Севере характеризуется полным упадком флотилии СЛО.

Еще 20 июня соглашательский Центромур (Центральный комитет Мурманского отряда судов), прикрываясь «обстоятельствами военного времени», дал согласие на «временное занятие» англичанами под жилье посыльного судна «Соколица». 12 июля в Мурманске англичанам был «временно» передан крейсер «Аскольд», который после контрреволюционного переворота пришел в Архангельск под русским флагом, но с английской командой. Через несколько дней на крейсере был поднят английский флаг. Позже «Аскольд» ушел в Англию и «русскому командованию» передан не был². Уже 5 августа «правительство» Чайковского, удовлетворив просьбу «союзного командования» в лице английского адмирала Кемпа, передало англичанам во «временное пользование» посыльное судно «Горисла-

¹ Например, для формирования флотилии белых на Онежском озере было отправлено семь сторожевых катеров.

² После окончания войны крейсер был за символическую сумму выкуплен Советским правительством и продан на слом. (Прим. ред.)

ва», ледоколы «Святогор» и «Микула Селянинович» и восемь тральщиков. Формально суда флотилии СЛО передавались на том основании, что «временное правительство», признавая себя в состоянии войны с Германией, предоставляет свои суда англичанам в порядке «союзной помощи». Условия передачи судов предусматривали, что суда «остаются русской собственностью» и «будут плавать под русским флагом»¹. Но англичане совершенно не соблюдали эти условия.

«Генерал-губернатор Северной области» генерал Миллер в своей телеграмме русскому «послу» в Париже в сентябре 1919 г. писал: «С наступлением зимы... Архангельск с тяготеющими к нему местностями, чтобы не быть отрезанным от остального мира, должен обслуживаться целой флотилией ледоколов... Между тем из общего числа имевшихся 12 ледоколов и ледокольных пароходов в нашем распоряжении находится всего один. Один ледокол погиб. Два ледокола взяты французами и один англичанами без всяких условий вскоре по прибытии союзников в Северную область и до сего времени не возвращены, несмотря на прекращение военных действий с Германией... Что касается остальных семи, то они были сданы в эксплуатацию британскому адмиралтейству по чартеру, срок которого ныне истек»².

Однако англичане не считались с просьбами белых о возврате ледоколов, объясняя захват последних необходимостью «защиты» этих ледоколов от большевиков «ввиду непрочного положения Архангельска». Когда в марте 1919 г. начальнику охраны водного района Архангельска понадобился ледокол, чтобы провести в море гидрографическое судно «Полярный», старший английский офицер коммодор Хейд на просьбу о предоставлении ледокола ответил: «С сожалением сообщая, что нет свободного ледокола...»³

¹ «Интервенция на Севере в документах». М., 1933. С. 38.

² ЦГАОР СС, ф. 17, д. 13, л. 208—209.

³ ЦГАВМФ, ф. 164с, д. 98, л. 74.

Благодаря поспешной демобилизации личного состава судов Мурманского отряда, проведенной в начале 1918 г., четыре эскадренных миноносца типа «Капитан Юрасовский» с марта по июнь 1918 г. находились в ведении Мурманского порта без команд. В начале июня после гибели парохода «Федор Чижов» и промыслового судна «Харитон Лаптев», потопленных в мае германской подводной лодкой U22, белые обратились к адмиралу Кемпу с просьбой помочь привести в боевую готовность миноносцы для борьбы с подводными лодками. Адмирал Кемп, зная, что у белых нет ни средств для ремонта, ни команд для укомплектования этих миноносцев, предложил их отремонтировать и укомплектовать «союзными» командами, передав миноносцы в ведение английского командования и подняв на них английские флаги.

В результате переговоров белого командования с англичанами миноносцы «Бесстрашный» и «Лейтенант Сергеев» были переданы для ремонта: первый — французскому крейсеру «Амираль Об», а второй — английскому линейному кораблю «Глори». Миноносец «Капитан Юрасовский» был передан для ремонта американскому крейсеру «Олимпия». И лишь миноносец «Бесшумный» ремонтировался русской плавучей мастерской «Ксения». Осенью 1918 г. миноносцы «Капитан Юрасовский», «Лейтенант Сергеев» и «Бесстрашный» плавали под русскими флагами под командованием русских командиров, но с иностранными командами. На миноносце «Лейтенант Сергеев» была английская команда, на «Капитане Юрасовском» — американская, а на «Бесшумном» — французская, переведенная с «Бесстрашного» после его аварии. Между тем, согласно соглашению, на миноносцах приблизительно $\frac{1}{3}$ часть команды должна была быть русской¹.

¹ ЦГАВМФ, ф. 129р, д. 64, л. 107—108.

Несмотря на неоднократные попытки белого командования в конце 1918 и в течение всего 1919 г. получить захваченные суда обратно, значительная часть последних возвращена так и не была. Остались у англичан и плавали под английскими флагами тральщики: Т6, Т12, Т13, Т14, Т16, Т17, Т19, Т31, Т36 и Т41. Во время контрреволюционного переворота в Архангельске французы захватили тральщики Т20 и Т22 и подняли на них французские флаги, считая эти тральщики «военными трофеями»¹.

Уход ледоколов на ремонт в Англию часто кончался тем, что они уже больше не возвращались. Так, «Микула Селянинович» осенью 1918 г. ушел на ремонт в Англию под русским флагом. К осени же 1919 г. он вместе с ледоколом «Илья Муромец» был передан англичанами французам, которые укомплектовали ледоколы своими командами и подняли на них французские флаги. Последний из строившихся в Англии по заказу царского правительства ледоколов — «Св. Александр Невский», законченный постройкой в конце 1917 г., был захвачен англичанами, и на нем был поднят английский флаг. Под названием «Александр» этот ледокол приходил в 1918 г. в Архангельск. Под английским флагом плавал также ледокол «Святогор».

Те немногие суда, которые возвращались англичанами, часто оказывались в таком состоянии, что вставал вопрос об их дальнейшей службе. Комиссия, назначенная для приемки посыльного судна «Горислава» после оставления его англичанами (последние даже не потрудились сдать судно), в своем акте от 25 апреля 1919 г. отмечала, что «запущенность и загрязненность корабля в момент оставления его британским экипажем не поддается описанию»².

¹ ЦГАВМФ, ф. 164с, д. 98, л. 355.

² ЦГАВМФ, ф. 164с, д. 98, л. 7.

После контрреволюционного переворота «правительство» Чайковского поспешило отменить советский декрет о национализации торгового флота. Уже в августе 1918 г. Архангельско-Мурманскому пароходству были возвращены все его суда.

Частновладельческие пароходы, находившиеся в составе флотилии во время войны по военно-судовой повинности, также были возвращены их старым владельцам. Так, в 1918—1919 гг. возвращены судовладельцам: тральщик Т7 («Вельможа») — рыбопромышленнику Могучему, тральщик Т9 («Эмма») и плавучая мастерская «Антоний» — Антуфьеву, транспорт «Савватий» — Буркову и т. д. Пароход «Монета» в ноябре 1918 г. продавался с торгов. Тральщики Т26, Т28, Т30, Т40 и Т42 были переданы торговому дому «Беззубиков и сыновья». В феврале 1919 г. 12 тральщиков сдавались с торгов в аренду на пять лет¹.

В результате состав флотилии СЛО к февралю 1919 г. сократился до 12 посыльных и гидрографических судов, четырех миноносцев и девяти тральщиков, не считая старого линейного корабля «Чесма»². В сентябре 1919 г. командующий флотилией доносил в Омск морскому «министру» колчаковского «правительства», что миноносцы «„Бесстрашный” и „Капитан Юрасовский” за ненадежность корпуса упраздняются» и что, за исключением четырех тральщиков, лишь «посыльные суда „Ярославна” и „Горислава” держатся готовыми к плаванию со штабами»³. Предполагалось даже ликвидировать военно-морскую базу в Мурманске.

Белое «правительство», стремясь облегчить тяжелое экономическое положение, в августе 1919 г. отправило за продовольствием в Сибирь морскую экспедицию в составе трех гидрографических судов, трех пароходов

¹ ЦГАВМФ, ф. 129р, д. 64, л. 60, 349; ф. 164с, д. 7, л. 134—135; д. 94, л. 38; д. 98, л. 31.

² ЦГАВМФ, ф. 129р, д. 64, л. 64.

³ ЦГАВМФ, ф. 164с, д. 153, л. 192.

и одной баржи. После 1 декабря было также решено отправить четыре парохода для рейсов за границу, с тем чтобы заработать столь необходимую для белых иностранную валюту. В том же 1919 г. делались попытки продать за границу некоторые суда флотилии. 4 апреля русский «посол» в Париже телеграфировал генералу Миллеру в Архангельск: «Чайковский просит передать: Веду переговоры о продаже „Ярославны“». 5 мая «временное правительство» постановило «признать желательной» продажу посыльных судов «Горислава» и «Соколица». 28 ноября генерал Миллер телеграфировал русским «послам» в Париже и Лондоне относительно «Ярославны», «Гориславы» и «Соколицы»: «Благоволите выяснить, отнюдь не давая огласки, можно ли хорошо продать одну из них»¹. Однако продать эти суда не удалось.

Власть белых близилась к концу. Войска интервентов покинули Север. В начале февраля 1920 г. Красная армия перешла в наступление на Архангельск. Белые стали поспешно готовиться к эвакуации Архангельска. 17 февраля командование флотилии запросило о наличии пассажирских мест на ледоколах и ледокольных пароходах, а также на других судах, в том числе и военных². Но было уже поздно. 19 февраля генерал Миллер, бросив свою армию на произвол судьбы, бежал на ледоколе «Козьма Минин». Белые пытались увести лучшее посыльное судно флотилии — «Ярославну», но из-за неблагоприятной ледовой обстановки вынуждены были его бросить. Ледокол «Канада», команда которого перешла на сторону Советской власти, бросился в погоню за «Козьмой Мининим», настиг его в горле Белого моря и имел с ним артиллерийскую перестрелку, но задержать белогвардейский ледокол «Канаде» не удалось.

20 февраля Архангельск был освобожден войсками Красной армии. Одновременно в Мурманске произошло

¹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 12, д. 7, л. 12.

² ЦГАВМФ, ф. 164с, д. 7, л. 154.

восстание рабочих, матросов и солдат, руководимое подпольной организацией большевиков, и 22 февраля здесь была восстановлена Советская власть. Белые власти Мурманска бежали на пароходе «Ломоносов». В марте 1920 г. освобождение Севера было завершено.

Таким образом, белым не удалось увести за границу оставшиеся суда флотилии СЛО. Однако, как уже говорилось выше, значительная часть судов флотилии оказалась в силу различных причин за границей. Эти суда, за исключением ледоколов «Святогор» (ныне «Красин») и «Св. Александр Невский» (ныне «Владимир Ильич»), не были возвращены Советскому правительству. В Англии остались: захваченный еще в 1918 г. англичанами крейсер «Аскольд»; крейсер «Варяг», ожидавший в Англии ремонта с 1917 г. и проданный после гражданской войны бывшим русским военно-морским атташе в Лондоне на слом; миноносцы «Властный» и «Грозовой»; посыльные суда «Млада», «Рассвет» и «Порыв», шедшие перед Октябрьской революцией в Россию после переоборудования и ремонта, первое — из Италии, а два последних — из США. При этом «Млада» уже в 1920 г. числилась в составе английского флота под названием «Элекрити» и служила яхтой и посыльным судном командующего английским флотом в китайских водах, а «Рассвет» под названием «Сэпрайз» — яхтой и посыльным судном командующего английским флотом в Средиземном море. Из числа тральщиков, захваченных англичанами во время Гражданской войны, четыре тральщика (Т13, Т14, Т16 и Т17) находились в составе английского флота вплоть до Второй Мировой войны. Ледокол «Микула Селянинович» был продан в Шёрбурге Канаде за 3228 тыс. франков. Два ледокола — «Козьма Минин» и «Илья Муромец» — были в 1928—1929 гг. переоборудованы в минные заградители и вошли в состав французского флота под названиями «Кастор» и «Поллукс». Посыльное судно

«Злата» осталось во Франции, где оно проходило переоборудование, а посыльные суда «Восход» и «Рогдай» (б. ледокольный пароход) и тральщики Т43, Т44 и Т45 — в Америке. Судьба их неизвестна.

Состояние судов флотилии СЛО после освобождения Советского Севера оставляло желать много лучшего. Мировая, а затем Гражданская война при почти полном отсутствии серьезных ремонтных средств у флотилии, а также варварское хозяйничанье белогвардейцев и «союзников» привели суда флотилии к полному упадку. Советскому командованию пришлось создавать морские силы на Севере из судов, оставшихся после бегства белогвардейцев. При этом были использованы как наиболее пригодные военные суда, так и имевшиеся ледоколы.

Приказом от 26 июня 1920 г. был определен следующий состав «Морских сил Северного моря»:

1. Морской отряд.
2. Речная флотилия.
3. Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана.
4. Гидрографическая экспедиция Белого моря.
5. Дирекция маяков и лоции Белого моря.
6. Суда береговой обороны Мурманского района.
7. Водолазно-спасательная партия.

В морской отряд вошли: линейный корабль «Чесма», вспомогательные крейсера «Лейтенант Дрейер» (б. ледокол «Иван Сусанин»), «Лейтенант Шмидт» (б. ледокол «Князь Пожарский»), «III Интернационал» (б. ледокол «Канада»), крейсера-заградители (б. посыльные суда) «Ярославна», «Горислава» и «Соколица», эскадренные миноносцы «Капитан Юрасовский» и «Лейтенант Сергеев», подводная лодка «Коммунар» (б. «Св. Георгий»), восемь сторожевых катеров, два катера (Р5 и Р8), два тральщика (Т15 и Т24) и моторная яхта «Светлана».

В «Береговую оборону Мурманского района» входили семь сторожевых катеров, четыре тральщика и два парохода, а в гидрографические экспедиции и «Дирекцию маяков и лоции Белого моря» — гидрографические суда, пароходы, катера и несколько бывших тральщиков.

С окончанием Гражданской войны непригодные к службе и устаревшие суда были исключены из строя, а остались главным образом гидрографические суда. Ледоколы же были переданы торговым портам.

СЕВЕРНАЯ АРМИЯ

Меньшевистско-эсеровское большинство Мурманского совета 02.03.1918 заключило с Антантой соглашение для высадки десанта в районе Мурманска. Прикрытием этого служил призыв к союзникам «защитить Север от вторжения немецких полчищ». В Мурманске 06.03.1918 с кораблей Англии и Франции началась высадка десантов английских, американских, итальянских войск. К ним присоединялись также контрреволюционно настроенные и желавшие скорее выбраться в Европу сербы, чехи, поляки и другие, бежавшие в Мурманск из других районов России. К 06.1918 в Мурманске сосредоточилось уже 8000 человек иностранных войск под командованием генерала Пуля. Отряд интервентов под командованием полковника Лаундсона 03.07.1918 захватил Кемь. С 06.07.1918 эсеровско-меньшевистское большинство Мурманского совдепа с согласия и с помощью интервентов начало создавать славяно-британский легион (русские офицеры и солдаты, согласившиеся перейти на службу англичан) и усилило темпы формирования русской Мурманской Добровольческой армии, которую еще 01.05.1918 начал создавать генерал-майор Звегинцев (2000 добровольцев, в основном — офицеры). 10.07.1918 интервенты

вместе с белыми из Мурманской Добровольческой армии захватили Сороку, 20.07.1918 — заняли Соловецкие острова, 31.07.1918 — Онегу. К 08.1918 войска интервентов насчитывали более 17 000 (8000 — англичане; 5000 — американцы; около 700 — французы, 1300 — итальянцы; 1200 — сербы и другие более мелкие части); в Мурманской армии — около 5000 добровольцев.

К этому времени 02.08.1918 в результате контрреволюционного мятежа, руководимого капитаном 2 ранга Чаплином, в Архангельске с помощью Антанты и непосредственно английского генерала Пуля Ф. была свергнута власть Советов и образовано Верховное управление Северной области во главе с «народным социалистом» (с 09.1918 — членом Уфимской директории) Н.Н. Чайковским В тот же день в Архангельске начали высаживаться десанты интервентов.

Одновременно (до 02.08.1918) в районе Архангельска формировались белогвардейские отряды, которые объединялись в более многочисленные войсковые соединения, а после высадки англо-американского десанта в Архангельске начали формироваться полки. 06.09.1918 капитан 2 ранга Чаплин Г.Е. возглавил все белогвардейские войска в районе Архангельска. Однако англичане посчитали Чаплина непригодным для руководства борьбой против начинающей наращивать силы Красной армии (6-я армия А. А. Самойло) и 03.11.1918 заменили его полковником Н. А. Дуровым. В период командования генерал-майора Пуля и генерал-майора Звегинцева Мурманская Добровольческая армия провела ряд успешных наступательных операций, захватив несколько стратегически важных опорных пунктов, в том числе 01.07.1918 — Сороку, 03.07.1918 — Кемь, 31.07.1918 — Онегу, а также ряд других городов и селений. Основной силой в это время были войска интервентов (англичане, американцы, итальянцы, французы, славяне), так как славяно-британские легионы и русские отряды почти все находились еще в стадии формирования. И все же к

09.1918 эти войска, ведя бои, продвинулись на 300 километров по 3 основным направлениям

«Северо-Двинскому» — бассейн Северной Двины, в направлении Котласа и Вятки (7000 штыков);

«Железнодорожному», в направлении Вологды, вдоль железной дороги Архангельск — Вологда (13 000 штыков);

«Петрозаводскому», в направлении к Петрозаводску, вдоль железной дороги Мурманск — Петрозаводск (6000 штыков).

К 09.1918 в районе Архангельска образовалась войсковая группа общей численностью около 5000 человек, включая славяно-британский легион, аналогичная созданной в Мурманске Добровольческой армии.

Таким образом, к 01.10.1918 в районе Мурманска и Архангельска образовалась группировка общей численностью около 20 000 солдат. 19.11.1918 в командование русской части этой группы вступил генерал В. В. Марушевский. Получив полномочия и должность командующего русскими войсками в Северной области, он имел под своим началом войска Северной области — чаще именуемые Северной армией. С образованием Северной армии все военные части, отряды и более крупные формирования вошли в ее состав, и в том числе: Мурманская Добровольческая армия (генерал-майор Звегинцев, 5000) и Архангельская группа (полковник Дуров) — около 5000. При этом в рамках Северного фронта Мурманская и Архангельская группы часто именовались как войска Мурманского и Железнодорожного (Архангельского) районов.

Общее командование созданным 11.1918 новым Северным фронтом осуществлял английский генерал Айронсайд, сменивший генерал-майора Пуля.

В состав Северного фронта вошли войска Северной армии (генерал Марушевский) и английский экспедиционный корпус.

К 04.1919 в состав Северной армии входили следующие войска:

Войска Мурманского района (Мурманская Добровольческая армия), 01.06—06.1919 (генерал Н. И. Звезгинцев, 05.11.1918; полковник Л. В. Костанди, 11.1918—06.1919).

5-я Северная стрелковая бригада,
6-я Северная стрелковая бригада (генерал Иванов),
2-й Северный стрелковый полк (полковник М. М. Чарковский),
9-й Северный стрелковый полк (полковник Бродянский),
11-й Северный стрелковый пол,
12-й Северный стрелковый полк,
13-й Северный стрелковый полк (полковник, барон К. П. Рауш фон Траубенберг).

Войска Железнодорожного района (Архангельского направления) 1.04.1919—02.1920 (полковники Акутин, 04—06.1918; А. Данилов, 07.1919; генерал-лейтенант Н. А. Клюев, 08.1919; генерал-майоры А. А. Мурузи, 09—11.1919; Б. Н. Вуличевич, 11.1919—02.1920).

3-й Северный стрелковый полк (войсковой старшина П. А. Дилакторский, полковник, князь А. А. Мурузи; Б. Н. Вуличевич, Акутин, Постников; 07.02.1920 полк разложился, взбунтовался и дезертировал).

6-й Северный стрелковый полк (подполковники Акутин, 03—08.1919; А. П. Глебовский, 09.1919—02.1920).

3-й и 6-й Северные стрелковые полки 30.05.1919 объединены в 3-ю Северную стрелковую бригаду.

В состав войск Железнодорожного с 30.10.1919 вошли войска Селецкого района и Архангелогородский стрелковый полк.

Войска Железнодорожного района совместно с войсками Онежского района 01—02.1920 при попытке прорваться к Мурманску и финской границе попали в окружение и взяты в плен.

Войска Онежского района, 03.03.1918—02.1920 (полковник Михеев И. И., 03—08.1918; генерал Замшин В.И., 29.08—02.1920).

Отдельные батальоны и партизанские отряды слиты в Онеге 14.05.19 в 5-й Северный стрелковый полк (подполковник Михеев И. И.) и 15-й Северный стрелковый полк (полковник Линсон И.-С. Ф.)

Войска Онежского района 01—02.1920 при попытке вместе с войсками Железнодорожного района прорваться к Мурманску и финской границе в районе Сорочи попали в окружение и взяты в плен.

Войска Двинского района, 03.03.1919—19.02.1920 (полковник князь А. А. Мурузи, 03—09.1919; полковник И. Д. Данилов, 25.09.1919—19.02.1920).

4-й Северный стрелковый полк

7-й Северный стрелковый полк

Особый Шенкурский батальон (капитан С.И. Воробьев, сформирован 10.1918 из восставших крестьян).

30.05.1919 в Холмогорах полки были объединены во 2-ю Северную стрелковую бригаду. Войска Двинского района капитулировали 19.02.1920.

Войска Мезенско-Печорского района, 03.03.1918—10.07.1919, созданы на базе отряда полковника Шапошникова; объединяли Важский, Чублажский, Койнацкий и Печорский боевые участки (генерал-майор Д.Д. Шапошников, 03.03—10.07.1919) в составе 10 рот.

10.07.1919 разделены на войска Мезенского (11.08.1919 влиты в Пинежско-Мезенский район) и войска Печерского района.

Войска Печерского района, 10.07.1919—02.1920 (полковник Виктор Ахаткин) в составе 4 рот.

Войска Пинежско-Мезенского района, 03.03.1919—02.1920. Сформированы на базе войск (партизанские

отряды капитана Акутина и 2-го отдельного батальона) Пинежского района (войсковой старшина П. А. Дилакторский, 03.03—07.07.1919; генерал-лейтенант П. П. Петренко, 07.07.1919—02.1920).

Войскам Пинежско-Мезенского района с 07.07.1919 были подчинены войска Мезенско-Печорского района, которые с 11.08.1919 вошли в состав его войск.

1-й Северный стрелковый полк (генерал-майор И. Я. Шевцов, 04.1918—03.1919).

8-й Северный стрелковый полк (капитан Акутин, 03.1918—07.1919; подполковники Бродянский, 08—11.1919; И.-С. Ф. Линсен, 11.1919—02.1920).

10-й Северный стрелковый полк (полковник В. Ахаткин).

Войска района вели боевые действия в долинах Печоры (основная масса войск), Пинеги, Мезени. 02.1920 в полном составе взяты в плен.

Особый Вычегодский Добровольческий Отряд, 09.1919—02.1920. Основой Особого Вычегодского отряда (половник Бараев, 09.1919—02.1920) являлся 14-й Северный Вычегодский стрелковый полк (штабс-капитан А. О. Прокушев, 11.1919—02.1920), который был сформирован 03.10.1920 на базе первоначального Добровольческого отряда (капитан, с 10.1919 — подполковник Н. П. Орлов, 09—11.1919) путем его переформирования в этот кадровый полк.

В целом в состав Северной армии входило 6 войсковых районов, включавших 15 Северных стрелковых полков и 4 славяно-британских легиона.

Содержание

<i>От издателя</i>	5
--------------------------	---

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРЕ

Владимир Марушевский

БЕЛЫЕ В АРХАНГЕЛЬСКЕ

1918 г.	11
1919 г.	91
Послесловие	222

Северин Добровольский

БОРЬБА В СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Глава I	226
Глава II	231
Глава III	243
Глава IV	247
Глава V	250
Глава VI	256
Глава VII	261
Глава VIII	271
Глава IX	278
Глава X	288
Глава XI	297
Глава XII	307

Борис Соколов

ПАДЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Введение	316
I. Союзники	318
II. Генералитет, офицерство и солдаты	335

II. Население. Его настроения	350
IV. Генерал Миллер и правительство	358
V. Демократия. Ее позиции	365
VI. Из жизни фронта	377
VII. Моя деятельность	387
VIII. Земское собрание. Формирование нового правительства	390
IX. Защита области и вопросы эвакуации	396
X. В правительстве. Последние дни области	402
XI. Бегство или эвакуация	410
XII. Во льдах Белого моря	415
XIII. Судьба фронта	421
XIV. Большевики в Архангельске	427
XV. Иоханга	429

РЕЧНАЯ ФЛОТИЛИЯ

СЕВЕРО-ДВИНСКАЯ ФЛОТИЛИЯ

1918–1919 г.

Часть I.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ В 1918 г. 435

Часть II.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ В 1919 г. 471

Заключение

544

Николай Залесский

ФЛОТИЛИЯ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

550

Приложение

СЕВЕРНАЯ АРМИЯ

565